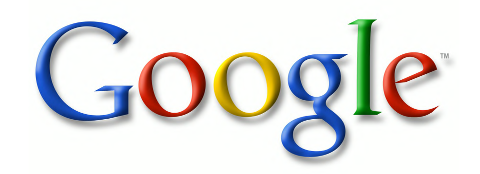
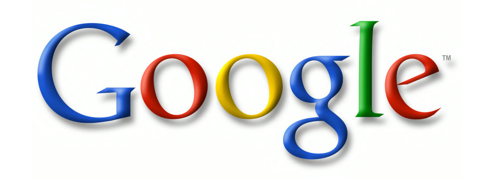




STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

СБОРНИКЪ

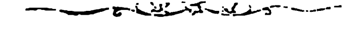
СТАТЕЙ,

НАПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ РАЗНЫХЪ ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЯХЪ

ПО СЛУЧАЮ КОНЧИНЫ

И. С. АКСАКОВА

(† 27-го Января 1886 года.)



МОСКВА.
Типографія Л. Ѳ. Снегирева. Остоженка, Савеловскій пер., д. Снегиревой.
1886.

(108).

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

СЛОВА И РѢЧИ.

II.

ХАРАКТЕРИСТИКИ, МНѢНІЯ И ОТЗЫВЫ.

III.

НЕКРОЛОГЪ И ВОСПОМИНАНІЯ.

IV.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ПАННИХИДЫ и ЗАСѢДАНІЯ УЧРЕЖДЕНІЙ И ОБЩЕСТВЪ.

V.

СТИХИ.

VI.

ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ и ДРУГИХЪ ИНОСТРАННЫХЪ ГАЗЕТЪ.

VII.

ТЕЛЕГРАММЫ, ПИСЬМА И СТАТЬИ, ПОЛУЧЕННЫЯ ВДОВОЙ И. С. АКСАКОВА.

I.

СЛОВА И РѢЧИ.

Рѣчь сказанная въ Рижскомъ каѳедральномъ соборѣ преосвященнымъ Донатомъ, епископомъ Рижскимъ и Митавскимъ, предъ панихидою по почившемъ Иванѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ. *)

Скончался печальникъ земли Русской объ исполненіи ея историческихъ завѣтовъ внутри и внѣ ея предѣловъ, объ ея современныхъ нуждахъ, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ!

Скончался печальникъ Славянства въ его поискахъ за своею историческою судьбою, въ его порывахъ къ возстановленію своей славянской личности въ убѣжденіяхъ, въ наукѣ, въ общежитіи, въ языкѣ, въ гражданскомъ строѣ жизни!

Умолкъ вѣщій голосъ, которому охотно внимали всѣ истинно-русскіе люди во время общественной радости и печали.

Погасъ маякъ здраваго народнаго самосознанія, руководившій его нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій среди тумана заблужденій и волненій противонародной мысли и жизни.

Оставилъ поприще достойный вождь истинныхъ любителей Славянства (славянофиловъ), достойный истолкователь высокихъ идеаловъ, наслѣдникъ драгоцѣнныхъ сокровищъ знанія своихъ учителей и сотрудниковъ: Хомякова, Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ,

*) Изъ № 25 «Рижскаго Вѣстника».

Самарина, Гильфердинга и другихъ въ высокомъ полетѣ ихъ мысли, всецѣло владѣвшей всею мудростію современной имъ науки и жизни. Почилъ обладатель и истолкователь ихъ тайны мирныхъ и дружныхъ отношеній вѣры и знанія, человѣческаго разума и Божіей истины.

Оставилъ свою земную службу вѣрный слуга Русскаго Царя, ревностный защитникъ Его Самодержанія, мудрый истолкователь его идеала, освященнаго Богомъ, сохраненнаго историческимъ подвигомъ Русскаго народа и завѣщаннаго ему въ роды родовъ до скончанія его историческаго вѣка, какъ зиждительное начало государственной жизни Россіи.

Отошелъ въ другой міръ истинный сынъ Православной Церкви, всю жизнь свою одушевленный твердою вѣрою въ ея животворное, творческое вліяніе на личную, семейную, общественную гражданскую жизнь и историческое призваніе Русскаго народа среди другихъ народовъ. Только искренняя смѣлость вѣры почившаго Ивана Сергѣевича въ неодолимую твердость Церкви Православной среди полной свободы нападеній на нее увлекала его дальше благоразумія тѣхъ родителей, которые не позволяютъ себѣ полной свободы въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ предъ несовершеннолѣтними своими дѣтьми изъ опасенія вреднаго для дѣтей соблазна и колебанія ихъ дѣтскихъ понятій. Только увѣренность почившаго въ несокрушимомъ могуществѣ Церкви Православной, по обѣщанію ея Основателя, и ревность объ ея славѣ и всеобъемлющемъ вліяніи на жизнь людей скрывали отъ него неизбѣжныя жертвы и гибель слабыхъ въ вѣрѣ людей отъ смѣшенія въ ихъ мысляхъ свободы нападенія и борьбы заблужденій противъ Православной Церкви съ мнимымъ неуваженіемъ оной, такія жертвы находили бы для себя оправданіе въ самой свободѣ заблужденій, какъ бы признаніи ихъ за истину.

Скажемъ, наконецъ, замолкъ сильный и искренній помощникъ и защитникъ во всякой нуждѣ, во всякой обидѣ голосомъ своей „Руси“, откуда бы ни обращался правдивый голосъ и вопль о народной нуждѣ или обидѣ, наносимой пренебреженіемъ закона или нарушеніемъ его вмѣсто охраны именемъ закона правъ и свободы жизни, неслись ли эти голоса и вопли отъ Владивостока до береговъ Балтійскаго моря и отъ Туркестана до Ледовитаго Океана необъятной Россіи. А нужды и скорби нашей окраины пользовались преимущественнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ

Ивана Сергѣевича, и потому наша утрата съ его кончиною почувствуется тяжелѣе чѣмъ гдѣ-либо.

Кто станетъ теперь отзываться съ такимъ горячимъ сочувствіемъ и помощію, какъ отзывался Иванъ Сергѣевичъ къ нуждамъ Славянства, его учрежденій, его юношей и его борцовъ за свою славянскую нравственную и политическую самобытность?

Чей одушевленный голосъ, равный по силѣ и вліянію голосу Ивана Сергѣевича, призоветъ Москву и всю Россію къ жертвамъ на помощь нуждѣ общественной и церковной?

И такъ, почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ русскій православный человѣкъ, И. С. Аксаковъ, много совершившій добра въ жизни своей! Но, какъ и всѣ нужные русскіе люди, Иванъ Сергѣевичъ почилъ, по человѣческому разумѣнію, въ такое время, когда онъ наиболѣе нуженъ былъ для русскаго и славянскаго дѣла. Покоримся всеблагой и премудрой волѣ Божіей, уставляющей предѣлы жизни человѣку.

Чѣмъ же мы, возлюбленные сыны Россіи, возблагодаримъ Господа и помянемъ почившаго раба Божія, Ивана Сергѣевича, за то утѣшеніе, что мы имѣли болѣе четверти вѣка такого многополезнаго и искренняго слугу Россіи и ея Государя, и истиннаго сына Православной Церкви? Будемъ подражать и одушевляться примѣромъ жизни Ивана Сергѣевича въ нашемъ служеніи Россіи, Государю и Церкви Православной.

Будемъ молиться о душѣ почившаго раба Божія Іоанна, не прервавшаго съ нами общенія, какъ члена Православной Церкви, съ переходомъ въ другую жизнь: да успокоитъ Господь его духъ, жаждавшій на землѣ правды, въ обители своей вѣчной правды и мира.

Рѣчь при поминовеніи Ивана Сергѣевича Аксакова, сказанная въ Гродненскомъ Софійскомъ соборѣ 30 января преосвященнымъ Анастасіемъ, епископомъ Брестскимъ. *)

Мы собрались помянуть скончавшагося три дня тому назадъ Ивана Сергѣевича Аксакова. Нужно ли объяснять что̀ это за человѣкъ былъ? Его знаетъ не одна Москва, это сердце Россіи,

*) Изъ № 6 «Литовскихъ Епарх. Вѣдомостей».

въ которомъ онъ былъ самымъ живымъ нервомъ,—его знала вся Русская земля, весь Славянскій міръ. Европа знала этого замѣчательнаго русскаго человѣка, какъ одного изъ главныхъ носителей и лучшихъ выразителей идеи братства всѣхъ Славянскихъ народовъ, какъ сильнаго борца за народныя начала въ русской жизни. Въ борьбѣ за эти начала онъ проявился какъ личность, поистинѣ, свѣтлая, какъ звѣзда своего рода, свѣтъ которой былъ путеводнымъ свѣтомъ для ума русскаго чловѣка и отраднымъ для его сердца. Знала Ивана Сергѣевича и Православная Церковь, которую онъ чтилъ какъ вѣрный ей сынъ, и которой служилъ, какъ можетъ служить Церкви просвѣщенный міранинъ, ревнующій о ея благосостояніи.

Всѣ эти качества покойнаго Ивана Сергѣевича Аксакова были особенно цѣнны въ наше смутное время, какое переживалъ весь Славянскій міръ вообще и въ частности Русскій міръ.

Когда мусульманство давило православныхъ Славянъ, кто тогда сильнѣе Ивана Сергѣевича могъ сказать слово за угнетенныхъ? Кто живѣе его могъ пробудить на Руси и родственное чувство, и чувство христіанскаго состраданія къ несчастнымъ? Кто лучше его могъ выяснить значеніе братскаго союза между Славянскими племенами для ихъ настоящаго и будущаго? Онъ былъ своего рода пророкъ въ Славянскомъ мірѣ, пророкъ и утѣшающій, ободряющій страдальцевъ - Славянъ, и сильно обличающій неправды Западной Европы, хищныя стремленія ея лукавой политики, ищущей поживы въ земляхъ Славянскихъ, облитыхъ кровію. И не стало этого пророка, замолкли вѣщія уста, говорившія такія рѣчи, которыми трогались и жестокія сердца!

Когда нашу Русь обуяло какое-то недовольство всѣмъ своимъ роднымъ; когда у насъ стали безъ разбора, огуломъ, хулить все свое русское, не отличая притомъ хорошаго отъ худаго; когда это недовольство у многихъ развилось до неспособности замѣчать въ окружающей жизни и выдающихся явленій добра, и дошло до страсти раскрывать только язвы русской жизни, находить какое-то удовольствіе въ самопоруганіи; когда наши русскіе поклонники Запада возревновали о пересадкѣ на русскую почву иноземнаго и съ пренебреженіемъ къ своему родному русскому, какъ къ чему-то отжившему и нездоровому, стали искать спасенія во всякой иноземщинѣ: кто тогда тверже Ивана Сергѣевича отстаивалъ русское національное достоинство? Кто трезвѣе его

смотрѣлъ на русскую жизнь,—вѣрнѣе отличалъ въ ней хорошее отъ дурнаго, здоровое отъ больнаго и отжившаго? Кто живѣе его могъ изобразить ту уродливость, какая появлялась въ русской жизни отъ насильственныхъ приставокъ къ ней чужеземнаго, несвойственнаго духу русскаго человѣка? Кто убѣдительнѣе Ивана Сергѣевича могъ говорить о значеніи національныхъ началъ для русской жизни, объ уваженіи къ святымъ завѣщаніямъ ея исторіи? Кто выразительнѣе его могъ высказать думы русскаго человѣка, его радости и скорби въ важные историческіе моменты, какіе мы переживали? Кто-то, не помню, высказалъ такую мысль, весьма вѣскую для оцѣнки Аксакова: „я сильнѣе чувствую себя русскимъ человѣкомъ и довольство тѣмъ, что я Русскій вотъ въ какихъ случаяхъ: когда въ церкви слышу древне-церковную мелодію священныхъ славянскихъ пѣснопѣній,—когда слышу въ широкомъ полѣ задушевную русскую народную пѣсню, и когда читаю рѣчи Аксакова о нашихъ русскихъ дѣлахъ“. И не стало русскаго народнаго оратора, умѣвшаго гармонически соединять въ своей рѣчи общечеловѣческое съ національнымъ, церковное съ житейскимъ, не стало русскаго народнаго трибуна-златоуста! Кто же идетъ, въ замѣнъ его, на его опустѣвшую каѳедру и будетъ говорить намъ такія рѣчи? Не видно.... Каѳедра его, извѣстная всѣмъ „Русь“, кажется, навсегда опустѣла съ той минуты, какъ сокрушилось и перестало биться навсегда сердце вѣщавшаго на ней народнаго витіи!

Когда у насъ на Руси научились краснорѣчиво говорить и писать; когда для многихъ чтеніе стало не школой для мышленія и для пріобрѣтенія полезныхъ знаній, а только пріятнымъ развлеченіемъ, убивающимъ способность серіозно думать объ окружающей насъ жизни; когда притомъ книгу мы возвели въ должность главнаго руководителя въ жизни; когда мы привыкли вычитанныя, чужія мысли выдавать за свои собственныя; когда такимъ путемъ привыкли къ фразѣ и научились искусству прикрывать ею свой собственный образъ мыслей и чувствъ или отсутствіе ихъ; когда у насъ развилась обширная торговля печатнымъ словомъ объ общественныхъ дѣлахъ, причемъ открылись мелочныя лавки, гдѣ, наравнѣ съ литературнымъ хламомъ, нерѣдко измѣннически продается и святая правда за рубли и копѣйки: тогда, не правда ли?—становится величайшею драгоцѣнностью— слово глубоко обдуманное, выношенное въ умѣ, самостоятельно

и заботливо помышляющемъ объ общемъ благѣ, и въ сердцѣ, горячо любящемъ родину,—слово серіозное, правдивое, честное. Такое слово особенно цѣнно бываетъ, когда событія, касаясь важныхъ общественныхъ интересовъ, возбуждаютъ въ народѣ заботливыя думы, глубоко затрогиваютъ его чувство, а между тѣмъ вожди общественной мысли либо неискренно фразируютъ, либо вяло и темно толкуютъ, не давая серіознаго, искренняго и сильнаго слова. Вотъ въ такіе-то моменты часто слышалось у насъ: „что-то скажетъ нашъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ?" И онъ говорилъ, не обинуясь говорилъ въ подобные моменты такое слово, для котораго нужно не только умѣнье сильно говорить правду, но и мощное гражданское мужество. И не стало этого самобытнаго, искренняго, правдиваго писателя и мужественнаго гражданина, котораго уважали и враги его!

Когда у насъ усилился обычай браться за науку—не столько для того, чтобы образовать изъ себя человѣка, мыслящаго и чувствующаго истинно по человѣчески, сколько для того, чтобы добиться права на извѣстное положеніе съ удобствами; когда самое образованіе у многихъ получило характеръ выучки для обыденныхъ практическихъ цѣлей; когда въ образованіи многіе стали болѣе всего цѣнить выгодныя спеціальности, предпочитая ихъ общему образованію; когда спеціальности для многихъ посвятившихъ имъ себя стали тѣмъ же, чѣмъ, напримѣръ, сталъ для плотника топоръ: тогда у насъ развелось множество спеціалистовъ, свѣдущихъ въ своей узкой области знаній, но не имѣющихъ того, чтó называется образованіемъ въ высшемъ, христіанскомъ смыслѣ этого слова. Образованіе, понимаемое въ такомъ смыслѣ, непремѣнно предполагаетъ у человѣка истинно-образованнаго цѣльное и правильное міровоззрѣніе, съ опредѣленными понятіями по главнѣйшимъ вопросамъ жизни и бытія; а такой-то основы образованія и нѣтъ нынѣ у многихъ, долго учившихся разнымъ спеціальностямъ. Эта ученая дробность въ наше время весьма усилилась и часто доходитъ до умственной и нравственной легкости, которая и сама себѣ не можетъ дать отчета—какого міровоззрѣнія держится она; а между тѣмъ она даже и гордится иногда тѣмъ, что не имѣетъ никакого опредѣленнаго міровоззрѣнія, признавая отсутствіе этой основы образованія за лучшій признакъ здраваго ума съ „реальнымъ направленіемъ"! Такихъ людей у насъ теперь очень много. Съ ними можно прожить цѣлые годы

и все-таки не узнать: во что они вѣруютъ, что составляетъ завѣтную святыню ихъ души? Это личности безличныя, это умственныя и нравственныя потемки! Среди такого темнаго безличія, не правда ли?—отрадно встрѣтить личность, свѣтлую личность— и по образу мыслей и по образу жизни, съ опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ, съ вѣрою намѣченными и твердо поставленными цѣлями жизни, что бываетъ только у разумно вѣрующаго христіанина. Такою, поистинѣ свѣтлою личностію и былъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Это былъ истинный христіанинъ, не стыдившійся признавать Православную Церковь своею матерію, тогда какъ весьма многіе изъ современныхъ такъ-называемыхъ образованныхъ людей признаютъ какъ бы недостойнымъ образованнаго человѣка вѣровать и жить по церковному! Для многихъ изъ таковыхъ— придти въ церковь значитъ не то что исполнить свой святой долгъ, а сдѣлать какъ бы уступку общему и старому обычаю, сдѣлать снисхожденіе и какъ бы одолженіе кому-то!... А Иванъ Сергѣевичь Аксаковъ считалъ за счастіе и за величайшую честь принадлежать Православной Церкви и служить ей и словомъ и дѣломъ. Слѣды своего служенія Православной Церкви онъ оставилъ и въ здѣшнемъ краѣ: онъ былъ однимъ изъ величайшихъ ревнителей укрѣпленія православія и русской народности въ этой странѣ въ ту пору, когда она была взволнована извѣстнымъ мятежомъ. Мы помнимъ это время, когда Иванъ Сергѣевичъ, съ ревностію достойною истиннаго христіанина и вѣрнаго своей родинѣ гражданина, служилъ благу этой страны; помнимъ, когда среди тогдашней смуты онъ являлся здѣсь не въ одномъ только своемъ „Днѣ“, прогонявшемъ мракъ іезуитства и полонизма, воодушевлявшемъ къ борьбѣ съ ними, но и въ благотвореніяхъ для пострадавшихъ отъ этихъ язвъ здѣшняго края.

Вотъ какого человѣка опускаетъ въ могилу Русская земля! Помолимся, братіе, да упокоитъ Господь душу раба своего Іоанна въ царствіи небесномъ — послѣ его честныхъ и благотворныхъ трудовъ для православнаго Русскаго царства и для всего православнаго Славянства.

Слово сказанное въ Виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ настоятелемъ Пречистенскаго собора, протоіереемъ I. А. Котовичемъ. *)

Помните, братіе, трудъ нашъ и подвигъ (1 Сол. 2, 9.)

Точно громъ съ высоты безоблачнаго неба поразило всѣхъ насъ глубоко-печальное извѣстіе о неожиданной кончинѣ незабвеннаго Ивана Сергѣевича Аксакова. Мощный организмъ уступилъ силѣ болѣе мощнаго духа, и лучшій гражданинъ и печальникъ земли Русской сошелъ въ могилу, повергши въ глубокій трауръ не однихъ только близкихъ и знавшихъ его людей. Его гробъ и свѣжую могилу горько оплачутъ — вся Россія, весь Славянскій міръ и всѣ образованные люди, для которыхъ честное и неподкупное слово, сила и твердость убѣжденія, неутомимая борьба съ ложью, любовь къ правдѣ, чистая, безпристрастная любовь къ родинѣ, къ Русскому народу и Славянству, преданность вѣрѣ, Церкви и идеѣ самодержавной царской власти—не пустыя фразы, а духъ и жизнь. То уваженіе, съ которымъ встрѣчалось каждое его живое слово, то благоговѣніе, съ какимъ оно прочитывалось и передавалось изъ устъ въ уста, тотъ необыкновенно обширный, ясный и основательный умъ, съ какимъ онъ съ легкостью анатома отсѣкалъ ложь отъ истины и возводилъ и ставилъ истину на подобающую ей высоту, та замѣчательная и рѣдкая способность жить въ данное время чувствами и думами народными, предугадывать ихъ, воплощать ихъ въ прекрасной формѣ слова, отчего каждый соотечественникъ, читавъ его слова, читалъ какъ бы завѣты своей души и находилъ въ нихъ источникъ утѣшенія, бодрости и возвышенія духа среди радостей и печалей народной жизни, та смѣлая прозорливость, съ какою онъ раздвигалъ завѣсу будущаго и такъ вѣрно прозрѣвалъ грядущія событія и ихъ послѣдствія, — ставятъ его въ ряду замѣчательнѣйшихъ дѣятелей пера и слова въ нашемъ отечествѣ. Его трудъ и духовные подвиги не сойдутъ съ нимъ въ могилу; они живы

---

*) Изъ № 5 «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей».

и будутъ жить въ сознаніи народномъ, будутъ приносить добрые плоды и изъ рода въ родъ будутъ вызывать память объ ихъ творцѣ и лучшемъ выразителѣ, который такъ талантливо сумѣлъ идеалы народной жизни влить въ общественную жизнь живою струею. Конечно, намъ, современникамъ, да еще при такомъ внезапномъ удручающемъ душу событіи, трудно оцѣнить заслуги и значеніе дѣятельности покойнаго Ивана Сергѣевича для Россіи и для Славянства; безъ сомнѣнія, друзья и почитатели, окружая гробъ народолюбца, многое скажутъ о немъ въ наше назиданіе, но полная оцѣнка жизни почившаго патріота принадлежитъ всетаки будущему времени.

Слѣдуя заповѣди Апостола помнить труды и порвиги дѣятелей, мы скажемъ нѣсколько слабыхъ словъ о дѣятельности Ивана Сергѣевича и, останавливая свой взоръ на трудахъ для подъема русскаго народнаго духа въ Западно-Русскомъ краѣ и для оживленія и возвышенія въ немъ православія, хоть нѣсколько освѣтимъ дѣятельность почившаго въ этомъ направленіи.

Иванъ Сергѣевичъ принадлежалъ къ счастливому семейству, нравственныя качества и умственныя дарованія членовъ котораго пользуются заслуженною общею извѣстностію. Въ средѣ семейной онъ получилъ тѣ задатки любви къ народу и началамъ его жизни, къ Россіи и служенію правдѣ, какіе развились въ немъ и воспитаніемъ и вліяніемъ знаменитаго въ исторіи развитія нашего самосознанія кружка славянофиловъ, центромъ котораго было семейство Аксаковыхъ. Этому кружку талантливыхъ людей, беззавѣтно преданныхъ своей родинѣ, путемъ самоотверженнаго труда надъ изученіемъ памятниковъ старины и условій быта и жизни Русскаго народа и единоплеменнаго Славянства посчастливилось возстановить живую связь нашего прошлаго съ настоящимъ, порванную реформами XVII в., найти въ исторіи Русскаго народа богатыя нравственныя силы, зиждущія жизнь народную и строй общества и государства и безъ пособія заграничныхъ разновидныхъ и вызванныхъ совершенно другими условіями историческои жизни тамошнихъ народовъ учрежденій. Любовь къ родной старинѣ и къ родному народу оживила память о единствѣ всѣхъ Славянъ и необходимости воскрешенія духовнаго единства въ возможной силѣ. Русскіе люди стали прислушиваться къ этому новому направленію въ русской исторической наукѣ, повѣрять его, почувствовали его правду—и ученіе славянофиловъ стало

нынѣ убѣжденіемъ всякаго истинно-русскаго человѣка и постепенно отражалось въ мѣропріятіяхъ зиждущей государственной силы, такъ что покойный И. С. Аксаковъ въ извѣстномъ, составленномъ имъ адресѣ въ Бозѣ почившему Государю Александру II могъ съ свойственною ему прямотою сказать, что въ „новшествахъ Твоего царствованія слышится намъ наша старина".

Иванъ Сергѣевичъ былъ лучшимъ, наиболѣе энергическимъ представителемъ славянофильства и самымъ дѣятельнымъ проводникомъ ученія онаго въ жизнь при содѣйствіи руководимой имъ періодической печати. Запасъ знаній, добытыхъ трудами своихъ предшественниковъ, онъ обогатилъ новыми свѣдѣніями путемъ личнаго опыта и изученія. Не отдавая себя служебнымъ обязанностямъ, но по временамъ принимая оныя на себя, онъ близко изучилъ бытъ старообрядчества, его вѣрованія и надежды, въ качествѣ ополченца совершилъ въ Крымскую войну походъ съ дружиною въ Бессарабію, былъ затѣмъ членомъ слѣдственной коммиссіи, возникшей послѣ этой войны, посѣтилъ Славянскія земли и изслѣдовалъ торговое и промышленное движеніе въ Украйнѣ и, въ связи съ онымъ, въ другихъ мѣстахъ нашего отечества. Эти стороны его дѣятельности дали ему массу свѣдѣній, и Иванъ Сергѣевичъ въ своихъ статьяхъ нерѣдко ссылался на нихъ, какъ на доказательства личнаго опыта и знанія.

Честное, правдивое и независимое слово Ивана Сергѣевича нерѣдко было источникомъ оживленной литературной борьбы и непріятностей; по временамъ умолкалъ его голосъ, но, казалось, затѣмъ только, чтобы съ большею еще силою раздалось его вѣщее и дорогое русскому сердцу слово. Долгъ и служеніе Россіи и Славянству онъ ставилъ выше всего, до самоотверженія; еще на дняхъ онъ высказалъ съ полною силою убѣжденія, что уже поздно и не подстать мѣняться ему въ возрѣніяхъ, и пока онъ держитъ перо въ рукахъ, оно будетъ все тѣмъ же независимымъ и искреннимъ, несомнѣнно истинно-патріотическимъ, какимъ оно было и есть, теперь и всегда. И это онъ исповѣдалъ съ такою силою и твердостію, когда здоровье его уже надломилось и смерть, какъ тать въ нощи, приближалась къ нему. Эта вѣрность русско-славянскимъ идеямъ, доказанная всею его жизнію, приковывала къ нему сердца людей русскихъ и Славянъ; сами враги отдавали ему дань уваженія. Въ его домѣ Славянинъ находилъ братскій привѣтъ и отдыхъ, и получалъ нравственное подкрѣпленіе и по-

мощь. Къ нему, Ивану Сергѣевичу, въ полное его распоряженіе, въ случаѣ нужды обильною струею лились значительныя пожертвованія, съ полнымъ довѣріемъ, что они въ рукахъ его дойдутъ по назначенію. Завидное довѣріе! Велика честь памяти почившаго!

Не забудетъ и Западно-Русскій край Ивана Сергѣевича! Нужно было имѣть много мужества и сознанія гражданскаго долга, чтобы такъ безстрашно возстать на защиту попранной и униженной русской народности и православнвй вѣры въ здѣшнемъ краѣ, какъ возсталъ Иванъ Сергѣевичъ въ 1861 и 1862 гг.—это время лихорадочной подготовки и организаціи польскаго мятежа, благодаря недальновидности и пагубному либерализму нашей администраціи. Всякій, кто бы смѣлъ только думать оказать противодѣйствіе дѣломъ или же заговорить о Западномъ краѣ какъ о русскомъ, а не польскомъ, могъ ожидать себѣ много непріятностей, угрозъ и бѣды отъ Поляковъ. Казалось, что русская печать и власть какъ бы сознательно отдали край нашъ въ порабощеніе врагамъ. Борьба и томленіе духа были велики и невыносимы; чувства эти испыталъ только тотъ, кто лично здѣсь пережилъ это тяжелое время. И вотъ, осенью 1861 г. появляется литературный органъ Ивана Сергѣевича „День". Съ свойственною ему прямотою онъ открыто исповѣдалъ великій грѣхъ русскаго общества и русскихъ ученыхъ — забвеніе про существованіе Бѣлоруссіи, обще-русскихъ основъ ея жизни и подвиговъ ея сыновъ; онъ прямо ставилъ вопросъ, что здѣшній народъ — Русскій народъ, господинъ и хозяинъ той земли, которую Поляки всюду прославили Польшей и этою ложью заслѣпили глаза русскому обществу; онъ убѣждалъ Бѣлорусовъ—представителей народа въ Западномъ краѣ—стряхнуть съ себя въ своемъ домашнемъ быту польскую рѣчь и польскіе обычаи, какъ символы позора и рабства польщизнѣ и какъ преграду къ возсоединенію съ остальною православною Россіею; онъ взывалъ къ русскимъ дѣятелямъ ни на минуту не забывать великое значеніе своего призванія въ странѣ сей — миссіонерство русской народности и православія. Его слова, исходившія изъ глубины сердца преданнаго Россіи, зажигали сердца читателей и давали силу ихъ мыслямъ и дѣламъ. Но Иванъ Сергѣевичъ былъ человѣкомъ не слова и языка только, а дѣла и истины. Ратуя за нашу окраину, онъ призвалъ къ участію въ борьбѣ лучшія силы въ краѣ, вдохнулъ

въ нихъ жизнь и любовь къ народу; масса свѣдѣній, корреспонденцій и ученыхъ трактатовъ, касающихся исторіи и бытовой жизни страны сей, находили сочувственный пріютъ въ его органѣ, который сотнями безплатно онъ распространялъ среди духовенства и образованныхъ людей. Оживленіе въ Западной Россіи было весьма велико; взоры мыслящихъ людей постоянно обращались къ Москвѣ, къ Аксакову: что́ думаетъ, что́ скажетъ онъ? Почти всѣ проекты преобразованій въ краѣ или проходили чрезъ его руки, или же не чужды были его указаній и косвеннаго вліянія. Православные храмы, братства при оныхъ, и въ частности здѣшнее Св.-Духовское, и церковныя школы находили въ немъ помощника и дателя. Онъ лично отъ себя дѣлалъ жертвы, записывался въ число братчиковъ во многихъ приходахъ, призывалъ къ тому своихъ близкихъ, знакомыхъ и сочувствующихъ его дѣятельности. Гдѣ видѣлъ или чувствовалъ вялость или боязливость въ дѣйствіяхъ,—просилъ, убѣждалъ, ободрялъ. Многіе десятки тысячъ денегъ, массы книгъ и церковной утвари явились въ пособіе мѣстнымъ скуднымъ средствамъ или же на покрытіе этой скудости. Вотъ вкратцѣ заслуги и значеніе незабвеннаго Ивана Сергѣевича для Западнаго края; главное, чего не забудетъ исторія — это озареніе сознанія русскихъ людей относительно западно-русской страны, ставшаго теперь непоколебимымъ.

Принесемъ же, братіе, низкій поклонъ и глубокую благодарность приснопамятному Ивану Сергѣевичу за всѣ его труды и подвиги рады славы и чести Россіи, ради счастія и мирнаго развитія Западно-Русскаго края. Вознесемъ къ престолу Всевышняго мольбы объ упокоеніи въ царствѣ славы и вѣчной правды его могучаго духа, не знавшаго отдыха и покоя ради любви къ Богу, Святой Церкви и отечеству, о прощеніи его грѣховъ, вольныхъ и невольныхъ, отъ которыхъ онъ, какъ человѣкъ, не былъ свободенъ. Будемъ молить Небеснаго Устроителя судебъ народовъ и жизни частныхъ людей, да вышлетъ Онъ на русскую ниву дѣятелей подобныхъ почившему. Много есть владѣющихъ перомъ и даромъ слова, но на видимомъ нами горизонтѣ общественной жизни—нѣтъ и не видится подобнаго незабвенному нашему Ивану Сергѣевичу Аксакову. Аминь.

Рѣчь произнесенная настоятелемъ Петропавловскаго собора въ г. Калишѣ, протоіереемъ В. Гурьевымъ, предъ панпихидою по И. С. Аксаковѣ *).

Приступая къ совершенію паннихиды о упокоеніи души новопреставленнаго раба Божія, болярина Іоанна Сергѣевича Аксакова, я не считаю нужнымъ объяснять вамъ, слушатели возрастные или болѣе или менѣе образованные, кто онъ былъ. О великомъ, народномъ значеніи его вы, конечно, имѣете понятіе и, безъ сомнѣнія, прочитали уже почти во всѣхъ ежедневныхъ изданіяхъ русской печати самые лестные и горячо-задушевные отзывы о немъ по поводу его неожиданной и преждевременной кончины. Да и кто же изъ Русскихъ, мало-мальски образованныхъ людей не зналъ Аксакова—этого замѣчательнаго патріота и безкорыстнаго защитника самобытности и самостоятельности народа Русскаго? Но вамъ, дѣти, воспитанники и воспитанницы нашихъ гимназій, я считаю полезнымъ расказать, хотя въ краткихъ словахъ: кто такой былъ приснопоминаемый Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ и чѣмъ онъ заслужилъ то, что его поминаютъ теперь во всей Россіи, и о немъ молятся вездѣ всѣ истинно-русскіе люди.

Покойный Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ не былъ ни князь, ни графъ, ни какой-нибудь знаменитый полководецъ или министръ, ни даже высокопоставленный, знатный чинами и положеніемъ человѣкъ; нѣтъ,—Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ былъ простой, прирожденный русскій дворянинъ, воспитанный въ благочестивой русской дворянской семьѣ и получившій основательное и многостороннее научное образованіе въ высшемъ учебномъ заведеніи. Почти тридцать лѣтъ, лучшихъ лѣтъ своей жизни, онъ посвятилъ литературному труду и общественнымъ дѣламъ, стараясь возбудить историческое самосознаніе въ Русскомъ народѣ, защищая всѣми силами его умственную и нравственную самобытность отъ всяческихъ иноземныхъ приращеній и искаженій. И вся его научно-литературная и общественная дѣятельность служитъ самымъ нагляднымъ и безспорнымъ доказательствомъ того, что онъ былъ человѣкъ ума глубокаго, характера непреклоннаго, сердца благо-

*) Изъ № 6 «Калишскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

роднѣйшаго; это былъ мужъ чести неподкупной и правды нелицемѣрной, гражданинъ небоязненно говорившій святую правду всѣмъ въ глаза и даже великимъ и сильнымъ міра сего,—за что неоднократно вынужденъ былъ испытать на себѣ самомъ всю тяготу Христовой заповѣди: *блажени изгнанніи правды ради; блажени есте, егда поносятъ вамъ, и изждекутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы, лжуще, Мене ради...*

Обладая несомнѣнно самымъ многостороннимъ научнымъ образованіемъ, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ личностію самою высоконравственною: онъ былъ прекрасный семьянинъ, честнѣйшій общественникъ, вѣрный другъ, достойный противникъ, благороднѣйшій человѣкъ!

Будучи человѣкомъ несомнѣнно высоконравственнымъ, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ горячо и беззавѣтно любилъ свой родной Русскій народъ; своимъ на все отзывчивымъ сердцемъ онъ жилъ одною жизнію съ народомъ, радовался его радостями и скорбѣлъ всякимъ народнымъ горемъ-злосчастьемъ. Любя всѣмъ сердцемъ свой Русскій народъ, онъ всецѣло и всеподданнѣйше былъ преданъ и своему Русскому Царю-Самодержцу. Слава Царя, честь отечества и благо народа — вотъ тѣ основныя начала, которыя проповѣдывалъ онъ во всю свою жизнь и которыя составляли все существо его прекрасной души, его многополезной общественно-литературной дѣятельности.

Но, что́ всего важнѣе, всего отраднѣе, особенно въ наше, оскудѣвающее вѣрою и благочестіемъ время,—Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ былъ глубоко-вѣрующій и искренне-благочестивый христіанинъ! Всѣмъ Москвичамъ извѣстно, и всѣ знавшіе его лично расказываютъ, что не только во всѣ воскресные и праздничные дни, но даже весьма нерѣдко и въ будни онъ любилъ посѣщать свой приходскій храмъ, находя высокое для себя духовное наслажденіе въ пѣснопѣніяхъ и молитвословіяхъ церковныхъ. Будучи несомнѣнно просвѣщеннѣйшимъ человѣкомъ нашего времени, обладая солиднымъ, свѣтски-научнымъ образованіемъ, онъ въ то же время имѣлъ весьма обширныя и весьма основательныя духовно-богословскія познанія: ни одинъ догматическій или церковно-каноническій вопросъ, возбуждавшійся теченіемъ и развитіемъ церковно-общественной жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и за границей, не былъ ему чуждъ и неизвѣстенъ, — и въ рѣшеніи

подобныхъ вопросовъ онъ заявилъ себя не только глубоко-ученымъ, но, чтó всего важнѣе—твердо-православнымъ богословомъ!

Значитъ, дѣти, можно быть и свѣтски-образованнымъ и ученымъ человѣкомъ—и смѣстѣ искренне-вѣрующимъ и благочестивымъ христіаниномъ! Запомните это! Запечатлѣйте себѣ на вашихъ добрыхъ юныхъ сердцахъ, что можно быть и свѣтски-образованнымъ и ученымъ человѣкомъ и вмѣстѣ вѣрующимъ и благочестивымъ христіаниномъ. Примѣромъ самымъ поучительнымъ въ этомъ отношеніи какъ для васъ, такъ и для всѣхъ насъ, да послужитъ все онъ же, нашъ досточтимый и приснопамятный Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ!

Помолимся же о немъ!...

Миръ праху твоему и вѣчная тебѣ память, благороднѣйшій и честнѣйшій русскій человѣкъ, глубоко-вѣровавшій и благочестивый христіанинъ!... Аминь.

Слово произнесенное въ Казанскомъ соборѣ (С.П.Б.) на Божественной литургіи въ день погребенія Ивана Сергѣевича Аксакова священникомъ Казанскаго собора Михаиломъ Соколовымъ, 31-го января 1886 года *).

Живъ Господь, жива будетъ душа моя и восхвалитъ Тя... во вѣки, и судьбы Твои помогутъ мнѣ... Псал. 118.

Сегодня мы погребаемъ нашего незабвеннаго брата, Ивана Сергѣевича Аксакова. Этотъ человѣкъ прямотой своего характера, искренностью своего слова и своихъ отношеній ко всѣмъ лицамъ и вопросамъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе. Съ нимъ можно было не соглашаться, его взгляды можно было считать не отвѣчающими личнымъ чувствамъ и взглядамъ того или другаго общественнаго дѣятеля, но безспорно, что его мнѣніе всегда было и глубоко продумано, и высоко-честно. Онъ не понималъ, чтò

*) Изъ № 32 «Петербургскаго Листка».

значитъ приноравливаться къ господствующимъ требованіямъ и мнѣніямъ. Онъ говорилъ прямо и такъ, какъ былъ убѣжденъ. На чемъ же опирались его воззрѣнія, которыя онъ отстаивалъ съ всегда присущимъ ему мужествомъ? Его широкое философское образованіе, прочныя историческія свѣдѣнія, основательное знакомство съ естественно-научными воззрѣніями, глубокія познанія въ религіозныхъ вопросахъ со сторонъ догматической и церковно-исторической давали ему право говорить съ той авторитетностью, какою всегда отличалась его рѣчь устная и письменная.

Многія стороны его жизни сдѣлаются понятными только тогда, когда талантливый историкъ на многихъ страницахъ изложитъ совокупность его мыслей, въ теченіе десятилѣтій высказанныхъ въ печати, и только тогда предъ нами предстанетъ полный обликъ души незабвеннаго Ивана Сергѣевича. Прежде всего, почившій Иванъ Сергѣевичъ былъ сыномъ родной земли. Происходя изъ высшаго класса, онъ самъ вмѣстѣ съ своими братьями и друзьями жилъ народною жизнью. Думы народа, его чувства, его взгляды были близки душѣ Ивана Сергѣевича. Чудная, ȯбразная русская рѣчь выливалась изъ души почившаго, когда онъ говорилъ или писалъ. И этою чарующею рѣчью онъ призывалъ дѣтей родной земли къ единенію. Онъ въ высшей степени страдалъ за рознь, которая установилась, и теперь еще не совсѣмъ прошла, между высшими и низшими классами въ нашей странѣ. Онъ болѣлъ душою, что воспитаніе дѣтей въ высшихъ классахъ находится часто въ рукахъ иноземцевъ и происходитъ вдали отъ родины, на чуждыхъ нарѣчіяхъ. Онъ имѣлъ право утверждать, что такіе питомцы иныхъ народовъ никогда не узнаютъ, не поймутъ Русскаго народа и не сроднятся съ нимъ. Онъ опредѣленно отвѣчалъ на вопросъ: на какомъ языкѣ дитя должно начать говорить? Непремѣнно на родномъ. Пусть родные звуки первыми войдутъ въ душу дитяти и освятятъ ее дыханіемъ жизни. Въ развитіи высшихъ классовъ вдали отъ народа онъ видѣлъ безпочвенность, которая грозитъ великими опасностями для всего народа. Какъ могутъ высшіе классы руководить народною жизнію, не зная ея? Но это знаніе народной жизни онъ и самъ почерпалъ не только изъ личныхъ постоянныхъ сношеній съ народомъ, но и изъ изученія исторической жизни нашего народа. Прошлое нашего отечества онъ считалъ выраженіемъ народнаго духа. Складъ жизни нашего отечества не былъ случайнымъ явленіемъ,—онъ окрѣпъ

среди многихъ болѣзней и страданій. Проживши тысячу лѣтъ, нашъ народъ положилъ въ основу своей жизни разумъ, который нужно постигнуть, чтобы благотворно для него вносить реформы въ народную жизнь. Покойный Иванъ Сергѣевичъ съ настойчивостію призывалъ всѣхъ изучать родную старину, прислушиваться сердцемъ къ потребностямъ народной жизни, и въ этомъ незабвенная заслуга почившаго. Голосъ его и его друзей во многомъ услышанъ. Многое изъ того, что̀ въ ученіи людей называемыхъ славянофилами вызывало ожесточенное нападеніе тридцать лѣтъ назадъ, теперь вошло въ сознаніе большинства мыслящихъ и пишущихъ русскихъ людей, нерѣдко защищается въ тѣхъ самыхъ изданіяхъ, въ которыхъ прежде отвергалось. Выходя изъ такихъ началъ, покойный тѣмъ съ болѣе живымъ сочувствіемъ относился къ реформамъ прошлаго и нынѣшняго царствованія, чѣмъ болѣе они проникнуты были началами народной русской жизни. Въ этомъ отношеніи добрымъ и дорогимъ для духа почившаго памятникомъ будетъ, если мы усвоимъ себѣ и вдохнемъ устнымъ и печатнымъ словомъ другимъ искреннее уваженіе ко всему родному-доброму, русскому, и всегда будемъ дѣйствовать въ согласіи съ началами народной жизни.

Второю выдающеюся особенностію дѣятельности покойнаго Ивана Сергѣевича было развитіе общеславянскихъ симпатій. Въ этомъ случаѣ онъ выходилъ изъ пониманія преобладающихъ направленій въ ходѣ народной жизни въ XIX столѣтіи. Національное возрожденіе, образованіе возможно бо̀льшихъ группъ народностей, принадлежащихъ къ одному племени, онъ разсматривалъ какъ такое непреложное, справедливое явленіе, которому нужно послѣдовать и Славянамъ. Почившій ясно понималъ, какъ несостоятельны предъ этою историческою правдою всѣ теоретическія увлеченія или узкія мѣстныя и партійныя стремленія. На Россію Иванъ Сергѣевичъ смотрѣлъ какъ на старшаго брата, который призванъ помочь младшимъ братьямъ въ дѣлѣ желаемаго единенія и возрожденія литературнаго и религіознаго. И онъ съ своими единомышленниками по этому вопросу сдѣлалъ для Россіи то, что мы лучше знаемъ Славянъ, чѣмъ наши отцы 30—40 лѣтъ назадъ, и живѣе принимаемъ къ сердцу ихъ интересы. Иванъ Сергѣевичъ не поколебался въ своихъ убѣжденіяхъ и въ послѣднее время, когда надъ Славянствомъ повисли тучи вражды и недоразумѣній. Кончина Ивана Сергѣевича уяснила намъ и то,

что имя его и дѣятельность хорошо были извѣстны лучшимъ славянскимъ людямъ, и они имѣютъ теперь горькія соболѣзнованія о невознаграждаемой утратѣ великаго труженика надъ всеславянскою идеею. Но душою всей дѣятельности почившаго Ивана Сергѣевича была его привязанность къ Святой Матери Церкви Православной. Правильнѣе будетъ сказать, что покойный не только принадлежалъ къ Церкви (онъ порицалъ эту „только принадлежность"),—онъ жилъ въ Церкви. Возвышенными и сердечными чертами онъ изображалъ жизнь въ Церкви. Церковь—великая собирательная единица, или Вселенское единство, въ которомъ милліоны душъ живутъ одними мыслями, чувствами, стремленіями, въ одних пѣснопѣніяхъ возносятъ хвалы своему Творцу, въ однихъ таинствахъ освящаютъ свои души. И онъ, почившій братъ нашъ, давалъ чувствовать намъ, что живущій въ Церкви—не одинокъ въ своей жизни, въ своихъ молитвахъ, но всегда окружается великимъ множествомъ братьевъ, въ каждую минуту его религіозной жизни, въ каждомъ отдѣльномъ актѣ своей жизни въ Церкви. И братья земные, и братья небесные, Святые угодники Господни, Святые ангелы Божіи, всегда соприсутствуютъ и бѣдному и богатому, и знатному и худородному, старцу и дитяти, когда всѣ они или отдѣльно служатъ Господу въ союзѣ съ Церковію. Живое представленіе Церкви—великаго тѣла Христова было для Ивана Сергѣевича источникомъ самыхъ возвышенныхъ стремленій, наставленій, чувствъ, которыя выливались потомъ въ одушевленную рѣчь живую и письменную. Отсюда вытекали его живыя симпатіи ко всякому правительственному и общественному мѣропріятію, въ которомъ онъ усматривалъ торжество Церкви. Съ какимъ самоотверженіемъ этотъ вѣрный сынъ Церкви потрудился въ Миссіонерскомъ Православномъ Обществѣ, всею душою слѣдя за успѣхами Православной Христовой Церкви въ Сибири, Китаѣ, Японіи! Съ какимъ мужествомъ онъ охранялъ достоинство своей Матери-Церкви на окраинахъ Россіи!..

Съ какою живою любовью онъ заносилъ на страницы своихъ изданій дорогія вѣсточки изъ средины Россіи, *гдѣ* пастырь дѣлаетъ свое дѣло во славу Церкви, *гдѣ* паства научилась пѣть во храмѣ, *гдѣ* бѣдность и сиротство охранены во имя Господне, *гдѣ* чрезъ школу понесся свѣтъ вѣры и разума въ крестьянскія избы, *гдѣ* живетъ и дѣйствуетъ въ мѣстной малой церкви, приходѣ, какъ вѣтви великой, Вселенской Церкви — приходское попечи-

тельство или братство, *гдѣ* образовалось общество трезвости, и многое, многое другое, чѣмъ проявляется вовнѣ внутреннее единеніе съ Церковію, жизнь въ Церкви. Просвѣщенный и всесторонне-развитый умъ покойнаго Ивана Сергѣевича не находилъ для себя никакихъ препятствій жить въ Церкви и исповѣдывать ея вѣру. У него не было сомнѣній и возраженій въ вопросахъ вѣры, которые могли бы разъединить его съ Церковію — и онъ пребылъ вѣрнымъ ей до конца своей жизни, напутствованный на смертномъ одрѣ Святыми Тайнами Христовыми „въ жизнь вѣчную", которая для него нынѣ уже и началась. Да, въ послѣдніе годы Церковь Русская Православная имѣла утѣшеніе встрѣтить самое живое исповѣданіе вѣры въ ея ученіе со стороны трехъ выдающихся сыновъ своихъ по степени ихъ дарованій, плодотворности ихъ дѣятельности, по принадлежащему имъ общественному уваженію за широту ихъ знаній, крѣпость убѣжденій, искренность любви. Николай Ивановичъ Пироговъ и при жизни училъ единенію вѣры и разума, и по смерти учитъ своими записками этой великой наукѣ жизни, и да будетъ онъ услышанъ и на этомъ пути учительства, какъ онъ былъ внимательно выслушиваемъ въ области медицинскихъ вопросовъ! Вслѣдъ за медицинскимъ авторитетомъ выступаетъ ранѣе почившій бытописатель нравовъ, знатокъ русской души—незабвенный Өедоръ Михайловичъ Достоевскій, съ своими жгучими призывами юности вѣрить въ Бога, любить Церковь и пребывать въ ней, какъ онъ самъ пребылъ въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ нею. И вотъ теперь сходитъ въ могилу третій славный сынъ Церкви—Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, призывающій насъ, всѣхъ сыновъ Россіи, быть и дѣтьми Св. Церкви. Да будетъ по слову и примѣру сихъ трехъ общественныхъ дѣятелей! Да разсѣются колебанія и сомнѣнія, подозрѣнія и вражда въ отношеніи Церкви со стороны живущихъ, какъ они устранились мудростью и чистотою душъ приснопоминаемыхъ трехъ славныхъ мужей!

Говорить ли еще о многихъ иныхъ дѣяніяхъ и сторонахъ этихъ дѣяній почившаго Ивана Сергѣевича? Но недостанетъ времени повѣтствующему о всѣхъ славныхъ его дѣяніяхъ! Остановимся на чистотѣ его души въ служеніи ближнему печатнымъ словомъ. Онъ былъ нравственно опасливымъ, чтобы не соблазнить читающаго чѣмъ-нибудь нечистымъ, и оттого въ его изданіяхъ не встрѣчается ничего нескромнаго, порочнаго, льстящаго

человѣческимъ страстямъ и суетности. Съ этой стороны онъ, *чистый сердцемъ,* и оставилъ примѣръ добрый братьямъ, поучающимъ ближнихъ печатнымъ словомъ.

Кромѣ того, память Ивана Сергѣевича невольно располагаетъ сдѣлать призывъ къ сохраненію братства между пишущими. Почившій братъ былъ всегда мужественнымъ защитникомъ своихъ убѣжденій и съ уваженіемъ относился къ чужимъ убѣжденіямъ, раздѣляя или не раздѣляя ихъ. Онъ изъ могилы какъ бы вѣщаетъ братіямъ своимъ: *се что̀ добро, или что̀ красно, но еже жити братіи вкупѣ.* Спокойное, безъ нападенія на личности разсмотрѣніе въ печати общественныхъ вопросовъ будетъ новымъ прекраснымъ вѣнкомъ на могилѣ нашего брата. Если уму человѣческому не дано умѣнія постигать истину сразу со всѣхъ сторонъ, то и нужно спокойно изслѣдовать ее, уважая мнѣніе другихъ.

Но могли бы устроить и памятникъ, достойный имени Ивана Сергѣевича. Почившій, своими воззрѣніями, своею дѣятельностію, нерѣдко вызывалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Еслибы теперь печатныя повременныя изданія посвятили свои страницы на спокойное, безпристрастное изложеніе основныхъ воззрѣній Ивана Сергѣевича и кликнули кличъ по всѣмъ отдаленнымъ уголкамъ Россіи — признаетъ ли Русскій народъ ученіе покойнаго своимъ роднымъ? И если народъ признаетъ Ивана Сергѣевича вѣрно выражавшимъ завѣтныя народныя *чаянія*, кликнуть тогда кличъ къ этому народу—пусть несетъ, кто что̀ можетъ, на памятникъ ему. А памятникомъ почившему народному дѣятелю можетъ быть и храмъ святой, и школа добрая, и вѣковѣчное изданіе, проводящее въ народное сознаніе все доброе, вытекающее изъ трехъ великихъ основъ жизни почившаго Ивана Сергѣевича: любви къ родинѣ, преданности Царю, благоговѣйной жизни въ Церкви.

Помолимся Отцу щедротъ, чтобы Онъ упокоилъ душу почившаго, нашего дорогаго брата Ивана Сергѣевича, въ общеніи съ Праведными, а насъ укрѣпилъ въ вѣрности тѣмъ началамъ жизни, которыя исповѣдывалъ почившій, и да пребудетъ на Русской землѣ *память его въ родъ и родъ вѣчною*, для молитвъ о немъ и подражанія его жизни. Аминь.

Рѣчь предъ совершеніемъ панннхиды по новопреставленномъ болярннѣ Иванѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ, сказанная 4 февраля въ каѳедральномъ соборѣ въ г. Минскѣ (губер.) *).

Скончався вмалѣ, исполни лѣта долга (Прем. Солом. 4, 13).

Нынѣ мы собрались творить поминовеніе о томъ, преждевременную и такъ неожиданную кончину котораго, вотъ уже нѣсколько дней, оплакиваетъ вся Православная Русь, и не одна она, а и весь Славянскій міръ. Кому на Руси не извѣстно дорогое имя писателя-публициста Ивана Сергѣевича Аксакова? И вотъ этотъ богатырь русскій, мощный духомъ и крѣпкій, повидимому, тѣломъ, внезапно, 27 января, скончался отъ разрыва сердца, всего—на 63 году жизни! Уснулъ богатырь русскій сномъ непробуднымъ, умолкли уста, никогда и никому не глаголавшія льсти... Потеря наша невознаградимая... Если что̀ и можетъ въ постигшей насъ горькой утратѣ пролить хоть нѣкоторый лучъ утѣшенія въ удрученное скорбію сердце русское, то это извѣстіе объ его христіанской кончинѣ. Хотя кончина его, по роду болѣзни, должна была быть внезапная, но онъ умеръ смертію истиннаго христіанина, послѣ напутствованія его Св. Таинствами покаянія и причащенія; умеръ съ молитвою на устахъ, произносимою вслухъ, по его предложенію, его супругою. И сбылось на немъ слово Св. Писанія: *не видѣхъ праведника оставлена...*

Въ лицѣ почившаго Ивана Сергѣевича и отечество наше и весь Славянскій міръ понесли великую утрату: Русская земля лишилась одного изъ наилучшихъ своихъ гражданъ, Русскій Царь — преданнѣйшаго изъ своихъ подданныхъ, Православная Церковь—искренно вѣрующаго христіанина, человѣчество—высоко-гуманнаго, честнаго и правдиваго человѣка, русская литература—глубокаго мыслителя и писателя-художника, постоянно будившаго своимъ могучимъ словомъ русское самосознаніе, славянофилы—лучшаго выразителя своихъ стремленій, обнимавшаго

---

*) Изъ № 4 «Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей».

своимъ любящимъ сердцемъ всѣхъ Славянъ безъ различія ихъ вѣроисповѣданій, Сѣверо-Западный край нашъ въ частности—самаго заботливаго радѣтеля его интересовъ. Таковъ былъ, въ краткихъ чертахъ, почившій Иванъ Сергѣевичъ! Въ немногихъ словахъ, конечно, невозможно обрисовать эту выдававшуюся въ наше время личность, личность высоко-нравственную, всесторонно-просвѣщенную, надѣленную необыкновеннымъ даромъ убѣждать умы и трогать сердца. Чтобы понять этого глубокаго мыслителя и писателя-художника—нужно быть знакомымъ съ его произведеніями, а написалъ онъ ихъ не мало. И кто бы какъ ни принималъ ихъ, или какъ другъ, или какъ врагъ, но всякій принужденъ признать, что они проникнуты такимъ высокимъ христіанскимъ духомъ, носятъ отпечатокъ такого высокаго гуманизма, искренности, такой глубокой любви къ родинѣ, къ Русскому народу, къ Славянству, что къ голосу его съ уваженіемъ относились не только друзья, но и враги, не только Русскіе и Славяне, но и вся Западная Европа. И никогда сила его вдохновенія такъ не сказывалась, какъ въ трудныя минуты жизни народной: тутъ Иванъ Сергѣевичъ былъ на высотѣ своего призванія,—въ это время онъ сливался съ духомъ Русскаго народа, думалъ и писалъ то, что̀ чувствовалъ всякій русскій человѣкъ и весь Русскій народъ; онъ переживалъ въ себѣ то, что̀ писалъ, каждую свою мысль, каждое свое слово онъ писалъ, по справедливому выраженію одного нашего писателя, нервами и кровію... Вотъ гдѣ заключается тайна, что слово Ивана Сергѣевича Аксакова будило умы и плѣняло сердца... Правда, голосъ его иногда оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, но за то съ этимъ голосомъ потомъ приходилось, подобно глаголамъ древнихъ пророковъ, считаться, какъ съ непреодолимою нравственною и политическою силою... Но во всякомъ случаѣ, переживать это время Ивану Сергѣевичу было не легко... И что̀ удивительнаго послѣ этого, если сердце его, такъ много прочувствовавшее и перестрадавшее, разбилось такъ преждевременно! *Скончався вмалѣ, исполни лѣта долга.*

Намъ, жителямъ Сѣверо-Западнаго края, особенно памятна дѣятельность незабвеннаго Ивана Сергѣевича въ шестидесятыхъ годахъ, когда онъ началъ издавать свой „День". Въ этихъ годахъ русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ находилось въ самомъ униженномъ положеніи: всюду и вездѣ, за исключеніемъ хижинъ

убогаго православнаго духовенства и оголеннаго и обездоленнаго крестьянства, царила польская рѣчь, даже въ устахъ, судя по имени, и русскихъ людей; положеніе провославія было таково, что оскорбляло и религіозное, и патріотическое чувство; служебное и общественное положеніе русскаго человѣка, оставшагося вѣрнымъ своему знамени, было, какъ это извѣстно по опыту всякому, имѣвшему несчастіе жизнь здѣсь въ этихъ годахъ, невыносимо тяжелое *). *И не было у насъ помогающа*... Казалось, что и само отечество наше, въ лицѣ своихъ представителей здѣсь, отступилось отъ своихъ правъ въ этомъ краѣ... Въ эту-то невыносимо-тяжкую годину, на защиту попранныхъ и поруганныхъ правъ православно-русскихъ, первый изъ русскихъ людей выступилъ и словомъ и дѣломъ незабвенный Иванъ Сергѣевичъ. Со свойственнымъ ему одному умѣньемъ и мужествомъ, онъ выяснилъ предъ сознаніемъ Русскаго народа положеніе, достойное слезъ, русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и своимъ мощнымъ словомъ вызвалъ вниманіе и сочувствіе къ нему и со стороны правительства, и со стороны русскаго общества. Дѣла въ краѣ измѣняются къ лучшему, сюда стали прибывать русскіе люди, не по одному только имени; изъ сердца Россіи—Москвы, посыпались тогда щедрыя пожертвованія въ пользу церквей и церковно-приходскихъ школъ нашихъ. Желая вызвать къ самодѣятельности и мѣстныхъ православныхъ людей, особенно изъ среды духовенства, онъ со многими изъ нихъ вступилъ въ непосредственную переписку, ободрялъ и воодушевлялъ ихъ на поприщѣ миссіонерской дѣятельности, принималъ отъ нихъ корреспонденціи и помѣщалъ ихъ въ „Днѣ“. Не мало онъ принесъ сюда и личныхъ своихъ жертвъ, вписавъ свое имя въ Братства при многихъ церквахъ. И имя незабвеннаго Ивана Сергѣевича съ признательностью записано въ диптихи во многихъ церквахъ Сѣверо-Западнаго края.

Вотъ о какомъ дѣятелѣ мы собрались нынѣ творить поминовеніе. Вознесемъ же, слушатели, свои усердныя моленія, чтобы

---

*) Немного ихъ впрочемъ и осталось теперь здѣсь: одни преждевременно сошли въ могилу, другіе принуждены были, по сложившимся обстоятельствамъ, уйти отсюда, а третіи, оставшіеся здѣсь, еле влачатъ теперь, съ надломленными силами, свое существованіе.

Милосердый Господь, простивъ ему, какъ человѣку, вся согрѣшенія его вольная и невольная, упокоилъ мощный духъ его, не знавшій здѣсь покоя и усталости, въ райскихъ обителяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ молить Всевышняго, въ руцѣ Котораго судьбы царствъ и народовъ, да не изсякнутъ на нивѣ славяно-русской дѣятели, подобные почившему незабвенному Ивану Сергѣевичу Аксакову! Аминь.

Протоіерей **Георгій Тарнопольскій.**

II.

ХАРАКТЕРИСТИКИ, МНѢНІЯ И ОТЗЫВЫ.

Аксаковы. *)

Увы! взятъ отъ насъ еще одинъ въ родѣ своемъ послѣдній, незамѣнимый дѣятель и боецъ. Многіе явятся идти по слѣдамъ его и продолжать его дѣло,—но войдутъ ли они въ силу, и когда войдутъ, и успѣютъ ли пріобрѣсть себѣ подвигомъ цѣлой жизни имя подобное его имени? Подобныхъ ему не осталось, потому что онъ стоялъ и дѣйствовалъ, такъ сказать, *на костяхъ* цѣлаго поколѣнія, отъ коего онъ, и одинъ онъ, принялъ всю годами накопленную силу.

Сергѣй Аксаковъ, Константинъ Аксаковъ, Кирѣевскій, Хомяковъ, Чижовъ, Юрій Самаринъ—для него все это были живые люди, посреди коихъ онъ выросъ и воспитался, отъ коихъ принялъ завѣтъ живаго слова и жизни вѣрной слову и завѣту.

Ихъ назвали *славянофилами* и соединили имя ихъ съ понятіемъ о школѣ и ученіи особаго рода, и съ политическою бранью, которая донынѣ продолжается, истощая силы борцовъ въ пререканіяхъ казуистики, свойственной всякому ученію школы. Но кто хочетъ понять, чего стоили и что̀ значили эти люди, тому на-

---

*) Изъ № 14 «Гражданина».

добно отрѣшиться отъ узкаго понятія о школѣ, стать повыше, на широту, и взглянуть поглубже.

Это были честные и чистые русскіе люди, родные сыны земли своей, богатые русскимъ умомъ, чуткіе чутьемъ русскаго сердца, любящаго народъ свой и землю, и алчущаго и жаждущаго *правды* и *прямаго дѣла* для земли своей. Они были высоко образованы, но близкое знакомство съ наукою и культурой Запада не отрѣшило ихъ отъ родимой почвы, изъ которой почерпаетъ духовную силу земли всякій истинный подвижникъ земли Русской. Перегорѣвъ въ горнилѣ западной культуры, они остались плотью отъ плоти, костью отъ кости русскаго своего отечества, и правду, которую такъ пламенно желали осуществить въ немъ, искали не въ отвлеченныхъ теоріяхъ и принципахъ, но въ соотвѣтствіи вѣчныхъ началъ правды Божіей съ основными условіями природы русскаго человѣка, отразившимися въ историческомъ его бытѣ.

Они начали съ того же, съ чего начинаетъ каждый искренній искатель истины,—съ *протеста* противъ ложнаго отношенія къ русской жизни и ея потребностей, господствовавшаго въ сознаніи такъ-называемаго образованнаго общества, противъ презрительнаго предразсудка, самодовольнаго невѣжества и равнодушія ко всему, чтѣ касалось до самыхъ живыхъ интересовъ Россіи. Въ 30-хъ годахъ—въ эпоху появленія безсмертной комедіи Грибоѣдова—довольно уже накопилось въ умахъ серіозныхъ и въ сердцахъ у простыхъ людей полу-сознательнаго негодованія противъ уродливыхъ отраженій внѣшней западной культуры—въ жизни и обычаяхъ, во взглядахъ и мнѣніяхъ русскаго общества, въ оффиціальномъ строѣ управленія, въ направленіи законодательства. Свѣжа была еще память о томъ цинизмѣ, съ коимъ относились юные реформаторы Россіи къ живому ея организму, къ ея исторіи и къ быту народному, въ началѣ царствованія Александра, о презрительномъ отношеніи высшаго петербургскаго круга къ родной Церкви, о рабскомъ поклоненіи мнимому величію римско-католическаго культа, мнимому достоинству формъ быта, выросшихъ изъ чуждой намъ исторіи; а недавнія событія 1825 года показали, до какого самообольщенія могутъ дойти самые передовые умы въ русскихъ людяхъ, горячо преданныхъ благу Россіи, подъ вліяніемъ ложной вѣры въ ложное начало искусственной и чуждой намъ цивилизаціи. Съ другой стороны, внима-

тельный наблюдатель современныхъ событій могъ видѣть, какъ само правительство, въ царствованіе безспорно русскаго по душѣ Николая I, грозное и въ полномъ сознаніи своей силы, безсознательно поступалось русскими интересами во внѣшней и во внутренней политикѣ, оттого что *не знало* своего прошедшаго (вспомнимъ, какъ, въ правленіе Паскевича, населеніе Холмской Руси безразлично смѣшиваемо было съ польскимъ населеніемъ, безсознательно предоставлялось ополячиванію и окатоличенію).

И вотъ великая заслуга московскаго Аксаковскаго кружка истинно-русскихъ людей: отъ нихъ въ первый разъ явственно и разумно услышало наше сбитое съ толку общество проповѣдь мудрости въ великомъ словѣ: „*познай самою себя*, углубись въ прошедшія судьбы страны своей и своего народа, и узнаешь свой духъ въ его духѣ и свою силу почерпнешь изъ него". Слово это было необходимо, въ виду надвигавшейся съ Запада тучи *космополитизма* и *либерализма*: представителемъ его являлся въ той же Москвѣ другой кружокъ—западниковъ, кружокъ, изъ коего вышелъ и отъ коего отдѣлился впослѣдствіи *Герценъ*. То было критическое время, когда прививались передовымъ умамъ Россіи навѣянныя съ Запада идеи, разъѣдавшія органическое чувство любви къ *родному* краю, чувство патріотизма,—во имя отвлеченныхъ либеральныхъ началъ. То было время, когда Арнольдъ Рюге въ Германіи проповѣдывалъ, что слѣдуетъ полагать основною цѣлью совсѣмъ не отечество, какъ-де говорили въ 1813 и 1815 году, а свободу, и что истинное отечество для ищущихъ свободы людей есть—*партія*. Въ отпоръ этому фальшивому и тлетворному направленію, Аксаковскій кружокъ воздвигалъ свою крѣпость здороваго русскаго патріотическаго чувства и разумнаго познанія земли Русской,—крѣпость, къ которой стали примыкать всѣ мыслящіе люди, сохранявшіе въ себѣ здравый инстинктъ русской природы.

Нечего останавливаться на увлеченіяхъ этой вѣры и этого ученія, увлеченіяхъ свойственныхъ всякой вѣрѣ и всякому ученію. То были люди искавшіе въ прошедшемъ своей родины *идеала*, для настоящаго устройства и для будущихъ судебъ ея. Немудрено, что, изслѣдуя и разъясняя отдѣльныя черты этого идеала, они нерѣдко обманывались, увлекались въ своихъ обобщеніяхъ, принимали мнимое за дѣйствительное, смѣшивали существенное съ несущественнымъ; но въ

существѣ своемъ высоконравственный ихъ идеалъ есть и будетъ истиннымъ народнымъ идеаломъ земли Русской.

Къ этой же основной мысли присоединился другой *протестъ*—противъ формальнаго, канцелярскаго, высокомѣрнаго отношенія оффиціальнаго міра къ живымъ потребностямъ и къ духовнымъ расположеніямъ народа. Оффиціальный міръ чиновничества зараженъ былъ и проникнутъ канцелярскою привычкою—дѣлать и рѣшать все посредствомъ мертвой бумаги, отписки и очистки, и этотъ обычай, простираясь на всѣ сферы управленія и суда, скрывалъ подъ собою массу несправедливостей, злоупотребленій и насилій надъ народной жизнью и бытомъ. Съ другой стороны, въ верхнихъ кругахъ управленія господствовало, при полномъ невѣдѣніи страны и ея потребностей, стремленіе установлять легкимъ путемъ регламентаціи, носившей на себѣ слѣды того же канцеляризма, порядки и правила всевозможныхъ отправленій народной и общественной жизни, причемъ принимались во вниманіе готовыя формулы, взятыя изъ чужеземныхъ обычаевъ и законовъ: такіе пріемы носили громкое названіе *цивилизаціи*.—Противъ цивилизаціи такого рода ратовалъ всѣми силами Аксаковскій кружокъ и въ живой бесѣдѣ, и въ литературѣ: борьба эта продолжается и донынѣ. Поверхностные умы объясняли и объясняютъ ее—національнымъ предразсудкомъ и узкимъ чувствомъ ненависти будтобы къ Нѣмцамъ; но разумные патріоты, принимающіе къ сердцу истинное благо отечества, понимаютъ и чувствуютъ, что кружокъ ратовалъ за правду, и заслуга его въ этомъ отношеніи несомнѣнная.

Наконецъ—еще великое значеніе и великая заслуга этихъ людей состоитъ въ томъ, что они первые сознательно выяснили передъ всѣми нераздѣльную связь русской народности—съ вѣрой и съ Православною Церковью. Въ обществѣ—до нихъ—это понятіе было смутно и шатко. Они почуяли сердцемъ и дознали живымъ опытомъ, въ исторіи Руси и въ бытѣ народномъ,—что въ народѣ (которому интеллигенція склонна присвоивать значеніе лишь грубой невѣжественной массы, подлежащей оживленію свыше),—въ народѣ хранится запасъ духовной силы и глубокой вѣры,—изъ коего сами учители и просвѣтители народа должны почерпать свою силу и одушевленіе; что у этого темнаго народа связь съ Церковью живая и дѣйственная, и что на этой связи стоитъ и будетъ стоять вся наша исторія. Ученіе о Церкви и о

вѣрѣ давно и вполнѣ было установлено отцами и учителями Церкви; но для общества представлялось оно схематизмомъ догмъ и правилъ, предметомъ изученія болѣе нежели живаго ощущенія. Передовые люди Аксаковскаго кружка, люди глубоко вѣрующіе, со всею горячностью любви преданные родной Церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко просвѣщенные наукой,—они первые помогли обществу *осмыслить* и несравненное достоинство Православной Церкви, и жизненное значеніе ея для народа, и самую любовь къ ней, которую вынесъ народъ изо всей своей исторіи.

Вотъ, въ короткихъ словахъ, почему имена этихъ людей такъ любезны въ Россіи и такъ дороги ей: имъ мѣсто знаменитое въ исторіи истиннаго русскаго просвѣщенія. Притомъ неоцѣненное достоинство ихъ и великая нравственная сила состоитъ въ томъ, что они были люди *цѣльные*, не раздвоенные— качество, коимъ не отличались, при всей честности намѣреній своихъ,—люди принадлежавшіе къ кружку западниковъ, и тоже искавшіе по своему истины, къ сожалѣнію, „на непроходныхъ, а не на пути".—Люди Аксаковскаго кружка сильны были тѣмъ, что у нихъ слово не расходилось съ дѣломъ, и жизнь ихъ согласовалась съ тѣми началами, въ которыя они вѣровали. Они жили просто,—всѣ стояли внѣ оффиціальнаго міра и оффиціальныхъ почестей, и не заискивали оффиціальной поддержки; желая сохранить духовную независимость, въ обществѣ, къ которому принадлежали,—они оберегали тщательно скромную обстановку своего быта и простоту своихъ потребностей; свободно обращаясь въ кругу образованнаго общества, цѣнившаго въ нихъ умъ, образованіе, чистоту и возвышенность мысли, они стольже свободно и просто относились къ людямъ самаго простаго званія и быта. Храня неизмѣнно вѣру въ истинныя начала русской жизни и русской исторіи, они не поступались никому ни чѣмъ, въ чемъ полагали правду русской жизни и русской исторіи. Люди эти были въ извѣстномъ смыслѣ подвижниками великой идеи, и это, въ соединеніи съ несомнительною чистотою ихъ намѣреній и образа жизни, придавало имъ великую нравственную силу.

И всѣ-то они миновали, всѣ скончались, „не пріявше обѣтованія", въ виду обѣтованной земли, которую издали видѣли и проповѣдывали. Одинъ оставался, одинъ, преемникъ силы, наслѣдникъ преданія, хранитель завѣта предковъ,—Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. И его-то, послѣдняго, мы потеряли и оплакали!

Вскормленный такою семьей, принявъ изъ такого круга первыя юношескія впечатлѣнія, Иванъ Сергѣевичъ попалъ прямо отсюда въ Петербургъ, въ стѣны Училища правовѣдѣнія, въ рамки школьныхъ порядковъ, на торную дорогу служебной карьеры—и все время, пока онъ былъ тутъ, чувствовалъ себя неловко, точно на чужбинѣ. Но и здѣсь, посреди товарищей, явился онъ горячимъ поборникомъ самостоятельности—въ характерѣ, въ дѣятельности, въ наукѣ, въ литературѣ,—которая съ дѣтства манила его къ себѣ вкусомъ, пріобрѣтеннымъ изъ семейныхъ преданій.

Тотчасъ послѣ выпуска онъ переѣхалъ въ Москву и уже не возвращался никогда на житье и на дѣятельность въ сѣверную столицу. Москва осталась для него на всю жизнь домомъ и центромъ его дѣятельности служебной, потомъ литературной, общественной и политической. Мысль его зрѣла и направленіе утверждалось посреди великихъ событій, коихъ онъ былъ живымъ свидѣтелемъ и участникомъ. Мало-по-малу схоронилъ онъ всѣхъ старшихъ, и остался одинъ изъ своихъ, въ Москвѣ.

Пусть перечисляютъ другіе всѣ многообразныя занятія и всѣ литературные труды его. Всего драгоцѣннѣе была та нравственная сила, которая соединялась съ его именемъ и дѣйствовала, и на ближнихъ и на дальнихъ, во всѣхъ концахъ Россіи, и даже за ея предѣлами. Эта неисчислимая и не всегда сознаваемая сила—тѣмъ и драгоцѣнна, что помогаетъ множеству людей малосильныхъ держаться на ногахъ, возбуждая ихъ, ободряя ихъ, собирая ихъ къ одной мысли и къ одному стремленію. Такую силу слабо сознаютъ и чувствуютъ, пока она дѣйствуетъ, но когда она исчезла, тогда становится явственно для каждаго, чтò она значила. Для многихъ лицъ оффиціальнаго міра—Иванъ Аксаковъ представлялся лишь отвлеченною величиною въ качествѣ издателя „Руси“; иные съ ужасомъ говорили объ немъ, какъ о народномъ трибунѣ, опасномъ для государства, или съ любопытствомъ заглядывали на него какъ на московскую диковину. Но для Москвы, и для великаго множества простыхъ русскихъ людей, незнающихъ куда дѣваться и на чемъ остановиться посреди хаоса современныхъ явленій, теченій и вѣяній общественной и политической жизни, Иванъ Аксаковъ былъ живое лицо, на коемъ отдыхало взволнованное чувство, успокоивалась смятенная мысль, ощущалась нравственная опора, оживлялась надежда на лучшее, отражалось сіяніе русской правды во тьмѣ вавилонскаго разно-

язычія. Всякій чувствовалъ, подходя къ нему, что въ немъ нѣтъ лести и своекорыстія, что онъ ни теплъ, ни холоденъ, а *горитъ* огнемъ любви и негодованія—для истинныхъ интересовъ Русской земли и всего языка Славянскаго. Русскій Галичанинъ, и Сербъ, и Болгаринъ—несли къ нему свои печали о бѣдахъ и нуждахъ своего края, и простые русскіе люди шли исповѣдывать ему заботу о положеніи дѣлъ на Руси и ревность свою о правдѣ. Теперь идти покуда не къ кому, и многіе чувствуютъ себя осиротѣвшими.

Добрые, крѣпкіе сѣятели сошли съ поля; сѣмя ими посѣянное дастъ во-время новые всходы. Явятся, безъ сомнѣнія, новые подвижники правды, для будущихъ поколѣній. Но въ настоящемъ поколѣніи грустное чувство объемлетъ душу Москвича, когда онъ въѣзжаетъ въ родной свой городъ, въ древній Сіонъ свой, и между священными памятниками исторіи—видитъ повсюду обширное кладбище—всюду слѣды людей богатѣвшихъ духовною силой,—и такъ мало слѣдовъ живой силы вновь расцвѣтающей. Приходится все вспоминать дорогія имена съ молитвой. „Мать наша Сіонъ,—скажетъ человѣкъ,—вотъ такой-то и такой-то родился въ немъ. Боже, помяни ихъ во царствіи Твоемъ!"

К. П.

Передовая статья № 28 „Современныхъ Извѣстій".

Москва, 28 января.

Потеря невознаградимая! И. С. Аксаковъ былъ не только литераторъ, публицистъ, общественный дѣятель: онъ былъ знамя, онъ былъ общественная сила. Въ этомъ было его главное значеніе, и поэтому-то особенно тяжела его потеря, и именно теперь, когда положенъ на вѣсы вопросъ: достойно ли Россія встрѣтитъ надвигающіяся событія, а они касаются тѣхъ глубочайшихъ ея задачъ, того кореннаго ея призванія, которымъ и посвящена была вся жизнь покойнаго.

Голосъ покойнаго издателя „Руси" не былъ отголоскомъ правящихъ сферъ даже отдаленнѣйшимъ образомъ. Оффиціальной опоры, матеріальной и нравственной, онъ не только не искалъ, не

принималъ, напротивъ всегда тщательно оберегался, не изъ оппозиціи, которой въ немъ, искреннѣйше вѣрноподданномъ, никогда не было, но чтобы сохранить независимость, оставить за собою свободу говорить правду, не стѣсняемую частными отношеніями. При свѣтѣ началъ, завѣщанныхъ ему первыми учителями славянофильской школы, онъ подвергалъ вопросы общественные и политическіе оцѣнкѣ съ точки зрѣнія народной, а не казенной, московской, а не петербургской.

И это дало ему свою силу. Честенъ, какъ Аксаковъ; это почти была пословица. Онъ не льстилъ никому и не подлаживался ни въ верху, ни въ низу, ни съ боковъ. Онъ не былъ любимцемъ публики и даже самъ не высоко чтилъ „популярность", которая большею частью создается толпою легкомысленною и дается мыслителямъ и дѣятелямъ поверхностнымъ. Но его слово для многихъ звучало укоромъ совѣсти, для другихъ служило нравственною уздою.

Сквозь преслѣдованіе оффиціальное, которому подвергалась его публицистическая дѣятельность, по удивительному недоразумѣнію, объясняемому впрочемъ свойствомъ Петербурга; сквозь глумленіе литературное, не перестававшее издѣваться надъ тѣмъ, чего отчасти не понимало, а отчасти намѣренно искажало,—авторъ „Бродяги", издатель „Московскаго Сборника", „Паруса", „Дня", „Москвы", „Москвича", пронесъ непоколебимыми свои убѣжденія, пока памятный 1876 годъ, заставъ его предсѣдателемъ Славянскаго Комитета, не преобразилъ его изъ вѣщателя въ дѣятеля. Не онъ вызвалъ народное движеніе, но народное движеніе нашло въ немъ чуткое орудіе, послушнаго и разумнаго исполнителя своихъ чаяній. Мы читали тогдашнія многочисленныя письма, летѣвшія въ Славянскій Комитетъ иногда изъ-за Урала и изъ-за Енисея; самъ И. С. еще недавно напоминалъ въ „Руси", какъ приходившіе откуда-нибудь изъ-за Волги падали предъ нимъ на колѣна и молили, чтобы онъ далъ имъ „сподобиться пострадать и умереть за братьевъ". Москва 1612 года освобождена всею Землею, а не Мининымъ, но Мининъ оказался; народное движеніе къ освобожденію балканскихъ христіанъ нашло своего Минина и въ 1876 году.

За то и поспѣшили убрать его. По мѣткому выраженію самихъ Аксаковыхъ, Земля выступаетъ только въ торжественныхъ случаяхъ, затѣмъ выходитъ въ отставку. Съ подписаніемъ Бер-

линскаго трактата, закрыли Славянскій Комитетъ и бывшаго предсѣдателя сослали въ деревню. Для торжествовавшихъ побѣду надъ нами заграничныхъ „друзей“ Аксаковъ былъ bêt- noire, и Славянскій Комитетъ представлялся революціоннымъ гнѣздилищемъ, готовымъ и способнымъ низвергнуть государства. По жалкому заблужденію, воображаютъ тамъ, что у насъ есть „партія“, славянофильская или панславистская, какъ они ее называютъ, и лучшимъ поясненіемъ глубокаго недоразумѣнія, кроющагося въ этомъ мнѣніи, можетъ служить отвѣтъ самого покойнаго И. С. одному иностранному путешественнику. — Сколько вы считаете въ своей партіи?—Никого, отвѣчалъ мнимый глава; или, если хотите—всю Россію.

И дѣйствительно, для русскихъ людей Аксаковъ остался знаменемъ, по которому безошибочно можно было провѣрять, „коего духа“ суть мнѣнія, мѣры, направленія; если не для каждаго опредѣленнаго случая можно было узнавать, гдѣ *русское* (человѣкъ идеаловъ, онъ не признавалъ себя созданнымъ для подобныхъ регламентовъ), то съ точностью можно было отличать *нерусское*.

Онъ умеръ. Болѣзнь поразила его еще прошлымъ годомъ, но онъ пріѣхалъ выздоровѣвшимъ и посвѣжѣвшимъ. Онъ бы долженъ былъ жить. Къ числу причинъ, сведшихъ его въ могилу, мы несомнѣнно увѣрены, относилось и то глубочайшее страданіе, которое испытывалъ онъ при видѣ направленія, принимаемаго политикою въ Балканскомъ вопросѣ. Говорятъ, была болѣзнь сердца, но однако врачебныя знаменитости даже за нѣсколько часовъ до кончины обѣщали ему еще много лѣтъ при „спокойной жизни“. Но когда къ физической болѣзни сердца присоединяются еще нравственные удары, бьющіе въ то самое, чѣмъ жилъ и для чего жилъ человѣкъ,—сосудъ не устоитъ, и нравственное страданіе прекратитъ физическую жизнь.

Кончина И. С. Аксакова *).

Сегодня, въ 7 ч. 30 м. вечера, скончался, отъ разрыва сердца, И. С. Аксаковъ. на 63-мъ году своей жизни.

*) Изъ № 3563 „Новаго Времени“.

Нечего говорить о значеніи этой потери для русской журналистики, для Русскаго и Славянскаго міра. Закатилась одна изъ самыхъ яркихъ звѣздъ, какія когда-либо блестѣли на небѣ русскаго общественнаго слова. Разорвалось сердце, которое билось какъ горячій ключъ изъ-подъ земли, билось искреннимъ, высокимъ, благороднымъ чувствомъ, и это чувство облекалось въ краснорѣчивыя, полныя огня и выразительности рѣчи. Не русскій талантливый писатель только скончался,—скончался общественный трибунъ, обладавшій даромъ зажигать сердца, скончался искренній человѣкъ, человѣкъ высокой честности и правды, никогда ни единымъ словомъ не измѣнявшій своему призванію. Онъ несъ свое знамя въ теченіе многихъ лѣтъ твердою и непоколебимою рукою, ни разу не опуская его, несъ какъ мужественный воинъ, съ вѣрою въ то дѣло, которому служилъ и которое не оставилъ и тогда, когда смерть явно подкрадывалась къ нему и когда всѣ близкіе настаивали на томъ, что ему необходимо успокоеніе. Но какъ неустанный боецъ, онъ успокоился только въ неизбѣжномъ, конечномъ жилищѣ человѣка...

Въ немногихъ словахъ невозможно обрисовать эту прекрасную личность, личность писателя и человѣка, физически и нравственно крѣпкую, просвѣщенную, надѣленную поэтическимъ даромъ трогать и убѣждать сердца. Рядъ сухихъ данныхъ его біографіи скажетъ немного, хотя довольно для того, чтобъ оставить яркій слѣдъ въ исторіи литературы, въ исторіи русскаго развитія. Надо знать все, что́ онъ написалъ и что́ онъ сдѣлалъ. Написалъ онъ много. Не считая его переписки со всѣми выдающимися людьми его времени, переписки въ высокой степени интересной уже по той искренности, которая съ Аксаковымъ была обязательна, всѣ передовыя статьи въ „Парусѣ", „Днѣ", „Руси", многія статьи въ „Москвѣ" и „Москвичѣ" принадлежатъ ему. Такихъ статей написано имъ нѣсколько сотъ. Онъ обыкновенно работалъ надъ ними усердно и сосредоточенно. Для него это былъ долгъ, серіозное дѣло его жизни, и онъ излагалъ въ этихъ статьяхъ всего себя; кто бы какъ ни принималъ ихъ, какъ другъ или какъ врагъ, но онѣ носили такой отпечатокъ искренности, благородства, человѣколюбія, такой безпристрастной и глубокой любви къ своей родинѣ, къ Русскому народу, къ Славянству, что голосу этого человѣка всѣ внимали съ уваженіемъ. Мало этого—съ этимъ голосомъ необходимо было считаться, и съ нимъ считались, какъ съ

нравственною и политическою силою. Не одна Русь, не Славяне только,—вся образованная Европа знала Аксакова, называла его по праву главой славянофильства и записывала его слова на страницахъ своихъ газетъ, какъ слова влiятельнаго и правдиваго человѣка, который отражалъ въ себѣ если не разумъ Руси, то ея глубокое и искреннее чувство. Въ этомъ сила его обаянiя и значенiя. Какъ публицистъ, онъ оставался поэтомъ, лирикомъ въ прозѣ, вдохновеннымъ выразителемъ русскаго чувства, русскихъ думъ. И никогда сила его вдохновенiя такъ не сказывалась, какъ въ тѣ минуты народной жизни, когда Русскiй народъ *чувствовалъ* какое-нибудь событiе. Тутъ писатель сливался со всякимъ русскимъ человѣкомъ, и всякiй русскiй человѣкъ сознавалъ, что Аксаковъ говоритъ именно то, чтò всякiй чувствуетъ, что онъ любитъ то, чтó любятъ всѣ, негодуетъ на то, на чтò всѣ негодуютъ. Онъ писалъ нервами и кровью, онъ переживалъ то, чтò писалъ, каждую свою мысль, каждое слово. Всѣ помнятъ еще событiя 1876—1877 годовъ, всѣ помнятъ, какое значенiе онъ имѣлъ тогда, какъ предсѣдатель Славянскаго Общества въ Москвѣ. Почти наканунѣ смерти онъ вспоминалъ объ этомъ. 25-го января, за два дня до смерти, въ послѣднемъ листѣ своей газеты, онъ писалъ о томъ одушевленiи, которое охватило тогда Русскую землю; передъ нимъ „живы до сихъ поръ, говорилъ онъ, образы мужиковъ заволжскихъ, новохоперскихъ и иныхъ отдаленныхъ мѣстностей Россiи, на колѣнахъ упрашивавшихъ, какъ о „Божеской милости", дарованiя имъ способовъ „помереть", мученическiй вѣнецъ прiять за освобожденiе братiй-христiанъ, Сербовъ, Черногорцевъ, Болгаръ, отъ басурманскаго ига или нашествiя". Онъ былъ въ это время на вершинѣ своего обаянiя, на вершинѣ исполненнаго высокаго долга, и имя его блистало какъ имя лучшаго человѣка. А когда усилiя Русскаго народа и русскихъ армiй начали ломать Берлинскимъ договоромъ, какое чудесное слово произнесъ онъ въ Славянскомъ Обществѣ! Это одна изъ самыхъ краснорѣчивыхъ, самыхъ пламенныхъ его рѣчей, гдѣ негодованiе русскаго человѣка вылилось съ удивительною силою. Онъ назвалъ Берлинскiй договоръ „открытымъ заговоромъ противъ Русскаго народа" и пророчилъ то, чтò и случилось. Рѣчь эта имѣетъ историческое значенiе, какъ крикъ растерзаннаго сердца народнаго, какъ горячiй протестъ противъ поруганiя Европою усилiй великаго народа и его доблестныхъ армiй. Взявшись за изданiе „Руси", онъ продол-

жалъ свое русское дѣло неустанно, до рокового часа смерти, и вся Русь, и все Славянство помянутъ добромъ и поклономъ его честное имя. Если былъ на Руси писатель, который съ дней юности до дня смерти сохранилъ всю силу своихъ убѣжденій, всю ихъ свѣжесть въ поэтическихъ, глубоко прочувствованныхъ порывахъ; если былъ писатель, который никогда не ступалъ на путь нечестивыхъ и лукавыхъ; если былъ писатель, который достоинъ, какъ писатель, названія *русскаго гражданина* высоко державшаго *русское* знамя духовнаго и политическаго развитія,— то этимъ писателемъ былъ И. С. Аксаковъ...

Передовая статья № 29 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

С.-Петербургъ, 29 января.

Когда, три года назадъ, телеграфъ разнесъ неожиданную вѣсть о кончинѣ „бѣлаго генерала", одна берлинская газета („Berl. Tageblatt"), слывущая за выразительницу неоффиціальныхъ, такъ сказать, чувствъ и помысловъ большинства германской націи, откровенно и чистосердечно заявила, что при всемъ уваженіи къ памяти Скобелева, она можетъ, съ политической и нѣмецко-національной точки зрѣнія, только радоваться, что наконецъ сошелъ со сцены и прекратилъ свою „агитаторскую дѣятельность одинъ изъ самыхъ энергичныхъ, храбрыхъ и опасныхъ „нѣмцеѣдовъ", какихъ когда-либо выдвигалъ изъ своей среды Русскій народъ, питающій будто бы непримиримую ненависть ко всему нѣмецкому. Вѣроятно, въ извѣстной части австро-мадьярской печати и вѣнско-пештскаго общества кончина И. С. Аксакова вызоветъ подобный же откликъ, и мы врядъ ли ошибемся, сдѣлавъ предположеніе, что въ глубинѣ души нѣкоторыхъ добро-австрійскихъ и добро-мадьярскихъ патріотовъ тяжелая и незамѣнимая потеря, понесенная Россіею и Славянствомъ, не возбудитъ особенно скорбнаго чувства. Можно ожидать даже нѣкотораго злораднаго удовольствія по поводу того, что „традиціонный, непримиримый врагъ" никогда болѣе не появится на столь страшномъ для „второй западно-славянской имперіи" восточно-славянскомъ полѣ брани. Не будетъ болѣе рѣчи объ интригахъ „des berüchtigten Herrn Aksa-

koff", не будетъ опасеній, что его нѣсколько увлекающееся иногда, но всегда искреннее и горячее слово раздастся изъ сердца Россіи съ предостереженіемъ Славянству не увлекаться кажущимися благами, предлагаемыми его же вѣковымъ врагомъ.

За время публицистической и политической въ обширномъ смыслѣ слова дѣятельности И. С. Аксакова многое измѣнилось, многое приняло совсѣмъ другой оборотъ, чѣмъ тотъ, который былъ намѣченъ на его знамени, и грустная дѣйствительность во многомъ не оправдала ожиданій, стремленій и идеаловъ, не оправдала даже цѣлесообразности самой мечты объ осуществленіи въ жизни оптимистическихъ и идеалистическихъ взглядовъ послѣдняго изъ могикановъ славянофильства. Но тѣмъ не менѣе, слово Аксакова до послѣдней минуты имѣло громадный вѣсъ во всемъ Славянскомъ и даже во всемъ западномъ мірѣ, и не оставалось безъ вліянія и въ лагерѣ отшатнувшихся отъ него прежнихъ друзей и единомышленниковъ. Даже клерикально-феодальная старочешская партія, увлекшаяся „государственною идеею чешскаго королевства" подъ сѣнью добро-австрійскаго и ergo анти-русскаго „римско-католическаго славянскаго знамени", не переставала цѣнить въ Аксаковѣ безкорыстнаго, убѣжденнаго, твердаго и рѣшительнаго публициста-политика; даже самъ д-ръ Ладиславъ Ригеръ, „краснѣющій" теперь отъ одной мысли, что двадцать лѣтъ назадъ онъ увлекался вмѣстѣ съ Палацкимъ „московскою этнографіею"; даже мечтатель-епископъ дьяковарскій Штроссмайеръ и его полу-іезуитская, совсѣмъ анти-русско-славянская, велико-хорватская католическая партія, стремящаяся вернуть въ ватиканское лоно весь схизматическій слявянскій Востокъ отъ Дуная до Эгейскаго моря и отъ Тріеста до Царьграда,—даже и эти люди, діаметрально разошедшіеся въ своихъ идеалахъ и убѣжденіяхъ съ „московскимъ шовинистомъ", не переставали питать къ нему глубокое уваженіе, не переставали прислушиваться къ его соображеніямъ и совѣтамъ.

Гораздо долѣе и искреннѣе сохранится, можно думать, престижъ и значеніе русскаго публициста въ средѣ молодаго славянскаго поколѣнія и такъ-называемыхъ „молодыхъ" партій, стремящихся къ дѣйствительному осуществленію національной своей независимости и сохраненію самобытныхъ достояній народнаго своего развитія. И въ средѣ Младо-Чеховъ, борющихся подъ главенствомъ д-ра Грегра за возстановленіе и независимость свобод-

ной славянской, а не добро-австро-католической Чехіи, и въ средѣ настоящихъ хорватскихъ патріотовъ, подъ предводительствомъ Старчевичей стремящихся свергнуть съ себя мадьярское иго, и во всей массѣ Сербскаго и Болгарскаго народа, не забитой еще и не одураченной окончательно всякими Гарашаниными и Каравеловыми, имя Аксакова продолжаетъ быть знаменемъ, одинаково дорогимъ какъ для безусловныхъ его поклонниковъ и приверженцевъ, такъ и для тѣхъ, которые, при всемъ къ нему уваженіи и признаніи его высокаго значенія, не находили возможнымъ въ цѣлости раздѣлять его взгляды и идеалы. Смерть Аксакова—потеря не для одной Россіи; свободная славянская печать, начиная отъ чешской газеты „Narodni Listy“ и хорватской „Horvatska“ (бывшей „Sloboda“), не преминетъ, вѣроятно, раздѣлить русское горе.

Русское общество находится подъ впечатлѣніемъ новой тягостной утраты, вѣсть о которой неожиданно облетѣла вчера Москву и Петербургъ. Никто не былъ готовъ къ этой прискорбной новости: хотя о разстроенномъ здоровьѣ И. С. Аксакова давно уже ходили слухи, но прошлогодняя поѣздка его въ Крымъ, продолжительный отдыхъ и затѣмъ возобновившаяся горячая, исполненная свѣжей энергіи журнальная работа его, позволяли думать, что онъ возвратилъ себѣ свои, далеко не истощенныя силы. И вдругъ разрывъ сердца внезапно прекратилъ эту кипучую и бодрую жизнь, въ которой, среди настоящихъ прискорбныхъ замѣшательствъ въ Славянскомъ мірѣ, казалось, чувствовалась особенная надобность... Утрата тѣмъ болѣе тяжкая, что Иванъ Сергѣевичъ не оставляетъ по себѣ преемника. У насъ существуетъ славянофильскій кружокъ и есть многочисленная семья истинно-русскихъ людей, мыслящихъ и чувствующихъ по русски, но нѣтъ того горячаго, талантливаго пера, которое заставляло понимать силу такихъ чувствъ и мыслей, нѣтъ того центральнаго русскаго сердца, которое умѣло биться вслухъ, сливаясь каждымъ біеніемъ съ пульсомъ народной жизни.

Въ нашей литературѣ и въ нашемъ общественномъ мнѣніи образъ Ивана Сергѣевича является преимущественно въ окраскѣ славянофильства, а на Западѣ—даже панславизма. Послѣднее уже совсѣмъ невѣрно, потому что панславизмъ явился и умеръ вмѣ-

стѣ съ Погодинымъ, а роль Аксакова въ славянофильствѣ началась именно съ того, что панславизму, т. е. служенію Славянъ Россіи, онъ противопоставилъ служеніе Россіи Славянамъ. Но не въ славянофильствѣ, во всякомъ случаѣ, главное значеніе Аксакова. Это была лишь одна сторона его духа и мысли, которую самъ онъ иногда напрасно выдвигалъ впередъ, но которая никогда не сдѣлала бы имя его столь дорогимъ и любимымъ въ Россіи, если бы надъ нею не преобладало его громадное значеніе *русскаго* человѣка и журналиста. Именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ тяжка и незамѣнима утрата, принесенная его смертью. Аксаковъ не только зналъ и любилъ Россію—ее многіе знаютъ и любятъ, — но онъ былъ *гордъ* Россіею, онъ носилъ въ своей крови и въ мозгу сознаніе ея величія и силы, и когда громко въ его пламенной и ὂбразной рѣчи звучало это сознаніе, русскіе люди чувствовали себя бодрѣе, лучше, способнѣе для большаго національнаго дѣла. Среди нашихъ отечественныхъ „Европейцевъ", онъ, со своимъ русскимъ взглядомъ и чувствомъ, былъ самымъ истиннымъ Европейцемъ въ томъ смыслѣ, что обладалъ самымъ дорогимъ достояніемь истинной культуры—просвѣщеннымъ чувствомъ народной гордости.

Въ журналистикѣ и въ общественной мысли Аксаковъ былъ не только представителемъ, но почти создателемъ совершенно самостоятельнаго теченія, главнымъ содержаніемъ котораго была борьба съ унизительными и лживыми формами петербургскаго европейничанья. Судьбы нашей цивилизаціи сложились такъ печально, что эта задача до сихъ поръ еще не исчерпана, и смерть, прекратившая дни издателя „Руси", образуетъ въ нашей текущей литературѣ громадный пробѣлъ. Пожелаемъ, чтобы печать наша раздѣлила духовное наслѣдство истинно-русскаго писателя, и продолжала бы, по мѣрѣ силъ, его благородное служеніе національному чувству. Знамя, которое держалъ въ своихъ рукахъ Аксаковъ, не его личное знамя; ему обязательно должна присягнуть вся русская печать — русская не по языку только, но и по духу.

Русская печать понесла тяжкую сердечную утрату, тѣмъ болѣе ощутительную утрату, что смерть И. С. Аксакова грозитъ, такъ-сказать, оставить одну изъ важнѣйшихъ нашихъ по-

литическихъ идей безъ достойнаго защитника. Не будетъ несправедливымъ сказать, что въ послѣдніе годы славянофильство все болѣе и болѣе удалялось въ журналистику, точнѣе — въ область журнальной полемики, оставляя другія, практическія области жизни, по причинамъ отчасти не совсѣмъ отъ него зависѣвшимъ.

Пока былъ живъ И. С. Аксаковъ, славянофильская доктрина бодро жила, и даже, можно признать, развивалась въ области журнальной полемики; пока онъ былъ живъ, съ его мнѣніемъ приходилось считаться, приходилось даже бороться, потому что, хотя часто оно и не отвѣчало дѣйствительному и точному пониманію момента, но всегда было искренно, живо, сердечно и увлекательно... За каждою строкою стоялъ и видѣлся мысленному взору честный челокѣкъ; когда онъ ошибался, онъ и ошибался какъ честный человѣкъ, и всякія низменныя побужденія были всегда чужды его вдохновенному слову къ обществу, которое онъ критиковалъ не безъ ѣдкости, и къ Русскому народу, который онъ любилъ такою пламенною любовью, какою могли любить этотъ народъ только свидѣтели и „печальники“ его житья въ крѣпостное время.

Неоднократно на этихъ самыхъ столбцахъ и тою же рукою, которая пишетъ эти надгробныя строки, противополагались сердечнымъ заблужденіямъ покойнаго болѣе холодные, а потому и болѣе практическіе, можетъ быть, взгляды на политическіе задачи и интересы Россіи. Насъ не заподозрятъ поэтому въ преувеличеніи, если мы повторимъ, что потеря И. С. Аксакова—тяжкая обще-русская потеря, объемъ и значеніе которой тогда только будутъ уяснены до наглядности, когда станетъ очевидно, какое большое пустое мѣсто оставилъ послѣ себя въ русской печати послѣдній могиканъ славянофильства...

Статья № 29 „Московскихъ Вѣдомостей“.

Скоропостижная кончина Ивана Сергѣевича Аксакова, вотъ событіе которое отзовется далеко. Его помянутъ повсюду. О характерѣ его политической дѣятельности могутъ быть разныя сужденія, но о немъ какъ о человѣкѣ разногласія быть не можетъ между всѣми его знавшими. Пишущій эти строки издавна

зналъ его и помнитъ съ тѣхъ поръ какъ онъ, еще мальчикомъ, сидѣлъ за книжкой, готовясь къ Училищу правовѣдѣнія. Тогда надъ семействомъ Аксаковыхъ еще не носился духъ исключительнаго кружка, а самъ глава этого почтеннаго семейства, Сергѣй Тимоѳеевичъ, до конца сохранялъ ясность и свободу своего глубоко русскаго духа.

Въ послѣдствіи, въ долговременной политической дѣятельности, мы шли съ Иваномъ Сергѣевичемъ близко другъ отъ друга, но къ сожалѣнію рѣдко приходилось намъ дѣйствовать согласно и союзно. Только въ разгаръ событій оскорбительныхъ для русскаго чувства розни между нами не было. Ея не было когда Европа судила насъ въ Берлинѣ; ея не было въ тѣ мрачные дни, которыми заключилось минувшее царствованіе...

Теперь, предъ раскрывшеюся могилой, не время для сужденій и оцѣнокъ. Лучше помянемъ и порадуемся, что покойный, отходя, взялъ съ собою неотъемлемое сокровище вѣры Христовой, неискаженной суемудріемъ, горячей, искренней, младенчески простой. (Далѣе слѣдуютъ свѣдѣнія о болѣзни И. С.—ча).

И. С. Аксаковъ *).

27-го января, въ Москвѣ, умеръ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

Немногія изъ общественныхъ утратъ производили такое сильное впечатлѣніе, какое произвела смерть Аксакова, потому что имя его пользовалось большою популярностью и въ Россіи и во всемъ Славянскомъ мірѣ; да и въ Западной Европѣ на Аксакова смотрѣли какъ на одного изъ самыхъ выдающихся представителей русскаго литературнаго міра и всего русскаго общества. Это былъ „общественный дѣятель“ въ полномъ смыслѣ слова. Чуждый всего казеннаго, онъ въ теченіи всей жизни своей былъ силенъ только своимъ чисто-общественнымъ значеніемъ. Всю свою силу онъ почерпалъ въ своей внутренней, нравственной сущности, въ своихъ живыхъ убѣжденіяхъ, въ своихъ природныхъ дарованіяхъ,

---

*) Изъ № 5 «Недѣли».

въ своей правдивой натурѣ, въ живой мощи слова, въ искренности рѣчи. Принимая живое участіе во всѣхъ нашихъ общественныхъ движеніяхъ, онъ всегда занималъ среди ихъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Шла ли рѣчь объ освобожденіи крестьянъ и объ ихъ устройствѣ, затрогивалось ли дѣло другихъ внутреннихъ реформъ, выступали ли на очередь національные вопросы, какъ польскій, оживлялось ли общество идеею освобожденія заграничныхъ Славянъ,—всюду былъ слышенъ громкій голосъ Аксакова и часто очень замѣтно выдавалась его руководящая рѣчь и даже его организаторская рука.

Опредѣляя характеръ Аксакова, нельзя руководствоваться какими-нибудь обыденными классификаціями. Его нельзя причислять ни къ консерваторамъ, ни къ либераламъ, ни къ радикаламъ, ни къ какимъ-либо другимъ подобнымъ группамъ. Онъ считался „славянофиломъ"; но и это опредѣленіе, строго говоря, не вполнѣ ему соотвѣтствовало, такъ какъ между нѣкоторыми его мнѣніями и мнѣніями прежде его отшедшихъ въ могилу вождей славянофильства нерѣдко замѣчалась рознь. Это была слишкомъ исключительная натура, совсѣмъ особенное явленіе въ нашемъ общественномъ мірѣ.

У Аксакова было вполнѣ самостоятельное и своеобразное міросозерцаніе, составлявшее неотдѣлимую часть всей его натуры. Его мысль, рѣчь и чувство отличались необыкновеннымъ единствомъ. Основною чертою его природы было глубокое чувство „народности", вѣра въ русское народное начало, въ своеобразность и достоинство этого начала, которое онъ всегда противополагалъ началамъ другихъ народностей. Съ этимъ вполнѣ гармонировала и его религіозность. Его глубокая приверженность къ православію, независимо отъ семейнаго преданія, въ значительной степени укрѣплялась сознаніемъ родственности православія и русской народности. Видя въ основѣ католицизма деспотическое начало, въ протестантизмѣ—извѣстную анархію, онъ чтилъ въ православіи соборное начало и видѣлъ единство на основаніи согласія всѣхъ. Его глубокія симпатіи къ Славянству исходили изъ того же начала народности. То же слѣдуетъ сказать и о симпатіяхъ къ Руси до-Петровской, такъ какъ въ позднѣйшихъ нашихъ порядкахъ Аксаковъ видѣлъ преобладаніе чуждыхъ началъ. Если ему приходилось впадать въ крайности и проявлять иногда нетерпимость, то и это вытекало изъ живаго, искренняго

чувства. Поэтому-то къ нему съ уваженіемъ относились и люди противоположныхъ съ нимъ мнѣній, которые никогда не ставили его на одну доску съ другими своими противниками, не разборчивыми въ средствахъ борьбы. Съ Аксаковымъ можно было спорить, вести борьбу на почвѣ мнѣній и аргументовъ, не опасаясь впутыванія иныхъ элементовъ, и это давало ему большое преимущесгво предъ другими публицистами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Аксаковъ былъ очень страстная натура. Въ немъ всегда сильно говорило „чувство", и это чувство заставляло его впадать въ непослѣдовательности и даже пристрастія. Это всего замѣтнѣе было именно въ вопросахъ народности. Глубоко чтя русскую народность и ея права, онъ, въ силу своего міросозерцанія, признавалъ также законныя права другихъ народностей, что̀ и высказывалъ въ спокойномъ состояніи, особенно въ первые годы своей общественной дѣятельности. Но какъ только закипала борьба народностей, чувство нерѣдко брало верхъ, увлекало его дальше границы, и онъ становился не чуждъ пристрастію. Тѣмъ не менѣе, и среди страстной борьбы, какъ напримѣръ въ моментъ обостренія польскаго вопроса, когда приходилось ставить границу между русскою и польскою народностью и вести борьбу съ послѣднею, Аксаковъ не былъ, подобно другимъ публицистамъ, приверженцемъ системы внѣшняго, механическаго, такъ-сказать полицейскаго давленія, въ которомъ видѣлъ мертвечину, но считалъ необходимымъ борьбу болѣе живыхъ силъ, къ которымъ и взывалъ. Не въ томъ полагалъ онъ задачу, чтобы только давить польское начало, но въ томъ, чтобы воскрешать и живить русское начало и этимъ путемъ доставлять ему побѣду. Не во внѣшнемъ усмиреніи Поляковъ видѣлъ онъ цѣль, но въ томъ, чтобы ввести въ польское дѣло животворную русскую силу, доброе русское начало, вести борьбу не оружіемъ только, но и добромъ, проявленіемъ котораго и было, напримѣръ, поземельное устройство польскихъ крестьянъ и преобразованіе ихъ общественнаго управленія съ поднятіемъ польскаго мужика. Надъ этимъ дѣломъ потрудились единомышленные Аксакову извѣстные общественные дѣятели, при его нравственной поддержкѣ. Антирусскимъ стремленіямъ онъ считалъ нужнымъ противопоставлять русскую организаторскую работу добраго дѣла, долженствовавшую возбудить симпатіи Польскаго „народа"; польской общественной силѣ—противопоставлять русскую общественную силу съ ея внутреннимъ

содержаніемъ. Въ вопросѣ славянскомъ Аксаковъ не былъ представителемъ теоріи внѣшняго славянскаго единства на основаніи подавленія народностей, и теоретически признавалъ право каждой народности на самостоятельность; онъ искалъ преимущественно нравственнаго общественнаго сближенія и солидарности, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ и уклонялся съ этой дороги. Если въ извѣстномъ смыслѣ Аксаковъ считался „охранителемъ", то это былъ охранитель, искавшій опоры не механической, а живой, нравственной. Его политическій идеалъ былъ въ сочетаніи существующей формы правленія съ просторомъ совѣщательному началу, развитіемъ общественной дѣятельности, съ свободою „совѣсти и слова", „мнѣнія и сомнѣнія", и онъ вѣрилъ въ возможность такого сочетанія.

Взросшій въ хорошей, образованной семьѣ, счастливой добрыми семейными преданіями (сынъ Сергѣя Тимоѳеевича и братъ Константина Сергѣевича Аксаковыхъ) и хорошо одаренный природою, Иванъ Сергѣевичъ смолоду, по окончаніи курса ученія въ Училищѣ правовѣдѣнія, отдался литературѣ и общественной дѣятельности. Его симпатіи были тѣ же, какія отличали его семью. Литературная дѣятельность его началась поэтическими произведеніями; затѣмъ, по порученію Географическаго Общества, онъ производилъ изслѣдованіе украинскихъ ярмарокъ, а по служебному порученію участвовалъ въ коммисіи по изученію раскола въ одной изъ сѣверовосточныхъ губерній (бѣгуны). Въ концѣ же пятидесятыхъ годовъ онъ выступилъ на поприще публициста. Въ это время издавался въ Москвѣ славянофильскій журналъ „Русская Бесѣда", редакторомъ котораго считался покойный А. И. Кошелевъ. Журналъ былъ ученый и литературный, и здѣсь-то появился рядъ статей о западныхъ и балканскихъ Славянахъ, имѣвшій цѣлью ближе познакомить русское общество съ Славянскимъ міромъ. Тамъ помѣщались капитальные труды этого рода. Въ 1858 и 1859 годахъ Аксаковъ былъ фактическимъ редакторомъ „Русской Бесѣды". Въ началѣ 1859 года попытался онъ издавать собственный органъ, еженедѣльную газету „Парусъ", но эта газета окончила свое существованіе послѣ выпуска втораго номера, вслѣдствіе цензурныхъ условій. Послѣ того литературная его дѣятельность на время сократилась, чему содѣйствовала болѣзнь его брата Константина Сергѣевича, умершаго въ 1860 году на одномъ изъ Іоническихъ острововъ, во время пу-

тешествія къ Славянамъ. Въ 1860 году „Русской Бесѣды" вышло только двѣ книжки. Но въ концѣ 1861 года И. С. началъ издавать еженедѣльную газету „День" при участіи славянофильскаго кружка и многихъ другихъ сотрудниковъ. Это была одна изъ лучшихъ эпохъ дѣятельности Аксакова. Время было горячее. Только-что началось крестьянское дѣло, къ которому „День" отнесся съ живѣйшимъ участіемъ; вырабатывались и разбирались основы судебной реформы. Выступилъ польскій вопросъ, но еще не въ той острой формѣ, какую онъ принялъ впослѣдствіи, а въ той, при которой возможно было обоюдное открытое сведеніе русско-польскихъ счетовъ. Возстаніе въ Герцеговинѣ подъ предводительствомъ Вукаловича подняло вновь вопросъ о балканскихъ Славянахъ. Всѣмъ этимъ вопросамъ служила газета „День". На ея страницахъ появилась масса статей по крестьянскому дѣлу. Статьи о польскихъ дѣлахъ писались не только Аксаковымъ и главнымъ сотрудникомъ его по этому предмету В. А. Елагинымъ, но и многими Поляками, которые тоже пытались разъяснить взаимныя отношенія путемъ печати. Появилась принципіозная статья извѣстнаго польскаго писателя Грабовскаго, затѣмъ посыпались другія статьи Поляковъ, и литературный русско-польскій споръ представлялъ большой интересъ. Иные изъ завзятыхъ, непримиримыхъ Поляковъ являлись въ общество И. С. Аксакова для устныхъ споровъ. По славянскимъ дѣламъ также печаталось много статей самими Славянами. Однимъ словомъ, „День" сталъ интересенъ для массы людей самыхъ разнообразныхъ группъ; это выражалось, между прочимъ, и въ подпискѣ, которая въ первое время доходила до 4 тысячъ подписчиковъ—количество большое для тогдашней еженедѣльной газеты. Въ 1862 году газета „День" *) временно была пріостановлена за критику остзейскихъ порядковъ, и потомъ редакторство оффиціально перешло къ Ю. Ѳ. Самарину, но не надолго, такъ какъ И. С—чу скоро возвращено было его право.

Польское возстаніе 1863 года нѣсколько измѣнило положеніе дѣла и вызвало со стороны Аксакова рѣзкое отношеніе къ Полякамъ. Польское сотрудничество въ газетѣ прекратилось. Симпатичное отношеніе газеты къ Муравьевской системѣ, несмотря на ея крайности, отдалило и нѣкоторыхъ русскихъ отъ кружка газеты „День". Въ это время „День" усиленно занялся вопросомъ

*) Не «День», а «Москва» въ 1867 г. *Ред.*

о русской народности въ Западномъ краѣ, преимущественно о поднятіи Бѣлорусскаго населенія. „День" продолжалъ издаваться до конца 1865 года, и затѣмъ, по личнымъ обстоятельствамъ редактора, прекратился. Но въ началѣ 1867 года Аксаковъ предпринялъ ежедневную газету „Москва", издававшуюся въ томъ же духѣ. Здѣсь много удѣлялось мѣста, независимо отъ прежнихъ вопросовъ, вопросамъ объ охранѣ русской промышленности (тогда пересматривался таможенный тарифъ), и „Москва" сильно стояла за протекціонную систему. Газета эта скоро была остановлена за статьи о тогдашнемъ сѣверно-русскомъ голодѣ, въ которыхъ существованіе голода рѣзко выставлялось на видъ, тогда какъ администрація его отрицала.

Вообще отношеніе цензурнаго надзора къ дѣятельности Аксакова было самое странное. Съ свободною прямою рѣчью и раскрытіемъ фактовъ не мирились, въ нихъ видѣли что-то вредное, какое-то потрясеніе основъ, тогда какъ впослѣдствіи съ полнѣйшею наглядностью обнаружилось, что тутъ было одно изъ обычныхъ недоразумѣній, и сущность міросозерцанія Аксакова уживалась даже съ требовательнымъ „консерватизмомъ". Потрясеніе основъ смѣшивали съ затрогиваніемъ щекотливыхъ административныхъ самолюбій. „Москву" прерывали нѣсколько разъ, и она повременамъ замѣнялась „Москвичемъ", изданіе котораго было разрѣшено другому редактору, но велось совершенно въ духѣ „Москвы". Наконецъ, и „Москва", и „Москвичъ", въ 1868 году, были прекращены. Такому же преслѣдованію подвергалась прежде и газета „День", которую хотя не прерывали, но запрещали много статей, такъ что не разъ вмѣсто передовой статьи значилось только: „Москва, такого-то числа" и затѣмъ—черта.

Одновременно съ дѣятельностью въ печати Аксаковъ принималъ живѣйшее участіе въ образованномъ 25 лѣтъ тому назадъ Московскомъ Славянскомъ Благотворительномъ Комитетѣ. Онъ, можно сказать, былъ душою этого комитета, чтò всего яснѣе выразилось въ 1876 году, въ эпоху возстанія Герцеговины и Сербіи, когда Аксаковъ былъ дѣйствительнымъ центромъ тогдашняго общественнаго движенія въ пользу Сербовъ, Болгаръ и Герцеговинцевъ. Все это еще живо въ памяти всѣхъ, и потому нѣтъ надобности особенно объ этомъ распространяться. Послѣ турецкой войны, Аксаковъ рѣзко порицалъ наши уступки при заключеніи Берлинскаго трактата и сказалъ по этому поводу сильную

рѣчь въ Славянскомъ Обществѣ, въ результатѣ чего это общество было закрыто, а самъ Иванъ Сергѣевичъ удаленъ въ деревню.

Аксаковъ занималъ еще мѣсто въ управленіи Московскимъ Купеческимъ Обществомъ взаимнаго кредита, но тамошняя дѣятельность нужна ему была собственно для матеріальной поддержки, и скорѣе тяготила его. Не имѣя значительнаго состоянія, онъ безъ службы обойтись не могъ.

Журнальная дѣятельность Аксакова еще разъ возобновилась въ концѣ 1880 года, когда онъ началъ издавать газету „Русь", продолжавшуюся до дня его смерти. „Русь", впрочемъ, значительно отличалась отъ прежнихъ его изданій. Сузился кругъ участниковъ Аксаковскаго изданія, измѣнилась физіономія его, встрѣчались непослѣдовательности; нетерпимость и односторонность стали выступать чаще. При общей чертѣ Аксакова, преимущественно человѣка „чувства", тутъ, можетъ быть, сказывалось и вліяніе возраста. Но въ „Руси" также были выдающіяся по достоинству статьи, еще свѣжія въ нашей памяти, напримѣръ—статья противъ враговъ судебной реформы и очень недавняя статья о крайностяхъ классической системы средняго образованія, обѣщавшая хорошее продолженіе.

Каковы бы, однако, ни были частности и случайныя увлеченія Аксакова—не о нихъ говорить въ тѣ минуты, когда сходитъ въ могилу симпатичный, живой, честный и неустанный общественный дѣятель, на смѣну котораго другихъ не видно. Всѣ недоумѣнія, всѣ неудовольствія должны утихнуть въ такой моментъ, и они слишкомъ перевѣшиваются общимъ итогомъ, общимъ характеромъ дѣятельности скончавшагося. Искренность и прямота—такія качества, которыя и оцѣнить трудно. Даже и въ то время, когда въ рѣчи Аксакова чувствовались фразы, повторенія,—замѣтно было, что подъ внѣшностью словъ бьетъ что-то живое, сильно чувствуемое и, можетъ быть, только несовсѣмъ ясно выражаемое. И друзья, и противники могутъ единодушно, не формально, но съ полною искренностью сказать: миръ праху твоему, достойный общественный дѣятель, Иванъ Сергѣевичъ!

Въ ряду общественныхъ тружениковъ Аксаковъ оставляетъ ощутительную пустоту, не потому только, что съ нимъ сходитъ въ могилу послѣдній „славянофилъ", но и потому, что исчезаетъ

искренній, нелицемѣрный общественный ораторъ, умѣвшій будить въ людяхъ живое чувство и сознаніе своей народности.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ *).

Въ понедѣльникъ, 27-го января, скончался въ Москвѣ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, сынъ также извѣстнаго писателя, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Онъ родился 26-го сентября 1823 года, и съ 1852 года выступилъ на литературное поприще, какъ поэтъ и публицистъ. Будучи горячимъ патріотомъ и глубоко вѣрующимъ христіаниномъ, онъ съ неуклоннымъ постоянствомъ и рѣдкою энергіею проводилъ одушевлявшія его мысли въ своихъ изданіяхъ, памятныхъ для всей читающей Россіи. Это были: „Русская Бесѣда", „Парусъ", „Москва", на короткое время замѣненная „Москвичемъ", „День" и, наконецъ, „Русь". Онъ принадлежалъ къ такъ-называемой славянофильской партіи, и имя его съ благодарнымъ чувствомъ и глубокой симпатіей произносилось всѣми нашими славянскими братьями.

Для читателей „Русскаго Паломника" память его особенно должна быть дорога, потому что это вполнѣ православный человѣкъ и писатель, вѣрно понимавшій значеніе духовенства въ общемъ ходѣ русской общественной и народной жизни. Но и вообще вся вѣрующая и православная Россія, къ какому бы сословію ни принадлежали отдѣльные сыны ея, единодушно будетъ оплакивать утрату этого высокодаровитаго и честнаго писателя. Дѣйствительно, Иванъ Сергѣевичъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся бойцовъ за православіе. Въ этомъ дорогомъ достояніи Русскаго народа онъ видѣлъ краеугольный камень его бытія и историческихъ судебъ. Онъ понималъ, что все прошедшее, настоящее и будущее Россіи связано многочисленными нитями съ тою чистою вѣрою, которую она получила съ Востока. По понятію Ивана Сергѣевича, живой источникъ этой вѣры проникалъ во всѣ фибры нашего народнаго организма; немерцающій свѣтъ православнаго христіанства яркой полосой освѣщалъ умъ и совѣсть

---

*) Изъ № 6 „Русскаго Паломника".

русскаго человѣка; недосягаемый идеалъ нравственнаго совершенства, проповѣдуемый Евангеліемъ, заставлялъ биться его сердце, возбуждалъ его къ тѣмъ великимъ подвигамъ на поприщѣ добра, правды и любви къ человѣчеству и отчизнѣ, которыми ознаменовано свышетысячелѣтнее существованіе Россіи, и предъуказывалъ тотъ прямой и вѣрный путь, по которому Русская земля должна шествовать къ совершенію своихъ великихъ судебъ. Безъ православія нѣтъ Россіи, думалъ Иванъ Сергѣевичъ, и это онъ выражалъ въ пламенной, убѣжденной, изъ глубины души исходящей рѣчи.

Русское православное духовенство, лучшіе представители котораго приняли самое сердечное участіе при погребеніи Ивана Сергѣевича, было однимъ изъ первыхъ сословій, примкнувшихъ къ выраженію общей печали по поводу его кончины. И было отчего. Вѣрно оцѣнивая значеніе православія въ русской жизни, Иванъ Сергѣевичъ естественно признавалъ нообходимымъ ввести духовенство въ самый центръ этой жизни и слить его со всѣми сословіями въ одно нераздѣльное цѣлое, пополняя ряды его отовсюду, гдѣ жива вѣра и крѣпко сознаніе безконечной плодотворности православнаго ученія. Понятно поэтому, отчего онъ такъ горячо заботился о нравственномъ возвышеніи духовенства и о его непосредственномъ воздѣйствіи на народъ въ проповѣди, внѣцерковныхъ собесѣдованіяхъ и школѣ. Его ясный умъ понималъ естественность и необходимость союза духовенства съ народомъ, а глубокое религіозно-патріотическое чувство подсказывало ему тѣ способы, которыми можетъ быть достигнутъ этотъ вожделѣнный союзъ.

И не безплодна была рѣчь его; не звенящею мѣдью или кимваломъ звяцающимъ разносилась она по Россіи. Тѣ идеи о значеніи православной вѣры и ея непосредственныхъ органовъ, которыя онъ такъ горячо и убѣжденно отстаивалъ въ своихъ изданіяхъ, все болѣе и болѣе входятъ въ сознаніе русскаго общества, и не далеко время, когда онѣ окончательно завоюютъ принадлежащее имъ мѣсто, даже въ умахъ сомнѣвающихся. Велика эта заслуга, и нельзя съ благодарнымъ чувствомъ не вспомнить о ней въ эти минуты, когда только-что замолкла его вдохновенная рѣчь.

И. С. Аксаковъ *).

1823 † 1886 г.

27 января, въ 7 час. вечера, скончался Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Имя почившаго великаго русскаго дѣятеля и патріота пользовалось чуть не всемірною извѣстностію. Русскіе люди видѣли въ Аксаковѣ борца за русскіе интересы, за честь и славу Россіи; Славяне—борца за ихъ свободу. Любя Россію, Аксаковъ гордился ея величіемъ и могуществомъ. Во всю свою жизнь онъ высоко держалъ русское знамя, постоянно ратуя за національные интересы въ международныхъ сношеніяхъ, и потому-то пользовался огромнымъ нравственнымъ авторитетомъ среди Русскихъ и Славянъ. Изучивъ хорошо Русскій народъ, онъ каждую уступку нашей дипломатіи западнымъ державамъ находилъ несообразною съ честью и достоинствомъ Россіи.

Злополучный для Россіи Берлинскій трактатъ и закрытіе Московскаго Славянскаго Общества, въ которомъ почившій громко протестовалъ противъ налагаемаго на Россію позорнаго пятна—стать предательницею доблестныхъ Сербовъ Босніи и Герцеговины и послѣдовавшее занятіе этихъ областей Австріею, сильно надорвали его силы. Какъ пламеннѣйшій русскій патріотъ и глубоко преданный престолу, Иванъ Сергѣевичъ не отчаявался въ будущности Россіи.

Балканскія дѣла, черная неблагодарность со стороны Болгаръ, за свободу которыхъ онъ столько ратовалъ, сербско-болгарская братоубійственная борьба, начатая чуть не по повелѣнію Австріи, направленіе принимаемое русскою политикою въ Восточномъ вопросѣ, — все это не могло не повліять на его разстроенное здоровье. Стоило ему немного только подумать къ чему можетъ привести противоестественный союзъ Россіи съ Германіею и Австріею, чтобы снова были поколеблены его надежды—и сердце его обливалось кровью.

---

*) Изъ № 337 газеты «Востокъ», отъ 31 января.

Въ послѣдніе дни Иванъ Сергѣевичъ, какъ можно было видѣть изъ цѣлаго ряда статей помѣщенныхъ въ „Руси", старался укрѣпить духъ своихъ читателей, вполнѣ раздѣлявшихъ его мысли. Казалось, что его какъ будто не смущали надвигающіяся съ Запада тучи. А между тѣмъ онъ въ это самое время испытывалъ глубочайшее страданіе. Онъ не могъ не видѣть, что благодаря цѣлому ряду недоразумѣній и ошибокъ, не однимъ имъ предвидѣнныхъ и высказанныхъ, разрушалось завѣтное историческое призваніе Россіи на православномъ Востокѣ, разрушались плоды усилій многихъ поколѣній. Бѣдная Черногорія, опоясанная австрійскими фортами, многострадальныя Боснія и Герцеговина, преданныя нами злѣйшему врагу православія и Славянства — Швабо-Мадьяріи, поруганная Сербія, ожидающая той же участи и не находящая ни малѣйшей защиты въ Россіи освобожденная Россіею Болгарія съ Восточною Румеліею, управляемыя нѣмецкимъ принцемъ и надѣленныя Русскими же самою радикальнѣйшею и безобразнѣйшею въ мірѣ конституціею, — всѣ эти мысли не покидали его до самой кончины. Болѣзнь сердца, которая надломила крѣпкую натуру И. С. Аксакова, свела его въ могилу. Онъ умеръ истиннымъ христіаниномъ, напутствованный, за нѣсколько минутъ до своей кончины, Св. Тайнами.

Какъ истинный русскій патріотъ, не поддававшійся ни на какія сдѣлки противныя его совѣсти, Иванъ Сергѣевичъ имѣлъ немало враговъ и въ Россіи, и за границей.

Въ органахъ русской печати, издаваемыхъ не русскими людьми, и въ заграничныхъ газетахъ, преимущественно въ нѣмецкихъ и мадьярскихъ, нападки на публицистическую и патріотическую его дѣятельность не прекращались до самой его смерти. Не отрицая въ Аксаковѣ честности и прямоты, нѣмецко-мадьярская печать тѣмъ не менѣе съ особымъ злорадствомъ встрѣтила вѣсть о смерти Аксакова. Вѣдь не стало честнѣйшаго борца за русскіе и славянскіе интересы, борца, который отлично умѣлъ познавать и обнаруживать тайны берлинской и вѣнской политики, которой никакъ не могутъ разгадать ни русскіе дипломаты, ни даже „Московскія Вѣдомости".

Да, поистинѣ, великихъ русскихъ людей, никѣмъ не замѣняемыхъ, теряетъ въ послѣдніе годы Россія, людей, которые, какъ любящіе Св. Русь, глубоко печалились объ ея невзгодахъ, безчестіи, позорѣ. Они видѣли въ Россіи силу и крѣпость, тогда какъ

ихъ недруги считаютъ и донынѣ Россію слабою и ничтожною, государствомъ, которое должно слѣдовать антинародной политикѣ и пользоваться указаніями Берлина и Вѣны.

Иванъ Сергѣевичъ жилъ не столько для себя, сколько для своихъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ братьевъ. Не десятками, а сотнями тысячъ слѣдуетъ считать его личныя пожертвованія на пользу Славянъ и Русскихъ, также какъ на поддержаніе возстанія Сербовъ въ Босніи и Герцеговинѣ, въ 1861, 62, 75 и 76 годахъ. Въ 1866—67 г. И. С-чъ сильно ратовалъ въ своей „Москвѣ“ за доблестныхъ Грековъ острова Крита; по его инициативѣ состоялась тогда паннихида въ греческомъ монастырѣ за „христолюбиво и братолюбиво пострадавшихъ“, вызвавшая неудовольствіе со стороны Министерства иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ и предостереженіе „Москвѣ“. Дѣятельность его какъ предсѣдателя Славянскаго Комитета, а затѣмъ Славянскаго Общества, всѣмъ извѣстна. Никто и никогда не заподозривалъ его въ нечестности и непрямотѣ, что̀ было отличительною чертою его характера, также какъ и глубокая ревность по Православной Церкви. Для него Грекъ, Румынъ и Грузинъ всегда были ближе западнаго Славянина—Чеха, Словака, Хорвата, и онъ желалъ, чтобы прежде эти народы возвратились въ лоно Православной Церкви, а затѣмъ уже примкнули къ Россіи.

Еще недавно находились люди, обвинявшіе Аксакова, какъ редактора „Руси“, въ „недостаточномъ патріотизмѣ“. Съ высоты же престола онъ признается лицомъ, „котораго уважали какъ честнаго человѣка и преданнаго русскимъ интересамъ“. Этимъ признаніемъ какъ бы свидѣтельствуется, что Русскій Царь и сердцемъ и душою мыслитъ за одно съ Русскимъ народомъ. Аксакова хоронила, можно-сказать, вся Россія, ибо почти-что во всѣхъ епархіальныхъ по крайней мѣрѣ городахъ, начиная отъ Петербурга, Кіева, Одессы, Харькова, Вильны, Казани, Варшавы и другихъ, совершены были не однажды заупокойныя о немъ моленія, а въ Москвѣ чуть не весь городъ поднялся проводить его до послѣдняго его жилища.

Православный Славянскій міръ, для котораго почившій жилъ, трудился и готовъ былъ положить свою душу, вознесетъ свои искреннія молитвы объ упокоеніи глубоко-вѣрующей души усопшаго, котораго ждетъ лучшій міръ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали. Его всегдашняя, ни на минуту не покидавшая мысль, что

великая Русь довершитъ освобожденіе родственныхъ ей по вѣрѣ народовъ и исполнитъ свою историческую задачу, исполнится, хотя и съ великими жертвами, ибо такова воля Божія, которая въ продолженіи столькихъ вѣковъ направляетъ Россію на Востокъ.

Передовая статья № 1752 «Южнаго Края».

Харьковъ, 28 января.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ скончался... Какъ болѣзненно отзовется эта скорбная вѣсть въ сердцахъ истинно-русскихъ людей, въ серцахъ славянскихъ патріотовъ, хотя сколько-нибудь знакомыхъ съ многолѣтнею литературною и политическою дѣятельностью знаменитаго публициста! Но за то съ какою радостью узнаютъ о его кончинѣ открытые и замаскированные враги Россіи и Славянства! Какъ возликуетъ по поводу ея руссофобствующая печать и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ, и въ Пештѣ, и въ Краковѣ, особенно въ настоящее время, когда неотразимый ходъ событій выдвигаетъ на очередь все тотъ же Восточный вопросъ, съ правильнымъ пониманіемъ котораго неразрывно связаны вопросы объ историческомъ призваніи и самобытномъ развитіи Русскаго народа, для разъясненія которыхъ Иванъ Сергѣевичъ и дѣломъ и словомъ работалъ „отъ молодыхъ ногтей" до самой смерти...

Въ теченіе всей своей публицистической дѣятельности Аксаковъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей славянофильской партіи, въ теченіе долгаго времени онъ былъ и вождемъ ея. Въ качествѣ публициста Аксаковъ выступилъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда наряду съ преобразованіями, совершавшимися по мысли и предначертаніямъ покойнаго Государя, шло глухое общественное броженіе,—когда первымъ признакомъ образованія и „благороднаго образа мыслей" въ массѣ русской интеллигенціи считалось раболѣпство передъ Западной Европой, презрительное отношеніе къ преданіямъ и святынямъ Русскаго народа. И вотъ, въ это-то всѣмъ памятное время Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ и взялся за перо публициста, и въ теченіе мно-

гихъ лѣтъ, невзирая на всѣ невзгоды и „независящія отъ редакціи обстоятельства", онъ высоко несъ свое знамя, ратуя за національную политику въ международныхъ сношеніяхъ, за политическую и нравственную солидарность Россіи съ Славянскимъ міромъ, за истинное просвѣщеніе и истинную свободу, разоблачая ложь и пустоту консервативныхъ, либеральныхъ и радикальныхъ доктринеровъ, порвавшихъ всякія связи съ своимъ народомъ и мечтавшихъ облагодѣтельствовать его по рецепту англійскихъ торіевъ, французскихъ буржуа или „новыхъ людей" „всесвѣтной революціи". Плохо понимаемый читающею толпой, со всѣхъ сторонъ осыпаемый клеветами, принужденный вести борьбу „съ презрѣнными бойцами", которые во имя „прогресса" и „коммуны" не разъ взывали къ „уставу о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій", Аксаковъ твердо шелъ къ разъ намѣченной цѣли—

Къ трудамъ благимъ, къ рѣшенію задачъ,
На жаркій бой, на подвигъ испытаній.

Какъ публицистъ, Иванъ Сергѣевичъ былъ сразу замѣченъ. Глубина и сила мысли, блестящее изложеніе и тотъ, покоряющій умы и сердца паѳосъ, которымъ отличаются люди всецѣло преданные безкорыстному служенію идеалу,—вотъ что̀ бросалось въ глаза даже при поверхностномъ чтеніи публицистическихъ статей Аксакова...

Вѣчная память незабвенному писателю, честно послужившему родной землѣ и великому дѣлу возрожденія Славянъ подъ сѣнью Православной Церкви и исконно-русскихъ и славянскихъ началъ!

Отвѣтъ „Новостямъ".

I *).

Въ „Новостяхъ" не прекращаются жалкія попытки представить въ извращенномъ видѣ дѣятельность покойнаго Аксакова.

*) Изъ № 3581 „Новаго Времени".

чтобы умалить ея значеніе и поднять свое. Уморительная претензія!

Сегодня, напримѣръ, „Новости“ напечатали глумленіе—неизвѣстно уже надъ кѣмъ—по поводу того, что въ Тихвинѣ нашлись своеобразные поклонники Аксакова, которые смѣшали его идеи съ преобразовательными идеями Петра I....

Сегодня же мы получили вышедшій въ Москвѣ предпослѣдній нумеръ „Руси“, посвященный кончинѣ Аксакова. Между прочимъ, здѣсь воспроизведены всѣ телеграммы, присланныя изъ разныхъ концовъ Россіи и Славянскаго міра съ выраженіемъ соболѣзнованій по поводу этой безвременной кончины. Эти телеграммы даютъ неложный и вполнѣ категорическій отвѣтъ на дрянныя писанія „Новостей“.

Можно сказать безъ преувеличенія, что вся образованная Россія и весь Православно-Славянскій міръ, какъ одинъ человѣкъ, отозвались на горестное событіе. Мы внимательно пересмотрѣли эти телеграммы, и можемъ свидѣтельствовать, что эти телеграммы, отправленныя изъ разныхъ мѣстъ и, конечно, безъ всякаго взаимнаго соглашенія отправителей—подъ живымъ впечатлѣніемъ извѣстія о кончинѣ Аксакова—выражаютъ одну и ту же мысль, одно и то же убѣжденіе, что смерть Аксакова—„общерусская и общеславянская скорбь“, а слѣдовательно такова мысль, таково убѣжденіе всей Россіи, за исключеніемъ гг. Нотовича, Модестова, Михневича и прочей компаніи „Новостей“.

Вотъ, такъ сказать, внѣшняя классификація этихъ телеграммъ. Общее число ихъ свыше 160. Въ томъ числѣ до 130 телеграммъ отъ Русскихъ и до 30 отъ Славянъ Балканскаго полуострова и Австро-Венгріи. Во главѣ русскихъ телеграммъ, какъ извѣстно уже, стоитъ телеграмма Государя Императора и нѣкоторыхъ членовъ Царской семьи. Затѣмъ идутъ: *двѣ* телеграммы отъ высшихъ духовныхъ особъ, *четыре* телеграммы отъ военныхъ и гражданскихъ сановниковъ (отъ гр. Игнатьева, гр. Милютина, гг. Побѣдоносцева и Делянова); *шесть* телеграммъ отъ ученыхъ учрежденій (2-го отдѣленія Академіи Наукъ, Русскаго Географическаго Общества, университетовъ Св. Владиміра, Харьковскаго, Новороссійскаго и Ярославскаго Демидовскаго лицея). Сверхъ того, очень много телеграммъ отъ учитей гимназій, кадетскихъ корпусовъ и другихъ учебныхъ заведеній.

Довольно многочисленный разрядъ телеграммъ—отъ мѣстныхъ

административныхъ и общественныхъ учрежденій. Мы насчитали ихъ свыше *двадцати пяти*, въ томъ числѣ: отъ черниговскихъ губернскихъ чиновъ общественныхъ и сословныхъ учрежденій, какъ то: дворянства, городскаго общества, земскаго собранія, мѣстныхъ воинскихъ частей и т. д. Тоже изъ Симферополя. Затѣмъ: отъ вологодскаго губернскаго земскаго собранія; отъ тверской и курской губернскихъ земскихъ управъ; особо отъ дворянствъ: самарскаго, смоленскаго и арзамасскаго; отъ дворянства и всѣхъ сословій Астраханской губерніи. Особо отъ городскихъ думъ: Казанской, Харьковской, Псковской, Полтавской, Самарской, Болградской, Богородской, Ирбитской и т. д.

Печать петербургская и провинціальная отозвалась въ количествѣ 28 изданій, не считая московской печати, которая, конечно, не имѣла надобности прибѣгать къ телеграммамъ. Между прочимъ была корпоративная телеграмма отъ латышской печати.

Отъ русской учащейся молодежи телеграммы получены отъ правовѣдовъ, отъ студентовъ Петербургскаго университета, Петербургской Духовной Академіи, Военно-Медицинской Академіи, Горнаго института, Харьковскаго университета и Кіевскаго филологическаго факультета.

Затѣмъ много телеграммъ отъ благотворительныхъ обществъ и разныхъ общественныхъ кружковъ, а также отъ отдѣльныхъ почитателей покойнаго. Въ числѣ послѣднихъ много именъ извѣстныхъ всей Россіи и пользующихся заслуженнымъ уваженіемъ, напримѣръ: Стояновскій, Танѣевъ, Галаганъ, Чичеринъ, Сабуровъ, В. Безобразовъ, М. Раевскій, Бутлеровъ, князь Шаховской, Дандевиль и мног. др.

Особаго вниманія заслуживаютъ телеграммы изъ славянскихъ земель и отъ Славянъ. Эти телеграммы даютъ самое несомнѣнное свидѣтельство о лживости той басни, которую пустили „Новости“ при первомъ извѣстіи о смерти Аксакова, а именно будто даже „среди братушекъ“ обаяніе Аксакова уступило мѣсто вліянію г. Нотовича и прочихъ писателей изъ „Новостей“...

Изъ Софіи прислано *шесть* телеграммъ, въ томъ числѣ: митрополита Климента, отъ имени Софійской митрополіи со всѣмъ духовенствомъ; отъ имени русскихъ воспитанниковъ Болгаръ (за подписью 5 лицъ, въ томъ числѣ Каравелова); двѣ телеграммы отъ Болгарскаго Книжнаго Дружества за подписью предсѣдателя

Стоянова; изъ телеграммъ одна свидѣтельствуетъ, что „прискорбное извѣстіе о преждевременной кончинѣ именитаго и незабвеннаго И. С. Аксакова, многоуважаемаго почетнаго члена Болгарскаго Книжнаго Дружества, *великаго дѣятеля Славянства и благодѣтеля Болгарскаго народа*, отозвалось потрясающимъ ударомъ въ сердцахъ всѣхъ его почитателей въ Болгаріи“; другая же телеграмма сообщаетъ, что Книжное Дружество въ полномъ собраніи, послѣ панихиды, въ память „о великой дѣятельности И. С. на благо Славянства и Болгарскаго народа“, учредило премію имени покойнаго въ 2,000 франковъ, пожертвованныхъ однимъ изъ его воспитанниковъ, на сочиненіе *Исторіи воспитанія Болгаръ въ Россіи*, тѣсно связанной съ именемъ Ивана Сергѣевича“.

Двѣ телеграммы изъ Софіи за многочисленными подписями, а именно: одна за 34 подписями, во главѣ которыхъ стоитъ Д. Цанковъ, и другая за 38 подписями, во главѣ которыхъ митрополитъ Климентъ, полковникъ Кесяковъ и Каравеловъ. Въ послѣдней телеграммѣ говорится между прочимъ: „мы потеряли достойнаго и незамѣнимаго борца нашей свободы, любящее сердце котораго было такъ отзывчиво ко всякому горю Болгаръ. Незабвенный Иванъ Сергѣевичъ былъ не только провозвѣстникомъ нашего народнаго движенія, но и со свойственной ему теплотой души подготовлялъ дѣятелей этого возрожденія. Наша учащаяся молодежь всегда находила у почившаго искреннюю поддержку. Дорогой всѣмъ намъ И. С. будетъ вѣчно жить между нами своимъ теплымъ чувствомъ и добрымъ дѣломъ. Вѣчная память великому дѣятелю нашего возрожденія и неутомимому борцу нашей свободы“.

Изъ Филиппополя прислали *три* телеграммы: митрополитъ Герасимъ отъ имени духовенства, городской голова отъ имени городскаго населенія и г-жа Радокирковичъ—отъ женской гимназіи. Изъ городовъ Елены и Рущука—городскихъ кметовъ отъ всего населенія. Изъ Габрова отъ директора гимназіи. Изъ Шумлы (на имя московскаго городскаго головы) за подписью 22 лицъ съ г. Икономовымъ во главѣ. Эти „граждане города Шумлы“, оплакивая смерть почившаго „друга“, называютъ Аксакова „великимъ русскимъ гражданиномъ“, „лучшимъ и благороднѣйшимъ представителемъ Славянства“, „величайшимъ доброжелателемъ и благодѣтелемъ Болгаръ, имя и вся дѣятельность котораго тѣснѣйше связаны съ пробужденіемъ и освобожденіемъ Болгаріи“.

Накенецъ получены телеграммы отъ Болгаръ, проживающихъ

въ Кіевѣ, Кишиневѣ, Николаевѣ и отъ Одесскаго болгарскаго настоятельства.

Отъ Сербовъ прислали телеграммы: петербургскій посланникъ Груичъ; изъ Бѣлграда—сербское ученое общество за подписью Іовановича, Босковича, М. Васильевича, архимандрита Дучича. Въ послѣдней телеграммѣ И. С. Аксаковъ именуется „великимъ русскимъ патріотомъ и несравненнымъ поборникомъ славянскихъ идей“. „Память о немъ, говорится въ телеграммѣ, будетъ вѣчно жить въ душѣ славянской, какъ и самая идея, которой онъ былъ лучшій представитель. Народъ Сербскій не забудетъ братской услуги покойнаго въ своей новѣйшей борьбѣ за освобожденіе“. Изъ Бухареста доставлена сербская же телеграмма на имя митрополита Михаила.

Весьма замѣчательна телеграмма изъ Вѣны, за подписью: „хорвятскіе, словенскіе и болгарскіе студенты въ университетѣ Вѣнскомъ“. Вотъ эта телеграмма:

„Вѣсть объ утратѣ, понесенной Русскимъ народомъ и всѣми Славянами со смертію незабвеннаго Ивана Сергѣевича, поразила насъ, которымъ онъ всегда и въ самые роковые часы былъ неустрашимымъ защитникомъ. Утрата Русскаго народа—утрата наша. Вмѣстѣ съ сильнымъ братскимъ народомъ Русскимъ мы плачемъ у одра безсмертнаго покойника, но надѣюсь, что Русскій народъ дастъ намъ преемника его идей и стремленій“.

Отъ Хорватовъ получена еще телеграмма изъ Фіуме. Далѣе телеграммы изъ Рагузы, изъ Львова—отъ редакціи „Слова“, изъ Львова же за подписью 20 русскихъ Галичанъ во главѣ съ извѣстными русскими дѣятелями въ Галиціи: Иваномъ Наумовичемъ, Иваномъ Добрянскимъ, Б. Дѣдицкимъ, В. Площанскимъ, Ѳ. Марковымъ и друг. Эта телеграмма называетъ Аксакова „великимъ русскимъ героемъ мысли и правды“. Между прочимъ, въ телеграммѣ говорится:

„Погасла звѣзда, величаво свѣтившая на славянскомъ горизонтѣ; не стало праведнаго мужа, храбро стоявшаго за вѣру и правду, покровителя бѣдныхъ и несчастныхъ; перестало биться великое, горячее, благородное русское сердце! Но не пропадетъ свѣтлый примѣръ великаго гражданина-патріота, не перестанетъ жить между нами его великій духъ!“

Отъ русскихъ же Галичанъ получены телеграммы изъ Варшавы и Вильны.

Изъ Праги телеграмма называетъ смерть Аксакова „общеславянскимъ горемъ“.

Всего отъ Болгаръ получено 16 телеграммъ, отъ Сербовъ и прочихъ Славянъ 14, не считая, впрочемъ, телеграммы князя Николая Черногорскаго и митрополита Михаила.

Вотъ какой „пустой звукъ слава Аксакова!“ Это „великій дѣятель Славянства, славянскаго возрожденія“, „неутомимый борецъ славянской свободы“, „лучшій русскій гражданинъ“. Умрите вы всѣ вмѣстѣ...—и дождитесь, чтобъ хотя тысячная часть этихъ сожалѣній раздалась надъ вашимъ гробомъ...

II. *)

Чтὸ такое сталось съ публицистами „Новостей“—здоровы ли они? Каждый день почти повторяютъ они свое мнѣніе, что смерть Аксакова—потеря не важная; между тѣмъ каждый день возвращаются къ этой темѣ, трактуютъ ее на всѣ лады, а въ концѣ концовъ нравственное удовлетвореніе и душевное успокоеніе все-таки не приходятъ къ нимъ; напротивъ, ихъ неотвязно преслѣдуетъ, словно тѣнь Банко, сознаніе своего промаха, съ головою выдавшаго ихъ филистерскую тупость и самомнѣніе...

Такъ, по поводу торжественнаго собранія здѣшняго Славянскаго Благотворительнаго Общества эта газета договорилась до комплимента ораторамъ собранія за то, что они будто бы скрыли передъ своими слушателями настоящаго Аксакова, какимъ онъ всегда былъ, какимъ знаетъ его вся Россія, и, представивъ его въ поддѣльномъ видѣ, тѣмъ самымъ вызвали проявленія „сочувствія и уваженія“ къ почившему...

Да чтὸ же это, наконецъ, такое? За кого „Новости“ считаютъ русское общество? Кого надѣются они убѣдить, что Аксакову настоящему, тому Аксакову, который самъ за себя говорилъ болѣе 30-ти лѣтъ, русское общество проявило сочувствіе и уваженіе лишь вслѣдствіе недостойной мистификаціи ораторовъ

---

*) Изъ № 3584 «Новаго Времени».

Славянскаго Общества? Дальше некуда идти на этомъ пути, если припомнить, что столь поразительная ложь печатается на другой день послѣ обнародованія документальныхъ свѣдѣній о тѣхъ почестяхъ, которыя оказаны почившему писателю какъ со стороны русскаго общества, такъ и со стороны Славянъ Балканскаго полуострова и Австро-Венгріи!

Мы лично не присутствовали при происходившемъ на дняхъ собраніи здѣшняго Славянскаго Общества, и не можемъ на основаніи личнаго наблюденія взять на себя защиту почтенныхъ ораторовъ собранія отъ упрека въ недостойной мистификаціи, будто бы продѣланной ими ради привлеченія къ Аксакову симпатій и уваженія гг. членовъ Славянскаго Общества. Но какая нелѣпость допустить уже одну возможность чего-нибудь подобнаго: члены Славянскаго Общества нуждаются въ обманѣ, въ передержкѣ мнѣній Аксакова, въ тенденціозномъ подборѣ отдѣльныхъ его статей, чтобы эти члены почувствовали симпатію и уваженіе къ памяти того самаго Аксакова, который всей Россіи, а не только членамъ Славянскаго Общества, извѣстенъ какъ самый даровитый, самый энергическій двигатель славянскаго дѣла!

„Новости“ же не только выдаютъ за фактъ эту нелѣпость, но еще благодарятъ ораторовъ Славянскаго Благотворительнаго Общества за то удовольствіе, которое они доставили этой газетѣ своею безцеремонностью въ обращеніи со взглядами И. С. Аксакова: „мы, говоритъ писатель „Новостей“, оставили залу собранія съ облегченнымъ сердцемъ. Намъ казалось, что руководители Общества какъ будто поняли, что и отъ нихъ требуется сочувственный отзывъ на тѣ идеи и стремленія, которыми живутъ образованные люди Россіи... И вотъ передъ нами раздались одна за другой рѣчи, въ которыхъ хотя все вертѣлось около имени И. С. Аксакова, но *не выставляютъ на видъ ничего такого, что въ публицистическихъ заявленіяхъ покойнаго шло въ разрѣзъ съ существующими въ наше время общественными сочувствіями*“.

Ораторамъ общества остается кланяться и благодарить за столь лестный о нихъ отзывъ. По свидѣтельству писателя изъ „Новостей“, они, стало быть, учинили въ память Ивана Сергѣевича Аксакова нѣчто въ родѣ торговой сдѣлки съ писателями „Новостей“!

Передовыя статьи №№ 1769, 1771 и 1773 „Южнаго Края“.

I.

Харьковъ, 15 февраля.

Наша такъ-называемая либеральная печать осталась вѣрна самой себѣ. Неожиданная смерть Аксакова захватила ее въ расплохъ. Она не знала, какъ ей быть, въ виду яркихъ проявленій всеобщаго уваженія къ личнымъ качествамъ, литературной и политической дѣятельности Ивана Сергѣевича. Но вотъ, прошло нѣкоторое время со дня кончины знаменитаго публициста, и господа „прогрессисты“ и „западники“ начинаютъ мало-по-малу пускаться въ откровенности и дѣлать попытки сказать объ Аксаковѣ „неприкрашенную правду“. Какова должна быть „неприкрашенная правда“ тѣхъ людей, которыхъ покойный издатель „Дня“ и „Руси“ заклеймилъ прозвищемъ глашатаевъ пошлости, само собой понятно... Было бы странно, еслибы эти люди, всю жизнь издѣвавшіеся надъ самобытностью Русскаго народа, надъ его завѣтными преданіями, надъ его идеалами и міросозерцаніемъ, говорили спокойно и безпристрастно о такомъ противникѣ, какъ Аксаковъ. Было бы странно, еслибы люди, систематически забрасывавшіе грязью знамя Аксакова, отказались отъ своей стародавней привычки клеветать и лгать на того, кто столь безжалостно выводилъ на свѣжую воду всю ложь и безсодержательность либеральной и радикальной трескотни, и въ теченіе столькихъ лѣтъ былъ живымъ упрекомъ для „интеллигентныхъ“ „бродягъ, не помнящихъ родства“. Что-жь удивительнаго, что прогрессисты и западники, наконецъ, не выдержали и заговорили тѣмъ тономъ, какимъ они говорили... ну, хотя бы, напримѣръ, по поводу смерти Скобелева!..

Предъ нами лежитъ статья г. Модестова, помѣщенная въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ „Новостей“ и пытающаяся сдѣлать „безпристрасную“ оцѣнку дѣятельности Аксакова. Это формальный обвинительный актъ противъ славянофиловъ вообще и Аксакова въ частности.

Обвинительный актъ начинается увѣреніями, что Аксаковъ, собственно говоря, не былъ русскимъ человѣкомъ ни „по крови“,

ни по симпатіямъ и антипатіямъ. Прежде всего г. Модестовъ указываетъ, и указываетъ не безъ злорадства, что Иванъ Сергѣевичъ „не совсѣмъ русскаго происхожденія“. Что-жь! Чего добраго, г. Модестовъ скоро будетъ доказывать, что и Пушкинъ не можетъ считаться истинно-русскимъ поэтомъ, потому что вѣдь и его происхожденіе „не совсѣмъ русское“. Но оставимъ въ сторонѣ генеалогическія розысканія и обратимся къ дальнѣйшему „теченію мыслей“ нашего автора. „Покойный Аксаковъ“, говоритъ г. Модестовъ, „былъ больше Москвичъ, чѣмъ Русскій“. Развивая свою мысль, г. Модестовъ объясняетъ, что „русскій духъ не есть духъ новгородскій, московскій, тверской, рязанскій и пр., а тотъ духъ, который является плодомъ всей исторіи народа, обнимаетъ всѣ особенности великаго государства и объясняетъ ихъ въ идеѣ общей всѣмъ частямъ національности“. И вотъ „русскаго“-то „духа“, по мнѣнію г. Модестова, у Аксакова и не было. Аксакова можно назвать русскимъ человѣкомъ „въ томъ значеніи, какое должно прилагаться къ личности значительнаго общественнаго дѣятеля“, только въ такомъ случаѣ, „если быть русскимъ значитъ крѣпко держаться за старину, но за старину лишь московскую, и, упорствуя въ своемъ старовѣрствѣ, считать какую-нибудь Спиридоновку центромъ не только Русскаго, но и Славянскаго міра“. „Аксаковъ, видите ли, думалъ, что русскій духъ есть именно московскій духъ, насквозь проникнутый московскими преданіями, отвергающій и предшествующую, и послѣдующую нашу исторію“. „Знакомство съ остальными частями Россіи и съ западно-европейской цивилизаціей, снисходительно замѣчаетъ г. Модестовъ, конечно не было чуждо и Аксакову, какъ оно не можетъ быть чуждо и ни одному образованному человѣку нашего времени, но оно не оплодотворило его души такъ, какъ оно дѣйствуетъ на умы широкіе и сильные“.

Весь этотъ безсодержательный и не всегда грамотный наборъ фразъ доказываетъ, что г. Модестовъ очень не любитъ Аксакова, и что народная пословица: „вретъ какъ на мертваго“ заключаетъ въ себѣ глубокій смыслъ. Сплетать о мертвыхъ разныя небылицы иногда бываетъ очень удобно, но извращать ученіе такихъ людей какъ Аксаковъ, идеи котораго всѣмъ хорошо извѣстны, далеко не безопасно.

Съ чего взялъ г. Модестовъ, что Аксаковъ чтилъ только московскія преданія и отвергалъ какъ „предшествующую, такъ и

послѣдующую нашу исторію?“ Аксаковъ стоялъ за коренныя основы русской жизни, вырабатывавшіяся и слагавшіяся вѣками, и потому начиналъ русскую исторію не со временъ Бѣлинскаго и Герцена, даже не со временъ Петра Великаго, а съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ на историческую арену выступила великая семья Славянскихъ народовъ. Московскому періоду русской исторіи, какъ эпохѣ объединенія Россіи, Аксаковъ конечно, придавалъ громадное значеніе, но въ этомъ отношеніи онъ былъ солидаренъ со всѣми русскими историками, начиная отъ Карамзина и кончая Соловьевымъ. „Но Аксаковъ отрицалъ Петербургъ“, въ ужасѣ восклицаетъ г. Модестовъ. Да вотъ потому Аксаковъ и „отрицалъ Петербургъ“ что онъ не отрицалъ всей предшествующей исторіи. Онъ „отриналъ Петербургъ“, какъ посягательство на коренныя основы русской жизни и какъ порабощеніе ея чуждымъ началамъ. Неужели г. Модестову надо объяснять, какъ школьнику, что славянофилы критически относились къ Петровской реформѣ не потому, что она была направлена къ развитію въ Россіи наукъ и искусствъ, промышленности и торговли, а потому, что она порвала связь прошлаго съ настоящимъ, создала на Руси культъ Запада, давшій себя знать и въ политикѣ, и въ литературѣ, и въ общественной жизни? Аксаковъ училъ, что русскій человѣкъ, усваивая всю широту современныхъ знаній, весь блескъ современной цивилизаціи, долженъ оставаться *русскимъ*, а не уподобляться лакеямъ, которые, побывавъ въ городѣ и погулявъ по Невскому проспекту, смотрятъ на деревню уже сверху внизъ и отъ глубины души презираютъ „необразованное мужичье“. А развѣ наши „западники“ не напоминаютъ этихъ лакеевъ? Но неужели это значитъ, что основательное и разностороннее образованіе „не оплодотворило его души такъ, какъ оно дѣйствуетъ на умы широкіе и сильные“?

И кого только хотятъ обмануть гг. Модестовы? Пора бы уже оставить ихъ излюбленную систему изображать обскурантами такихъ людей, какъ Хомяковъ, Самаринъ, братья Аксаковы и т. д. Эта система съ большимъ успѣхомъ практиковалась чуть не тридцать лѣтъ... Кто же ея не разгадалъ и кого можно уловить ею въ свои сѣти?

II.

17 февраля.

Продолжаемъ позавчера начатый нами разборъ обвинительнаго акта противъ И С. Аксакова, составленнаго присяжнымъ сотрудникомъ „Новостей“, г. Модестовымъ.

Послѣ „покушенія съ негодными средствами“ удалить Аксакова въ обскурантизмъ, г. Модестовъ доказываетъ, что Аксаковъ „не понималъ истиннаго положенія дѣлъ не только въ Россіи, но и въ Славянскомъ мірѣ“. „И тутъ и тамъ, вѣщаетъ г. Модестовъ, онъ смотрѣлъ на вещи не такъ, какъ онѣ представляются на самомъ дѣлѣ здоровому и непредубѣжденному взгляду, а смотрѣлъ на нихъ какъ человѣкъ партіи, и партіи въ добавокъ очень узкой, мнѣній которой, за очень малыми исключеніями, не раздѣлялъ, по ихъ рѣзкости, никто ни въ Россіи, ни въ Славянскихъ земляхъ, ни гдѣ бы то ни было“.

Подъ „здоровымъ и непредубѣжденнымъ взглядомъ“ здѣсь подразумѣвается взглядъ гг. Нотовичей, Модестовыхъ, Григ. Градовскаго и тому подобныхъ вѣстовыхъ и тамбуръ-мажоровъ всероссійскаго либерализма и космополитизма. Съ нѣкоторыми прелестями этого взгляда мы будемъ имѣть случай познакомиться въ свое время; спросимъ только глубокомысленнаго критика: съ чего онъ взялъ, будто Аксаковъ былъ „человѣкъ партіи, и партіи узкой, мнѣнія которой не раздѣлялись ни въ Россіи, ни въ Славянскомъ мірѣ“? Неужели исповѣдывать, что православіе должно быть краеугольнымъ камнемъ русской семейной, общественной и государственной жизни, значитъ быть членомъ „партіи“? Неужели вѣрить въ самобытность Русскаго народа и не соглашаться съ Фонвизинскими Иванушками, твердо убѣжденными, и не безъ самодовольства проповѣдующими, что призваніе Русскаго народа сводится къ тому, чтобы стоять на запяткахъ западно-европейской цивилизаціи, значитъ „быть человѣкомъ партіи, и партіи очень узкой? Мы не отрицаемъ, что среди нашего такъ-называемаго образованнаго общества есть не мало людей, по мнѣнію которыхъ русскій „интеллигентъ“, желающій „стоять на высотѣ своего призванія“, долженъ быть „бродягою не помнящимъ родства“ и не имѣть ничего общаго ни съ вѣрованіями,

ни съ преданіями своей родины. Намъ хорошо извѣстно, что „бродяги не помнящіе родства“ водворились и въ литературѣ и повсюду, и долго руководили, а отчасти и теперь еще руководятъ, нашимъ „общественнымъ мнѣніемъ“. Но что-жь изъ этого? Все-таки они всегда были ничѣмъ инымъ, какъ наноснымъ явленіемъ, однимъ изъ гнойныхъ нарывовъ, свидѣтельствующихъ о внутреннемъ недугѣ, привитомъ къ русскому организму реформами Петра I-го и его преемниковъ. „Бродяги не помнящіе родства“, дѣйствительно, были всегда людьми партіи, и партіи притомъ очень узкой; Аксаковъ же былъ истинно-русскимъ человѣкомъ, слышавшимъ біеніе пульса народной жизни. Онъ высказывалъ то, что̀ смутно чувствовалось и сознавалось всѣмъ народомъ; вотъ почему его слово находило такой громкій отклик. Разъ какъ-то одинъ заѣзжій иностранный туристъ спросилъ Аксакова: „Велика ли ваша партія? Сколько вы насчитываете въ ней членовъ?“ „Ни одного“, отвѣчалъ Аксаковъ. Туристъ былъ озадаченъ и понялъ въ чемъ дѣло только тогда, когда Аксаковъ прибавилъ, что у него нѣтъ партіи, потому что его партію составляетъ весь Русскій народъ. При этомъ, конечно, само собою подразумѣвалось, что „бродяги не помнящіе родства“ сами по себѣ, а народъ самъ по себѣ...

Въ доказательство того, что Аксаковъ былъ человѣкомъ партіи, и притомъ партіи узкой, не понимавшей истиннаго положенія дѣлъ въ Славянскомъ мірѣ, г. Модестовъ приводитъ слѣдующее соображеніе: «Придавая славянскому вопросу характеръ вѣроисповѣдный онъ вооружалъ противъ себя и ставилп въ неловкое положеніе къ Россіи все Западное Славянство, съ Чехами во главѣ... Въ эпоху послѣдней войны съ Турками, въ письмѣ къ одному изъ видныхъ Чеховъ, онъ потребовалъ присоединенія ихъ къ православію, гарантіи сохраненія въ потомкахъ Гуса славянскаго духа и братской связи съ Русскимъ народомъ“. „Глава нашей славянофильской партіи, поучаетъ насъ г. Модестовъ, не сообразилъ, что ни одинъ народъ не отказывается добровольно отъ своей вѣры и своей исторіи, и что нѣтъ и не можетъ быть ничего хуже и неполитичнѣе, какъ затрогивать религіозные вопросы въ сношеніяхъ съ другими, хотя бы и родственными народами“.

Такова философія г. Модестова. Съ точки зрѣнія религіознаго индифферентизма, противъ этой философіи ничего нельзя сказать. Въ самомъ дѣлѣ, если тотъ или другой Россіянинъ оффиціально

въ Кіевѣ, Кишиневѣ, Николаевѣ и отъ Одесскаго болгарскаго настоятельства.

Отъ Сербовъ прислали телеграммы: петербургскій посланникъ Груичъ; изъ Бѣлграда—сербское ученое общество за подписью Іовановича, Босковича, М. Васильевича, архимандрита Дучича. Въ послѣдней телеграммѣ И. С. Аксаковъ именуется „великимъ русскимъ патріотомъ и несравненнымъ поборникомъ славянскихъ идей". „Память о немъ, говорится въ телеграммѣ, будетъ вѣчно жить въ душѣ славянской, какъ и самая идея, которой онъ былъ лучшій представитель. Народъ Сербскій не забудетъ братской услуги покойнаго въ своей новѣйшей борьбѣ за освобожденіе". Изъ Бухареста доставлена сербская же телеграмма на имя митрополита Михаила.

Весьма замѣчательна телеграмма изъ Вѣны, за подписью: „хорватскіе, словенскіе и болгарскіе студенты въ университетѣ Вѣнскомъ". Вотъ эта телеграмма:

„Вѣсть объ утратѣ, понесенной Русскимъ народомъ и всѣми Славянами со смертію незабвеннаго Ивана Сергѣевича, поразила насъ, которымъ онъ всегда и въ самые роковые часы былъ неустрашимымъ защитникомъ. Утрата Русскаго народа—утрата наша. Вмѣстѣ съ сильнымъ братскимъ народомъ Русскимъ мы плачемъ у одра безсмертнаго покойника, но надѣюсь, что Русскій народъ дастъ намъ преемника его идей и стремленій".

Отъ Хорватовъ получена еще телеграмма изъ Фіуме. Далѣе телеграммы изъ Рагузы, изъ Львова—отъ редакціи „Слова", изъ Львова же за подписью 20 русскихъ Галичанъ во главѣ съ извѣстными русскими дѣятелями въ Галиціи: Иваномъ Наумовичемъ, Иваномъ Добрянскимъ, Б. Дѣдицкимъ, В. Площанскимъ, Ѳ. Марковымъ и друг. Эта телеграмма называетъ Аксакова „великимъ русскимъ героемъ мысли и правды". Между прочимъ, въ телеграммѣ говорится:

„Погасла звѣзда, величаво свѣтившая на славянскомъ горизонтѣ; не стало праведнаго мужа, храбро стоявшаго за вѣру и правду, покровителя бѣдныхъ и несчастныхъ; перестало биться великое, горячее, благородное русское сердце! Но не пропадетъ свѣтлый примѣръ великаго гражданина-патріота, не перестанетъ жить между нами его великій духъ!"

Отъ русскихъ же Галичанъ получены телеграммы изъ Варшавы и Вильны.

Изъ Праги телеграмма называетъ смерть Аксакова „обще-славянскимъ горемъ“.

Всего отъ Болгаръ получено 16 телеграммъ, отъ Сербовъ и прочихъ Славянъ 14, не считая, впрочемъ, телеграммы князя Николая Черногорскаго и митрополита Михаила.

Вотъ какой „пустой звукъ слава Аксакова!“ Это „великій дѣятель Славянства, славянскаго возрожденія“, „неутомимый борецъ славянской свободы“, „лучшій русскій гражданинъ“. Умрите вы всѣ вмѣстѣ...—и дождитесь, чтобъ хотя тысячная часть этихъ сожалѣній раздалась надъ вашимъ гробомъ...

II. *)

Чтѣ такое сталось съ публицистами „Новостей“—здоровы ли они? Каждый день почти повторяютъ они свое мнѣніе, что смерть Аксакова—потеря не важная; между тѣмъ каждый день возвращаются къ этой темѣ, трактуютъ ее на всѣ лады, а въ концѣ концовъ нравственное удовлетвореніе и душевное успокоеніе все-таки не приходятъ къ нимъ; напротивъ, ихъ неотвязно преслѣдуетъ, словно тѣнь Банко, сознаніе своего промаха, съ головою выдавшаго ихъ филистерскую тупость и самомнѣніе...

Такъ, по поводу торжественнаго собранія здѣшняго Славянскаго Благотворительнаго Общества эта газета договорилась до комплимента ораторамъ собранія за то, что они будто бы скрыли передъ своими слушателями настоящаго Аксакова, какимъ онъ всегда былъ, какимъ знаетъ его вся Россія, и, представивъ его въ поддѣльномъ видѣ, тѣмъ самымъ вызвали проявленія „сочувствія и уваженія“ къ почившему...

Да чтѣ же это, наконецъ, такое? За кого „Новости“ считаютъ русское общество? Кого надѣются они убѣдить, что Аксакову настоящему, тому Аксакову, который самъ за себя говорилъ болѣе 30-ти лѣтъ, русское общество проявило сочувствіе и уваженіе лишь вслѣдствіе недостойной мистификаціи ораторовъ

---

*) Изъ № 3584 «Новаго Времени».

Славянскаго Общества? Дальше некуда идти на этомъ пути, если припомнить, что столь поразительная ложь печатается на другой день послѣ обнародованія документальныхъ свѣдѣній о тѣхъ почестяхъ, которыя оказаны почившему писателю какъ со стороны русскаго общества, такъ и со стороны Славянъ Балканскаго полуострова и Австро-Венгріи!

Мы лично не присутствовали при происходившемъ на дняхъ собраніи здѣшняго Славянскаго Общества, и не можемъ на основаніи личнаго наблюденія взять на себя защиту почтенныхъ ораторовъ собранія отъ упрека въ недостойной мистификаціи, будто бы продѣланной ими ради привлеченія къ Аксакову симпатій и уваженія гг. членовъ Славянскаго Общества. Но какая нелѣпость допустить уже одну возможность чего-нибудь подобнаго: члены Славянскаго Общества нуждаются въ обманѣ, въ передержкѣ мнѣній Аксакова, въ тенденціозномъ подборѣ отдѣльныхъ его статей, чтобы эти члены почувствовали симпатію и уваженіе къ памяти того самаго Аксакова, который всей Россіи, а не только членамъ Славянскаго Общества, извѣстенъ какъ самый даровитый, самый энергическій двигатель славянскаго дѣла!

„Новости" же не только выдаютъ за фактъ эту нелѣпость, но еще благодарятъ ораторовъ Славянскаго Благотворительнаго Общества за то удовольствіе, которое они доставили этой газетѣ своею безцеремонностью въ обращеніи со взглядами И. С. Аксакова: „мы, говоритъ писатель „Новостей", оставили залу собранія съ облегченнымъ сердцемъ. Намъ казалось, что руководители Общества какъ будто поняли, что и отъ нихъ требуется сочувственный отзывъ на тѣ идеи и стремленія, которыми живутъ образованные люди Россіи... И вотъ передъ нами раздались одна за другой рѣчи, въ которыхъ хотя все вертѣлось около имени И. С. Аксакова, но *не выставляютъ на видъ ничего такого, что̀ въ публицистическихъ заявленіяхъ покойнаго шло въ разрѣзъ съ существующими въ наше время общественными сочувствіями*".

Ораторамъ общества остается кланяться и благодарить за столь лестный о нихъ отзывъ. По свидѣтельству писателя изъ „Новостей", они, стало быть, учинили въ память Ивана Сергѣевича Аксакова нѣчто въ родѣ торговой сдѣлки съ писателями „Новостей"!

Передовыя статьи №№ 1769, 1771 и 1773 „Южнаго Края".

I.

Харьковъ, 15 февраля.

Наша такъ-называемая либеральная печать осталась вѣрна самой себѣ. Неожиданная смерть Аксакова захватила ее въ расплохъ. Она не знала, какъ ей быть, въ виду яркихъ проявленій всеобщаго уваженія къ личнымъ качествамъ, литературной и политической дѣятельности Ивана Сергѣевича. Но вотъ, прошло нѣкоторое время со дня кончины знаменитаго публициста, и господа „прогрессисты" и „западники" начинаютъ мало-по-малу пускаться въ откровенности и дѣлать попытки сказать объ Аксаковѣ „неприкрашенную правду". Какова должна быть „неприкрашенная правда" тѣхъ людей, которыхъ покойный издатель „Дня" и „Руси" заклеймилъ прозвищемъ глашатаевъ пошлости, само собой понятно... Было бы странно, еслибы эти люди, всю жизнь издѣвавшіеся надъ самобытностью Русскаго народа, надъ его завѣтными преданіями, надъ его идеалами и міросозерцаніемъ, говорили спокойно и безпристрастно о такомъ противникѣ, какъ Аксаковъ. Было бы странно, еслибы люди, систематически забрасывавшіе грязью знамя Аксакова, отказались отъ своей стародавней привычки клеветать и лгать на того, кто столь безжалостно выводилъ на свѣжую воду всю ложь и безсодержательность либеральной и радикальной трескотни, и въ теченіе столькихъ лѣтъ былъ живымъ упрекомъ для „интеллигентныхъ" „бродягъ, не помнящихъ родства". Что-жь удивительнаго, что прогрессисты и западники, наконецъ, не выдержали и заговорили тѣмъ тономъ, какимъ они говорили... ну, хотя бы, напримѣръ, по поводу смерти Скобелева!..

Предъ нами лежитъ статья г. Модестова, помѣщенная въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ „Новостей" и пытающаяся сдѣлать „безпристрасную" оцѣнку дѣятельности Аксакова. Это формальный обвинительный актъ противъ славянофиловъ вообще и Аксакова въ частности.

Обвинительный актъ начинается увѣреніями, что Аксаковъ, собственно говоря, не былъ русскимъ человѣкомъ ни „по крови",

ни по симпатіямъ и антипатіямъ. Прежде всего г. Модестовъ указываетъ, и указываетъ не безъ злорадства, что Иванъ Сергѣевичъ „не совсѣмъ русскаго происхожденія". Что-жь! Чего добраго, г. Модестовъ скоро будетъ доказывать, что и Пушкинъ не можетъ считаться истинно-русскимъ поэтомъ, потому что вѣдь и его происхожденіе „не совсѣмъ русское". Но оставимъ въ сторонѣ генеалогическія розысканія и обратимся къ дальнѣйшему „теченію мыслей" нашего автора. „Покойный Аксаковъ", говоритъ г. Модестовъ, „былъ больше Москвичъ, чѣмъ Русскій". Развивая свою мысль, г. Модестовъ объясняетъ, что „русскій духъ не есть духъ новгородскій, московскій, тверской, рязанскій и пр., а тотъ духъ, который является плодомъ всей исторіи народа, обнимаетъ всѣ особенности великаго государства и объясняетъ ихъ въ идеѣ общей всѣмъ частямъ національности". И вотъ „русскаго"-то „духа", по мнѣнію г. Модестова, у Аксакова и не было. Аксакова можно назвать русскимъ человѣкомъ „въ томъ значеніи, какое должно прилагаться къ личности значительнаго общественнаго дѣятеля", только въ такомъ случаѣ, „если быть русскимъ значитъ крѣпко держаться за старину, но за старину лишь московскую, и, упорствуя въ своемъ старовѣрствѣ, считать какую-нибудь Спиридоновку центромъ не только Русскаго, но и Славянскаго міра". „Аксаковъ, видите ли, думалъ, что русскій духъ есть именно московскій духъ, насквозь проникнутый московскими преданіями, отвергающій и предшествующую, и послѣдующую нашу исторію". „Знакомство съ остальными частями Россіи и съ западно-европейской цивилизаціей, снисходительно замѣчаетъ г. Модестовъ, конечно не было чуждо и Аксакову, какъ оно не можетъ быть чуждо и ни одному образованному человѣку нашего времени, но оно не оплодотворило его души такъ, какъ оно дѣйствуетъ на умы широкіе и сильные".

Весь этотъ безсодержательный и не всегда грамотный наборъ фразъ доказываетъ, что г. Модестовъ очень не любитъ Аксакова, и что народная пословица: „вретъ какъ на мертваго" заключаетъ въ себѣ глубокій смыслъ. Сплетать о мертвыхъ разныя небылицы иногда бываетъ очень удобно, но извращать ученіе такихъ людей какъ Аксаковъ, идеи котораго всѣмъ хорошо извѣстны, далеко не безопасно.

Съ чего взялъ г. Модестовъ, что Аксаковъ чтилъ только московскія преданія и отвергалъ какъ „предшествующую, такъ и

послѣдующую нашу исторію?“ Аксаковъ стоялъ за коренныя основы русской жизни, вырабатывавшіяся и слагавшіяся вѣками, и потому начиналъ русскую исторію не со временъ Бѣлинскаго и Герцена, даже не со временъ Петра Великаго, а съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ на историческую арену выступила великая семья Славянскихъ народовъ. Московскому періоду русской исторіи, какъ эпохѣ объединенія Россіи, Аксаковъ конечно, придавалъ громадное значеніе, но въ этомъ отношеніи онъ былъ солидаренъ со всѣми русскими историками, начиная отъ Карамзина и кончая Соловьевымъ. „Но Аксаковъ отрицалъ Петербургъ“, въ ужасѣ восклицаетъ г. Модестовъ. Да вотъ потому Аксаковъ и „отрицалъ Петербургъ“ что онъ не отрицалъ всей предшествующей исторіи. Онъ „отриналъ Петербургъ“, какъ посягательство на коренныя основы русской жизни и какъ порабощеніе ея чуждымъ началамъ. Неужели г. Модестову надо объяснять, какъ школьнику, что славянофилы критически относились къ Петровской реформѣ не потому, что она была направлена къ развитію въ Россіи наукъ и искусствъ, промышленности и торговли, а потому, что она порвала связь прошлаго съ настоящимъ, создала на Руси культъ Запада, давшій себя знать и въ политикѣ, и въ литературѣ, и въ общественной жизни? Аксаковъ училъ, что русскій человѣкъ, усваивая всю широту современныхъ знаній, весь блескъ современной цивилизаціи, долженъ оставаться *русскимъ*, а не уподобляться лакеямъ, которые, побывавъ въ городѣ и погулявъ по Невскому проспекту, смотрятъ на деревню уже сверху внизъ и отъ глубины души презираютъ „необразованное мужичье“. А развѣ наши „западники“ не напоминаютъ этихъ лакеевъ? Но неужели это значитъ, что основательное и разностороннее образованіе „не оплодотворило его души такъ, какъ оно дѣйствуетъ на умы широкіе и сильные“?

И кого только хотятъ обмануть гг. Модестовы? Пора бы уже оставить ихъ излюбленную систему изображать обскурантами такихъ людей, какъ Хомяковъ, Самаринъ, братья Аксаковы и т. д. Эта система съ большимъ успѣхомъ практиковалась чуть не тридцать лѣтъ... Кто же ея не разгадалъ и кого можно уловить ею въ свои сѣти?

считается православнымъ, на самомъ же дѣлѣ принадлежитъ къ числу „libres penseurs", то какое ему дѣло до религіи Чеховъ? Но Аксаковъ не былъ libre penseur; онъ былъ истолкователемъ и выразителемъ мыслей и чувства Русскаго народа, а потому онъ не могъ относиться безразлично къ религіознымъ вопросамъ, особенно въ томъ случаѣ, о которомъ упоминаетъ г. Модестовъ. Какъ извѣстно, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Ригеръ обратился къ Аксакову съ письмомъ, въ которомъ говорилось о солидарности Чеховъ и Русскихъ, причемъ высказывалась мысль, что призваніе Россіи послужитъ Славянству своимъ политическимъ могуществомъ, а призваніе Чехіи стать во главѣ умственнаго движенія Россіи и всего Славянскаго міра. Аксаковъ отвѣтилъ на эту теорію съ своею всегдашнею прямотой и откровенностью. Онъ не отрицалъ культурнаго превосходства Чеховъ въ средѣ семьи Славянскихъ народовъ; онъ признавалъ, что Чехи могли бы сослужить Россіи и всему Славянскому міру великую службу, но въ то же самое время онъ указалъ на порабощеніе Чеховъ католицизму, какъ на пропасть, которая никогда не допуститъ родственнаго сближенія между Русскими и Чехами, до тѣхъ поръ, пока чешская интеллигенція не отречется отъ римской куріи, до тѣхъ поръ, пока Чешскій народъ, въ которомъ, какъ видно изъ исторіи гуситскаго движенія и послѣдующихъ событій, католицизмъ не пустилъ глубокихъ корней,—не возвратится къ своей страродавней вѣрѣ. Только при отсутствіи религіозной розни Чехи могутъ претендовать на ту роль, которую имъ предназначетъ Ригеръ: таковъ былъ окончательный выводъ Аксакова. И Аксаковъ былъ тысячу разъ правъ. Онъ не лавировалъ и не хитрилъ въ перепискѣ съ Ригеромъ; онъ говорилъ какъ честный русскій гражданинъ и писатель, какъ сынъ Православной Церкви, гнушающійся всякою ложью и всякими безчестными компромиссами. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ онъ поступилъ, вопреки мнѣнію г. Модестова, въ полномъ смыслѣ слова „тактично", ибо уяснилъ настоящее положеніе дѣлъ, указалъ на почву, на которой только и возможна славянская взаимность. Правда, по теоріи нашихъ космополитовъ, Славяне намъ близки не въ силу того, что они наши единовѣрцы теперь или прежде, а потому, что они принадлежатъ къ той же расѣ, къ какой принадлежатъ и Русскіе. Но гг. космополитамъ не мѣшало бы вспомнить, что и Поляки тоже славянской расы, а между тѣмъ... Но лучшимъ отвѣтомъ

на соображеніе г. Модестова будетъ отвѣтъ данный Аксаковымъ много лѣтъ тому назадъ всѣми теперь позабытой, но въ свое время довольно вліятельной, архилиберальной газетѣ „Современное Слово", уличавшей аксаковскій „День" въ „византійствѣ". „Наше выраженіе о тяжести оля славянскихъ христіанъ магометанскаго ига, писалъ Аксаковъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, подало поводъ редакціи „Современнаго Слова" къ очень забавному негодованію. „Византійство!" восклицаетъ она, давая уразумѣть, что отвращеніе христіанъ отъ магометанства есть признакъ невѣжества, остатокъ грубыхъ временъ, наслѣдіе Византіи, слѣдъ той тьмы, которую напустила на насъ Византія. „Не на этомъ основаніи слѣдуетъ сочувствовать Славянамъ, толкуетъ санктпетербургскій прогрессистъ, а на основаніи *расоваго* сходства или единства *породъ; расы* мы одной, вотъ въ чемъ дѣло!" Мы дорого бы дали, чтобы видѣть, какъ редакторъ „Современнаго Слова" обратился бы съ такою рѣчью о расѣ и о византійствѣ къ мужественному населенію Сербіи, Черногоріи, Герцеговины, Болгаріи, которое только вѣрности вѣрѣ отцовъ обязано сохраненіемъ своей народности, и которое давнымъ-давно купило бы себѣ спокойствіе и благоденствіе, если бы признало Коранъ за истину, какъ это и сдѣлали боснійскіе землевладѣльцы".

Точка зрѣнія Аксакова—точка зрѣнія всего Русскаго народа. Сліяніе „Московскаго государства" съ Малороссіей, многовѣковая политическая и нравственная солидарность Восточныхъ Славянъ съ Россіей,—все это совершилось и возросло на почвѣ религіознаго единенія, и Аксаковъ, какъ истинно-русскій человѣкъ, понималъ это не только своимъ свѣтлымъ умомъ, но и своимъ чуткимъ благороднымъ сердцемъ. И кто же, кромѣ сбитыхъ съ толку россійскихъ „интеллигентовъ", насквозь пропитавшихся антинаціональной и анти-исторической закваской, рѣшится упрекать его за это?...

III.

13 февраля,

Заканчиваемъ разборъ статьи г. Модестова объ Аксаковѣ. Мы уже третій разъ возвращаемся къ ней, ибо она въ такомъ недостигаемомъ совершенствѣ отражаетъ въ себѣ програму по-

литической и литературной партіи, которую у насъ принято называть либеральной, космополитической и т. д., но которую всего приличнѣе было бы назвать партіей пошлыхъ вожделѣній, что вниманіе, оказываемое нами г. Модестову, вполнѣ имъ заслужено, какъ типичнѣйшимъ представителемъ „интеллигентной улицы“.

Какъ вамъ уже извѣстно, г. Модестовъ увѣряетъ, что Аксаковъ, по своимъ симпатіямъ и антипатіямъ, не былъ истинно-русскимъ человѣкомъ, и что онъ не понималъ настоящаго положенія дѣлъ ни въ Россіи, ни въ Славянскомъ мірѣ. Иного вывода отъ людей той клики, къ которой принадлежитъ г. Модестовъ, и нельзя ожидать. Аксаковъ былъ глубоко и сознательно вѣрующимъ христіаниномъ; этого мало, онъ видѣлъ въ православіи краеугольный камень міросозерцанія и гражданственности Русскаго народа и всего Славянскаго племени; онъ считалъ Церковь не „вѣдомствомъ государственнаго исповѣданія“, а силою живою и дѣйственною, вліяніе которой должно отражаться и на политикѣ, и на литературѣ, и на частной, и на общественной жизни; онъ считалъ русскую исторію, предшествующую Петровской реформѣ, не безсодержательной фантасмагоріей дикихъ проявленій варварства и невѣжества, а эпохою заслужившею и выработавшею коренныя основы русской жизни; онъ дерзалъ различать въ крутомъ и насильственномъ переворотѣ Петра I-го не только великія и славныя дѣянія, но и одностороннія увлеченія Западомъ и легкое отношеніе къ народнымъ идеаламъ, и плохо замаскированное презрѣніе къ родинѣ; онъ, наконецъ, постоянно твердилъ, что бо́льшая часть нашего образованнаго общества — „чужая у себя, чужая на чужбинѣ“, что ей необходимо отказаться отъ мысли, что Россія „матеріалъ, изъ котораго каждый можетъ кроить:

На всякій образецъ и что́ кому угодно:
Парламентъ съ лордами или республикъ рядъ,
Аркадскихъ пастуховъ иль пахотныхъ солдатъ.

Что-жь удивительнаго, что наши, непомнящіе родства, западники, эти пустоцвѣты ложнаго просвѣщенія, утверждаютъ, будто Аксаковъ „не понималъ настоящаго положенія дѣлъ ни въ Россіи, ни въ Славянскомъ мірѣ“? „Не понималъ“ на ихъ жар-

гонѣ значитъ: считалъ пошлостью и игру въ парламентаризмъ, и боязнь смѣть свое сужденіе имѣть, идущее въ разрѣзъ съ заграничными „вѣяніями“ и „теченіями“. Кромѣ того, Аксаковъ усматривалъ тѣсную связь между славянской взаимностью и православіемъ, а это ужь ни на что̀ не похоже!... Развѣ въ нашей „прессѣ“ не твердится на всѣ лады въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ, что религіозными вопросами могутъ интересоваться только „чернь непросвѣщенная“ да „отсталые люди“? „Sommes-nous positivistes“? вопрошаетъ одинъ изъ героевъ г. Боборыкина. Какъ же не провозгласить, что Аксаковъ не былъ истинно-русскимъ человѣкомъ? Какъ не прокричать, что образованіе ,,не оплодотворило его ума, какъ оно оплодотворяетъ истинно широкіе умы''? Вѣдь у Аксакова не было ничего общаго ни съ ,,Современникомъ'', ни съ ,,Отечественными Записками'', ни съ ,,Вѣстникомъ Европы'', ни съ ,,Новостями''! Но не комично ли все-таки, когда гг. Модестовы соболѣзнуютъ, что ,,образованіе оплодотворило'' умъ Аксакова менѣе чѣмъ слѣдовало бы? Если это можно сказать объ Аксаковѣ, въ полномъ смыслѣ слова блестящемъ и образованномъ человѣкѣ, имя котораго займетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ и въ исторіи русской науки, и въ исторіи русской поэзіи, то что̀ сказать объ его строгихъ цѣнителяхъ и судьяхъ, если и заявившихъ себя, такъ развѣ только на поприщѣ составленія плохихъ компиляцій и безталанныхъ фельетоновъ?

Г. Модестовъ полагаетъ, что Аксаковъ смотрѣлъ на Западную Европу съ ненавистью и злобой, и не понималъ значенія западно-европейской культуры. ,,Интеллигентная улица'' всегда придерживалась такого взгляда,

. . . . повторяя
Урокъ который ей изъ дѣтства натверженъ.

Она и не подозрѣваетъ, что представители „славянофильства“ зорко слѣдили за развитіемъ западно-европейской мысли, глубоко интересовались ея судьбами и стояли на высотѣ современнаго знанія. Въ этомъ смыслѣ и Аксаковъ былъ „Европейцемъ“, чего отнюдь нельзя сказать о нашихъ, не помнящихъ родства, космополитахъ. Но Аксаковъ относился къ Западной Европѣ не съ подобострастнымъ чувствомъ холопа цивилизаціи, а какъ человѣкъ великаго племени и великаго народа, предназначеннаго не къ подражательной, а къ творческой дѣятельности,

къ созиданію самобытной культуры. Слѣдуетъ ли изъ этого, что вожди славянофильства вообще, Аксаковъ въ частности, не понимали значенія западно-европейской цивилизаціи? Конечно, нѣтъ. Вспомнимъ хотя бы вотъ эти изъ сердца вылившіяся строфы Хомякова, посвященныя славному прошлому Запада:

О, какъ прекрасенъ былъ тотъ Западъ величавый!
Какъ долго цѣлый міръ, колѣна преклонивъ
И чудно озаренъ его высокой славой,
Предъ нимъ безмолвствовалъ, смиренъ и молчаливъ!
Тамъ солнце мудрости встрѣчали наши очи,
Кометы бурныхъ сѣчъ бродили въ высотѣ,
И тихо, какъ луна, царица лѣтней ночи,
Сіяла тамъ любовь въ невинной красотѣ!
Тамъ въ яркихъ радугахъ сливались вдохновенья,
И вѣра, огнь живой, потоки свѣта лилъ...
О, никогда земля отъ первыхъ дней творенья
Не зрѣла надъ собой столь пламенныхъ свѣтилъ!

А какая скорбь звучитъ въ этихъ идеалахъ:

О, грустно, грустно мнѣ! ложится тьма густая
На дальнемъ Западѣ, въ странѣ святыхъ чудесъ:
Свѣтила прежнія блѣднѣютъ догорая,
И звѣзды лучшія скрываются съ небесъ.

Лучшіе представители славянофильства, въ томъ числѣ и И. С. Аксаковъ, понимали значеніе западно-европейской цивилизаціи лучше своихъ безпочвенныхъ антагонистовъ, но имъ не представлялось человѣчество „въ образѣ Француза“, они не считали западно-европейскую цивилизацію послѣднимъ словомъ цивилизаціи... Они, наконецъ, не скрывали отъ себя, что „на дальнемъ Западѣ ложится тьма густая“, и настойчиво указывали „дремлющему Востоку“ его великое призваніе. Это ли „узкая точка зрѣніо“? Это ли „односторонность“ и „партійность“ взглядовъ?

Передовая статья № 23 газеты „Кіевлининъ".

Кіевъ, 28 января.

Не стало одного изъ лучшихъ сыновъ Россіи! Ивана Сергѣевича Аксакова не стало!! Умеръ благороднѣйшій русскій человѣкъ — человѣкъ, высоко державшій русское знамя, своимъ мощнымъ словомъ будившій и поддерживавшій въ насъ русскія чувства, заставлявшія въ серіозныя годины сильнѣе биться русскія сердца и постоянно призывавшій нашу дорогую Россію — оставаться Русью! Да, одного изъ лучшихъ русскихъ патріотовъ и русскихъ дѣятелей—не стало!

Благоговѣя предъ природными качествами и особенностями Русскаго народа, онъ постоянно взывалъ къ самопознанію, къ изученію своего прошлаго, къ трезвой оцѣнкѣ настоящаго. Давно ли вся наша такъ-называемая интеллигенція, въ какомъ-то вакхическомъ увлеченіи западничествомъ, требовала ниспроверженія всего, что́ „Русью пахло", и настаивала на необходимости перенесенія цѣликомъ всѣхъ формъ и порядковъ государственной и соціальной жизни западнаго человѣка? Не было той сферы, которой бы не коснулись эти поклонники Запада, эти отрицатели всего русскаго, самобытнаго: религіозныя вѣрованія и народныя воззрѣнія, форма правленія, соціальные и судебные порядки,—все браковалось, все должно было быть замѣнено тѣмъ, что̀ выработалъ Западъ. Все русское, свое—никуда не годилось, глумленіе надъ всѣмъ русскимъ доходило до того, что возбуждало въ лучшихъ иностранцахъ презрѣніе къ этимъ прихвостнямъ западничества. Нужно было имѣть много гражданскаго мужества, чтобы „смѣть" быть Русскимъ! Такимъ Русскимъ былъ всегда почившій.

Но онъ не только *самъ* былъ русскимъ человѣкомъ, онъ дерзалъ призывать другихъ оставаться Русскими, не стыдиться быть ими, а главное доказывалъ, что всякія реформы будутъ только въ такомъ случаѣ цѣлесообразны и принесутъ пользу Россіи, когда онѣ будутъ органически вытекать изъ основъ исторической жизни народа. Все, хотя бы и оказавшееся на Западѣ хорошимъ, но навязанное, бывшее дотолѣ чуждымъ русскому человѣку, не можетъ быть ему полезнымъ. Это не значитъ, однако, чтобы онъ проповѣдывалъ неподвижность, замкнутость, китаизмъ. Наобо-

ротъ, всякій застой, твердилъ онъ, есть смерть для націи; только полное, всестороннее развитіе самобытныхъ духовныхъ силъ и способностей народа приведетъ къ жизни.

Онъ никогда также не потакалъ той кичливости, которая такъ ярко было проявилась въ нѣкоторой части нашего общества въ 50-хъ годахъ, передъ Крымскою кампаніею. Вообще, всякое пренебреженіе къ другимъ націямъ, самонадѣянность, самохвальство были противны его правдивой, лучезарно-чистой душѣ, и онъ всегда ратовалъ противъ всякой лжи и увлеченій. Если онъ и былъ, какъ его величали западники, славянофилъ, то въ самомъ лучшемъ и чистомъ значеніи этого слова.

Свои всегда честныя убѣжденія и мнѣнія, вынесенныя изъ жизни, провѣренныя долговременнымъ наблюденіемъ и изученіемъ народа, онъ, по возможности, проводилъ въ своихъ сочиненіяхъ и статьяхъ всегда съ полною откровенностью и защищалъ съ гражданскимъ мужествомъ и твердостью. Нельзя не вспомнить, съ какою скорбію и мужествомъ онъ отвѣчалъ еще недавно на укоризну въ недостаткѣ патріотизма.

Наконецъ, мы должны сказать, что смерть Ивана Сергѣевича есть великая утрата для всего Славянства. Кому изъ Славянъ, даже въ самыхъ далекихъ и глухихъ мѣстахъ, не знакомо имя Аксакова? Кто не знаетъ, какое участіе онъ принималъ во время Сербско-Турецкой и затѣмъ послѣдней Восточной войны? Тотъ энтузіазмъ, который охватилъ русское общество, то участіе въ Славянахъ, которое приняли тогда всѣ слои этого общества, тотъ, наконецъ, интересъ къ нимъ, который проявляется и теперь, — все это было пробуждено покойнымъ. Онъ всегда былъ защитникомъ и ходатаемъ за братій Славянъ и душевно скорбѣлъ, видя ихъ неразуміе, слѣдя за ихъ братоубійственными распрями.

Миръ праху великаго русскаго дѣятеля; благодарная память о немъ сохранится въ сердцѣ каждаго русскаго человѣка!

Смерть Ивана Сергѣевича такъ неожиданна, такъ внезапна, извѣстіе получено такъ поздно, что трудно въ эту минуту собраться съ мыслями и по достоинству оцѣнить понесенную русскимъ обществомъ утрату. Редакція не замедлитъ дать подробный некрологъ и болѣе полный и обстоятельный отзывъ о плодотворной дѣятельности почившаго.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ *).

Сиротѣетъ и сиротѣетъ Русская земля! Одинъ за другимъ покидаютъ ее, какъ бы спѣша переселиться въ иной міръ, ея лучшіе сыны, народолюбцы и патріоты, люди глубокаго ума и широкаго кругозора, носители сильнаго чувства и высшей гуманности, честныя натуры и неподкупные характеры! Не живется этимъ лучшимъ русскимъ людямъ на родной Святой Руси. Кто же явится на смѣну имъ, этимъ уходящимъ отъ насъ дорогимъ покойникамъ?

Этимъ вопросомъ задавался всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ незабвенный Иванъ Сергѣевичъ, занося на страницы своей „Руси" некрологъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей, Н. Я. Данилевскаго, автора извѣстной книги: „Россія и Европа" и обширнаго (посмертнаго) труда о Дарвинѣ. А вотъ теперь не стало и его самого, издателя „Руси", этого благороднѣйшаго и честнѣйшаго писателя-публициста, не стало истинно-русскаго гражданина и общественнаго дѣятеля, не стало неустрашимаго печальника и страдальца за Русскій народъ и его насущныя нужды! Аксаковъ умеръ! Послѣ этого извѣстія не въ правѣ ли всѣ русскіе люди еще глубже призадуматься надъ вышепоставленнымъ вопросомъ? не кажется ли онъ намъ вопросомъ жгучимъ, тяжелымъ, вопросомъ... безъ отвѣта?

Грустная телеграмма изъ Москвы отъ 27 января, безъ сомнѣнія, облетѣла уже всю Русь, всѣ самые дальніе уголки Славянскаго міра; вездѣ она должна была поразить своею неожиданностью и вызвать общую печаль. Имя Ивана Сергѣевича весьма популярно въ Россіи, въ южномъ и западномъ Славянствѣ; оно хорошо извѣстно и въ Западной Европѣ. У Аксакова много было литературныхъ противниковъ, многіе его не любили, не соглашались съ его взглядами, но едвали найдется много такихъ людей, которые бы не признавали его огромнаго таланта, его свѣтлаго критическаго ума, чистоты и искренности его идей, могучей силы его слова. Смерть такого человѣка есть общее народное горе, русское и славянское. Люди всевозможныхъ литературныхъ направленій и партій не могутъ не воздать должнаго благоговѣнія памяти великаго русскаго человѣка въ виду свѣжей его могилы.

*) Изъ №№ 25 и 26 «Кіевлянина».

Сорокалѣтняя литературная дѣятельность Ивана Сергѣевича была посвящена высокому, идеальному служенію Россіи и Славянству. Обстоятельная біографія его дастъ драгоцѣнный матеріалъ для внутренней исторіи Россіи за послѣднія десятилѣтія и вмѣстѣ съ тѣмъ составитъ лучшія страницы въ будущей исторіи славянскаго возрожденія. Иванъ Сергѣевичъ — историческая личность. Его имя и его мысли вѣки-вѣчные будутъ жить въ благодарномъ потомствѣ, которое сумѣетъ ихъ оцѣнить лучше чѣмъ мы, современники. О такихъ крупныхъ народныхъ дѣятеляхъ, какъ Аксаковъ, приходится говорить и писать много, много. Въ настоящія скорбныя минуты мы чувствуемъ себя неподготовленными къ сколько-нибудь полному и всестороннему изображенію дѣятельности этого великаго человѣка. Набрасывая эти и слѣдующія строки, мы хотимъ только посильнымъ образомъ выразить благоговѣніе къ памяти оплакиваемаго всею Россіей дорогаго покойника.

Сынъ извѣстнаго русскаго писателя Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова, автора „Семейной Хроники", Иванъ Сергѣевичъ родисля 26 сентября 1823 года. Получивъ прекрасное образованіе дома, а затѣмъ въ петербургскомъ Училищѣ правовѣдѣнія, по окончаніи курса въ 1842 г. онъ поступилъ на государственную службу въ Московскій Сенатъ, а потомъ въ Министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ качествѣ чиновника особыхъ порученій онъ занимался раскольничьими дѣлами и во время своихъ командировокъ въ Бессарабію и Ярославскую губернію прекрасно познакомился какъ съ расколомъ, такъ и единовѣріемъ. Особенно хорошо была изучена имъ секта странниковъ. Въ 1850 г. Аксаковъ оставилъ службу: чиновничья карьера была ему не по душѣ. Его тянуло къ занятіямъ иного рода. Природныя дарованія, широкое образованіе, полученное въ школѣ и впослѣдствіи дополненное чтеніемъ и путешествіями за границей и по славянскимъ землямъ, вліяніе отца-писателя, примѣръ брата Константина,—все это естественно толкнуло Ивана Сергѣевича на путь литературной дѣятельности. Разъ вступивъ на этотъ путь, онъ уже шелъ по немъ въ теченіе всей своей жизни до самаго смертнаго часа, шелъ неутомимо, неуклонно, съ честью для себя и всей родины. Какъ писатель, журналистъ, публицистъ, поднимавшій въ своихъ изданіяхъ самые живые, насущные вопросы народной и государственной жизни Россіи, разъяснявшій ихъ съ рѣдкимъ знаніемъ и пониманіемъ дѣла, съ неподдѣльною любовью къ родинѣ, противъ

излагавшій свои мысли въ изящной, художественной формѣ, Аксаковъ снискалъ себѣ любовь и уваженіе дома и почетную извѣстность за границей. Въ этой замѣчательной литературной дѣятельности и заключается главная заслуга его передъ родной страной.

Литературная дѣятельность Аксакова разбивается на нѣсколько періодовъ. Обстоятельства не всегда позволяли ему работать въ избранномъ направленіи. Ивану Сергѣевичу пришлось быть свидѣтелемъ многихъ тяжелыхъ годинъ въ исторіи Руси, пришлось вытерпѣть не мало и личнаго горя. Бывали моменты, когда перо само собой вываливалось изъ рукъ даровитаго публициста. Такъ, въ 1855 г., въ самый разгаръ Севастопольской войны, онъ добровольно вступилъ въ ополченіе, именно въ Серпуховскую дружину, и совершилъ походъ въ Одессу, а потомъ въ Бессарабію. По заключеніи же мира, въ 1856 году, принималъ участіе въ слѣдственной комиссіи, назначенной по дѣлу о злоупотребленіяхъ интендантства во время войны. Гораздо чаще ему приходилось прерывать свою публицистическую дѣятельность и совсѣмъ умолкать на болѣе или менѣе продолжительное время по другимъ, чисто внѣшнимъ причинамъ и помѣхамъ.

Литературные труды Аксакова сосредоточены были преимущественно въ его собственныхъ изданіяхъ, большею частью имъ самимъ основанныхъ. Таковы были „Московскій Сборникъ", „Русская Бесѣда", ,,Парусъ'', ,,День'', ,,Москва'' и ,,Русь''. Сверхъ того, онъ много писалъ въ ,,Москвитянинѣ'' и нѣкоторыхъ другихъ журналахъ.

Преимущественно это были публицистическія статьи по разнымъ вопросамъ внѣшней и внутренней политики, экономической и культурной жизни Россіи. Какъ писатель-художникъ, Иванъ Сергѣевичъ обладалъ крупнымъ поэтическимъ дарованіемъ и въ первые годы литературной дѣятельности писалъ стихотворенія, изъ которыхъ лишь немногія были напечатаны въ свое время въ журналахъ. Съ художественно-поэтическимъ чутьемъ у Аксакова гармонически соединялась тонкая наблюдательность строгаго ученаго. Объ этомъ его дарованіи лучше всего свидѣтельствуетъ его превосходное ,,Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ'' (1859 г.), удостоенное Императорскимъ Географическимъ Обществомъ большой Константиновской медали, а Академіею Наукъ половинной Демидовской преміи.

II.

Всѣ вышеперечисленныя изданія И. С. Аксакова не отличались долголѣтіемъ. Русская школа писателей, крупнымъ представителемъ которой, на ряду съ К. Аксаковымъ, Хомяковымъ, братьями Кирѣевскими, Ю. Самаринымъ, Кошелевымъ, Гильфердингомъ и нѣкоторыми другими, былъ Иванъ Сергѣевичъ, долго не находила себѣ признанія ни въ русскомъ обществѣ, ни въ оффиціальныхъ сферахъ. Идеи этой школы, почему-то прозванной школою славянофильской, еще до недавняго времени подвергались публичному осмѣянію и глумленію въ большинствѣ органовъ нашей періодической печати, а со стороны властей преслѣдовались, какъ нѣчто вредное для государства. Аксаковъ, какъ извѣстно, много выстрадалъ отъ яростныхъ нападокъ журналистовъ и преслѣдованій цензуры. Не касаясь дальняго прошлаго, достаточно припомнить кару, которая постигла его за рѣчь о Берлинскомъ трактатѣ, произнесенную въ засѣданіи Московскаго Славянскаго Комитета, или недавнее обвиненіе маститаго публициста въ ,,недостаткѣ истиннаго патріотизма''.

Несмотря на всѣ невзгоды, Иванъ Сергѣевичъ былъ непоколебимъ въ своемъ гражданскомъ мужествѣ. Свои взгляды онъ излагалъ смѣло, прямо, безъ обиняковъ, никого не боясь, ничего не стыдясь. Характеристика этихъ взглядовъ не можетъ войти въ рамки настоящаго некролога. Въ общемъ они, безъ сомнѣнія, извѣстны всей грамотной Россіи. Статьи редактора ,,Руси'' перепечатывались и комментировались во всѣхъ нашихъ газетахъ и журналахъ; голосу Аксакова, какъ наилучшему выразителю общественнаго мнѣнія Россіи, внимали западнославянскіе и европейскіе публицисты. Самостоятельное политическое, національное и культурное развитіе Россіи—вотъ сущность идей, которыя проводилъ Иванъ Сергѣевичъ. Отлично зная Русскій народъ, онъ вѣрилъ въ его мощь, въ его исторію, въ его культурныя начала. Отсюда онъ и ратовалъ за національное направленіе нашей внѣшней и внутренней политики. Отсюда-то его уму и сердцу было такъ близко, такъ дорого все родное, русское: русскій языкъ, которому онъ предсказывалъ міровое значеніе, русская литература, русская наука, русское искусство, русское крестьянство съ его бытовыми и этнографическими особенностями и проч. Но Россію, Русскій народъ онъ разсматривалъ какъ часть Славянскаго міра. Счастье и благополучіе Россіи, по его мнѣнію, зависѣли въ значительной степени отъ счастья и благополучія осталь-

ныхъ мелкихъ славянскихъ народностей, и обратно: послѣднія не могутъ существовать внѣ связи съ Россіей. Исходя изъ такого положенія, Иванъ Сергѣевичъ всегда былъ убѣжденнѣйшимъ и усерднѣйшимъ пропагаторомъ такъ - называемой славянской идеи въ русскомъ обществѣ.

Мощное слово его и въ этомъ вопросѣ, какъ въ другихъ, производило сильное впечатлѣніе. Отсюда же объясняется и его замѣчательная дѣятельность, какъ предсѣдателя Московскаго Славянскаго Общества и организатора помощи бѣдствующимъ и угнетеннымъ славянскимъ народностямъ.

Выступая противъ космополитизма, дѣйствуя во имя національнаго начала, Иванъ Сергѣевичъ не былъ однако слѣпымъ фанатикомъ извѣстныхъ идей, завзятымъ „противникомъ" гнилаго „Запада", какимъ нерѣдко его любили изображать противники. Напротивъ того, подобно другимъ виднымъ представителямъ своей школы, онъ былъ прекрасно знакомъ съ западноевропейскою образованностью, въ совершенствѣ зналъ иностранные языки, былъ начитанъ во многихъ иностранныхъ литературахъ. Ко многимъ явленіямъ европейской жизни онъ относился съ полнымъ сочувствіемъ и въ своихъ статьяхъ нерѣдко ссылался на нихъ какъ на предметъ, достойный подражанія. Дѣло только въ томъ, что, уважая чужое, онъ болѣе всего на свѣтѣ любилъ свое родное, русское... Та же широта взгляда, замѣчательная терпимость къ чужому мнѣнію замѣтны въ его отношеніяхъ къ литературнымъ противникамъ. Но лучше всего нравственная высота и чистота Ивана Сергѣевича отразилась въ его отношеніи къ вопросу о положеніи печати въ нашемъ отечествѣ. Едва ли можно указать другаго публициста, который бы съ такимъ мужествомъ отстаивалъ свободу печатнаго слова, какъ это видимъ въ статьяхъ покойнаго Аксакова. Его многочисленныя произведенія навсегда останутся свидѣтельствомъ того могущественнаго значенія, какое должно принадлежать печатному слову.

Итакъ, еще разъ повторимъ: потеря Ивана Сергѣевича незамѣнима.

Вѣчная память тебѣ, безукоризненный русскій дѣятель!

Земной поклонъ праху твоему отъ матери городовъ русскихъ.

Т. Флоринскій.

Памяти И. С. Аксакова *).

Нѣтъ болѣе великаго гражданина и истиннаго русскаго патріота! Нѣтъ болѣе Ивана Сергѣевича Аксакова! Въ лицѣ его Москва лишилась своего Минина; Россія потеряла въ немъ одного изъ лучшихъ своихъ представителей; Славянскіе народы—честнаго, благороднаго заступника, бойца-богатыря; русская печать—талантливѣйшаго, искреннѣйшаго и образованнѣйшаго своего писателя; русское общество—прекраснѣйшаго, идеальнѣйшаго человѣка, учителя и руководителя. Православная Церковь—смиреннаго сына и истиннаго христіанина; Русскій Царь — вѣрнѣйшаго, преданнѣйшаго слугу и убѣжденнѣйшаго, мужественнѣйшаго и неподкупнѣйшаго, искренняго, задушевнаго совѣтника! Русская народная мысль осиротѣла и скорбно поникла. Горячее, вдохновенное русское слово застыло на замкнутыхъ смертью устахъ великаго публициста-писателя; патріотичесская русская рѣчь уже не выльется изъ-подъ пера Аксакова и не пронесется, какъ громъ небесный, изъ края въ край Россіи. Не дрогнутъ русскія сердца, и не прольются незримыя, тайныя слезы, слезы горечи, состраданія и сочувствія, при чтеніи душу захватывающихъ Аксаковскихъ рѣчей... Нѣтъ болѣе Аксакова! Нѣтъ нашего Минина!...

Древняя первопрестольная Москва потеряла въ Аксаковѣ лучшаго выразителя своихъ думъ и завѣтныхъ желаній. Аксаковъ пробуждалъ русское чувство, воспламенялъ русскую душу и умъ; онъ указывалъ на великое будущее Россіи, возлагалъ надежды на объединеніе Славянъ, на всемірное торжество всеславянской идеи; онъ вѣрилъ въ мощную силу русскаго общества и старался сблизить его съ правительствомъ для взаимной дружной поддержки въ разработкѣ важныхъ вопросовъ государственныхъ: онъ хорошо зналъ, чѣмъ болѣло русское самолюбіе, забракованное со временъ Петра I... Онъ желалъ примиренія и забвенія во имя общей работы, для обновленія и просвѣщенія Русскаго народа, освобожденнаго отъ произвола и насилія, но удрученнаго нищетой и невѣжествомъ... Громко звучалъ, какъ колоколъ, убѣжденный голосъ Аксакова, призывая всѣхъ Русскихъ къ единенію и довѣрію, къ

---

*) Изъ № 797 «Вѣстника полит. науч. и худож.»

самой широкой государственной и живой общественной дѣятельности. Далеко во всѣ стороны разносился этотъ торжественный благовѣстъ. Чутко прислушивались къ нему вся Россія и весь Славянскій міръ. Много было тайныхъ и явныхъ враговъ, которымъ сильно не нравились идеи Аксакова; они не разъ пускали въ ходъ свое змѣиное шипѣніе и сремились всѣми средствами заставить замолчать непріятный имъ русскій колоколъ. Правда, не рѣдко это имъ удавалось, и колоколъ принужденъ былъ молчать. Проходило не малое время, и звонъ раздавался снова. Смѣло и грозно гудѣлъ этотъ московскій, русскій и всеславянскій колоколъ, и снова вызывались великія идеи: звучалъ онъ объ историческомъ призваніи Россіи, о единеніи могучаго, великаго Славянства, о всемірномъ владычествѣ Славянъ во главѣ съ Россіей, о разоруженіи озлобленной Европы, о прекращеніи взаимной враждебности, о народной правдѣ Христовой, о любви къ своей землѣ и родному народу, о честномъ, безкорыстномъ служеніи своему отечеству, о защитѣ русскихъ народныхъ интересовъ, объ отданіи на судъ тайныхъ и явныхъ предателей Россіи, хищниковъ-грабителей, обкрадывающихъ казну, и взяточниковъ, обирающихъ русскій народъ и общество... Много подобныхъ великихъ идей разносилъ по свѣту звонъ этого колокола. Многихъ тревожилъ онъ, не давалъ покою, будилъ дремлющую совѣсть и грозно звалъ къ отвѣту... Но--нѣтъ болѣе Аксакова, и замолкъ навсегда вѣчевой громовой колоколъ Москвы!.. Замолкъ навсегда, на вѣчныя времена... Грустно, больно, тяжело чувствуется на сердцѣ, и какъ-то странно смотрѣть въ будущее, въ виду неопредѣленнаго шатанія, и въ печати, и въ обществѣ...

Но радостро было смотрѣть на проводы великаго писателя-патріота. 100-тысячная масса самой разнообразной публики вышла отдатьпо слѣдній долгъ признательности и благодарности высокочтимому славному гражданину и учителю. Огромная масса учащейся молодежи дружно, на перерывъ, несла на рукахъ, высоко надъ головою, бѣлый глазетовый гробъ, съ прахомъ идеально-честнаго русскаго человѣка, въ продолженіи всей дороги, отъ Университетской церкви, по Моховой, Охотнымъ рядомъ, черезъ Театральную площадь, Китайскимъ проѣздомъ, Лубянкой, по Мясницкой, къ Краснымъ воротамъ, на Каланчевскую площадь, къ вокзалу Московско-Ярославской желѣзной дороги. Весь этотъ длинный путь переполненъ былъ сплошными толпами публики,

среди которой, какъ между двухъ живыхъ стѣнъ, тихо и торжественно проносила молодежь драгоцѣнный прахъ горячо-любимаго и искренно-уважаемаго писателя-богатыря, грудью стоявшаго за русское дѣло, за родной народъ. Въ толпѣ намъ приходилось слышать вопросы простыхъ русскихъ людей: „что̀ онъ сдѣлалъ?“ „за что̀ такъ его хоронятъ“? Имъ отвѣчали, что покойникъ давалъ *хорошее мнѣніе Царю*... Вотъ простое и вѣрное опредѣленіе заслугъ истинно-русскаго писателя-патріота, съ простой народной точки зрѣнія.

Безцѣнный прахъ своего Минина Москва, съ сердечнымъ сожалѣніемъ, принуждена была, по волѣ покойнаго, уступить Троице-Сергіевой Лаврѣ. Тамъ, подъ сѣнію величайшаго отчизнолюбца, молитвенника и покровителя Россіи, Св. Сергія Радонежскаго, нашелъ мѣсто вѣчнаго упокоенія незабвенный И. С. Аксаковъ. Миръ праху твоему, великій русскій учитель! Вѣчная память тебѣ, истинный заступникъ Русскаго народа! Дай Богъ, чтобы такими людьми не оскудѣвала Русская земля. Будемъ же вѣрить и надѣяться, что если такіе русскіе люди были, то они и будутъ впредь на Руси; крѣпко будутъ стоять они за свое русское дѣло, за родной многострадальный народъ. Никакія бѣды и напасти не сломятъ тогда могучей Россіи: будущіе Аксаковы отстоятъ свою родину, высоко вознесутъ ея могущество и прославятъ своими подвигами на вѣчныя времена! Аксаковы жили не даромъ. Если они умерли тѣломъ, то духъ ихъ и мысль живутъ въ насъ и тайно зрѣютъ до времени въ глубинѣ души...

М. К. С.

Передовыя статьи газеты „Свѣтъ“ №№ 23 и 28.

I.

Петербургъ, 29 января.

Смерть Ивана Сергѣевича Аксакова представляетъ утрату, какой давно не испытывала русская литература. Всѣ мы, безъ различія направленій, должны соединиться у гроба честнаго русскаго дѣятеля. Здѣсь не можетъ быть мѣста для партій: всѣ мы прежде всего русскіе люди, а потомъ уже представители различныхъ направленій и взглядовъ. Аксаковъ былъ истинный народо-

любецъ и сдѣлалъ многое для пробужденія въ насъ самосознанія и самоуваженія. Будемъ же помнить совѣтъ, относящійся ко всѣмъ намъ и данный въ одномъ изъ предсмертныхъ писемъ покойнаго: будемъ совершенствоваться. Будемъ стремиться къ истинѣ, которую Иванъ Сергѣевичъ ставилъ выше всего, не допуская никакихъ слѣдокъ и уступокъ, къ которымъ такъ часто прибѣгаютъ люди менѣе мужественные и менѣе честные. Русская печать должна достойно почтить одного изъ своихъ представителей: почтить не только вѣнками, но и дѣлами, слѣдуя примѣру искренности и прямоты, которую проявлялъ Иванъ Сергѣевичъ во всей своей литературной дѣятельности.

II.

3 февраля.

Похороны И. С. Аксакова въ Москвѣ были любопытнымъ и поучительнымъ событіемъ.... Народъ московскій сдѣлалъ свое дѣло по совѣсти, явился въ полномъ своемъ составѣ и съ полною вѣрою въ свое призваніе, съ благодарностію къ жизненному труду великаго честнаго дѣятеля, почтилъ память покойнаго радѣтеля молитвою и сердечными проводами. Болѣе ста тысячъ Москвичей явилось помолиться передъ гробомъ И. С. Аксакова...

И. С. Аксаковъ жилъ въ Москвѣ. Но значеніе его вовсе не мѣстное московское...

Нѣтъ ни одного большаго города въ Россіи, гдѣ бы не помянули безвременно почившаго славяно-русскаго дѣятеля. Нѣтъ ни одного славянскаго племени, среди котораго бы не отнеслись къ смерти Аксакова какъ своего собственнаго гражданина. Въ этомъ кроется великая сила будущаго, и въ этомъ заключается увѣренность, что могила Аксакова не только не поглотила все, но и рѣшительно ничего не поглотила. Милліоны умовъ воспримутъ стремленія Аксакова, и нельзя даже приблизительно сказать, гдѣ и кто явится для Славянскаго міра преемникомъ И. С. Аксакова. Если человѣкъ, окрѣпнувъ послѣ лѣтъ отрочества и возмужавъ, можетъ безбоязненно оставить свое родное пепелище

и легко сдѣлаться дѣятелемъ любаго клочка земли, гдѣ онъ поселится, то тѣмъ легче и естественнѣе пріурочиться дѣятелемъ идеи тамъ, въ той средѣ, гдѣ эти идеи способны воспринять полную жизнь, не стѣсняясь мѣстомъ и обществомъ.

Продолженіе газеты „Русь", разумѣя этотъ органъ въ смыслѣ выраженія великихъ интересовъ Славянства, послѣ смерти Аксакова—дѣло почти немыслимое. Напрасно и хлопочутъ ближайшіе Аксакову люди. Можно собрать деньги, можно нанять редактора, но кто вдохнетъ жизнь въ органъ, который весь служилъ нѣкогда, и притомъ еще недавно, отраженіемъ разносторонней души могучаго патріота?.. Но тамъ, въ разныхъ земляхъ Славянскихъ, не одинъ, а десятки органовъ будутъ дѣлать дѣло И. С. Аксакова.

Ораторы, говорившіе на могилѣ Аксакова и видѣвшіе все въ безотрадномъ свѣтѣ, искавшіе хотя одного луча, какъ руководящаго въ темномъ царствѣ, проглядѣли цѣлую зарю, которая, благодаря Аксакову, занялась въ Россіи и Славянскихъ земляхъ и которая въ близкомъ будущемъ готовится залить весь небосклонъ яснымъ дневнымъ лучезарнымъ свѣтомъ.

В. К—въ.

Памяти И. С. Аксакова *).

Въ Москвѣ, на Волхонкѣ, въ домѣ князя Голицына, въ скромномъ помѣщеніи, окнами противъ Храма Спасителя, на 63-мъ году возраста, скончался сего 27 января 1886 г. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, второй сынъ извѣстнаго писателя Сергѣя Тимоѳеевича и дочери Суворовскаго генерала Заплатина, Ольги Семеновны. Преданія Суворовскія и свѣжія воспоминанія великой грозы 1812 года жили и дѣйствовали въ Аксаковской семьѣ и легли основою въ воспитаніи нынѣ почившаго Ивана Сергѣевича. Съ его кончиною у всякаго истинно-русскаго человѣка, всѣхъ

*) Изъ «Русскаго Архива».

направленій и положеній, отъ дворца до хижины, что-то оторвалось отъ сердца... Величавый его образъ не изгладится въ памяти отдаленнѣйшаго потомства, и никогда не забудется его прямая, задушевная, звонкая и прекрасная, какъ переливы московскихъ колоколовъ, его честная рѣчь. Какъ достойно возблагодарить его за то, что онъ всю свою жизнь былъ будителемъ нашей политической совѣсти, за то, что свои необыкновенныя дарованія сочеталъ онъ съ желѣзнымъ трудолюбіемъ и беззавѣтно, безрасчетно служилъ благу родины?

И неизмѣнно, жизни новой
Дошелъ къ таинственнымъ брегамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Доходитъ цѣлый къ берегамъ.

Эту-то цѣльность души и неизмѣнную вѣрность святымъ началамъ православной жизни завѣщалъ намъ отшедшій собратъ нашъ.

Вѣчная, вѣчная ему память, память любви, уваженія, всенародной благодарности!

П. Б.

Памяти Ив. С. Аксакова *).

27 января вечеромъ преставился И. С. Аксаковъ, отъ края и до края не только Руси, но и всего Славянскаго міра извѣстный и глубокочтимый писатель и патріотъ, единственный въ наше время искренній, безъ заднихъ мыслей, и смѣлый провозвѣстникъ ученія славянофиловъ и, къ великому горю, незамѣнимый,—и когда же? Когда его горячо-сердечное и правдивое отрезвляющее слово, въ виду великаго шатанія русскихъ умовъ и сердецъ, было такъ необходимо. Для подробныхъ описаній патріотической дѣятель-

---

*) Изъ № 3 «Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Вѣстника».

ности въ Бозѣ почившаго Ивана Сергѣевича—мѣсто на страницахъ свѣтской прессы. Но мы не можемъ не пополнить пробѣла, уже у едва охладѣвшихъ останковъ преставльшагося допущеннаго этою прессою, по поводу его безвременной кончины: ни въ „Новомъ Времени“, ни въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, ни въ провинціальныхъ русскихъ газетахъ, въ краткомъ очертаніи личности Ивана Сергѣевича, мы не нашли даже намека нато, что почившій былъ горячимъ и искреннимъ, не страха ради іудейска, не изъ-за повышеній и наградъ, хранителемъ и провозвѣстникомъ величайшаго, по нашему мнѣнію, завѣта славянофиловъ—предносить предъ всѣми Славянами святое знамя вселенскаго, соборнаго православія, подъ которымъ однимъ почившій, по примѣру своихъ предшественниковъ, прозрѣвалъ возможнымъ истинное возрожденіе всего Славянства. На скорую руку мы признаемъ неумѣстнымъ бѣгло перечислять многочисленныя статьи и замѣтки почившаго по этому вопросу. Особенно намъ памятны его передовыя статьи въ „Днѣ“ (съ 1860 г.) и „Руси“ по этому предмету, когда ему приходилось свѣтлый образъ Вселенской Церкви и ея православія бережно охранять отъ пятенъ и тѣней, которыя пытались набросить на этотъ образъ какъ писатели католическіе, такъ и нашъ католичествующій писатель Влад. Соловьевъ. Писанія Ивана Сергѣевича въ защиту православія тѣмъ драгоцѣннѣе, что они чужды и школьной схоластики и ея пріемовъ, и всякаго фанатизма. Доставалось ему за его вѣрность православному знамени и отъ своихъ недовѣрковъ и отъ чужихъ: даже такіе, по видимому, умные дѣятели, какъ Ригеръ, находили умѣстнымъ съ своей католически-схоластической точки зрѣнія глумиться надъ горячимъ призывомъ Ивана Сергѣевича, обращеннымъ къ Чехамъ, какъ лучшимъ изъ западныхъ Славянъ хранителямъ древнѣйшихъ христіанскихъ преданій своего народа, стать подъ знамя православія. Въ возникшей по сему случаю полемикѣ фанатикомъ и мраколюбцемъ, увы! оказался, въ другихъ отношеніяхъ досточтимый, д-ръ Ригеръ. Да и близорукимъ, при его умѣ, онъ оказался: не прошло и пяти лѣтъ со времени этого спора, какъ вотъ въ самой Вѣнѣ, подъ строгимъ надзоромъ іезуитской полиціи, чешскія патріотическія общества поставили публично и открыто вопросъ о возвращеніи Чешскаго народа къ святымъ преданіямъ и завѣтамъ Іоанна Гуса и Іеронима Пражскаго. На свѣжей могилѣ незабвеннаго Ивана Сергѣевича слѣдовало бы особенно горячо по-

молиться — не объ упокоеніи только многолюбившаго и многострадавшаго русскаго православнаго сердца его въ селеніяхъ Праведныхъ, а и о скорѣйшемъ сбытіи его православныхъ чаяній и упованій во всемъ Славянствѣ.

Что же будетъ съ его любимымъ дѣтищемъ — „Русью“? Газеты извѣщаютъ, что вдова почившаго обратилась въ С.-Петербургъ съ просьбою разрѣшить ей продолженіе изданія подъ редакціей Д. Самарина. Прекрасное дѣло! Но передовыхъ статей Ивана Сергѣевича, увы! не суждено уже намъ читать! И какое совпаденіе! истинно-русская и славянская „Русь“ съ ея редакторомъ сходитъ въ могилу, а фальшивая, подложная и іезуитско-панская „Русь“ нарождается въ Галичинѣ, — на погибель славянскому дѣлу. Невольно по этому совпаденію припоминается извѣстный стихъ Гомера про Ахилла:

Мирно доблестный Ахиллъ во гробѣ спитъ...
Живъ презрительный Терситъ!

Передовая статья № 28 „Русскаго Курьера“.

Москва, 29 января.

Вчера московскими газетами было сообщено извѣстіе о смерти Ивана Сергѣевича Аксакова, редактора-издателя газеты „Русь“, послѣдовавшей 27-го января, въ восьмомъ часу вечера. Эта смерть несомнѣнно глубоко огорчитъ не только многочисленныхъ поклонниковъ и почитателей знавшихъ лично покойнаго, но и всѣхъ честныхъ русскихъ гражданъ, знакомыхъ съ его литературной, общественной и публицистической дѣятельностію.

Наше славянофильство въ немъ потеряло одного изъ самыхъ видныхъ, вліятельныхъ и честныхъ своихъ представителей. Въ лицѣ покойнаго, кромѣ того, весь Славянскій міръ потерялъ одного изъ передовыхъ борцовъ и защитниковъ „славянской идеи“.

Должны также пожалѣть немало и читатели „Руси“, бывшей „личнымъ органомъ“ покойнаго и которая, тѣмъ самымъ, едва ли уже будетъ продолжать свое существованіе, лишившись своего творца и вдохновителя, положившаго въ этотъ органъ столько

трудовъ, энергіи и силъ, неустанно и безбоязненно ратовавшаго за святое ,,славянское дѣло'', несмотря на всѣ неблагопріятныя для этого обстоятельства, когда-то существовавшія.

Вѣроятно и самый порокъ сердца, бывшій причиною внезапной смерти Ивана Сергѣевича, появился въ его груди отъ того, что сердце это сильно билось и страдало за славянское дѣло,— за славянскую идею!

Утрата этого истиннаго Славянина и честнаго патріота, поистинѣ, невознаградима!

Но ,,славянскій вопросъ'', ,,славянская идея'', ,,вопросъ объ объединеніи Славянъ'',—все это, къ нашему счастію и спасенію, было и есть достояніемъ еще многихъ славянскихъ писателей, ученыхъ и публицистовъ — представителей славянской и русской прессы, и потому, какъ ни чувствительна утрата, понесенная Славянствомъ въ лицѣ почившаго Ивана Сергѣевича Аксакова, но сознаніе великаго значенія ,,славянской идеи'' не умретъ, потому что борцы за ,,славянскую идею'' еще не перевелись.

Въ настоящее время ,,славянская идея'' получила особенное значеніе, и такъ сказать—,,выступила на сцену'', въ виду антагонизма Германскаго міра противъ Славянскаго, заявленнаго въ рѣзкой и рѣшительной формѣ массы изгнаній Славянъ-Поляковъ изъ восточной Пруссіи и въ виду недавней рѣчи, сказанной княземъ Бисмаркомъ въ прусскомъ ландтагѣ, по адресу всѣхъ Славянъ.

Чтобы почтить достойно память покойнаго, мы считаемъ лучшимъ средствомъ — слѣдовать по незапятнаннымъ стопамъ Ивана Сергѣевича Аксакова и защищать и отстаивать, сколько возможно, братское дѣло Славянъ—,,славянскую идею'', конечно, такъ, какъ мы ее понимаемъ и какъ мы высказывали это читателямъ.

И. С. Аксаковъ *).

„Энтузіазмъ—великая сила". Такъ писалъ съ небольшимъ недѣлю тому назадъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ № 28 „Руси".

---

*) Изъ № 28 «Русскаго Курьера».

Сегодня Москва, а съ нею, можно не ошибаясь сказать, и Россія проникнута скорбью о невозградимой потерѣ, о смерти незамѣнимаго человѣка—Ивана Сергѣевича Аксакова.

Полтора мѣсяца тому назадъ, производя общій обзоръ публицистической своей дѣятельности, тотъ же Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, приглашая поручницею себѣ всю Россію, достаточно знакомую со всѣмъ строемъ его почти непрерывныхъ трудовъ, свидѣтельствовалъ, что пока онъ держитъ перо въ рукахъ, оно будетъ все тѣмъ же независимымъ и ужъ несомнѣнно искренно-патріотическимъ, какимъ было и есть—теперь и всегда.

И вотъ, этого-то болѣе чѣмъ двадцатипятилѣтняго энтузіазма, этого-то болѣе чѣмъ двадцать пять лѣтъ съ полною искренностью и независимостью раздававшагося честнаго голоса не стало. Умеръ не только талантливый публицистъ, даровитый поэтъ, честный и выдающійся гражданинъ Русской земли,—умерла крупная, незамѣнимая и, увы! въ одномъ только лицѣ сосредоточившаяся сила.

Кто видалъ или хотя встрѣчалъ только Ивана Сергѣевича Аксакова, невольно сравнивалъ его, по его широкоплечей, могучей фигурѣ, съ типомъ народныхъ богатырей древней Россіи—тѣхъ самыхъ богатырей, которые когда-то сторожили и охраняли „святорусскую землю отъ всяческихъ змѣевъ-горынычей и отъ свивавшихъ себѣ гнѣздо на семи дубахъ соловьевъ-разбойниковъ, и отъ всяческой силы татарской. Кто зналъ Ивана Сергѣевича,—а кто же во всей Россіи не зналъ его вовсе?—зналъ, что онъ имѣетъ дѣло и съ душою богатырскою, которой можно, пожалуй, даже и не симпатизировать, но мощь, прямизну и безусловную искренность которой отрицать было бы также нелѣпо, какъ нельзя отрицать силы морскаго прибоя отъ летящаго все прямо и прямо, никогда не сворачивая въ сторону, паровика.

И этой великой силы не стало. Бросимъ же взглядъ на то, какъ сложился и какъ подвизался этотъ послѣдній для настоящаго времени богатырь Русской земли. Не бѣглаго бы только взгляда заслуживала эта трудовая, исключительно благу Русскаго народа и неукоснительному поддержанію его на пути его исторической миссіи посвященная жизнь, но мы торопимся отдать эту первую дань его неостывшему еще трупу.

Сынъ Сергѣя Тимофеевича Аксакова, братъ Константина Сергѣевича,—Иванъ Сергѣевичъ съ самаго ранняго дѣтства вра-

щался, такъ сказать, въ самомъ горнилѣ кипучей, хотя и тщательно охлаждаемой извнѣ литературной дѣятельности послѣпушкинскаго періода. Едва сойдя съ ученической скамьи школы правовѣдѣнія, онъ уже примкнулъ къ литературнымъ кружкамъ, къ которымъ принадлежали его отецъ и братъ, дышалъ воспоминаніями о Пушкинѣ, слушалъ Жуковскаго, привѣтствовалъ Гоголя... Къ этому же времени принадлежатъ и первыя произведенія его энергической музы. Юношеской энергіей и прямолинейностью суроваго стоицизма дышатъ его первыя стихотворенія.

Когда мнѣ въ сердце бьетъ, звеня какъ мечъ тяжелый,
Твой жесткій безпощадный стихъ,
Съ глубокой скорбью я внимаю невеселой,
Холодной правдѣ словъ твоихъ.

Такъ писалъ когда-то Я. П. Полонскій къ молодому еще тогда И. С. Аксакову. Поэзіи посвящены были первыя силы будущаго публициста, который, прежде чѣмъ стать „славянофиломъ“, глубоко изучилъ богатую литературу Запада, зналъ наизустъ Гёте и Шиллера и пѣшкомъ вмѣстѣ съ нѣмецкимъ поэтомъ Боденштедтомъ (авторомъ Мирза-Шафи) обошелъ всю Германію. Иванъ Сергѣевичъ любилъ расказывать, какъ передъ деревяннымъ изображеніемъ Саламандры онъ былъ торжественно причисленъ къ членамъ общества поэтовъ, носившаго почему-то названіе этого загадочнаго животнаго.

Но блужданіе по нѣмецкимъ землямъ мало повліяло на характеръ его музы. Долгіе годы послѣ этого застаемъ мы его пишущимъ огромную поэму „Бродяга“, которая и до сего еще времени осталась неоконченною и отъ которой только отрывки сдѣлались извѣстны русскому обществу. Всесильный въ тѣ времена гр. Закревскій тоже былъ заинтересованъ судьбами медленно подвигающейся поэмы. Вызванный къ нему Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ долженъ былъ выслушать суровый выговоръ за то, что дерзнулъ сдѣлать „безпаспортнаго человѣка“ героемъ поэмы. Въ оправданіе суроваго администратора мы должны прибавить, что первые стихи „Бродяги“ были первымъ беллетристическимъ произведеніемъ на чисто „народнической“ почвѣ, ибо тогда не было еще ни „Записокъ охотника“ Тургенева, ни „Рыбаковъ“ Григоровича.

Но служеніе музамъ не отвлекало нашего поэта отъ служенія существеннымъ потребностямъ многострадальнаго, закрѣпощеннаго, всѣми позабываемаго Русскаго народа,—отъ исполненія суровыхъ и тяжелыхъ въ то время обязанностей гражданина. Гдѣ же совершались эти подвиги или точнѣе этотъ постоянный, этотъ непрерывный подвигъ гражданскаго мужества? — Въ уголовной палатѣ.—Иванъ Сергѣевичъ опредѣлился на службу въ уголовную палату для того, чтобы, какъ говорится теперь,—идти въ народъ, для того, чтобы страдать нравственно въ то время, когда онъ страдалъ и нравственно и физически, для того, чтобы прочитывать рѣдко кѣмъ прочитывавшіеся акты письменнаго судопроизводства, для того, чтобы быть честнымъ тамъ, гдѣ не всѣ были честны, гуманнымъ тамъ, гдѣ не многіе были гуманны. По каплямъ, по немногу приходилось облегчать страданія Русскаго народа, ничтожными зернами приходилось сѣять вѣру въ правду и справедливость суда. Знавшіе Ивана Сергѣевича въ эту пору его дѣятельности знаютъ, какъ томилась и мучилась молодая еще тогда душа его въ эту суровую эпоху и какъ поборалъ онъ въ себѣ чувство личнаго отвращенія, чтобы несть эту тяжелую службу, зная, что несеніемъ этого креста ему удастся все-таки уменьшать хотя немного количество обильно расточаемыхъ плетей, пролагать хотя ничтожный просторъ правдѣ и справедливости. Извѣстная литературному міру Авдотья Петровна Елагина послала ему въ этотъ періодъ его отчужденія отъ Москвы мраморное Распятіе, на которомъ ликъ облеченнаго терновымъ вѣнкомъ Спасителя представлялся ей особенно хорошо выражающимъ глубь нравственнаго страданія. Въ письмѣ, которымъ сопровождалась эта посылка, старая уже и тогда Авдотья Петровна писала, что, взирая на этотъ ликъ Представителя высшаго страданія, она всегда вспоминала о тѣхъ внутреннихъ мукахъ, о той нравственной пыткѣ, которую приходится переживать И. С. на добровольномъ поприщѣ суроваго его служенія. Два года тому назадъ Ив. Сер. самъ вспомнилъ это время въ превосходной статьѣ о старомъ и новомъ судѣ въ Россіи.

Но не легко было жить и служить въ это тяжелое время. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, вообще не любившій Некрасова, съ уваженіемъ вспоминалъ всегда сдѣланную имъ характеристику эпохи:

Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо...

Въ это время понятны были моменты полнаго отчаянія. Одинъ изъ такихъ моментовъ подмѣчаемъ мы и у Ивана Сергѣевича Аксакова, если вѣрить его стихамъ:

Слабѣйте силы,—вы не нужны,
Замолкни жизнь,—довно пора!
Разсѣйтесь всѣ, чтó были дружны
Во имя правды и добра!

Но силѣ не пришлось ослабнуть. Севастопольская война увидала Ивана Сергѣевича въ числѣ первыхъ ополченцевъ. Но не театральныя наслажденія битвы прельщали его: Иванъ Сергѣевичъ является казначеемъ Московской дружины и изумляетъ міръ или по крайней мѣрѣ Россію—мужествомъ честности. Командующій ополченіемъ даже не рѣшился подписать отчетъ, представленный изумительнымъ казначеемъ, ибо отчетъ этотъ былъ въ силу великой экономіи обвинительнымъ актомъ чуть не всѣхъ другихъ поголовно. Отчетъ такъ и остался неподписаннымъ, несмотря на всѣ настоянія Аксакова.

Очистительные Севастопольскіе громы замолкли. Россія вздохнула свободнѣе. Завидѣлась заря новой жизни... Кто энергичнѣе и восторженнѣе Ивана Сергѣевича привѣтствовалъ первые лучи этого свѣта? Припомнимъ его мощные стихи:

День встаетъ багрянъ и пышенъ.
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни шепотъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ дышетъ день.

Такъ могъ писать только тотъ, кто испыталъ всю тягость мрака и не бѣжалъ отъ него, не старался спрятаться отъ него и укрыться, но жилъ въ немъ и дѣйствовалъ, и сохранилъ въ немъ свои силы.

Съ этого-то приблизительно времени начинается редакторская дѣятельность Ивана Сергѣевича Аксакова, такъ хорошо извѣстная всѣмъ. Первымъ по времени изъ его изданій выступаетъ „Парусъ“. Напрасно привѣтствуетъ появленіе „русскаго

паруса" вдохновенными стихами А. С. Хомяковъ, напрасно передовая статья перваго нумера взываетъ ко всѣмъ добрымъ и злымъ божествамъ, моля ихъ покровительствовать этому парусу и защитить его отъ всякихъ лютыхъ силъ... Парусъ прекратился на шестомъ или седьмомъ нумерѣ.

За „Парусомъ" шли поочередно „День", „Москва", „Москвичъ" и, наконецъ, „Русь".

Перо Ивана Сергѣевича Аксакова выпало изъ рукъ его надъ страницами „Руси" такимъ же честнымъ, смѣлымъ, независимымъ и энергичнымъ, какимъ было оно въ самомъ началѣ его многолѣтней дѣятельности.

Такъ подвизался въ жизни своей одинъ изъ послѣднихъ богатырей Русской земли.

Н. А.

Памяти И. С. Аксакова *).

Не стало Аксакова Ивана Сергѣевича... Закатилась неожиданно *послѣдняя* звѣзда славянофильства на Руси. На смѣну некому выступить... Аксаковъ болѣлъ душою за Славянство, и, можно сказать, это приблизило его и къ могилѣ... Умеръ отъ разрыва сердца тотъ, чье сердце уже много разъ разрывалось на части при видѣ „вольной и невольной измѣны славянскому дѣлу", при видѣ того „политическаго маразма", который покойный патріотъ не разъ жестоко бичевалъ и въ своихъ знаменитыхъ рѣчахъ, нѣкогда въ рукописи облетѣвшихъ всю Россію, а въ послѣднее время и въ своей газетѣ. „Русь" была его личнымъ органомъ; тутъ виденъ былъ весь, налицо, этотъ неподкупный, честный журналистъ и горячій патріотъ, не кривившій душою ради чьихъ-либо партійныхъ вожделѣній. Онъ стоялъ какъ-то особнякомъ даже отъ той партіи, къ которой ближе всего подходилъ по своимъ убѣжденіямъ, и не разъ высказывалъ своимъ

---

*) Изъ № 110 «Еженедѣльнаго Обозрѣнія».

прошенымъ и непрошенымъ союзникамъ горькія истины. Съ нимъ могли сходиться, его уважали даже люди иныхъ лагерей. Но тѣмъ тяжелѣе потеря! Его голосу внимали, его статьи читали въ самыхъ высокихъ сферахъ; это давало такую независимость его рѣчамъ, какой другимъ не суждено имѣть... Не въ вопросахъ только внѣшней политики, но много разъ и не безплодно возвышалъ онъ свой протестующій, вѣскій голосъ и по вопросамъ политики внутренней. „Я нисколько не расположенъ говорить иносказательно, а намѣренъ говорить *прямо*, для чего рѣшился и газету издавать", писалъ онъ намъ въ 1880 году предъ самымъ началомъ изданія. И онъ дѣйствительно говорилъ *прямо*. Въ этомъ еще недавно всѣ имѣли случай убѣдиться. Можно было съ нимъ не соглашаться, можно было съ нимъ спорить, но никто не отказывалъ Аксакову въ прямотѣ и честности. Теперь пуста трибуна журналиста, некому подать съ нея голосъ; со смертію издателя умерла и „Русь", какъ бы ни старались оживить ее...

И въ какое время умеръ послѣдній изъ могикановъ славянофильства! Когда со всѣхъ сторонъ надвигаются на Славянство тучи, когда братъ точитъ ножъ на брата, дѣти бѣгутъ отъ матери, когда баттенбергскій клинъ вбивается въ славянское тѣло, когда спасенная цѣною русской крови Болгарія осоюзилась, въ лицѣ своего князя, съ вѣковымъ палачемъ Славянства и обѣщается поднять за него оружіе противъ своихъ же братій... И въ эту-то минуту, когда все Славянство живетъ наканунѣ страшныхъ потрясеній, смежились очи одного изъ наиболѣе видныхъ борцовъ за славянскую идею!.. Это былъ человѣкъ *чувства* по преимуществу, и глубокаго, неподкупнаго чувства, которое всего сильнѣе сказывалось въ моменты всеобщаго одушевленія общества, въ тѣ дни, когда умъ молчитъ и говоритъ одно сердце... Въ эту пору Аксаковъ былъ незамѣнимъ. Достаточно вспомнить войну 1878 года. Теперь наступаетъ, повидимому, такая же пора, когда нужны будутъ эти люди чувства,—а гдѣ они?..

Удивительна судьба славянофиловъ на Руси: почти всѣ они сошли со сцены задолго до той поры, когда пробудилось въ обществѣ сознаніе своего родства, своей близости къ братьямъ по вѣрѣ и крови. Но даже и тѣ борцы за славянскую идею, которые видѣли зарю славянскаго возрожденія, умирали далеко еще не свершивъ въ предѣлѣ земномъ все земное. Вспомнимъ Ю. Самарина, кн. Черкасскаго, Скобелева. Новая и, кажется, уже

послѣдняя могила въ лагерѣ истинныхъ славянофиловъ (увы! теперь уже и умирать изъ нихъ некому!) говоритъ о томъ же. Жить бы еще и жить Ивану Сергѣевичу... Sit ei terra levis!

И. Скворцовъ.

И. С. Аксаковъ *).

Телеграфъ принесъ вчера извѣстіе, глубоко опечалившее всѣхъ тѣхъ русскихъ людей, которымъ дорого православіе, дороги интересы отечества и народности: въ Москвѣ скоропостижно скончался самый популярный, самый извѣстный, всѣмъ Русскимъ народомъ самый уважаемый и почитаемый писатель и публицистъ—Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

Россія и русское общество потеряли въ лицѣ покойнаго лучшаго выразителя своихъ упованій и надеждъ, мощнаго и непреклоннаго борца за свободу совѣсти, за самостоятельность народнаго развитія, за честь и достоинство отечества. Съ именемъ покойнаго Ивана Сергѣевича соединялось цѣлое направленіе нашей духовной и общественной жизни, направленіе, которое неправильно называютъ славинофильскимъ, но которое по сущей справедливости должно быть названо народнымъ. Никогда это направленіе не исчезало у насъ, оно всегда имѣло на своей сторонѣ сочувствіе основныхъ, коренныхъ русскихъ людей; но оно не всегда до самыхъ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія выражалось съ подобающею ему силою и энергіею. Они, эти славянофилы, эти народники, самымъ могущественнымъ образомъ послужили дѣлу нашего самосознанія, и имена Хомяковыхъ, Самариныхъ, Милютиныхъ, имена Аксаковыхъ, Сергѣя, Константина и нынѣ усопшаго Ивана, въ исторіи нашей культуры займутъ ярко выдающееся мѣсто, ибо съ ихъ именами неразрывно связано все, чтò дорого русскому сердцу: православіе, народность, любовь къ отечеству. Самые злѣйшіе противники этихъ истинно-русско-православныхъ людей чистосердечно сознавались, что съ ними можно спорить, можно не соглашаться, но не уважать ихъ

---

*) Изъ № 23 «Рижскаго Вѣстника».

нельзя: до того честны и чисты они были въ своихъ убѣжденіяхъ, до того правдивы они были въ своихъ словахъ и дѣлахъ.

Покойный Иванъ Сергѣевичъ душою и сердцемъ принадлежалъ къ этой плеядѣ истыхъ русско-православныхъ людей, и, разъ поднявъ русское знамя, онъ не преклонилъ его ни передъ какими невзгодами, въ обиліи постигавшими его со стороны тѣхъ расшаркивавшихся, по его выраженію, предъ Европою лже-либераловъ, которые, называя себя Русскими, презирали все русское, которые, не отрекаясь отъ православія, были отъявленными врагами ему, которые, находясь во власти, служили не Русскому народу, а чуждымъ интересамъ. Рѣзкимъ словомъ осужденія возставалъ онъ противъ такихъ людей, былъ крайне непріятенъ имъ, и они дѣлали все возможное, чтобъ только заставить молчать этого человѣка, не давать ему возможности срывать маску съ ихъ лицемѣрія, съ темныхъ, неразумныхъ дѣлъ ихъ, съ забвенія кровныхъ интересовъ Русскаго народа и государства. Но скорѣе топоръ, по лѣтописному выраженію, началъ бы плавать въ водѣ, чѣмъ покойный измѣнилъ бы тому, чтѐ онъ признавалъ честнымъ и справедливымъ, и исходящимъ изъ народнаго духа. И онъ крѣпчалъ въ буряхъ и, нещадно срамя нашихъ оевропеившихся либераловъ, указывалъ всѣмъ намъ, къ чему мы должны стремиться, чтѐ любить и уважать, отъ чего съ презрѣніемъ отворачиваться.

Покойный Иванъ Сергѣевичъ былъ публицистомъ по преимуществу, высоко талантливымъ, отзывчивымъ на всѣ явленія нашей жизни, публицистомъ до того популярнымъ, что появленіе его періодическихъ изданій встрѣчалось въ публикѣ какъ важное событіе дня. Стóитъ вспомнить только появленіе его „Паруса“, его „Дня“, его „Москвы“, его „Руси“, чтобъ эти слова не казались преувеличенными. Въ высшей степени поучительны судьбы этихъ изданій, и въ высшей степени важны для всѣхъ насъ тѣ начала, во имя которыхъ ратовалъ покойный.

Мы, коренные русскіе жители Прибалтійской окраины, если чтѐ имѣемъ въ наши дни, если добились кое-какихъ успѣховъ, то этимъ всецѣло обязаны покойному Ивану Сергѣевичу. Онъ первый въ своемъ „Днѣ“ заговорилъ о нашемъ положеніи, перкый указалъ къ чему мы должны стремиться, чего добиваться. Его мощное слово ободрило, его энергическая рѣчь вызвала къ дѣлу унывающихъ и впадавшихъ въ отчаяніе. Онъ, когда все безмолвствовало, первый заговорилъ словами достойными русскаго

гражданина и истиннаго патріота, и первый подорвалъ въ основѣ то средостѣніе, какъ онъ выражался, которое заслоняло и насъ и край нашъ отъ остальной Россіи. Можемъ ли забыть это когда-либо, можемъ ли отнестись къ памяти почившаго безразлично, безъ душевнаго прискорбія, безъ горячей молитвы за упокоеніе души этого вѣрнаго сына Православной Церкви и отечества, надежнаго слуги Русскаго Царя?

Царство небесное покойному! Да пребудетъ память его съ похвалами изъ рода въ родъ! Да послужитъ жизнь усопшаго отчизнолюбца примѣромъ для насъ, для нашихъ потомковъ!

Передовая статья № 23 „Виленскаго Вѣстника".

Скончался Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Сколько горестныхъ мыслей возбуждаетъ въ душѣ каждаго мыслящаго русскаго человѣка это печальное извѣстіе! Прекратилось существованіе свѣтлой личности, дорогой всѣмъ близкимъ и знавшимъ его людямъ, но для насъ кончина И. С. Аксакова имѣетъ не одно только это частное значеніе; нѣтъ, она имѣетъ для насъ значеніе другое, болѣе высокое, ставящее эту кончину въ рядъ тяжкихъ потерь для всего нашего отечества. Иванъ Сергѣевичъ былъ живымъ воплощеніемъ всѣхъ лучшихъ народныхъ идеаловъ и чувствъ. Съ чуткимъ русскимъ сердцемъ, высокимъ умомъ, онъ соединялъ величайшій публицистическій талантъ нашего времени и несокрушимую твердость и честность убѣжденій. Благодаря такому крайне рѣдкому сочетанію высшихъ человѣческихъ качествъ, слово Ивана Сергѣевича высоко цѣнилось всѣми современниками. Навѣрное можно сказать, что дѣятельность покойнаго оставила глубокіе слѣды во всемъ складѣ міровоззрѣнія Русскаго народа, указала истинный путь исторической жизни Россіи, разъяснила истинную картину народнаго бытія. Только потомки наши, можетъ быть, въ состояніи будутъ оцѣнить все значеніе Ивана Сергѣевича Аксакова, какъ публициста, равныхъ которому наше столѣтіе, кажется, еще не представляло. Вызывая въ насъ горячее чувство уваженія и удивленія, покойный несомнѣнно возбуждалъ противоположныя чувства во всѣхъ врагахъ Славянства, національной русской идеи, въ космополитахъ и западникахъ,

сбитыхъ ложными и болѣе или менѣе гибельными теоріями, принесшими и приносящими Россіи неисчислимый вредъ. На вѣки закрылись уста, на вѣки замолкъ могучій краснорѣчивый голосъ великаго патріота-Славянина и честнѣйшаго человѣка! Велика, велика наша потеря!

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ *).

† 27 января 1886 года.

Смерть Ивана Сергѣевича Аксакова составляетъ тяжелую и незамѣнимую утрату. Въ теченіе всей своей жизни покойный страстно и настойчиво боролся съ тѣми узко-бюрократическими началами, которыя такъ долго и много тормозили правильное развитіе Русскаго народа. Величайшею заслугой знаменитаго публициста мы считаемъ его энергическую защиту свободы совѣсти и печати. Самому Ивану Сергѣевичу пришлось не мало потерпѣть отъ неправильной оцѣнки его взглядовъ на истинные интересы и національное достоинство Россіи. Сильно и рѣзко нападая на противниковъ, Аксаковъ никогда не унижался до требованія заставить этихъ противниковъ замолчать. Иванъ Сергѣевичъ былъ искренній и честный публицистъ, онъ беззавѣтно любилъ Россію, земскую Русь, на старый до-Петровскій ладъ. Много было въ его воззрѣніяхъ неяснаго и, на нашъ взглядъ, неправильнаго, но такого, какъ онъ, противника нельзя было не уважать глубоко. Со смертью Ивана Сергѣевича Аксакова смолкаетъ честный, громкій и авторитетный голосъ, и русская печать лишается одного изъ достойнѣйшихъ своихъ представителей. Эта потеря почувствуется во всемъ русскомъ обществѣ.

Вѣчная память и чистая слава публицисту, вся дѣятельность, вся жизнь котораго были посвящены защитѣ простой и великой мысли, что „духа единственный мечъ—свободное слово".

---

*) Изъ журнала «Русская Мысль».

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ *).

Род. 26-го сентября 1823 г., † 27-го января 1886 г. **).

Событія все болѣе и болѣе усложняются, въ двери стучится роковой „историческій день“ съ его запросомъ на живыя, твердыя силы, „гроза близится“, какъ выразился въ своей самой послѣдней печатной строкѣ покойный.

А люди уходятъ, все лучшіе люди!

Содрогнется же ли, наконецъ, наше вѣтреное племя?

Мы дружно проводили въ могилу Аксакова, проводили именно *дружно* — съ забвеніемъ, повидимому, всякихъ старыхъ счетовъ, съ подавленіемъ всякаго духа партіи. Но насъ начинаетъ уже разбирать раздумье. Не слишкомъ ли много мы выказали и высказали относительно покойнаго, не пора ли поудержать свой пылъ, протрезвиться въ своемъ увлеченіи? Но тѣ, которые задаются такими вопросами, знаютъ ли они хорошенько Аксакова? Много ли они прочитали его статей и многое ли изъ нихъ запомнили? Самъ покойный замѣтилъ какъ-то разъ въ своемъ „Днѣ“, что у насъ слѣдовало бы вторично печатать однѣ и тѣ же передовыя статьи года два спустя послѣ ихъ появленія. Такое изданіе могло бы послужить для нашего общества самою лучшею школою общественной доблести.

А трудно было Аксакову, ему, какъ и старшимъ, ранѣе его умершимъ сподвижникамъ, вырабатывать въ себѣ эту доблесть. Порою тяжелаго испытанія была для нихъ самая заря жизни. Вотъ какъ вспоминалъ о ней Иванъ Сергѣевичъ въ передовой статьѣ „Дня“ 1-го января 1862 г. „Одиноко нарождалась мысль, созрѣвала и увядала въ одиночествѣ, безъ осуществленія, безъ дѣла, безъ приложенія къ жизни. Казалось, въ непробудный сонъ были погружены и народъ, и общество, и ничто не могло вызвать Руси изъ этого томительнаго застоя! Хоть бы движеніе, хоть бы звукъ живаго вольнаго слова!... Да, помнимъ мы эти

---

*) Изъ № 3 «Русской Старины».

**) Настоящій очеркъ читанъ проф. О. Ѳ. Миллеромъ въ торжественномъ собраніи Славянскаго Общества, въ С.-Петербургѣ, 14 февраля 1886 года.

печальные годы, когда не знали мы куда дѣвать ненужный праздный избытокъ силъ, и проклинали молодость, какъ тягостное бремя!“

Мысль ихъ созрѣвала и увядала въ одиночествѣ, потому что ей, какъ и всякой другой сильной мысли, нельзя было высказываться открыто и открыто вести борьбу съ противною мыслью. Имъ нельзя было выяснять и отстаивать настоящій смыслъ тѣхъ словъ своего исповѣданія, которыя громко раздавались надъ ихъ головой, но опозоренныя и опошленныя. Нельзя было нападать на противниковъ, остававшихся, искренно или притворно, подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ такой профанаціи,—нельзя было уже потому, что имъ было такъ удобно ссылаться на свою безотвѣтность и безоружность. Вотъ въ эту-то пору и вылились изъ пылкой, наболѣвшей души И. С. Аксакова стихи, которымъ можно было появиться въ печати только десять лѣтъ спустя:

Пусть гибнетъ все, къ чему сурово
Такъ долго духъ готовленъ былъ:
Трудилась мысль, дерзало слово.
Въ запасѣ много было силъ ..
Слабѣйте силы! вы не нужны!
Засни ты духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Безплодны всѣ труды и бдѣнья,
Безплоденъ слова даръ живой,
Безсиленъ подвигъ обличенья,
Безуменъ всякій честный бой!
Безумна честная отвага
Правдивой юности—и съ ней
Безумны всѣ желанья блага,
Святыя бредни юныхъ дней.

Такъ сокрушись души гордыня,
Въ борьбѣ неравной ты падешь:
Сплошнаго зла стоитъ твердыня,
Царитъ безсмысленная ложь!

Она страшнѣй враговъ опасныхъ,
Сильна не внѣшнею бѣдой,
Но тратой дней и силъ прекрасныхъ
Въ борьбѣ тупой, пустой, нѣмой!

Ликуй же, ложь! и насъ, безумцевъ,
Урокомъ горькимъ испытуй,
Гони со свѣта вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй!
Слабѣйте-жь, силы! вы не нужны!
Засни ты духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

(„Русская Бесѣда" 1859 г., кн. 6.)

Но такая нота отчаянія, никогда еще, можетъ быть, не звучавшая у насъ такъ сильно, не могла оставаться постоянно господствующей нотой въ поэзіи Аксакова.

Въ немъ было слишкомъ много бодрой силы, и онъ слишкомъ хорошо сознавалъ, что должна же, наконецъ, наступить пора, когда сдѣлается возможною открытая борьба съ ложью... Общее и господствующее впечатлѣніе его поэзіи оставалось закаляющимъ нравственныя силы въ горнилѣ терпѣнія и выносливости. Не даромъ онъ говорилъ про себя въ 1850 году:

. . . . понялъ я, что подвиговъ живыхъ.
Блестящихъ жертвъ, борьбы великодушной
Пора прошла,—и намъ въ замѣну ихъ
Борьбы глухой достался подвигъ скучный.
Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни!
И юности лукавые порывы
Опасны намъ—затѣмъ, что всѣ они
Такъ хороши, такъ ярки, такъ красивы!
Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка,
Сгараетъ въ немъ порыва скорый пламень;
Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
Онъ точитъ дубъ... Долбитъ и капля камень.

Невзрачный путь! тебѣ я вѣренъ былъ!
Лишенъ ты всей отрады упоенья;
И дерзко я на сердце наложилъ
Тяжелый гнетъ упорнаго терпѣнья...

(„Русская Бесѣда“ 1856 г.).

Вокругъ себя, между тѣмъ, замѣчалъ онъ не мало людей, которые только ссылались на трудности борьбы, на невозможность настоящаго жизненнаго дѣла, людей только извинявшихъ всѣмъ этимъ свою собственную лѣнь и дряблость. Вотъ какую отповѣдь прочиталъ имъ Аксаковъ еще въ 1847 году:

(„Московскій Сборникъ“.)

Смотри! толпа людей нахмурившись стоитъ:
Какой печальный взоръ! Какой здоровый видъ!
Какимъ страданіемъ томяся неизвѣстнымъ,
Съ душой мечтательной и тѣломъ полновѣснымъ,
Они рѣчь умную, но праздную ведутъ;
О жизни мудрствуютъ, но жизнью не живутъ,
И тратятъ свой досугъ лѣниво и безплодно,
Всему сочувствовать умѣя благородно!
Ужели пламя ихъ добра не принесетъ?
Досада тайная подчасъ меня беретъ —
И хочется мнѣ имъ, взамѣнъ досужей скуки,
Дать заступъ и соху, топоръ желѣзный въ руки,
И толки прекративъ объ участи людской,
Работниковъ изъ нихъ составить полкъ лихой!

Но вотъ, наконецъ, прошла та пора, на которую жаловались и эти люди фразы, тогда какъ для нихъ она скорѣе была удобною, и именно съ прекращеніемъ ея и должна была оказаться вся ихъ негодность. Съ воцареніемъ Государя Александра Николаевича наступила, наконецъ, пора, когда настоящимъ, притаившимся только силамъ стало возможнымъ дѣйствовать на просторѣ... Прежде всего стало явнымъ и несомнѣннымъ, что правительство не желаетъ болѣе слушаться мудрости Екатерининскаго „Наказа“, утверждавшаго со словъ Монтескьё, будто „не слѣдуетъ вдругъ

и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ". Въ 1857 г. уже открыто сказалась воля покойнаго Государя порѣшить, наконецъ, не внимая никакимъ застращиваніямъ и воспользовавшись своею самодержавною властью, съ роковымъ крестьянскимъ вопросомъ. И вотъ И. С. Аксакову можно было привѣтствовать наступающій 1858 годъ извѣстными стихами:

День встаетъ, багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день.
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна.

Такъ торжественно прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно
И не помнится о злѣ,—
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ ..

Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ.
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ расчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ.

Слышишь: новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ.

Людямъ миръ, благословенье;
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ.
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!

(„Русская Бесѣда“ 1858 г., книга 1.)

Но трезвый, мужественный духъ поэта, сумѣвшій въ свое время удержаться отъ отчаянія, не могъ окончательно отдать себя и во власть надеждамъ. Онъ чуялъ, какъ трудно идеѣ перейти въ дѣло, какой грубый отпоръ чистотѣ принципа дается обыкновенно неохотно поддающеюся ему дѣйствительностью... Онъ понималъ, что болѣзни, что роковыя послѣдствія болѣзней излѣчиваются не сразу; онъ видѣлъ, зоркимъ своимъ глазомъ видѣлъ, какъ упорно держатся общественные недуги и тамъ, куда заглянулъ онъ не ради развлеченія и отдыха въ 1860 г., пробираясь въ Славянскія земли,—на Европейскомъ Западѣ; и вотъ въ Мюнхенѣ вылились изъ-подъ его пера стихи, въ которыхъ то, что̀ называется у Нѣмцевъ *міровою скорбью* (Weltschmerz), звучитъ, можетъ-быть, съ такой силою, какой не бывало ни у одного изъ нашихъ байронистовъ.

Къ тишинѣ, къ примиренью, къ покою
Мнѣ пора бы склониться давно
Порѣшить я намѣренъ съ тоскою,—
Но могу ли? удастся-ль оно?
Отвращусь ли отъ грустной юдоли,
Убаюкаю-ль скорбные сны?—
Сердцу страшно не чувствовать боли,
Самъ своей я боюсь тишины.

. . . .

Все какъ будто готовлю измѣну
Я великому множеству ихъ —
Обреченныхъ работѣ и плѣну,
Бѣдныхъ, страждущихъ братьевъ моихъ!

. . . .

А сдается—надъ всей безконечной
Жизнью міра проносится стонъ,
Стонъ тоски, міровой, вѣковѣчной,
Порожденный въ пучинѣ временъ,—

Въ тѣ творенія дни молодые,
Какъ, собравшись на жизненный пиръ,
Человѣческимъ воплемъ впервые
Огласился ликующій міръ...
Съ той поры и понынѣ ты съ нами
Неразлучно проходишь вѣка,
О, всесильная, ветхая днями,
О, владычица міра, тоска!

(„День“ 1862 г., № 16)

По возвращеніи изъ-за границы, дождавшись, наконецъ, радостнаго дня 19-го февраля, но встрѣтивъ его уже не съ отцомъ, не съ братомъ Константиномъ Сергѣевичемъ, не съ Кирѣевскими и не А. С. Хомяковымъ (они умерли, одинъ за другимъ, на рубежѣ обѣтованной земли), Иванъ Сергѣевичъ, разставаясь съ „Русской Бесѣдой“, получаетъ, наконецъ, право стать редакторомъ собственнаго органа — еженедѣльной, составившей у насъ своего рода эпоху, газеты „День“. Она стала выходить, какъ извѣстно, въ самый годъ освобожденія крестьянъ,—съ осенней поры.

Въ передовыхъ статьяхъ публициста продолжала сказываться поэзія—поэзія въ мысли и въ оборотахъ, самый возвышенный и самый глубокій лиризмъ. Вспомнимъ начало первой статьи:

„Мелкій дождь моросить, не переставая; сыро, мокро, скользко... Безотрадно путнику. Но что̀ же внезапно сквозь туманную пелену воздуха поражаетъ и приковываетъ и радуетъ взоръ?... Это озими... это зеленые всходы будущей жатвы...

„И мы всей душой, всѣмъ сердцемъ, — душой, наболѣвшей отъ долгаго тщетнаго ожиданія, сердцемъ, не устававшимъ любить и вѣрить,—съ радостнымъ упованіемъ привѣтствуемъ молодые, зеленые всходы Русской земли, первые шаги пробуждающейся народной жизни!... 19-мъ февраля 1861 г. начинается новое лѣтосчисленіе русской исторіи...

„Внѣ народной почвы нѣтъ основы“.... продолжалъ Аксаковъ, усматривая въ освобожденіи крестьянъ толчокъ и къ будущему развитію на просторѣ, развитію во всю его глубь и ширь настоящаго народнаго духа, прикосновеніе съ которымъ должно послужить живою водой и для насъ—для русскаго образованнаго общества. Въ слѣдующемъ № „Дня“ (21-го октября) народъ уже

прямо представляется Аксакову призывающимъ всѣхъ насъ къ отвѣту.

„Если народъ, наконецъ, подыметъ усталыя отъ долгой дремоты очи.... говоритъ Аксаковъ, что̀ скажетъ онъ? Куда дѣвали вы порученные вамъ дары нашей родной, богатой земли? Куда расточили ея духовныя сокровища? Что̀ сталось съ моимъ обычаемъ, вѣрою, преданіемъ, моею прожитою жизнью, моимъ долгимъ и горькимъ опытомъ?... Гдѣ наука, вами взрощенная? Гдѣ мое живое, изобразительное, свободное слово?... Какого хламу нанесли вы на мою почву?... Нѣтъ, вы не мои, вы безобразные снимки съ чужихъ народовъ, подите къ нимъ, если они васъ примутъ, я не знаю васъ, вы мнѣ не нужны, вы чужды мнѣ“,— скажетъ народъ, пробуждаясь къ сознанію,—и смететъ ихъ, какъ соръ, свѣжая струя воскресшаго народнаго духа!“ Аксаковъ понималъ, что слова его озадачатъ. Онъ едвали смягчаетъ впечатлѣніе тѣмъ, что „еще не наступила пора. И хотя мы почти увѣрены, заключаетъ онъ, что голосъ нашъ раздается напрасно, но, примѣняясь къ предмету настоящей рѣчи, скажемъ и мы: „Гласъ вопіющаго въ пустынѣ, уготовайте путь Господень! Покайтеся!“

Зорко слѣдя за всѣми явленіями новой поры, далекій отъ безусловнаго ею увлеченія, въ статьѣ 11-го ноября 1861 г. Аксаковъ замѣчаетъ:

„Потянуло новымъ, еще не передышаннымъ воздухомъ.... Но движеніе свѣжей воздушной струи *ускоряетъ* самое разложенье.... Нравственная среда нашего общества исполнена заразительныхъ и мертвящихъ испареній, но противъ *нихъ нѣтъ другаго цѣленія*, какъ преизбытокъ того же воздуха, усилившаго и ускорившаго тлѣнье.... Настежь же двери и окна,—пусть безъ помѣхъ и затворовъ льется онъ къ намъ свободно вольными, свѣжими, цѣлебными струями!“...

Обращаясь къ ближайшимъ послѣдствіямъ освобожденья крестьянъ, къ измѣнившемуся положенью общественныхъ классовъ, онъ останавливается на томъ, что̀ такое теперь его собственное сословіе—дворянство? Онъ находитъ, что оно, слава Богу, избавилось своего существеннаго у насъ отличія, своей еще столь недавней печальной „прерогативы“, и спрашиваетъ: за что̀ же держаться ему теперь? „За отличіе по происхожденью? Но русское дворянство гордится только однимъ русскимъ происхожденьемъ

и всегда признавало и признаетъ, что тщеславиться породою безнравственно само по себѣ и несовмѣстно съ достоинствомъ человѣческимъ ... Нравственное единство и цѣлость Русской земли, столь желанныя и столь необходимыя для ея преуспѣянія, были бы рѣшительно невозможны, еслибъ въ началѣ 2-го тысячелѣтія ея историческаго бытія было создано новое привилегированное сословіе или аристократія на западный ладъ"....

Въ заключеніе Иванъ Сергѣевичъ хотѣлъ бы угадать мысли нашего дворянства, хотѣлъ бы имѣть право отъ его имени заявить, что оно „считаетъ долгомъ выразить правительству свое единодушное и рѣшительное желаніе, чтобы ему было позволено: торжественно, передъ лицомъ всей Россіи, совершить великій актъ уничтоженія себя, какъ сословія (№ 6-го января 1862 г.). Дворянство, по мнѣнію Аксакова, могло бы удовольствоваться тѣми преимуществами образованія, которыя до сихъ поръ были ему болѣе доступны чѣмъ всѣмъ другимъ классамъ общества, и которыми ему предстоитъ воспользоваться для блага общаго. Вотъ тутъ-то и открывается рядъ знаменитыхъ статей „Дня" объ обществѣ.

17-го марта 1862 г. онъ пишетъ:

„Общество создается не верхнимъ и не среднимъ сословіемъ, не мужиками и не дворянами, а создаютъ его только образованные люди, или, вѣрнѣе, люди всѣхъ сословій и состояній безразлично,—связанные между собою тѣмъ уровнемъ образованія, при которомъ становится возможною дѣятельность общественная, выражающаяся въ наше время въ литературѣ.... Никакіе парламенты, генеральные штаты, собранія государственныхъ чиновъ, не выскажутъ настоящей мысли всенародной; они составляютъ меньшинство по отношенію къ тому множеству, котораго думаютъ быть представителями... Англійскій парламентъ не былъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ есть, безъ англійской прессы.... Выше народныхъ, ограниченныхъ въ числѣ и во времени, и въ пространствѣ представительныхъ собраній—стоитъ самъ народъ или общество, какъ тотъ же народъ, но самосознающій и развивающійся... ему надо поле пошире, и такимъ вполнѣ соотвѣтственнымъ полемъ для общественнаго слова есть—печать".

На печать, какъ на могучее орудіе общественной мысли, Аксаковъ, какъ и вся его школа, имѣлъ свой особый, своеобраз-

но выражаемый, взглядъ, подробно ризвитый Иваномъ Сергѣевичемъ еще въ статьѣ 10 марта 1862 г.

„Сила общества, какъ явленія неполитическаго, есть сила нравственная, сила „общественнаго мнѣнія". Орудіе дѣятельности общества есть слово, и по преимуществу печатное слово, разумѣется, свободное. Напрасно воображаютъ нѣкоторые, что свобода слова устнаго или печатнаго есть политическая свобода. Послѣ этого и свобода ѣсть, пить, спать, дышать воздухомъ, двигать руками и ногами есть также политическая „прерогатива".. Между тѣмъ свобода слова, свободный обмѣнъ мыслей, чувствъ, мнѣній, необходимый для нравственной дѣятельности, относится точно такъ же къ сторонѣ нравственной человѣка, какъ свобода спать, ѣсть къ сторонѣ физической. Злоупотребленіе слова такъ же возможно, какъ и злоупотребленіе рукъ, но если бы, въ предупрежденье зла, которое можно учинить руками, связать всѣмъ людямъ руки за спину, то уничтожилась бы всякая возможность дѣятельности, слѣдовательно и существованія, какъ связываемыхъ, такъ и вяжущихъ"...

Главная бѣда нашей исторической жизни, по мнѣнію Аксакова, и заключалась въ томъ, что „между государствомъ и землею не было той среды, которую мы называемъ обществомъ и которая—независимою духовною дѣятельностью народнаго самосознанія—могла бы придать силу земской стихіи и сдержать напоръ государственнаго начала: въ теченіи восьми вѣковъ не создалось у насъ ни училищъ, ни литературы, и грѣхъ нашего всенароднаго невѣжества, нашего нравственнаго и умственнаго бездѣйствія далъ временную побѣду стихіи дѣятельной, но чуждой нашей народности"..., Иванъ Сергѣевичъ говоритъ тутъ о томъ явленіи нашей древней жизни, которое впослѣдствіи называлось у Ѳ. М. Достоевскаго „недоскаткомъ культуры". Именно невыработанность своей культуры и по взгляду Достоевскаго вызвала у насъ, наконецъ, нетерпѣливое стремленіе обзавестись ею сразу, выписать ее изъ-за моря, при ближайшемъ участіи правительственной власти. Такимъ характеромъ нашей запоздалой культуры и объясняется то, что мы уже слишкомъ много заботъ возложили на попечительное правительство. Вотъ какъ писалъ объ этомъ Аксаковъ 12-го января 1863 г.: „Правительство награждай въ насъ любовь къ Богу и ближнему, развивай талантъ... забавляй насъ, одѣвай, умывай, молись, сочиняй, вѣруй, надѣйся, люби,

негодуй, даже наконецъ либеральничай за насъ, или поучи насъ либеральничать, если либерализмъ оказывается нужнымъ и полезнымъ винтомъ въ государственной машинѣ...

„Намъ кажется, продолжаетъ онъ, можно было бы отвѣчать обществу слѣдующее: „вы хотите, чтобы правительство помогло вамъ остаться въ вѣчномъ младенчествѣ и чтобы кромѣ великихъ, важныхъ государственныхъ обязанностей, на немъ лежащихъ, оно обращало бы въ государственное дѣло всякія ваши домашнія дѣлишки"... Примѣромъ нашей общественной лѣни служитъ ему слѣдующее: „Православные храмы въ Бѣлоруссіи находятся въ бѣдности... Но мы совершенно хладнокровно относимся къ этому позору и предоставляемъ строить церкви въ западно-русскомъ краѣ... Кому же? Самому правительству!... Гдѣ въ мірѣ слыхано и видано, спрашиваетъ Аксаковъ, чтобы правительство строило церкви цѣлому народу?"

Построеніе въ Бѣлоруссіи храмовъ связывалось съ поднятіемъ въ нашемъ Западромъ краѣ забитой русской народности, о которой пришлось, наконецъ, вспомнить при дерзкихъ притязаніяхъ на этотъ край польской справы, заявленныхъ въ 1862—1863 гг. Аксаковъ имѣлъ на польскій и западно-русскій вопросъ или, лучше сказать, на способы его рѣшенія, свой особенный взглядъ, рѣзко отличавшійся отъ взгляда другаго вліятельнаго московскаго органа. „Чтобы обрусить, писалъ онъ 23-го марта 1863 г., надо быть Русскимъ, а Русскихъ-то между нами и нѣтъ... Что̀ дѣлаетъ русское общество въ то самое время, когда мы такъ бѣдны и слабы общественною силою?... 275,000 Русскихъ, уѣхавшихъ въ 1860 г. за границу, служатъ самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ... Это почти цѣлая четверть русскаго дворянства... Хороши выйдутъ Русскіе—эти несчастныя дѣти, такъ деспотически лишаемыя родителями всего, что̀ можетъ дать только отчизна: общаго единства жизни съ Русскимъ народомъ, роднаго быта, связывающаго дитя неуловимыми нитями съ его землею... впечатлѣній родной природы, непосредственнаго дѣйствія на умъ и душу—народнаго ума, народной рѣчи"...

Говоря объ обрусѣніи, Аксаковъ къ томуже имѣлъ въ виду не что̀ иное, какъ возвращеніе въ лоно русской народности того, что̀ ей несомнѣнно принадлежало. Другіе готовы были въ своемъ особенномъ смыслѣ обрусивать и чужое, ссылаясь въ сущности не на что̀ иное, какъ на право меча.

„Мы не считаемъ цѣну крови“, писалъ Аксаковъ 4-го мая 1863 г. въ отпоръ этимъ людямъ, „основаніемъ какого-либо права. Это не принципъ, а фактъ, упраздняемый другимъ подобнымъ же фактомъ... Еслибы всякій послѣдній совершившійся фактъ возводить на степень права, то это бы значило давать торжествовать насилію... т. е. чья возьметъ, кто кого пересилитъ... Человѣкъ не можетъ довольствоваться такимъ основаніемъ для своего права, его совѣсть ищетъ оправданія факту“.

11-го мая 1863 г. онъ къ этому прибавилъ: „Мы, Русскіе, не должны отказываться отъ коренныхъ свойствъ нашего народнаго характера и насиловать наше народное благодушіе. Намъ не зачѣмъ учиться штатсъ-наукѣ у Нѣмцевъ, мы никогда не будемъ такими мастерами въ темномъ искусствѣ—угнести, стереть, обезнародить чужую народность, какъ Пруссаки или Австрійцы“.

Съ окончательною ясностью высказался онъ 20-го іюля 1863 г. „Въ Бѣлоруссіи мы у себя дома, въ Россіи, чувствуемъ и сознаемъ себя вполнѣ и по праву хозяевами... здѣсь мы въ правѣ не терпѣть польскаго духу, и не только въ правѣ, но положительно и несомнѣнно обязаны. Въ Царствѣ Польскомъ мы въ Польшѣ, и едвали найдется Русскій, который, побывавъ въ Царствѣ хотя мимоѣздомъ, не почувствовалъ бы себя гостемъ, пришельцемъ въ этой средѣ—сплошной, компактной, рѣзко опредѣленной... хотящей жить и предъявляющей право на жизнь“... Относительно Польши Аксаковъ вполнѣ признавалъ одну совершенно законную мѣру.

... „Было бы полезно, писалъ онъ тутъ же, если бы Россія, не изъ своекорыстныхъ расчетовъ, но для выгоды самой Польши, выдвинула въ ней новую историческую идею: значеніе и участіе въ общей жизни народнаго организма—простаго народа, крестьянскаго населенія“... И другіе говорили о томъ же, но, имѣя въ виду съ нашей стороны именно тѣ „своекорыстные расчеты“, которыхъ такъ чуждался Аксаковъ.

„Если мы теперь, писалъ онъ 31-го августа 1863 г., надѣлимъ польское крестьянство землею, крестьянскимъ самоуправленіемъ, гражданскими и политическими правами, то нѣтъ сомнѣнія—это положеніе, эти права уже никакою силою не будутъ отъ нихъ отняты польскими панами, даже въ случаѣ совершенной самостоятельности Польши... Мы введемъ въ ея жизнь новую историческую идею, противупоставимъ силу устоя ея многовѣковому

общественному броженію, дадимъ грузъ, упоръ ея легковѣсному судну, носившемуся до сихъ поръ, подъ управленіемъ шляхты, по прихоти воли и всяческихъ вѣтровъ!... Мы въ то же время совершимъ долгъ человѣколюбія относительно значительной части угнетеннаго человѣчества, и исполнимъ историческое призваніе Россіи, страны сильной простонародностью, самой демократической въ лучшемъ, не политическомъ, а общественномъ и нравственномъ значеніи этого слова". Люди, глядѣвшіе такъ же, да не такъ, желая отмежевать себѣ польскій вопросъ въ монополію, желали совершенно устранить отъ него Аксакова...

Вотъ что̀ ему пришлось „отмѣтить" въ передовой статьѣ 7-го сентября 1863 г.

— „Московскія Вѣдомости" приходятъ къ слѣдующимъ, поистинѣ изумительнымъ, выводамъ:

„Газета „День" учитъ презирать простой народъ и не считаетъ заслуживающими вниманія интересы крестьянъ въ Польшѣ. Для газеты „День" хлопы ничего не значатъ, и она жертвуетъ ими панамъ, толкуя въ то же время о крестьянскомъ самоуправленіи въ Россіи, которое въ Россіи не имѣетъ смысла"... „Примемъ это къ свѣдѣнію",—отмѣтимъ это презрѣніе „Моск. Вѣдомостей" къ мірскому устройству простаго Русскаго народа,—прибавляетъ Аксаковъ, въ отвѣтъ „Вѣдомостямъ" только отмѣчая поучительный фактъ. Онъ продолжаетъ разоблачать всѣхъ противниковъ своихъ во всѣхъ сферахъ и въ статьѣ своей 16-го ноября 1863 г.

„Какъ вы будете стоять за русскую народность въ Западномъ краѣ, если вы ее презираете, пренебрегаете ею въ восточномъ, сѣверномъ, срединномъ краѣ Россіи?.. Въ правѣ ли вы надѣяться на успѣхъ вашей народной роли, если она только роль, и въ душѣ, для „своихъ", entre nous autres, вы остаетесь тѣми же аристократами петербургскихъ салоновъ?...."

Относительно сепаратизма у Аксакова опять-таки былъ свой особый взглядъ, связанный съ его общимъ воззрѣніемъ на общество, какъ на такую силу, которой во многихъ случаяхъ не можетъ никоимъ образомъ замѣнить государство.

„Если васъ безпокоятъ, писалъ онъ 28-го ноября 1865 г., сепаративныя тенденціи, то устремите вашу дѣятельность не столько на внѣшнее искорененіе этихъ тенденцій внѣшними способами (вы ихъ не уничтожите, а заставите притаиться), сколько

на возбужденіе той органической силы срощенія въ нашемъ собственномъ организмѣ, о которой вы говорили; направьте ваши удары не на сепаратистовъ, а на тѣ условія, при которыхъ слабѣетъ въ народѣ всепоборающая вѣра въ самого себя, въ свою народность,—на насъ самихъ, на тѣхъ, которые, будучи преданы идеѣ государственнаго единства, не перестаютъ разрывать свое духовное единство съ народомъ".

Когда, во время тогдашнихъ на насъ атакъ европейской дипломатіи, одно время запахло даже войной, „День", съ своей точки зрѣнія, замѣтилъ:

(20-го іюля 1863 г.): „Война съ Австріей, дѣйствительная, настоящая—небывалое явленіе въ нашей исторіи — была бы для насъ крещеніемъ въ новое политическое вѣроисповѣданіе, вмѣстѣ съ отреченіемъ отъ Австріи и всѣхъ дѣлъ ея..."

„Но войну съ Австріей, пояснилъ онъ въ статьѣ 27-го іюля, мы можемъ вести, только водрузивъ славянское знамя, знамя освобожденія славянскихъ племенъ (въ томъ числѣ и польскаго) изъ-подъ нѣмецко-австрійскаго гнета, для возвращенія ихъ къ свободной и самобытной жизни... Можетъ быть, Россія еще не созрѣла для выполненія этого своего историческаго призванія, еще мы сами, можетъ быть, не окрѣпли въ сознаніи своей русской народности, еще въ насъ самихъ много Нѣмца, — и слабы наши русскія общественныя силы..."

Между тѣмъ какъ мы не только тогда отписывались отъ европейской дипломатіи, но, при помощи общественнаго мнѣнія, и въ самомъ дѣлѣ раздѣлывались съ ней, внутреннія мѣропріятія рѣшительнаго свойства продолжались своимъ чередомъ. Прямо восторженный, радостно увлечающійся тонъ послышался въ передовой статьѣ „Дня" 27-го апрѣля 1863 г. „Силъ прибываетъ... еще гора свалилась съ плечъ, еще тяготой меньше. Удрученный бременемъ, богатырь выпрямляется...

„Плети, кошки, шпицрутены, клейма, торговыя казни — все это было, всего этого уже нѣтъ, все рухнуло въ темную бездну минувшихъ золъ, пережитаго русскаго горя. Долой, гласитъ между строкъ Государевъ указъ Сенату—всѣ орудія истязанія и срама, долой сейчасъ же, немедленно по полученіи указа! Вонъ изъ нашей рѣчи, вонъ на вѣки, вся эта позорная терминологія, эти выраженія, съ которыми такъ постыдно свыклись наши уста и нашъ слухъ, эти „сквозь строй", „отодрать", „засѣчь", „пере-

пороть“, со всѣми ихъ отвратительными безчисленными варіантами! „Заплечному мастеру“ нѣтъ ужь дѣла въ Русской землѣ“ *).

Продолжающіяся преобразованія представлялись вообще Аксакову въ такомъ, опять совершенно своеобразномъ, свѣтѣ (статья 17-го августа 1863 г.):

„Въ новизнахъ твоего царствованія намъ старина наша слышится“, писали московскіе старообрядцы въ извѣстномъ своемъ адресѣ Государю. Мы можемъ также сказать, что въ новизнахъ нынѣшняго времени слышится, даетъ себя вѣдать и чувствовать, свидѣтельствуя о своей упорной живучести, русская народная старина. Полуторавѣковой слой петербургскаго періода нашей исторіи еще не вполнѣ сокрушилъ древнія бытовыя, гражданскія и духовныя насажденія Русской земли, не разорвалъ ея союза съ государствомъ,—и едва только лучъ тепла и свѣта пробился къ ней сквозь густые и толстые пласты чужеземнаго хлама,—она вновь ожила, и схороненныя зерна готовы вновь дать ростки, можетъ-быть пышнѣе и краше прежняго. Говоримъ—можетъ-быть. Еще бы тепла и свѣта! Еще бы побольше солнца и свѣжаго воздуха“.

Къ „полуторавѣковому періоду“ нашей новой исторіи Аксаковъ, какъ извѣстно, очень часто возвращался въ своихъ статьяхъ. Онъ не особенно сочувственно относился къ этому періоду, конечно, не ради того, что этому періоду обязаны мы появленіемъ у насъ, наконецъ, науки, а ради того, что, какъ все другое, такъ и самая новозаведенная у насъ наука была отобрана въ казну.

„Когда читаешь, писалъ онъ 11-го января 1864 г., исторію просвѣщенія Россіи при Петрѣ I, приходишь въ невольное изумленіе предъ тѣми настойчивыми, энергическими усиліями государства создать во чтò бы то ни стало штатсъ-просвѣщеніе, штатсъ-науку, штатсъ-искусство, штатсъ-журналистику, штатсъ-поэзію, штатсъ-литературу, штатсъ-галантерейность, штатсъ-право, штатсъ-нравственность.

---

*) Тутъ же, однако, Аксаковъ также и оговаривается: «Если тѣлесное наказаніе исключается изъ уголовнаго кодекса... то стало-быть оно уничтожено вовсе?—замѣтилъ бы, вѣроятно, какой-нибудь иностранный юристъ. Такое ошибочное замѣчаніе совершенно понятно со стороны иностранца, незнакомаго съ особенностями нашей русской жизни...»

..."Конечно, ни одно общество въ мірѣ не стоило такихъ издержекъ казнѣ, какъ русское общество! Нигдѣ, впрочемъ, и не давалось ему свыше, отъ казны, воспитаніе.

..."Скоро оказалось, пояснялъ Аксаковъ, что государство обременило себя черезъ силу... открылась необходимость въ обществѣ, какъ въ матеріалѣ, въ грузѣ для государственнаго судна, какъ въ посредствующемъ элементѣ между властью и массами. Екатерина вспомнила о земствѣ и передала земству часть попеченій государственныхъ по внутреннему управленію. Отсюда начинается рядъ правительственныхъ дѣйствій, которымъ ничего подобнаго не представляетъ исторія другихъ странъ: правительство само, непринужденно, поступается своею властью обществу, удѣляетъ ему, вмѣстѣ съ обязанностями, часть своихъ правъ... и большею частью встрѣчаетъ со стороны самого общества,— если не отпоръ, то равнодушіе или пассивную покорность... Послѣднимъ новѣйшимъ актомъ этого поступленія государствомъ обществу своей власти—являются земскія учрежденія. Но для того, чтобы усилія государства увѣнчались успѣхомъ, чтобъ государство и общество стали въ надлежащее равновѣсіе другъ къ другу... необходимо отрѣшиться отъ преданій Петровской реформы... Необходимо, чтобы общество получило не только политическую привилегію, но и нравственную свободу"...

Въ статьѣ этой указывается уже на земскія учрежденія. Къ нимъ, какъ и къ новому суду, Аксаковъ относился со всею полнотою сочувствія—т. е. сочувствія въ принципѣ. Но онъ оставался далекимъ и тутъ, какъ и вообще, отъ тона похвальнаго слова; онъ даже указывалъ въ выполненіи принципа на такія подробности, которыя, не обнаруживая достаточнаго знакомства съ условіями нашей жизни и слишкомъ отзываясь прямымъ подражаніемъ, могли кое въ чемъ подорвать пользу дѣла. На необходимость для насъ суда присяжныхъ съ его гласностью, Аксаковъ указывалъ еще до введенія его у насъ—въ статьяхъ о свободѣ слова, указывая на то, что кара за злоупотребленія этою свободою должна принадлежать не администраціи, а только суду, и именно суду присяжныхъ. За новый судъ въ его принципѣ Аксаковъ, какъ извѣстно, ополчился и въ послѣдніе годы, ополчился уже въ „Руси“, и въ сильной мѣрѣ содѣйствовалъ своимъ горячимъ ратованіемъ за новый судъ благополучному исходу тѣхъ нападокъ, которыя были на него направлены его противниками.

Вообще же, въ самые даже пылкіе дни нашихъ увлеченій реформами, Аксаковъ былъ далекъ отъ того, чтобы приписывать имъ чудотворную силу, чтобы видѣть въ нихъ панацею отъ всего. Писалъ же онъ еще—18 декабря 1865 г.: „Не легко живется теперь на Руси. Неможется ей во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ... Освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ и свобода (хотя бы даже не полная) печатнаго слова,—самое необходимое мы уже имѣемъ... Но это еще не дастъ намъ здоровья, потому что государственная власть не можетъ же стоять выше общественнаго нравственнаго уровня и сама нуждается въ притокѣ для себя извнутри новой здоровой жизненной силы. Дѣло за нами... По пути внѣшнихъ учрежденій и мѣропріятій двинулись мы далеко. Пора бы, кажется, понять, что это все не болѣе какъ средства къ жизни, ея внѣшняя форма, а не сама жизнь... внѣшняя искусственная обстановка государственнаго строя еще не въ силахъ сама по себѣ вдохнуть жизнь въ ту органическую силу творчества, которой именно ей недостаетъ и недостатокъ которой сказывается въ насъ такимъ тяжелымъ томительнымъ недугомъ. Когда утратилось непосредственное чутье своего прямаго прирожденнаго пути, когда мы сбились съ дороги, вся задача въ томъ, чтобы отыскать эту дорогу, а не въ томъ, чтобъ обзавестись конями и экипажемъ, да въ прибавокъ еще казеннымъ“.

Распростившись самъ съ своимъ „Днемъ“, Аксаковъ затѣмъ вернулся къ газетной дѣятельности, но и въ статьяхъ „Москвы“ и „Москвича“ оставался вѣрнымъ своему широкому взгляду на свободу слова. Къ сожалѣнію, взглядъ этотъ далеко не сходился въ то время со взглядами административныхъ сферъ.

......Тогда-то онъ и сосредоточилъ всю энергію своей дѣятельности на Московскомъ Славянскомъ Обществѣ, котораго онъ былъ не только душою, но и безсмѣннымъ труженикомъ, выносившимъ на своихъ плечахъ всю тяготу той поры, которая наступила въ 1876 г. О силѣ народнаго увлеченія, народной готовности пострадать за братьевъ живо вспоминалъ онъ еще въ предсмертной своей статьѣ. Какъ очевидецъ, участникъ и орудіе народнаго увлеченія той поры, онъ тѣмъ съ бо̀льшимъ негодованіемъ относился къ европейскимъ стремленіямъ вырвать изъ нашихъ рукъ все добытое русскою кровью и готовностью русскаго человѣка жертвовать и послѣднею трудовою копѣйкою. Когда Россія пред-

стала предъ судомъ Европы въ Берлинѣ, онъ произнесъ 22 іюня 1878 г. въ Москвѣ громовую рѣчь...

... Онъ продолжалъ проводить свои прежніе взгляды и въ новѣйшее время—проводить ихъ въ послѣднемъ своемъ органѣ— „Русь“, котораго изданіе стало опять возможно съ 1880 г.....

Аксаковъ не успѣлъ дожить до великой годовщины, годовщины того, что̀ оставалось для него до конца особенно дорогимъ. Многіе ожидали его слова въ этотъ великій день. И онъ сказалъ бы это слово въ силу правды внутренней..... Не стало того человѣка, который достойнымъ образомъ помянулъ бы великаго Государя!... Плачь Русская земля!... Но когда подобнаго рода призывъ раздавался у насъ въ старину, съ нимъ соединялся и другой призывъ—къ молитвѣ и покаянію. То былъ обычный кличъ древней Руси. Вѣрный ея завѣтамъ, и самъ Аксаковъ, припомнимъ это, еще въ началѣ своего „Дня“, обратился къ намъ съ словами: „Гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень!... Покайтеся“.....

Ор. Ѳ. Миллеръ.

И. С. Аксаковъ *).

Некрологъ.

Русская литература и русское общество понесли опять тяжелую утрату. 27 января скончался въ Москвѣ, на 62 году своей жизни, одинъ изъ лучшихъ представителей современной русской мысли, образованности, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

И. С. Аксаковъ принадлежалъ къ той замѣчательной группѣ просвѣщенныхъ русскихъ людей, которые почти за полвѣка передъ симъ выступили у насъ съ горячею проповѣдью о самобытныхъ духовныхъ началахъ русской народной жизни и о тѣсной духовной связи Россіи съ міромъ Славянскимъ. Было время, когда эти идеи казались чѣмъ-то не только страннымъ, но и враждебнымъ просвѣщенію; теперь основныя начала этого ученія стали очевидною истиной для всѣхъ истинно-просвѣщенныхъ русскихъ людей. Ивану Сергѣевичу суждено было пережить всѣхъ своихъ

---

*) Изъ № 2 „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

первоначальныхъ единомышленниковъ, но до послѣдней минуты своей жизни онъ оставался вѣрнымъ и горячимъ представителемъ убѣжденій, которыя высказывалъ нѣкогда лишь небольшой кружокъ, и онъ имѣлъ счастливую долю видѣть, какъ широко разрослось доброе сѣмя, брошенное имъ и его друзьями на нашу умственную ниву.

Слишкомъ сорокъ лѣтъ раздавался въ русской литературѣ его краснорѣчивый и правдивый голосъ, какъ поэта, изслѣдователя русскаго быта и публициста. Русской поэзіи онъ далъ небольшое число произведеній, но запечатлѣнныхъ печатью блестящаго таланта и проникнутыхъ живымъ чувствомъ. Русская экономическая наука обязана ему превосходнымъ изслѣдованіемъ о торговлѣ въ Южной Россіи, въ которомъ онъ соединилъ здравыя экономическія начала съ глубокимъ знаніемъ народнаго быта. Въ изученіе духовной жизни нашего народа онъ внесъ дорогой вкладъ своимъ изслѣдованіемъ о сектѣ бѣгуновъ. Ему же принадлежитъ глубоко продуманный и мастерски написанный критико-біографическій очеркъ объ одномъ изъ оригинальнѣйшихъ русскихъ умовъ— Ѳ. Ив. Тютчевѣ. Наконецъ, въ періодической печати Аксаковъ всегда дѣйствовалъ какъ пламенный сынъ своей земли, какъ глубокоискренній и горячо убѣжденный сторонникъ тѣхъ высокихъ началъ духовной самобытности, на которыхъ должно покоиться благоденствіе нашего отечества.

Правдивое патріотическое слово Аксакова доставило ему широкую популярность во всѣхъ концахъ Россіи; искренняя преданность его интересамъ Славянства пріобрѣла ему большую извѣстность во всемъ Славянскомъ мірѣ: и тамъ, и здѣсь преждевременная кончина этого безкорыстнаго общественнаго дѣятеля и патріота вызоветъ самую глубокую скорбь.

Поминки по И. С. Аксаковѣ *).

Вовремя умеръ И. С. Аксаковъ. Разумѣется, вовремя для себя, а не для насъ, не для русской литературы, не для Россіи. Мы должны, безъ сомнѣнія, горько пожалѣть о себѣ, о томъ,

*) Изъ № 3599 «Новаго Времени».

что лишились такого человѣка. Но нужно же намъ пожалѣть и о немъ. Много ли ему было отъ насъ радости? Много ли радости ждало его впереди? Если этому бодрому дѣятелю, этому богатырю по тѣлу и по духу, предстояли разочарованія, если ему суждено было впереди переходить отъ унынія къ унынію, то нельзя развѣ сказать, что смерть вовремя избавила его отъ неминуемыхъ горестей?

Можетъ-быть найдутся люди, которые замѣнятъ его въ нашихъ славянскихъ дѣлахъ, но какъ писатель, какъ русскій публицистъ онъ не имѣлъ себѣ равнаго, и его никто не замѣнитъ. Мы говоримъ здѣсь о *внутреннемъ* значеніи Аксакова, о нравственномъ складѣ, въ немъ воплощавшемся, о томъ чувствѣ, которое подсказывало его рѣчи и свѣтилось въ нихъ, о томъ несравненномъ тонѣ, которымъ онѣ произносились. Какое безукоризненное благородство! Какая искренняя чистота! А въ силу этого, какая смѣлость и твердость!

Въ публицистикѣ, на этой аренѣ, гдѣ такъ непрерывно и такъ жестоко оскорбляется наше нравственное чувство, явленіе подобное Аксакову есть нѣчто изумительное, и еще больше мы должны удивляться, если подумаемъ, гдѣ и какъ возникло это явленіе. Когда наши потомки будутъ судить о нашемъ времени, то они конечно строго осудятъ насъ не только за дурное состояніе нашей литературы, за нашу безвыходную умственную лѣнь и распущенность, но также и за отсутствіе у насъ истинныхъ гражданскихъ чувствъ, за то, что мы, когда не имѣли власти, вели себя какъ рабы, а когда имѣли власть, то смотрѣли на другихъ какъ на рабовъ. И тогда имя Аксакова удивитъ историка и можетъ-быть спасетъ насъ отъ полнаго осужденія.

Онъ былъ вполнѣ гражданинъ своего государства. Понимаемъ ли мы какъ слѣдуетъ смыслъ этихъ словъ? Онъ искренно и вполнѣ признавалъ самый принципъ той власти, подъ которою жилъ. Всякая власть обращается въ насиліе для тѣхъ, кто не признаетъ ее, и никакая власть не лишаетъ насъ свободы, если признается нами, если внутри насъ есть согласіе на нее. Но для этого необходимо гораздо больше, чѣмъ для простаго подчиненія власти. Для этого нужно видѣть во власти извѣстный смыслъ, имѣть ясную ея идею; только тогда у насъ будетъ согласіе на ея осуществленіе. И у Аксакова это было. Мы не будемъ излагать здѣсь эту его идею; мы указываемъ только тѣ общія условія,

которыя давали ему возможность быть у насъ истиннымъ гражданиномъ.

Между управляющими и управляемыми всегда и вездѣ существуетъ нѣкоторый антагонизмъ. И какъ не быть здѣсь антагонизму, когда онъ неизбѣжно появляется во всякихъ отношешеніяхъ, даже между отцами и дѣтьми, между мужьями и женами? Это зло однако же легко переносится, когда выше и крѣпче антагонизма стоитъ связующее, объединяющее начало, надъ которымъ онъ никогда не можетъ взять верхъ. Въ этомъ отношеніи, свойства нашего государства всѣмъ извѣстны и не ясны развѣ только ослѣпленнымъ! Глубокое внутреннее единство проникаетъ всю массу огромнаго тѣла и даетъ ему крѣпость несокрушимую. Но, въ то же время, частныя проявленія антагонизма, его дѣйствія въ наружномъ вывѣтрившемся слоѣ, достигаютъ иногда остроты почти безпримѣрной. Благодаря имъ, Россія сдѣлалась позоромъ всего міра; на нее указываютъ, какъ на поучительный примѣръ извращенія человѣческой природы; злорадные иностранцы убѣждены, что нигилизмъ разъѣдаетъ нашу силу, и что скоро рухнетъ эта громада, наводящая на нихъ страхъ и заботу. Они не видятъ, что это—частныя явленія, всплески, подымаемые вихрями на поверхности, и что невозмутимый покой царитъ въ глубинѣ народнаго моря.

Какъ же Аксаковъ стоялъ въ этихъ сферахъ внутренней политики? Отношеніе его къ правительственному строю и дѣйствію есть для насъ примѣръ и поученіе. Имѣя опредѣленную идею власти, онъ желалъ и полнаго воплощенія этой идеи, осуществленія ея въ дѣйствительныхъ формахъ государственной жизни. И здѣсь, мы не хотимъ и не будемъ излагать его воззрѣній; мы хотимъ лишь указать, что они у него были, что у него была такая формула отношеній между властью и всею массою людей управляемыхъ, при которой власть не только сохраняла всю свою силу, но, по его убѣжденію, все больше проникалась животворнымъ духомъ ее создавшимъ. Въ человѣческомъ мірѣ—такъ онъ вѣрилъ и такъ должно вѣрить—только то сильно и растетъ, чтò живетъ нѣкоторою идеею.

Вотъ въ какомъ духѣ велъ свою публицистику Аксаковъ. Онъ стоялъ почти въ постоянномъ антагонизмѣ къ управляющимъ сферамъ, но именно потому, что ратовалъ противъ искаженія идеи воплощаемой властью. И такъ какъ онъ твердо сознавалъ свою

высшую благонамѣренность, то и говорилъ смѣло, считалъ свою рѣчь и ея смѣлость своимъ долгомъ. Теперь, когда мы плачемъ объ этой умолкнувшей рѣчи, намъ яснѣе прежняго ея несравненно-благородный характеръ. Это была не лукавая дерзость человѣка, который дышетъ враждою, но укрывается за формы закона, или лицемѣрно показываетъ видъ, что онъ самъ не замѣчаетъ, къ чему клонятся его слова. Это была и не поддѣльная храбрость человѣка, который самъ такъ или иначе прикосновенъ къ власти и лишь потому можетъ давать много воли своимъ рѣчамъ, но дѣлаетъ видъ, что его увлекаетъ за положенные предѣлы одна горячность къ общимъ интересамъ. Нѣтъ, рѣчь Аксакова была прямая, искренняя рѣчь русскаго гражданина, не имѣющаго никакихъ заднихъ мыслей, опирающагося въ своей смѣлости только и единственно на чистоту своего чувства, на ясное сознаніе правъ этого чувства. Вотъ откуда та неотразимая прелесть, которую имѣла эта рѣчь для всѣхъ чуткихъ сердецъ. Лукавство и ложь есть самое обыкновенное явленіе въ политической печати, и можно сказать, что вся наша литература, все больше и больше проникаясь политическими идеями, вмѣстѣ съ тѣмъ прониклась и ложью. Для многихъ и многихъ лукавство стало естественнымъ дѣломъ; лавировать между препятствіями, изворачиваться и отводить глаза— для многихъ это занятіе стало пріятнымъ и привычнымъ упражненіемъ ихъ ловкости, и они даже забыли, что̀ значитъ говорить прямо и искренно.

Среди этой атмосферы лжи, среди всеобщаго лукавства разныхъ видовъ и степеней, какъ отрадно было слышать откровенную, чистую рѣчь Аксакова! Онъ имѣлъ даръ краснорѣчія, говорилъ красиво и обильно, но эта блестящая форма не закрывала, а только яснѣе выказывала сердечную теплоту его мыслей. Много было такихъ минутъ, когда, казалось, въ цѣлой Россіи онъ одинъ говорилъ, одинъ подавалъ голосъ, потому что всѣмъ другимъ голосамъ нельзя было придавать никакого дѣйствительнаго значенія, такъ что они равнялись молчанію или даже были хуже молчанія.

И ко всѣмъ тѣмъ предметамъ, за которые онъ стоялъ, у него было одинаково прямое, чистое отношеніе. Если онъ говорилъ о Церкви и православіи, то не такъ, какъ люди только уважающіе Церковь, или только считающіе нужнымъ показывать уваженіе къ Церкви, даже радѣющіе объ ней, но не для себя, а для другихъ, для людей низшаго разбора. Аксаковъ говорилъ какъ истинный

сынъ Церкви, благоговѣйно почитавшій ее своею духовною матерью, жившій дѣйствительно въ ея лонѣ и подъ ея покровомъ. Понятно, почему въ его рѣчахъ не было и не могло быть и тѣни рабскаго лукавства.

Если онъ заявлялъ любовь къ Россіи, то это была не полуживотная привязанность къ мѣсту, не ревнивая забота о домѣ, гдѣ мы живемъ и подъ кровомъ котораго можемъ имѣть удобства, выгоды и наслажденія; нѣтъ, это была преданность глубочайшимъ началамъ русской жизни, осмысленное, сознательное исповѣданіе этихъ началъ. Безсознательнаго патріотизма, живущаго въ массахъ, Аксаковъ никогда не употреблялъ какъ орудіе, какъ средство, которое отбрасывается когда миновала въ немъ надобность. Онъ говорилъ всегда въ смыслѣ *высшаго* патріотизма, въ которомъ государственная мощь и государственные интересы получаютъ свое освященіе отъ духовной жизни народа. Для истиннаго поэта, какъ говорилъ Шиллеръ, муза должна быть не дойною коровою, а богинею. То же самое нужно сказать и объ истинномъ патріотѣ въ его отношеніи къ отечеству.

Точно то же и въ Славянскомъ вопросѣ, въ нашихъ отношеніяхъ къ родственнымъ племенамъ. Эти темныя массы, тяготѣющія къ Россіи, не потому были предметомъ мыслей и дѣйствій Аксакова, что ихъ тяготѣніе имѣетъ важность во внѣшнихъ государственныхъ дѣлахъ, можетъ повредить или помочь этимъ дѣламъ, а потому, что въ основѣ его лежитъ духовное родство съ Россіею, что истинная жизнь Славянъ неразрывна съ этимъ глубокимъ тяготѣніемъ и что способствовать этой жизни значитъ способствовать тому духу, который ищетъ себѣ воплощенія и въ этихъ племенахъ такъ же, какъ въ Россіи. Если бы мы отвергали заботы о Славянахъ, то мы, значитъ, отрицались бы отъ того духа, которымъ сами живемъ. И вотъ отчего рѣчи Аксакова о Славянахъ имѣли полную задушевность и, такъ сказать, чистоту звука.

Возьмите теперь все это вмѣстѣ, представьте публициста, который такимъ образомъ имѣлъ возможность вести свою рѣчь съ совершенною прямотою, съ отсутствіемъ малѣйшаго лицемѣрія, и вы поймете, отчего никто не могъ равняться съ Аксаковымъ и отчего для многихъ его писанія были незамѣнимою отрадой и утѣшеніемъ. Когда послѣ большихъ или малыхъ перерывовъ являлся вновь нумеръ его изданія, то иному казалось, что онъ изъ

мрачнаго и гнилаго погреба вдругъ выходилъ на широкія поля, гдѣ свѣтитъ солнце. Люди, страдающіе отъ зрѣлища нашей смутной и больной общественной жизни, измученные тѣмъ нестерпимымъ диссонансомъ, который непрерывно звучитъ въ ней, отдыхали душою на строкахъ Аксакова. Чувство бодрости, великихъ надеждъ, кровной любви къ Россіи опять теплою струею приливало къ сердцу. Читатель становился лучше, видѣлъ яснѣе свое положеніе и сознавалъ, что онъ и долженъ и можетъ быть гражданиномъ вмѣстѣ съ этимъ богатыремъ, такъ бодро несущимъ тягости дня.

Можетъ-быть мы слабо и неполнѣ очертили здѣсь особенныя свойства дѣятельности Аксакова; пусть читатели сами постараются дополнить и исправить этотъ очеркъ. Мы же хотимъ здѣсь настаивать лишь на томъ, что эти свойства были возможны и осуществлялись только подъ условіемъ *идей* Аксакова; если бы онъ не былъ исповѣдникомъ нѣкоторыхъ идей, то онъ не могъ бы быть ни прямымъ, ни смѣлымъ, ни твердымъ и одушевленнымъ, не заслужилъ бы того имени *истиннаго гражданина*, которое невольно пришло и приходитъ на мысль самымъ разнообразнымъ его почитателямъ. Въ статьѣ К. П. вѣрно и прекрасно сказано, что Аксаковъ принадлежалъ къ „подвижникамъ великой идеи“ (см. выше статью: „Аксаковы“).

Какъ мы видѣли, къ идеямъ такого рода мы должны устремляться всею душою. Если въ насъ не заглохло нравственное чувство, если мы не хотимъ жить во лжи и двусмысліи, то намъ должно быть безконечно дорого ученіе, которое осмысливаетъ нашу жизнь, указываетъ намъ въ ней нѣкоторый правильный и ясный путь. Когда мы плачемъ объ Аксаковѣ, то плачемъ о человѣкѣ, который высоко держалъ знамя такого ученія, былъ чистымъ и прекраснымъ его воплощеніемъ.

Но если такъ, то нужно же намъ взять дѣло и съ другой стороны, и добросовѣстно спросить себя: чтò же мы сдѣлали и дѣлаемъ съ этимъ ученіемъ? Какъ приняла и принимаетъ его публика? Какіе оно имѣло успѣхи, и можемъ ли мы думать, что Аксаковъ сошелъ въ могилу не безъ радостныхъ мыслей о плодахъ своего подвига?

Увы! Въ исторіи нашего литературнаго и умственнаго движенія нѣтъ ничего печальнѣе судьбы славянофильства, и такой долговременный опытъ невольно приводитъ къ заключенію, что и

впереди этому ученію предстоятъ одни горькія неудачи. Наша неисцѣлимая умственная зыбкость, та самая, которая извѣстна подъ именемъ живости и бойкости русскаго ума, дѣлаетъ насъ неспособными къ усвоенію широкихъ и глубокихъ идей, и не только къ усвоенію, но и къ простому пониманію. Можно очень опасаться, что Аксаковъ будетъ большинствомъ занесенъ въ исторію литературы какъ писатель совершенно честный, но и совершенно ошибавшійся въ своемъ направленіи, мало того,—имѣвшій очень вредное вліяніе. Такою враждою постоянно отзывалась наша образованность на проповѣдь славянофильства, отзывается и теперь, и будетъ отзываться впереди. Тому, что̀ называется нашею образованностію, эта проповѣдь не нужна, всегда была антипатична и, безъ сомнѣнія, всегда будетъ. И тутъ нѣтъ ничего удивительнаго и страннаго, если мы подумаемъ, какъ глубоко лежитъ основаніе этого антагонизма.

Не будемъ же обманывать себя и, прославляя Аксакова, забывать, какъ мало плода мы принесли, несмотря на всю работу славянофильскихъ подвижниковъ, забывать, что можетъ-быть никогда не было болѣе трудной минуты для того дѣла, которому была посвящена эта работа.

Въ одномъ изъ некрологовъ сказано такъ: „Было время, когда „эти идеи (славянофильскія) казались чѣмъ-то не только стран„нымъ, но и враждебнымъ просвѣщенію; теперь основныя начала „этого ученія стали очевидной истиной для всѣхъ истинно-про„свѣщенныхъ русскихъ людей". И далѣе: „Онъ (Иванъ Сергѣевичъ) „имѣлъ счастливую долю видѣть, какъ широко разрослось доброе „сѣмя, брошенное имъ и его друзьями на нашу умственную ниву". („Журналъ Мин. Нар. Просв.", февраль,—см. выше, стр. 91).

О, еслибы такъ! Какъ утѣшительно это было бы для насъ, и какъ сладко было бы думать, что Иванъ Сергѣевичъ могъ передъ смертью повторить слова: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего!" Но, къ несчастью, трудно такъ думать; къ несчастію, едвали не вѣрнѣе будетъ сказать, что наша умственная нива и теперь больше всего раститъ бурьянъ и крапиву, среди которыхъ легко могутъ заглохнуть добрыя сѣмена, и что кружокъ *истинно-просвѣщенныхъ* людей можетъ-быть иногда бывалъ и больше нынѣшняго. Не забудемъ, что славянофильство было провозглашено почти полвѣка тому назадъ, и что Иванъ Сергѣевичъ былъ *тридцать* лѣтъ его проповѣдникомъ. Сколько времени! Представимъ себѣ

юношу, проникнутаго и одушевленнаго этими прекрасными идеями; не имѣлъ ли онъ права далеко заноситься своими надеждами, ожидать великихъ успѣховъ отъ своихъ силъ, отъ тѣхъ началъ, въ которыя твердо и ясно вѣрилъ? Если такъ, то жизнь Ивана Сергѣевича должна намъ представиться цѣлымъ рядомъ разочарованій, рядомъ тщетныхъ усилій и несбывшихся надеждъ; и можетъ-быть горькое чувство этого разочарованія никогда не было горше, чѣмъ передъ смертью.

Прошлое царствованіе было временемъ шумнаго движенія, почти непрерывныхъ преобразованій. Но принципы, которыми руководилось и поддерживалось это движеніе, были мало похожи на славянофильскіе. Была однакоже доля, и притомъ значительная доля въ преобразованіяхъ, которая совпадала съ стремленіями славянофильства, и Аксаковъ сочувствовалъ ей всею душою. Все доброе, что̀ принесло намъ минувшее царствованіе, освобожденіе крестьянъ, расширеніе печати, облегченіе всякихъ административныхъ узъ и всеобщее смягченіе нравовъ, — все это было вполнѣ въ духѣ ученія наслѣдованнаго и проповѣдываемаго Аксаковымъ. Но все это лишь мѣры отрицательныя, а не зиждительныя; все это входитъ въ программу того общаго либерализма, который есть правило всякаго хорошаго правительства, которому слѣдуетъ даже военная диктатура во всемъ, что̀ не касается ея прямаго дѣла. И что̀ же вышло? Въ умахъ большинства очевидно тогда не было ничего, что̀ составило бы противовѣсъ чисто-отвлеченнымъ, чисто-отрицательнымъ понятіямъ, ничего подобнаго тѣмъ положительнымъ и живымъ понятіямъ, къ которымъ стремились славянофилы. Потому и не было въ умахъ отпора разнымъ уродливымъ и крайнимъ порожденіямъ либерализма, неожиданно созрѣли идеи смутъ и покушеній, и Тотъ, Кто такъ любилъ освобождать и въ этомъ полагалъ свою заслугу, былъ убитъ безумцами, одурѣвшими отъ дѣтской мысли, что убивая Его, они убьютъ самую власть. Государство и его внутренняя объединяющая сила, недоступная никакому динамиту, остались незыблемыми, не потерпѣли и самомалѣйшаго ущерба. Но на умы наши этотъ ударъ произвелъ неизгладимое впечатлѣніе. Общественное сознаніе почувствовало, что въ путяхъ прежнихъ прекрасныхъ реформъ былъ какой-то существенный недостатокъ, что ихъ слѣдовало бы чѣмъ-то восполнять. И движеніе остановилось, потому что прежніе пути оказались опасными, а новаго пути ника-

кого не видно; онъ, конечно, существуетъ, но совершенно намъ неизвѣстенъ. Такимъ образомъ кажется, что мы какъ будто вернулись назадъ, къ той точкѣ, съ которой начались преобразованія. Этотъ опытъ, продолжавшійся четверть вѣка, какъ будто ничему не научилъ насъ; по крайней мѣрѣ мы не умѣемъ извлечь изъ него поученія. Растерянность общественной мысли очевидна; эта мысль нисколько не созрѣла, потому что вовсе и не работала надъ вопросами объ основахъ нашей государственной жизни, и хотя прошлое царствованіе, казалось бы, давало сильнѣйшіе поводы къ занятію этими вопросами, наши понятія о такомъ существенномъ дѣлѣ не подвинулись впередъ ни на шагъ. Зачѣмъ же мы жалуемся иногда на ретроградство, когда сами не двигаемся съ мѣста?

Въ доказательство сказаннаго можно сослаться на одинъ знаменательный фактъ. Недавно Министерство народнаго просвѣщенія предложило нашимъ университетамъ задачу создать „науку русскаго государственнаго права", въ которой бы было представлено „существо русскаго монархическаго начала". А чтобы показать основательность и необходимость этой задачи, Министерство опирается на такое общее соображеніе: „У Нѣмцевъ есть „изобиліе философскихъ ученій; у Французовъ, Англичанъ и дру„гихъ народовъ есть также свои воззрѣнія на міръ. Почему бы „не взглянуть на міръ и съ точки зрѣнія Русскаго народа?"

Нельзя не привѣтствовать всею душой такихъ приглашеній къ самостоятельной работѣ мысли, такихъ указаній на то, что слѣдуетъ намъ быть самобытными, если желаемъ стать рядомъ съ иностранцами. Будемъ философствовать какъ Нѣмцы, т. е. по своему; будемъ консерваторами какъ Англичане, но только по своему; будемъ и прогрессистами, но по своему, а не какъ Французы. Только тогда у насъ будетъ настоящая умственная и общественная жизнь.

Но вѣдь этого самаго и желали и требовали славянофилы; это есть только общая и отвлеченная формула, которую они не только давно заявили, но которую поддерживали живымъ и глубокимъ сочувствіемъ къ русскимъ началамъ. Они не только искали этихъ началъ, а уже нашли ихъ въ своей душѣ и много трудились надъ тѣмъ, чтобы довести ихъ до логической формулировки и до яснаго выраженія въ словѣ. Эта попытка на самостоятельную мысль, это стремленіе къ сознательной самобытности уже

больше сорока лѣтъ тому назадъ выступило у насъ во всеоружіи научныхъ и литературныхъ достоинствъ. Поэтому намъ слѣдуетъ предположить, что университеты теперь, конечно, прежде всего займутся славянофильствомъ; можетъ-быть они его расширятъ, углубятъ или даже совершенно измѣнятъ; но во всякомъ случаѣ, оно должно быть примѣромъ и основаніемъ всякихъ новыхъ попытокъ.

Выводы эти ясны; но, безъ сомнѣнія, было бы великимъ легковѣріемъ надѣяться на ихъ осуществленіе. Какъ можно думать, что получитъ свой вѣсъ ученіе, которое сорокъ лѣтъ было заглушаемо и подавляемо невниманіемъ и враждою? Развѣ измѣнились обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ живетъ нашъ умственный міръ? Развѣ всемогущее вліяніе Запада и наша рабская ему подражательность ослабѣли? Развѣ мы прозрѣли, поумнѣли, почувствовали въ себѣ больше нравственной крѣпости, больше желанія жить руководясь опредѣленными идеями, а не случайностями дня? Совершенно ясно, что все у насъ обстоитъ по прежнему, потому что недоумѣніе, въ которое мы попали, не побуждаетъ насъ искать выхода въ новыхъ началахъ, а только ослабило вѣру въ какія бы то ни было начала.

Ни одна изъ надеждъ, ни одно изъ задушевныхъ желаній Аксакова не имѣетъ впереди себя яснаго будущаго. Церковь осталась въ томъ же своемъ положеніи; укрѣпленіе и развитіе ея внутренней жизни по прежнему идетъ шатко и медленно, и не возможно предвидѣть откуда явится поворотъ къ лучшему. Славянскія дѣла ясно свидѣтельствуютъ, что духовное значеніе Россіи не развилось. Послѣ подвиговъ, достойныхъ Аннибала или Алесандра Македонскаго, мы вдругъ съ сокрушеніемъ видимъ, что старанія иностранцевъ и ихъ политическое и культурное вліяніе берутъ верхъ надъ тою связью по крови, по вѣрѣ и по исторіи, которая соединяетъ насъ со Славянами. Но вѣдь весь узелъ Славянскаго вопроса заключается именно въ нашей культурѣ, и если самобытныя духовныя и историческія силы наши не развиваются, если наша религіозная, политическая, умственная и художественная жизнь не растетъ такъ, чтобы соперничать съ развитіемъ западной культуры, то мы неизбѣжно должны отступить для Славянъ на задній планъ, сколько бы мы крови ни проливали. Какая же для насъ надежда въ этой борьбѣ? Становясь грудью за единовѣрцевъ, мы должны спрашивать себя: не убываетъ ли

и въ насъ, и въ нихъ та вѣра, въ которой весь смыслъ дѣла и внѣ которой безплодны всякіе подвиги? Такъ точно мы должны спросить себя и о всякой другой чертѣ нашей духовной связи со Славянами. И если такъ, то развѣ можно теперь глядѣть впередъ безъ унынія и боязни?

Все это, и лучше и яснѣе всякаго, видѣлъ и чувствовалъ Аксаковъ. Поэтому больше чѣмъ когда-нибудь ему стало тяжело передъ смертью. Не могу выразить, какъ изумили, какъ больно поразили меня нѣсколько унылыхъ словъ, вырвавшихся у него въ послѣднихъ письмахъ, и тѣмъ сильнѣе поражавшихъ, что выходили изъ устъ такого богатыря. „Чувствуешь",—писалъ онъ, между прочимъ,—„что настоящій переживаемый нами періодъ — долгій періодъ и что его ничѣмъ не сократишь". И вотъ ему не довелось переживать этотъ періодъ; смерть избавила его отъ этого страданія. Онъ такъ долго ждалъ, такъ долго обманывался въ своихъ надеждахъ, и вдругъ убѣдился, что еще долго, долго ждать минуты, когда онъ могъ бы сказать свое *нынѣ отпущаеши*. Въ этомъ смыслѣ смерть была для него милостью. Въ самомъ дѣлѣ, при такомъ ходѣ дѣла, когда мы оказываемся такъ мало способными къ воспріятію и развитію внутренней духовной жизни Россіи, когда для возбужденія нашихъ умовъ и сердецъ потребуются можетъ-быть новыя бѣдствія, новыя тяжкія испытанія, когда всякій призывъ къ сознанію, къ уясненію смысла нашей жизни, къ пониманію и развитію ея идеи, неизбѣжно глохнетъ въ нашихъ умахъ, уроки исторіи не выводятъ насъ изъ слѣпоты, а только наводятъ на насъ недоумѣніе,—при такомъ ходѣ вещей, какая судьба предстояла Аксакову? Чтò долженъ былъ чувствовать этотъ Сизифъ, столько разъ подымавшій камень на гору и подъ конецъ увидавшій, что камень опять скатился, но гораздо ниже прежняго?

Нѣтъ, для себя онъ вовремя умеръ. Благочестивые люди вѣрятъ, что смерть всякаго человѣка совершается не безъ соизволенія Божія. И на этотъ разъ мы какъ будто можемъ понять смыслъ этого соизволенія. Аксаковъ довольно потрудился, и вѣрный рабъ былъ наконецъ отпущенъ отъ своей работы. Чтó же съ нами будетъ? Конечно то, чего мы заслуживаемъ.

Н. Страховъ.

3-го марта.

И. С. Аксаковъ.*)

Вчера еще могучая русская грудь высоко воздымалась; вчера еще русское чувство, русское слово, всю Россію потрясало; вчера еще великій Славянинъ изъ самаго центра славянской мощи—изъ Москвы посылалъ высокое, славянское, благостынное, православное слово всему Славянскому міру; вчера еще онъ *собиралъ, подымалъ, призывалъ* всю Россію, весь Востокъ. и шелъ впереди съ дрожащимъ знаменемъ въ рукахъ, съ сіяніемъ побѣды на челѣ, съ непоколебимою увѣренностью въ величіи и могуществѣ своей отчизны, въ правотѣ ея дѣла. Онъ чуялъ приближеніе великихъ временъ, онъ слышалъ уже отдаленный гулъ великой славянской волны—выступленіе Славянскаго міра на всемірную арену; съ скрижалью въ рукахъ—съ готовою, начертанною программой, съ православнымъ образомъ стоялъ онъ на рубежѣ Россіи, лицомъ къ Востоку, и молвилъ: „внемлите, други-братья, гласу Божью, гласу православной Россіи—общей нашей матери, возлюбите другъ друга, сомкнитесь, соединитесь!...“ Вчера еще все это было,—а сегодня всего этого *нѣтъ* уже! Ударила смерть, и вдругъ все стемнѣло.

Отчего эти безпощадные удары?

Отчего поражаетъ смерть такихъ сыновъ?

Отчего человѣчество не можетъ привыкнуть.... оно *никогда* не привыкнетъ къ смерти?

Но къ чему всѣ эти ропоты, слезы и тихія рыданія? Есть Провидѣніе! Покоримся волѣ Божіей, утѣшимъ себя мыслью о всеконечной правдѣ, о *жизненности* всего существующаго. Если смерть не есть миражъ, обманъ, то можетъ-быть она существуетъ только для всего порочнаго и дурнаго; это порочное и дурное—наше тѣло. нужно же его уничтожить.

Ивану Сергѣевичу нужно было успокоеніе,—и какое чудное для него успокоеніе, если онъ только стоитъ теперь невидимо въ сторонѣ и глядитъ на свои дѣла! Какое прекрасное *успокоеніе*, какая прекрасная *вѣчность* въ ореолѣ доброты, честности и правды!

---

*) Изъ «Новороссійскаго Телеграфа».

Но пойдемъ теперь къ его могилѣ—онъ лежитъ теперь тамъ, съ великой тайной міра, въ гробу. Кругомъ уже все стихло, все вошло въ обыденную свою колею; природа какъ бы сдѣлала свое дѣло—создала, похоронила и опять стала безстрастною въ сторонѣ. Тихо и безмятежно теперь вокругъ Ивана Сергѣевича; глубоко и величаво теперь вокругъ него. Тутъ можно поплакать теперь здоровыми, мужественными, гордыми гражданскими слезами, слезами умиленія; тутъ можно воодушевиться высокими мыслями; тутъ можно погрѣть и укрѣпить свою русскую душу, возвысить и усилить свою любовь къ родинѣ.... Вѣдь слово Ивана Сергѣевича *не умерло!* Оно паритъ надъ его могилой,—оно запечатлѣлось въ мірѣ: въ умахъ и въ душахъ; оно никогда не изгладится изъ памяти Россіи и Славянства: *могилы надъ его словомъ, надъ его дѣломъ не будетъ!* И при этой мысли, радость передъ его земной, неизбѣжной могилой охватываетъ всю вашу душу, все ваше существо, и вы видите Ивана Сергѣевича живымъ передъ собою, и вы видите воочію при нѣмой могилѣ торжество *жизни и свѣта*,—и вы отъ могилы отходите для еще бо̀льшаго прославленія жизни, міра и Создателя.

Но гласъ Ивана Сергѣевича изсякъ,—тѣмъ драгоцѣннѣе долженъ быть теперь каждый его завѣтъ; мы не услышимъ болѣе пламенныхъ его рѣчей; мы не услышимъ болѣе своеобразнаго, сильнаго его слова, горячаго его призыва къ долгу и самоотверженію; мы не услышимъ болѣе назидательнаго, наставническаго его слова, — мягкаго, сердечнаго его отношенія ко всему, что̀ мыслило и стремилось къ правдѣ въ жизни: онъ, *съ своей высоты*, спускался въ самыя низшія, начинающія, если можно такъ выразиться, мыслящія сферы, и не отказывалъ въ своихъ драгоцѣнныхъ совѣтахъ самому маленькому пишущему люду: мы, недавно еще, имѣли счастье получить отъ него письмо, изъ котораго можно видѣть съ какою готовностью, съ какимъ участіемъ, съ какою теплотою и съ какою любовью онъ относился и къ этому дѣлу.

Прощай, Иванъ Сергѣевичъ! Мы никогда не забудемъ твоихъ словъ,—ты твердо, прочно начертилъ въ сердцахъ свой завѣтъ: любить Россію, народъ и беззавѣтно отдать себя на служеніе великому славянскому дѣлу.

П. Леонардъ.

И. С. Аксаковъ. *)

Аксаковъ мастерски владѣлъ перомъ и словомъ.

Аксаковскій слогъ можно считать классически-русскимъ. Онъ отличался неистощимымъ богатствомъ той литературной рѣчи, кладяземъ для которой служатъ уста народа. Онъ былъ старательно очищенъ отъ всякихъ внѣшнихъ примѣсей и заимствованій, и звучалъ необыкновенно мелодично и чисто. Это былъ вполнѣ московскій стиль великолѣпнаго образца, сравнительно съ которымъ и неудобопонятенъ нашъ сборный, космополичически-русскій литературный слогъ. У Аксакова въ этомъ отношеніи можно было и слѣдовало учиться. Ему свойственна была настоящая виртуозность слога. У всякаго другаго писателя рѣчь подобная Аксаковской казалась бы дѣланной, искусственной, вычурной. Она сплошь и рядомъ пользовалась архаическими, вовсе вышедшими изъ употребленія словами и оборотами. Въ ней попадались въ первый разъ встрѣчавшіяся прилагательныя и удивительные глаголы, неслыханныя нарѣчія. Она была настолько русской, что могла казаться вовсе нерусскою. Но это былъ, повторяемъ, прекрасный и замѣчательный языкъ. Въ немъ была бездна энергіи, картинности и блеска. Каждое слово стояло на своемъ мѣстѣ, каждая фраза имѣла свое законное бытіе, а въ общемъ единеніи ихъ чувствовались сила, связность и обаятельный эффектъ тонкой и художественной риторики. Лучше Аксакова писалъ только Хомяковъ. Но Аксаковъ писалъ значительно лучше другихъ славянофиловъ, не исключая и Юрія Самарина. Вмѣстѣ съ Аксаковымъ умретъ и его языкъ. Теперь такимъ слогомъ даже и на академическую премію никто не напишетъ.

А какимъ ораторомъ былъ Аксаковъ! Его живое, спокойное и величественное, строго размѣрное и необыкновенно образное слово производило глубокое и очень сильное впечатлѣніе. Помню, слышалъ я его въ Москвѣ во время Пушкинскихъ празднествъ. Въ громадномъ залѣ, за парадными пиромъ, которымъ московское дворянство угощало пріѣзжихъ депутатовъ, послѣдователь-

---

*) Изъ № 3274 «Новороссійскаго Телеграфа».

но говорили заслуженнѣйшіе „отцы" русской литературы. Рѣчи принадлежали Тургеневу, Достоевскому, Островскому, Юрьеву, Писемскому. Говорилъ и Аксаковъ. Къ нему внутренне не тянуло петербургскихъ слушателей, но онъ магически побѣдилъ избранную аудиторію и заставилъ ее разразиться оглушительными и восторженными рукоплесканіями. Сама природа создала Аксакова вождемъ. Въ немъ несомнѣнно было нѣчто, такъ сказать, понтификальное. Широкая, выпуклая, чисто богатырская грудь, крѣпкая прямая и свободная посадка, огромный мыслящій, открытый лобъ, окладистая, подстриженная, чисто-русская, бѣлая борода, умные, прозорливые и вдумчивые глаза въ золотыхъ очкахъ и крупныя мускулистыя руки придавали Аксакову полную физіономическую самостоятельность и оригинальность. У Аксакова все было на виду, и онъ невольно обращалъ на себя вниманіе. Аксаковъ не рисовался, но у него имѣлись всѣ внѣшнія средства превосходнаго артиста и талантливѣйшаго декламатора. Въ Аксаковѣ чувствовался природный первоклассный трибунъ. Васъ подкупалъ риторъ, но въ строгомъ классическомъ, серіозномъ смыслѣ слова. Аксаковъ, говоря, какъ бы парилъ, приподнималъ, вознося съ собой, и слушателя. Ни одинъ слогъ, ни одинъ голосовой эффектъ, ни одинъ внушающій раздумье вопросъ и ни одно заключительное восклицаніе не пропадали въ Аксаковской рѣчи. И она, какъ и его литературный слогъ, какъ бы наряжена была въ царственныя одежды красоты и величія. Мысли и періоды развертывались у него медленно, плавно, съ мастерскимъ выдѣленіемъ всѣхъ оттѣнковъ и періодовъ. Голосъ Аксакова былъ органомъ спикера, говорящаго съ массою. Онъ отличался звучностью, мощью и разнообразіемъ въ тонахъ и нотахъ. Внимая ему, вы чувствовали, что голосъ этотъ сразу способенъ завладѣть массою, заставляя ее любить и ненавидѣть, восторгаться и ужасаться, плакать и радоваться. Жестикуляція у Аксакова была красивая, величавая и выразительная. Она стояла на высотѣ оратора, какъ разъ на той грани, гдѣ кончается область трибуны и начинается сфера театра. Въ говорящемъ Аксаковѣ кромѣ того поражала и увлекала необыкновенная вѣра его въ свои слова, стремленія и идеалы. Слушателю почему-то казалось, что человѣкъ, который *такъ* говоритъ, не можетъ ошибаться. Аксаковъ подавлялъ слушателя ораторскимъ талантомъ и ни на минуту не освобождалъ его изъ-подъ своего обаянія. Смѣло можно

сказать, что Аксаковъ былъ самымъ краснорѣчивымъ и самымъ возвышеннымъ русскимъ ораторомъ. Онъ точно родился на каѳедрѣ, и въ словѣ его была та волшебная музыка, которая обезоружила и враговъ.

Вообще говоря, дѣятели подобные Аксакову стоятъ, какъ верстовые указательные столбы, на общественной дорогѣ, по которой идутъ цѣлыя поколѣнія. Ихъ у насъ очень немного, меньше чѣмъ пальцевъ на рукахъ, и потому внезапная и преждевременная кончина Аксакова можетъ и должна служить тяжелой утратой для всей русской интеллигенціи, независимо отъ тѣхъ лагерныхъ дѣленій, на которыя распадается она, посильно стремясь къ одной и той же общей цѣли: къ обезсиленію вреднаго и къ укрѣпленію благаго и полезнаго.

Памяти И. С. Аксакова *).

Въ трудные для русскаго человѣка дни, когда онъ такъ нуждается въ честномъ словѣ учителя, не стало писателя, стоявшаго всю свою жизнь за народность въ жизни, искусствѣ и политикѣ, такъ высоко державшаго знамя родной земли.

То, о чемъ думали лучшіе изъ русскихъ людей, ту вѣру въ духовную мощь Русскаго народа, какъ Славянскаго, какъ выше другихъ единоплеменныхъ поставленнаго судьбами,—безустанно съ сороковыхъ годовъ проповѣдывалъ онъ въ цѣломъ рядѣ своихъ и чужихъ московскихъ изданій, стоявшихъ подъ русскимъ знаменемъ. Не было до него и не стало по его смерти человѣка, который въ лицѣ своемъ соединялъ бы столько дарованій и силъ для тяжкой задачи будителя массъ, для проповѣди въ пустынѣ русской журналистики о грядущемъ для Русскаго, какъ Славянскаго, міра. Его поистинѣ пророческія рѣчи начинались и оканчивались словами: „покайтеся“! Сознавая сущность духовныхъ силъ русскаго человѣка и громадныя вещественныя силы Русской земли, онъ не увлекался видимымъ внѣшнимъ могуществомъ Русскаго государства, видѣлъ разладъ между тѣмъ, что̀ было и

*) Изъ № 24 «Волжскаго Вѣстника».

что̀ должно и могло быть, и требовалъ дѣятельнаго раскрытія всѣхъ силъ Руси для выполненія ея призванія въ ряду другихъ государствъ. Не блестящая внѣшность исторической жизни обольщала пытливый взоръ писателя. Нельзя было глубже его понимать всю ложь, часто скрывающуюся подъ такой внѣшностью, всю мишуру театральныхъ костюмовъ извѣстныхъ видныхъ лицедѣевъ на подмосткахъ житейской сцены. Часто „повапленные гробы" видѣлись ему въ тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ другіе находили и привѣтствовали краски жизни. „Кому много дано, съ того много и спросится",—говорилъ онъ въ еженедѣльныхъ бесѣдахъ своей немногочисленной аудиторіи. Несомнѣнная внѣшняя мощь Руси должна была воплотиться въ мощное дѣло во имя права и свободы цѣлыхъ народностей. Русь должна была жить по русски, на свой ладъ, прирожденный ей, какъ живому организму. Русь изъ своихъ силъ должна была вырабатывать свой строй, не гоняясь за чуждыми узорами и выкройками, не стремясь, разумѣется безплодно, походить на то или другое европейское государство. Всестороннее знакомство съ европейской жизнью въ прошломъ и настоящемъ, полное усвоеніе ученій европейскихъ мыслителей и знаніе Славянскаго міра—подсказали ему не только пути, но и возможность осуществить его соціальныя и политическія задачи. Изученіе своего, какъ дѣлала Европа, уваженіе къ роднымъ началамъ, какъ поступала Европа, пользованіе и развитіе собственныхъ вещественныхъ и невещественныхъ силъ, какъ единственный двигатель европейскихъ государствъ, только и могли поставить Русь на ноги и проявить въ ея лицѣ типъ самостоятельнаго Славянскаго государства, полноправнаго по развитію съ европейскими. Съ такими воззрѣніями на русскую жизнь, въ границахъ государства, у писателя послѣдовательно связывались воззрѣнія и на политическія задачи Руси по отношенію къ другимъ Славянскимъ племенамъ, у которыхъ, впрочемъ, онъ различалъ стихіи общія съ русскими и чуждыя русскимъ, внесенныя въ заброшенный Славянскій міръ заботливымъ Западомъ. Общность призванія всѣхъ Славянскихъ племенъ, полное преуспѣяніе каждой славянской вѣтви въ томъ, что̀ не вредно общимъ интересамъ Славянства—дапалняли программу публициста, который смѣло выдвигалъ духовно-сплоченный Славянскій міръ—предъ политически-сплоченными мірами Германскимъ и Романскимъ. Словомъ, отстаивая тезисы такъ-называемой славянофильской

школы, Аксаковъ былъ и первымъ и послѣднимъ яркимъ выразителемъ того европеизма на Руси, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, который былъ не по плечу многимъ изъ его литературныхъ и нелитературныхъ противниковъ. И въ ту минуту, какъ Славянскій или Восточный вопросъ, что́ въ сущности одно и то же, опять выступилъ на первый планъ въ Европѣ,—могучій, неподкупный голосъ Аксакова снова сталъ было вносить свѣтъ въ темное царство политическихъ интригъ, направленныхъ противъ Руси, и требовалъ у этой послѣдней готовности къ грядущему, полному тяжкихъ неожиданностей. Событія перепутывались все болѣе и болѣе, и понятно, что славянскому сердцу великаго дѣятеля все тяжеле и тяжеле было переживать прискорбныя явленія начинающейся борьбы..... Оно не вынесло.....

Что-жь? Веселитесь! Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ....

М. П. П—ій.

О кончинѣ И. С. Аксакова. *)

27 января, въ 7. 30 м. вечера, скончался отъ разрыва сердца, на 63-мъ году жизни, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ—одинъ изъ величайшихъ и благороднѣйшихъ русскихъ умовъ, имя котораго занимаетъ видное мѣсто въ исторіи русской культуры. Это былъ громадный талантъ и человѣкъ высокой честности и рѣдкаго прямодушія. Онъ отличался горячей и глубокой любовью къ родинѣ и Русскому народу. Смерть этого великаго патріота не можетъ не вызвать искренней печали въ каждомъ просвѣщенномъ русскомъ человѣкѣ.

Нѣтъ такой сферы въ области русской жизни, въ которой бы публицистическая дѣятельность почившаго писателя не находила своего отраженія. Вотъ почему и мы не можемъ не подѣлиться печальной вѣстью съ своими читателями. Незабвенный И. С. вспоминалъ въ своей осиротѣвшей „Руси“ и родную сельскохо-

---

*) Изъ № 15 «Сельскаго Хозяина».

зяйственную промышленность. И для нея у него находилось вѣское слово, которымъ онъ такъ много послужилъ и родинѣ, и всему Славянскому міру!.. (Далѣе слѣдуютъ біографическія свѣдѣнія.)

Статья изъ № 29 „Русскихъ Вѣдомостей".

Кончина И. С. Аксакова представляетъ важную общественную утрату. Со смертью его русское общество лишилось одного изъ наиболѣе видныхъ своихъ дѣятелей, честнаго и независимаго публициста, воплощавшаго въ своемъ лицѣ цѣлое самобытное направленіе, которое при немъ и чрезъ него не только приняло наиболѣе опредѣленныя формы, но и успѣло заявить себя рядомъ важныхъ фактическихъ результатовъ. Только утративъ такую личность, можно сознать вполнѣ всю величину потери; только теперь сталъ очевиднымъ тотъ пробѣлъ въ рядахъ русскихъ общественныхъ дѣятелей,—пробѣлъ, котораго замѣнить некѣмъ, ибо нѣтъ лица, которое могло бы явиться столь же независимымъ, искреннимъ, честнымъ, талантливымъ, вдохновеннымъ выразителемъ лучшихъ идей и стремленій такъ-называемаго славянофильства. Можно было не соглашаться съ тѣми или другими мнѣніями Ивана Сергѣевича, можно было даже расходиться съ нимъ въ основныхъ убѣжденіяхъ и въ пониманіи политическихъ и общественныхъ идеаловъ, но нельзя было не относиться съ глубокимъ уваженіемъ къ неуклонной вѣрности этого человѣка разъ усвоеннымъ убѣжденіямъ, къ пылкости искренняго чувства, не охладѣвавшаго съ годами, къ горячей вѣрѣ въ излюбленные идеалы, къ вдохновенному дару слова, увлекавшаго сердца, къ неизмѣнной честности и высокому благородству, съ которыми онъ шелъ столько лѣтъ по пути своего призванія, не уклоняясь съ него съ перемѣной вѣтра и сохраняя, какъ публицистъ, всегда независимость своихъ патріотическихъ убѣжденій, несмотря на всѣ трудности такого прямолинейнаго пути, на всѣ преграды и невзгоды, съ которыми ему приходилось при этомъ считаться.

Передовая статья № 30 „Русскихъ Вѣдомостей“.

Москва, 31 января.

Сегодня Москва провожаетъ на вѣчный покой одного изъ лучшихъ своихъ гражданъ. Люди самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, представители печати всѣхъ оттѣнковъ собираются ко гробу Ивана Сергѣевича Аксакова, чтобы выразить свою скорбь объ утратѣ горячо убѣжденнаго общественнаго дѣятеля, правдиваго публициста и талантливаго русскаго писателя. Кто изъ русскихъ людей не зналъ покойнаго, какъ неутомимаго борца за интересы Славянскихъ народовъ? Кто не помнитъ его энергической работы словомъ и дѣломъ предъ послѣднею войною, во время ея и послѣ нея, когда историческія случайности лишили Славянство значительной доли результатовъ, добытыхъ кровавой борьбой? Каждый, кто слѣдилъ за русскою печатью, привыкъ цѣнить въ покойномъ литературнаго дѣятеля, смѣлаго, рѣшительнаго, не стѣснявшагося высказывать свое убѣжденіе, какъ бы ни шло оно въ разрѣзъ съ господствующими теченіями. Можно рѣшительно расходиться съ взглядами покойнаго, но нельзя не цѣнить той искренности убѣжденій, того мужества мысли, которыя отличали его, начиная съ первыхъ шаговъ его дѣятельности до кончины. Русская литература потеряла въ Аксаковѣ писателя, который, унаслѣдовавъ преданія лучшаго ея времени, обладалъ тайною мощнаго слова, достающеюся въ удѣлъ немногимъ.

Еще съ ранней молодости Аксаковъ готовилъ себя не для радостей жизни, а для упорной общественной работы. Въ поэтическихъ произведеніяхъ молодыхъ лѣтъ покойный заявлялъ о себѣ, что „изъ хора всѣхъ доступныхъ музъ“ онъ „съ музой бодрой, строгой, гнѣвной вступилъ въ воинственный союзъ“.

Проникнутый искреннею любовью къ народу, онъ видѣлъ его благо въ свободномъ и самостоятельномъ развитіи, и съ этой точки зрѣнія всю жизнь боролся противъ посягательствъ на эту свободу, откуда бы они ни исходили. Уже одно изъ самыхъ раннихъ произведеній Аксакова, поэма „Бродяга“, представляло собою протестъ противъ тѣхъ путъ, которыми сковывалась человѣческая личность крѣпостнымъ правомъ въ союзѣ со старой казенной ру-

тиной. Затѣмъ въ цѣломъ рядѣ литературныхъ предпріятій, которыхъ руководителемъ являлся покойный Аксаковъ, онъ ревниво охранялъ самостоятельность народа отъ разныхъ охотниковъ испробовать на немъ властную руку. Не дешево доставалось ему твердое служеніе идеаламъ, но несмотря на всѣ превратности, онъ остался вѣренъ имъ до конца. Эта-то вѣрность своимъ убѣжденіямъ, эта нравственная твердость, эта энергія въ преслѣдованіи разъ поставленныхъ задачъ,—вотъ черты, которыя не могутъ не вызывать самаго искренняго сочувствія и уваженія къ личности покойнаго, даже независимо отъ оцѣнки его заслугъ передъ русскимъ обществомъ.

Памяти Ивана Сергѣевича Аксакова *).

Не простая случайность, что именно сегодня, 19 февраля, въ славный день двадцатипятилѣтія великаго дѣла освобожденія крестьянъ, доводится мнѣ помянуть незабвеннаго поэта, воспѣвшаго первую вѣсть о готовившейся въ то время реформѣ. Именно въ этотъ день, когда рознь, вражда и всѣ недобрыя чувства замолкаютъ передъ торжественностью событія, помянемъ мы честность, искренность, беззавѣтную любовь къ освобожденнымъ братьямъ и непоколебимую вѣру въ мощь и творческую силу своего народа дорогаго намъ общественнаго дѣятеля и русскаго патріота. Эти двадцать пять лѣтъ дали намъ уже новое поколѣніе свободныхъ гражданъ, ставшихъ живой стѣной между безвозвратнымъ прошедшимъ и грядущимъ будущимъ великаго народа.

Едва, едва стала заниматься заря свободы, при первой вѣсти о рескриптахъ дворянству въ концѣ 1857 года, какъ поэтъ ужь спѣшилъ привѣтствовать новораждающуюся эру сильными по чувству и мысли строками:

День встаетъ, багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!

---

*) Изъ № 2 журнала „Сѣверный Вѣстникъ“.

можности примѣнить ихъ на пользу родины? въ какую прекрасную форму вылилась эта ,,владычица тоска" въ его стихотвореніи:

Опять тоска! опять раздоръ!
Знакомыхъ думъ, знакомый споръ!
Давно ли я мечту спровадилъ,
На мирный строй себя наладилъ,
И самъ повѣрить былъ готовъ,
Что жизнь права, что я доволенъ?..
И вотъ я боленъ, боленъ...
И для тоски не знаю словъ!...

и т. д.

Сколько разъ приходилось намъ слышать отъ него, что жизнь есть подвигъ, тяжелый подвигъ въ борьбѣ съ ложью, этимъ непримиримымъ врагомъ человѣчества, и что стремленіе къ искренности должно стать главной задачей въ жизни!

Въ одну изъ трудныхъ минутъ упадка духа при видѣ царящаго зла, у него вырывается крикъ отчаянія, мощная сила котогаго невольно сообщается читателю:

Пусть сгибнетъ все, къ чему сурово,
Такъ долго духъ готовленъ былъ:
Трудилась мысль, дерзало слово,
Въ запасѣ много было силъ....
Слабѣйте силы, вы не нужны!
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!
Безплодны всѣ труды и бдѣнья,
Безплоденъ слова даръ живой,
Безсиленъ подвигъ обличенья.
Безуменъ всякій честный бой!
Безумна честная отвага
Правдивой юности—и съ ней
Безумны всѣ желанья блага,
Святыя бредни юныхъ дней!
Такъ сокрушись души гордыня,
Въ борьбѣ неравной ты падешь:
Сплошнаго зло стоитъ твердыня,
Царитъ безсмысленная ложь!

Она страшнѣй враговъ опасныхъ,
Сильна не внѣшнею бѣдой,
Но тратой дней и силъ прекрасныхъ
Въ борьбѣ пустой, тупой, нѣмой!...
Ликуй же ложь, и насъ, безумцевъ,
Урокомъ горькимъ испытуй,
Гони со свѣта вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй!..
Слабѣйте-жь силы! вы не нужны!
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Ужь не та же ли ложь сокрушила наконецъ неутомимаго борца за свой идеалъ?

Анна Евреинова.

Передовая статья № 11 „Казачьяго Вѣстника".

Новочеркасскъ, 5 февраля.

Смерть великаго гражданина земли Русской Ивана Сергѣевича Аксакова, общественная и политическая дѣятельность котораго стяжала ему искреннее уваженіе тѣхъ, кому дороги русскіе и славянскіе интересы, составляетъ такую утрату, которая во всѣхъ концахъ обширнаго царства Русскаго отразилась глубокою скорбію. Вѣсть объ этомъ и на Дону, какъ вездѣ въ Россіи, опечалила знавшихъ дѣятельность и направленіе Ивана Сергѣевича и благоговѣвшихъ предъ его именемъ, предъ его мощнымъ словомъ, какое онъ смѣло и твердо высказывалъ, когда нужно было говорить объ интересахъ родной земли, объ интересахъ братскихъ намъ Славянъ. Еще недавно раздавалось это могучее слово, но пробилъ часъ—и уста великаго патріота умолкли навсегда!

Опечаленные этою утратою, всѣ мыслящіе русскіе люди вѣруютъ однако же, что тѣ идеи, которыя проповѣдывалъ великій покойникъ, не умрутъ вмѣстѣ съ нимъ, но будутъ развиваться все болѣе и болѣе, и принесутъ плодъ въ свое время...

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ *).

Въ настоящее время почти вся мыслящая Россія скорбитъ о безвозвратной потерѣ высокаго патріота и вполнѣ русскаго человѣка Ивана Сергѣевича Аксакова. Юристъ по образованію, публицистъ по профессіи и призванію, Ив. С. Аксаковъ представляетъ собою рѣдкій типъ общественнаго дѣятеля, всецѣло преданнаго интересамъ Россіи и славянскаго единства.

Иванъ Сергѣевичъ, во всѣхъ своихъ статьяхъ, ставилъ постоянно на первомъ планѣ благо Россіи, ея истинныя нужды; все, что̀ онъ писалъ или говорилъ, было искренно, задушевно, сильно.

Его образный, иногда нѣсколько туманный, языкъ производилъ неотразимое впечатлѣніе.

Конечно, многое высказанное Иваномъ Сергѣевичемъ носило на себѣ отпечатокъ нѣкоторой крайности, а отчасти призматичности въ воззрѣніяхъ,—тѣмъ не менѣе то, что̀ было высказано этимъ русскимъ патріотомъ, являлось продуктомъ личнаго непоколебимаго его убѣжденія, было проникнуто неподдѣльнымъ чувствомъ увѣренности въ правильности высказаннаго.

Иванъ Сергѣевичъ былъ публицистъ неподкупной, идеальной честности, не свивавшій себѣ—подобно многимъ другимъ—редакціоннаго гнѣздышка *за чужой счетъ*...

Голосъ Ивана Сергѣевича поэтому былъ всегда авторитетный.

Широко понимая интересы Россіи, онъ и смотрѣлъ на Русскій народъ и его нужды такъ, какъ это было свойственно̀ его русской натурѣ, оставаясь всегда на стражѣ этихъ интересовъ и нуждъ.

Вотъ чѣмъ главнѣйше объясняется общая печаль, которая такъ неподдѣльно проявилась при извѣстіи о кончинѣ И. С. Аксакова.

Мы не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что печаль о потерѣ такого серіознаго русскаго публициста и почтеннаго дѣятеля раздѣляется у насъ почти всѣми, безъ различія направленій и партій.

Если къ тому присовокупить, что Россія пока не очень богата выдающимися писателями въ области публицистики, то ста-

---

*) Изъ № 254 «Юридическаго Обозрѣнія».

нетъ понятнымъ, почему въ данномъ случаѣ всеобщая печаль еще болѣе увеличивается.

Главная заслуга покойнаго заключается въ томъ, что онъ прямо ставилъ вопросъ и давалъ на него отвѣтъ.

Можно было не соглашаться съ его воззрѣніями, но нельзя было не выслушать его.

Глубоко вѣря въ историческое призваніе Русскаго народа, И. С. Аксаковъ во многомъ понималъ вещи не такъ криво и узко, какъ нѣкоторые публицисты какъ бы одного съ нимъ пошиба. Поэтому когда эти публицисты—еще такъ недавно—забили въ набатъ противъ суда присяжныхъ, Иванъ Сергѣевичъ, со свойственною ему искренностью, сталъ на защиту этого народно-праповаго института.

Его мужественная рѣчь на защиту суда присяжныхъ была выслушана какъ слово правдиваго русскаго человѣка, правильно, съ убѣжденіемъ говорящаго о томъ, чтó полезно для Россіи.

Мы особенно подчеркиваемъ эту заслугу Ивана Сергѣевича на пользу нашихъ судебныхъ уставовъ.

Въ то время, когда отовсюду сыпались ярыя нападки на судебные уставы, слово независимаго публициста, въ честность котораго всѣ вѣрили, имѣло рѣшающее значеніе. Его защита суда присяжныхъ, конечно, произвела большее впечатлѣніе, нежели софизмы разныхъ публицистовъ, мѣнявшихъ свое убѣжденіе объ этомъ лучшемъ изъ судебныхъ учрежденій смотря по надобности.

Такая великая заслуга Ивана Сергѣевича Аксакова уже сама по себѣ способна вызвать въ каждомъ Русскомъ искреннее пожеланіе надъ свѣжею могилою его: миръ праху твоему, честный патріотъ, истинный сынъ отечества!

Статья изъ № 28 „Кавказа“.

Глубокою, тяжкою скорбью поразитъ всю Россію и весь Славянскій міръ смерть лучшаго представителя русской прессы и одного изъ самыхъ честныхъ русскихъ людей, Ивана Сергѣевича Аксакова, скончавшагося, какъ сообщилъ намъ телеграфъ, 27-го января, отъ разрыва сердца. Смерть великаго русскаго гражда-

нина воспослѣдовала именно въ то время, когда его беззавѣтная преданность Россіи и правдивое, смѣлое слово особенно считались необходимыми и плодотворными для разъясненія сложныхъ недоразумѣній возникшихъ въ Славянскомъ мірѣ и въ отношеніяхъ къ нему Европы и Россіи.

.....Глубокая фальшь постановки Славянскаго вопроса европейскими дипломатами возмущала честную душу Ивана Сергѣевича, и онъ, со свойственною ему правдивостію, высказалъ свое патріотическое негодованіе въ передовыхъ статьяхъ издававшейся имъ въ настоящемъ году „Руси". Можно, конечно, не соглашаться съ Иваномъ Сергѣевичемъ въ деталяхъ, можно осуждать его за рѣзкость выраженій, можно обвинить его въ слишкомъ прямолинейныхъ нападкахъ на современныхъ дѣятелей,—но нельзя не признать правдивости постановки имъ Славянскаго вопроса, нельзя не увлекаться чистотою, искренностью и глубиною его любви къ Россіи, его высокопатріотическимъ энтузіазмомъ по поводу современныхъ интересовъ Россіи и заботами объ огражденіи ея будущаго могущества. Вся жизнь, вся литературная и публицистическая дѣятельность покойнаго Ивана Сергѣевича имѣли ту же самую патріотическую подкладку, и никогда не закрывалъ онъ фразою прямой смыслъ своей неподкупной проповѣди объ интересахъ Россіи, которыхъ онъ не отдѣлилъ отъ интересовъ всего Славянства. Никакія препятствія и помѣхи не могли заставить его идти на компромиссъ съ своими убѣжденіями и сколько-нибудь измѣнить правдивую и смѣлую оцѣнку нашей внутренней жизни и внѣшней политики. Онъ предпочиталъ прекращать на время свою публицистическую дѣятельность, если, по обстоятельствамъ, его взгляды и убѣжденія не находили себѣ опоры въ тѣхъ сферахъ, гдѣ стремился онъ выяснить истинные интересы Россіи.

Миръ праху твоему, великій гражданинъ земли Русской! Славное твое имя и честная твоя служба Россіи будетъ помниться изъ рода въ родъ, пока будетъ существовать Россія! Миръ праху твоему, неустанный борецъ за великую славянскую идею, за соединеніе всѣхъ Славянъ въ одинъ общій Славянскій міръ съ его будущею самостоятельною культурою!

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ *).

† 27-го января 1886 г.

Въ нашъ холодный, практической вѣкъ, когда низкопоклонство, продажность, бездушный индифферентизмъ ко всему, что̀ выходитъ за сферу личныхъ потребностей каждаго, сдѣлались единственными руководящими принципами въ жизни, истиннымъ героемъ надо считать того, кто, имѣя твердыя и опредѣленныя убѣжденія, не боится высказывать ихъ прямо и открыто рѣжетъ правду-матку, не опасаясь за послѣдствія, которыя, въ большинствѣ случаевъ, влечетъ за собою такой образъ дѣйствій; кто, среди общаго безвѣрія и мрачнаго пессимизма, проникнутъ глубокою вѣрою въ идею, служенію которой посвящаетъ всѣ свои силы, ради коей готовъ переносить лишенія и невзгоды. Такихъ людей, являющихся свѣтлыми пятнами на темномъ фонѣ нашей неприглядной жизни, правда, немного, но они все же есть.

Однимъ изъ такихъ людей былъ Иванъ Сергѣевичъ 'Аксаковъ, кончина котораго поразила глубокою скорбью всю мыслящую Россію.

Едва разнеслась печальная вѣсть, какъ общее неподдѣльное горе сожалѣнія о тяжкой утратѣ овладѣло всѣми и вылилось въ формѣ безчисленнаго множества телеграммъ по адресу его вдовы и панихидъ по усопшемъ. Въ горѣ этомъ приняли участіе не только друзья, но и многочисленные враги покойнаго; замолкли голоса, поносившіе его при жизни; передъ трупомъ его почтительно преклонили головы тѣ, чьи взгляды и убѣжденія шли въ разрѣзъ съ убѣжденіями только-что скончавшагося общественнаго дѣятеля.

Въ чемъ же сила и величіе его, передъ которыми не могли устоять—ни зависть, ни злоба, ни другія низменныя побужденія, свойственныя, въ большей или меньшей степени, каждому человѣку?

Въ непоколебимой честности и прямотѣ его характера, въ неподдѣльной искренности, неподкупности и юношеской горяч-

---

*) Изъ № 35 «Кавказъ».

ности его убѣжденій, въ самоотверженіи и преданности, съ которыми онъ служилъ своей родинѣ,—однимъ словомъ, въ томъ, что

Сокровища душевной красоты
Совмѣщены въ немъ были благодатно

Покойный былъ публицистомъ, и къ нему болѣе чѣмъ къ кому-либо примѣнимы слова Бёрне, что онъ писалъ „не чернилами, а кровью своего сердца и сокомъ своихъ червовъ". И въ жизни, и въ многочисленныхъ статьяхъ своихъ Иванъ Сергѣевичъ являлся горячимъ патріотомъ, причемъ патріотизмъ его не былъ подогрѣтъ искусственно, не исходилъ изъ какихъ-либо корыстныхъ побужденій, а выливался изъ глубины души его, составлялъ одно цѣлое со всѣмъ его существомъ. Онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ могикановъ той плеяды славянофиловъ, которая считала въ своихъ рядахъ такихъ извѣстныхъ дѣятелей, какъ Хомяковъ, Кирѣевскій, С. и К. Аксаковы...

На Славянское племя онъ возлагалъ почетную миссію—обновленіе міра. Онъ мечталъ объ объединеніи всего Славянства. Во многомъ онъ былъ утопистомъ, мечтателемъ, но мечтателемъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова—искреннимъ, пламеннымъ, горячо убѣжденнымъ. При всемъ томъ, онъ былъ горячимъ приверженцемъ монархическаго образа правленія, лучшимъ слугою престола и отечества. Его убѣжденія не могли не создать ему литературныхъ враговъ, борьбѣ съ которыми онъ и посвящалъ свои силы и труды. Но борьба эта была честная, прямая, открытая. Ни одно пятно не легло на его дѣятельность, какъ общественную, такъ и частную. Истиннымъ патріотизмомъ онъ считалъ—говорить смѣло правду, если бы даже правда эта влекла за собою непріятности. И слово его никогда не расходилось съ дѣломъ: на своемъ вѣку онъ много пострадалъ, но никогда онъ ни передъ кѣмъ не склонилъ свою гордую голову, онъ всегда высоко держалъ знамя съ надписью: долгъ—прежде всего.

Если прибавить ко всему этому, что покойный былъ человѣкомъ въ высшей степени гуманнымъ, человѣколюбивымъ, откровеннымъ, обязательнымъ, обладалъ даромъ „глаголомъ жечь сердца людей", то не трудно понять ту симпатію, которою покойный пользовался при жизни, то обаяніе, которое производилъ онъ на всѣхъ, кто только приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе,

то горе, наконецъ, которое овладѣло, послѣ его смерти, всѣми русскими людьми. Замѣтимъ еще, что покойный отличался необыкновенною въ наше время религіозностью, былъ самымъ искреннимъ христіаниномъ. Имя Ивана Сергѣевича пользовалось популярностью не только въ Россіи, но и за границей, среди Славянскихъ народностей.

Для полной характеристики Ивана Сергѣевича, заимствуемъ изъ столичныхъ газетъ краткія біографическія свѣдѣнія о покойномъ. (Слѣдуютъ біографическія свѣдѣнія.)

Таковъ краткій очеркъ жизни и дѣятельности Ивана Сергѣевича Аксакова. Прибавить къ этому можно только то, что вся многосторонняя и долголѣтняя дѣятельность его носитъ одинъ общій характеръ: вездѣ и всегда Иванъ Сергѣевичъ являлъ собою примѣръ высокой честности и горячей любви къ отечеству, не знавшей ни устали, ни компромиссовъ. Еще въ прошломъ году доктора совѣтовали Ивану Сергѣевичу бросить литературныя занятія, такъ какъ они вредно отражались на его здоровьи, но онъ до послѣдней минуты не хотѣлъ сложить оружія, которое всю жизнь употреблялъ для честнаго служенія идеѣ. „Служеніе обществу требуетъ отъ насъ большихъ жертвъ и самоотверженія“, говорилъ покойный, и онъ всю свою жизнь слѣдовалъ этому изреченію.

Замолкнутъ газетные толки о покойномъ, „пройдутъ вѣка, промчатся годы“, но имя Ивана Сергѣевича Аксакова не забудется и будетъ служить путеводной звѣздой многимъ поколѣніямъ, которыя будутъ брать съ него примѣръ честнаго и безкорыстнаго служенія идеѣ.

Хотя уже неоднократно употреблялись слова поэта:

> Природа-мать! Когда-бъ такихъ людей
> Ты изрѣдка не посылала міру,
> Заглохла-бъ нива жизни!

но мы полагаемъ, что они болѣе чѣмъ къ кому-либо примѣнимы къ покойному Ивану Сергѣевичу.

Передовая статья № 52 газеты „Кавказъ“.

Тифлисъ, 14 февраля.

....Трудно сказать что-нибудь болѣе искренное, болѣе вѣрное, какъ высказанное въ послѣдней передовой статьѣ „Руси“, отъ 13 февраля, по поводу того великаго для Россіи вопроса, которому служилъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Приведемъ эти слова:

„Въ послѣднія десять лѣтъ Иванъ Сергѣевичъ одинъ поддерживалъ огонь въ томъ свѣтильникѣ, который былъ зажженъ его предшественниками, и онъ оставилъ этотъ свѣтильникъ горящимъ. Съ Аксаковымъ умеръ послѣдній представитель московской славянофильской школы—она совершила свое дѣло. Отнынѣ вся Россія будетъ блюсти огонь на этомъ свѣтильникѣ, и онъ будетъ разгораться все ярче и ярче, и свѣтъ отъ него возсіяетъ вѣнцомъ славы на приснопамятныхъ сподвижникахъ русской мысли“.

Лучше ничего сказать нельзя! Сердце патріота, читая это, наполняется глубокою благодарностью къ великимъ трудамъ покойнаго Ивана Сергѣевича, и каждый можетъ теперь успокоиться, такъ какъ отнынѣ вся Россія будетъ продолжать его дѣло, и оно будетъ разростаться и блестѣть все болѣе и болѣе яркимъ свѣтомъ, къ величію и славѣ нашего отечества. Прекрасно, но... Россія есть отвлеченное понятіе, которое, въ силу этого, не можетъ обнаружить никакой практической дѣятельности, если русскіе люди, совокупность которыхъ именуется Россіей, не будутъ каждый въ отдѣльности работать усиленно въ томъ направленіи, въ которомъ трудился покойный Иванъ Сергѣевичъ. Гдѣ же тѣ русскіе люди, которые стояли бы у свѣтильника, зажженнаго покойнымъ, и не дали бы ему погаснуть? До сихъ поръ еще многочисленные наши органы печати даже и не намекнули на фамилію кого-нибудь изъ сотрудниковъ и друзей покойнаго, который могъ бы продолжать его дѣло, а прекращеніе изданія газеты „Русь“ фактически свидѣтельствуетъ, что такого человѣка не нашлось въ настоящемъ, и потому приходится ожидать въ будущемъ, когда свѣтъ зажженнаго свѣтильника возсіятъ ярче, и позволитъ намъ увидать тѣхъ, кто будетъ держать знамя, носителемъ котораго былъ покойный Иванъ Сергѣевичъ. Надъ его могилой

высказана была надежда, что полное собраніе сочиненій Ивана Сергѣевича будетъ напечатано, но не слышно, чтобы кто-нибудь изъ извѣстныхъ или неизвѣстныхъ жертвователей, поддерживавшихъ славянскую идею въ Россіи, уже принялся за это дѣло, безспорно составляющее непремѣнный патріотическій долгъ русскихъ людей *). Умеръ великій народный трибунъ и не можетъ болѣе возбуждать насъ къ дѣятельности своимъ глубокимъ живымъ словомъ. Но онъ оставилъ намъ всѣ свои мысли и недоконченныя задачи въ наслѣдство вмѣстѣ съ обязанностью продолжать ихъ дальнѣйшее развитіе, начиная съ той точки, на которой онѣ остановлены его смертью. Поэтому то, чтó сказалъ и сдѣлалъ Иванъ Сергѣевичъ, должно быть извѣстно не только его близкимъ и почитателямъ, но должно быть распространено и въ тѣхъ сферахъ Русскаго народа, куда не успѣло проникнуть живое слово. Такъ по крайней мѣрѣ понимаютъ свой патріотическій долгъ Англичане и, не дожидаясь, чтобы сама Англія заговорила о важности сохранія господства въ Остъ-Индіи, не останавливаются передъ пожертвованіями, чтобы распространить въ средѣ Англійскаго народа тѣ мысли и убѣжденія, которыя необходимо ему имѣть для того, чтобы сохранить за собою Индію и тѣмъ удержать Англію на высотѣ того политическаго положенія, какое она заняла въ силу предшествовавшей исторической жизни.

Памяти И. С. Аксакова **).

...И вѣщее перо въ рукахъ упало.
Какой свѣтильникъ разума угасъ!
Какое сердце биться перестало!,..

Некрасовъ.

По извѣстіямъ газетъ, въ Москвѣ на похоронахъ И. С. Аксакова было такое же громадное стеченіе народа, какое было при

---

*) Изданіе сочиненій Ивана Сергѣевича Аксакова готовится и будетъ сдѣлано на средства вдовы его, Анны Ѳедоровны. Другихъ пожертвованій на это дѣло, къ счастію, не требуется.—*Ред.*

**) Изъ № 7 «Оренбургскаго Листка».

погребенія Скобелева въ Москвѣ и Достоевскаго въ Петербургѣ. Но не одна Москва почтила достойно память покойнаго. Посмертныя почести оказываются И. С. и во множествѣ другихъ городовъ земли Русской.

Чѣмъ заслужилъ ихъ покойный?

Онъ не былъ выдающимся политическимъ дѣятелемъ. Онъ не пріоврѣлъ себѣ славы, подобно Скобелеву, на поляхъ битвы. Онъ не потрясалъ, какъ Достоевскій, читателей художественными образами, хотя и обладалъ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ. Онъ былъ публицистъ и человѣкъ въ лучшемъ и благороднѣйшиемъ значеніи этихъ словъ.

I.

Публицистика занимается государственными и общественными вопросами въ примѣненіи ихъ къ современности. Какой умъ, сколько познаній въ области наукъ историческихъ и поличическихъ требуется для правильнаго пониманія, а тѣмъ болѣе для разрѣшенія этихъ вопросовъ! И этими качествами покойный обладалъ вполнѣ. Глубокій и обширный умъ его всегда схватывалъ сущность дѣла и обнималъ вопросъ во всей его полнотѣ. И. С. не былъ ученымъ спеціалистомъ, но зналъ и понималъ исторію Русскаго народа не хуже многихъ и многихъ спеціалистовъ. Юристомъ онъ былъ по образованію. Если мы прибавимъ къ этому его участіе и въ практическомъ разрѣшеніи нѣкоторыхъ общественныхъ вопросовъ, то намъ вполнѣ будетъ понятно, почему его голосъ былъ всегда авторитетнымъ и вѣско звучалъ въ хорѣ нашихъ, правда, немногочисленныхъ публицистовъ. Но однако ума и званій еще недостаточно для публициста. Его обязанность— не только разъяснять значеніе и указывать правильную постановку того или другаго вопроса, его обязанность и *убѣждать*, находить возможно-большее число приверженцевъ своимъ мнѣніямъ, а для этого необходимъ писательскій талантъ, необходимъ даръ слова. И. литературный талантъ И. С. внѣ всякаго сомнѣнія. Его рѣчь, сильная, всегда воодушевленная и страстная, часто образная, оказывала неотразимое вліяніе на читателя. Ея вліянію подвергались и лица не раздѣлявшія едо убѣжденій. Можно сказать, что какъ публицистъ И. С. едвали имѣлъ равнаго себѣ въ нашей печати, и съ грустью приходится думать, что его мѣсто останется незанятымъ.

II.

Но въ каждомъ публицистѣ выше всего должны, конечно, цѣниться его убѣжденія, взгляды проводимые имъ въ печати и практической дѣятельности.

По убѣжденіямъ своимъ И. С. былъ, прежде всего, однимъ изъ самыхъ послѣдовательныхъ славянофиловъ.

Здѣсь не мѣсто распространяться объ ученіи и значеніи этой школы, считавшей въ своихъ рядахъ даровитѣйшихъ писателей и сослужившей такую добрую службу русскому самосознанію. Мы укажемъ только на основныя положенія этой школы, насколько это нужно будетъ для выясненія взглядовъ и убѣжденій Ивана Сергѣевича.

Главнымъ пунктомъ славянофильскаго ученія было положеніе, что каждый народъ имѣетъ право жить и развиваться по своему, имѣетъ право на свободу политическую и духовную. Въ пору увлеченія жизнью западно-европейскихъ народовъ, ихъ государственными порядками, ихъ политическими, научными, религіозными и экономическими идеалами, въ ту пору, когда стремились во имя этихъ идеаловъ передѣлать и русскую жизнь, не признавая за нею права на самобытное развитіе, высказать и поддержать такое мнѣніе было дѣломъ не совсѣмъ обычнаго мужества. Если это мнѣніе вошло въ сознаніе всякаго мало - мальски образованнаго русскаго человѣка, то этимъ русское общество обязано преимущественно И. С. Аксакову, на долю котораго преимущественно выпало проводить славянофильскія мнѣнія въ разныхъ періодическихъ и другихъ изданіяхъ. Защищая право Русскаго народа на самостоятельное развитіе, славянофилы указывали и главныя основы, на почвѣ которыхъ оно должно идти: самодержавіе, православіе и общинное устройство крестьянскаго быта.

Идеальный государственный порядокъ, до извѣстной степени осуществленный въ Руси Московской, представлялся славянофиламъ и И. С. въ слѣдующемъ видѣ: во главѣ государства находится Самодержавная Власть и рядомъ съ нею Земля, которая живетъ и развивается подъ ея охраною, не вмѣшиваясь въ политическія дѣла. Въ критическіе моменты Власть совѣтуется съ Землею (земскіе сборы). Естественно поэтому, что И. С. недружелюбно относился какъ къ приверженцамъ конституціонныхъ учрежденій западно-европейскихъ народовъ (не говоря уже, ко-

нечно, объ анархистахъ), такъ и къ притязаніямъ бюрократіи на непогрѣшимость въ своей дѣятельности и ея пренебреженію къ мнѣніямъ Земли.

Предоставляя дѣла политическія Власти, Земля, по мнѣнію И. С. и другихъ славянофиловъ, имѣетъ право свободно выражать свои мысли. И, надо правду сказать, едвали кто-нибудь у насъ высказывалъ такъ настойчиво и съ такою силою и убѣдительностію желаніе полной свободы печати, какъ Иванъ Сергѣевичъ, самъ много пострадавшій отъ стѣсненій цензурныхъ.

Безсмертную заслугу И. С. и другихъ славянофиловъ составляетъ ихъ дѣятельность по вопросу объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Приверженцы западно-европейскихъ порядковъ настаивали на *личномъ* только освобожденіи крестьянъ. И въ „Русской Бесѣдѣ“, издававшейся И. С. и въ приложеніи къ ней („Сельское Благоустройство“) проводилась мысль о необходимости, для полнаго освобожденія крестьянъ, дарованія имъ и земельнаго надѣла, мысль одержавшая верхъ, хотя, къ сожалѣнію, и не вполнѣ.

Освободительныя реформы покойнаго Императора находили вообще въ И. С. горячаго защитника. Самое вѣское слово въ защиту новыхъ судовъ отъ нападеній, открывшихся противъ нихъ въ послѣднее время, принадлежало ему.

Указывая на необходимость самостоятельнаго развитія Русскаго народа, И. С. проповѣдывалъ и строго-національную политику по отношенію къ другимъ народностямъ. Онъ думалъ, что Русскій народъ и внутри своего государства, и внѣ его долженъ занимать подобающее ему положеніе. Оттого онъ былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ того исключительнаго положенія, какое занимали и занимаютъ нѣмецкіе бароны въ Остзейскомъ краѣ въ ущербъ остальному, русскому и эсто-латышскому, населенію его. Оттого же онъ возставалъ противъ всякихъ уступокъ въ польскомъ вопросѣ. Съ особенною силою возставалъ онъ противъ польскихъ притязаній на преобладаніе въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ Россіи, противъ ихъ притязаній на Кіевъ.

Не мало пользы принесъ И. С. въ этомъ отношеніи своими статьями въ газетѣ „День“, во время польскихъ волненій начала 60-хъ годовъ.

Дѣломъ національной чести и достоинства считалъ И. С. независимую политику въ отношеніи западно-европейскихъ госу-

дарствъ, особенно Германіи и Австріи. Достаточно припомнить его статьи въ „Руси“ о нашей границѣ съ этими государствами и другія.

Талантливаго и образованнаго публициста съ глубоко-симпатичными убѣжденіями теряетъ въ Иванѣ Сергѣевичѣ Россія. Но это потеря не одной Россіи, а всего Славянскаго міра. И. С., какъ и другіе славянофилы, смотрѣлъ на Россію какъ на естественную представительницу всего великаго Славянскаго племени и какъ на защитницу его интересовъ. Подобно другимъ славянофиламъ онъ вѣрилъ въ великое будущее Славянства. Онъ вѣрилъ также, что на пути къ этому будущему Россія станетъ во главѣ другихъ Славянскихъ народовъ. Но и въ современныхъ судьбахъ ихъ онъ принималъ живѣйшее участіе и лично, и какъ одинъ изъ выдающихся членовъ бывшаго Славянскаго Комитета. Со многими видными славянскими дѣятелями онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Имя И. С. хорошо знакомо Славянамъ, и южнымъ и западнымъ, и нѣтъ сомнѣнія, что вѣсть о его кончинѣ тяжело отзовется въ сердцахъ ихъ.

III.

Но вліянію покойнаго содѣйствовали не одни только его публицистическіе таланты и убѣжденія. Къ И. С. вполнѣ примѣнимы слова Гамлета: „человѣкъ онъ былъ“. Да, среди общественныхъ дѣятелей не легко найти человѣка съ такимъ привлекательнымъ нравственнымъ обликомъ, какимъ является И. С. въ своей дѣятельности.

Горячо отстаивая интересы духовные и матеріальные Русскаго народа, онъ обнаруживалъ въ себѣ глубокаго и искренняго патріота. Онъ, можно сказать, жилъ и страдалъ вмѣстѣ съ Россіей. Лучшимъ проявленіемъ этой черты была его рѣчь о Берлинскомъ конгрессѣ.

Въ то же время онъ былъ и глубоко-религіознымъ человѣкомъ.

Это вообще характерная черта славянофиловъ. Считая православіе одною изъ основъ русскаго національнаго развитія, они много потрудились надъ изложеніемъ и уясненіемъ ученія Православной Церкви. Но религіозные вопросы не были для нихъ только вопросами теоретическими; они имѣли для славянофиловъ и глубокое жизненное значеніе.

Отстаивая свободу слова, И. С. показывалъ въ то же время и примѣръ вполнѣ честнаго отношенія къ нему. Никогда не пользовался онъ печатнымъ словомъ для своихъ личныхъ интересовъ, и убѣжденій его нельзя было купить ничѣмъ. Тяжелыя испытанія также не вынудили у него отреченія отъ завѣтныхъ мыслей. И эта-то черта болѣе всего и привлекала къ нему симпатіи; даже его политическіе противники не могли не оцѣнить ея. Найдутся, можетъ быть, дѣятели талантливые, болѣе вліятельные и популярные, но едвали найдутся люди болѣе И. С. и такъ же какъ онъ безкорыстно и искренно преданные своимъ идеямъ.

И. Бѣлавинъ.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ *).

27-го минувшаго января скончался въ Москвѣ, на 63 году жизни, редакторъ „Руси", И. С. Аксаковъ, глава русскихъ славянофиловъ, честнѣйшій и благороднѣйшій труженикъ на литературной нивѣ, высоко образованный человѣкъ и искренній русскій патріотъ. Кончина этого необыкновенно талантливаго русскаго публициста вызвала глубокую скорбь на всемъ пространствѣ необъятной Россіи, ибо имя Ивана Сергѣевича успѣло глубоко проникнуть въ сознаніе Русскаго народа, снискавъ ему симпатію и уваженіе со стороны всѣхъ слоевъ русскаго общества. Поэтому не удивительно, что прискорбная вѣсть о кончинѣ глубокочтимаго русскаго дѣятеля вызвала у всѣхъ непритворныя чувства сострадания къ вдовѣ покойнаго, которое сказалось въ многочисленныхъ телеграммахъ, присланныхъ г-жѣ Аксаковой со всѣхъ концовъ Россіи и въ повсемѣстномъ служеніи литургій и панихидъ почти въ каждомъ уголкѣ Россіи, гдѣ только бьется русское сердце. Вся русская печать безъ различія направленія посвятила покойному глубоко-прочувствованныя статьи, а многія изъ газетъ въ дни кончины и погребенія вышли въ черной каймѣ. Такова сила вліянія честнаго русскаго дѣятеля и патріота!...

---

*) Изъ № 7 «Варшавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

Передовая статья № 23 „Варшавскаго Дневника".

Кончина Ивана Сергѣевича Аксакова—глубокое горе для всѣхъ любящихъ Россію и дорожащихъ ея честью и славою! Это былъ не только блестящій и идеально-честный публицистъ,—это былъ представитель цѣлой системы понятій, выражаемыхъ словомъ „славянофильство",—это былъ послѣдній могиканъ славянофильства. Сердце, которое могло такъ горячо любить, лопнуло...

Мы высоко чтимъ и славянофиловъ лично,—начиная съ Хомякова и Кирѣевскихъ, какъ людей безусловно честныхъ, неподкупныхъ, правдивыхъ, искреннихъ,—и славянофильство, какъ ученіе и систему. Это ученіе было у насъ какъ реакція противъ появленія первыхъ почекъ того ядовитаго цвѣтка, который былъ вызванъ космополитическимъ революціонизмомъ Герцена и пошедшаго по его слѣдамъ въ послѣдніе годы своей жизни Бѣлинскаго. Статьи „Современника", „Полярной Звѣзды", „Съ Того Берега" и проч. писались въ тонѣ преобладавшемъ въ то время на всемъ Западѣ и производили громадное впечатлѣніе на молодежь конца 40-хъ годовъ. Въ 60-хъ годахъ эта молодежь, воспитанная на Герценѣ и Бѣлинскомъ (послѣдней эпохи), захватила въ свои руки почти всю нашу литературу,—и къ чему она, эта литература, привела русское общество—о томъ достаточно уже написано. И вотъ, одновременно съ разрушительнымъ кличемъ Герцена и Бѣлинскаго (послѣднихъ годовъ) раздается кличъ иного рода, изъ Москвы, изъ среды коренныхъ Россійскихъ дворянъ, изъ среды людей высоко-просвѣщенныхъ и горячо любящихъ Россію. Вы проповѣдуете намъ, говорили они своимъ противникамъ, западныя теоріи, можетъ-быть онѣ и хороши, но—для Французовъ и Нѣмцевъ, а не для насъ. Россія прожила 1000 лѣтъ не даромъ. Она выработала свои собственные идеалы и политическіе, и соціальные; у нея есть свое собственное, хоть и весьма юное еще искусство; у насъ есть свой особый бытъ, свои привычки, свои вѣрованія, свое особое міросозерцаніе; мы должны развиваться изъ самихъ себя, fara da se, съ тѣмъ, чтобъ стать во главѣ Славянскихъ и Православныхъ народовъ и въ центрѣ ихъ, во главѣ ихъ, занять новое, самостоятельное мѣсто въ исторіи міра...

Очень странными показалиль такія рѣчи современникамъ первыхъ славянофиловъ. А когда эти послѣдніе позволили себѣ сказать, что изъ всѣхъ элементовъ Русскаго народа наиболѣе національныхъ чертъ сохранилось въ русскомъ крестьянствѣ и что образованнымъ сословіямъ не мѣшало бы изучить міровоззрѣнія сельскаго люда, то одни подняли славянофиловъ на смѣхъ, а другіе провозгласили ихъ людьми опасными. За ними, какъ извѣстно, былъ учрежденъ полицейскій надзоръ, а одинъ изъ крупныхъ сановниковъ первой половины 50-хъ годовъ, отличавшійся веселостью, замѣтилъ: „Чему же намъ учиться у мужиковъ: носить рубашку съ косымъ воротомъ и выпускать ее сверхъ?"...

Вотъ, въ эту весьма тяжелую для славянофиловъ эпоху, выступилъ покойный Иванъ Сергѣевичъ. Бóльшая часть старыхъ славянофильскихъ бойцовъ уже сходила со сцены или была подъ землею. Иванъ Сергѣевичъ выступилъ, опираясь на руку своего брата Константина, въ сообществѣ Ю. Ѳ. Самарина, и привѣтствуемый уже начавшею образовываться славянофильскою школою. Насмѣшки и преслѣдованія еще продолжались (Иванъ Сергѣевичъ былъ лишаемъ права издательства, кажется, двѣнадцать разъ), но славянофильскія понятія видно прививались ко многимъ и, — слѣдуетъ замѣтить, — лучшимъ представителямъ русскаго общества. Н. А. Милютинъ и князь В. А. Черкаскій были сильно проникнуты славянофильскими понятіями и находились въ близкихъ сношеніяхъ съ вожаками славянофиловъ. Да и не одни они. Если бы національное самосознаніе, которое было написано выше всего на славянофильскомъ знамени, не проникло въ добрую часть русскаго общества начала 60-хъ годовъ, то развѣ могли бы выйти изъ его среды тѣ бойцы-миссіонеры, которые совершили въ Царствѣ Польскомъ реформу 1864 года? Катковъ не славянофилъ въ ортодоксальномъ смыслѣ этого слова, но если бъ онъ не былъ проникнутъ тѣмъ чувствомъ національности, которое проповѣдывали славянофилы, развѣ могла бы найтись у него та чудесная мощь, которая при началѣ польскихъ волненій совершила полный переворотъ въ общественномъ мнѣніи Россіи, сбросила Герцена съ его пьедестала и наступила ногою на горло революціонному нигилизму?

Славянофильство, стали говорить въ послѣднее время, идея отжившая; она совершила свое дѣло и содержаніе ея исчерпано.

Это совершенно справедливо; въ виду именно этого мы назвали Ивана Сергѣевича послѣднимъ могиканомъ славянофильства. Но не долгая исторія этого ученія доказываетъ, что появленіе его въ половинѣ 40-хъ годовъ было спасительно, и что дѣятельность его была въ высшей степени полезна, а что содержаніе его исчерпано, то куда же оно дѣвалось? Оно проникло въ русское общество,—и это лучшая ему похвала. Совершенно тоже иные libres penseur'ы говорятъ о христіанствѣ: христіанство-де совершило свое дѣло и пора его похѣрить! Да, оно совершило такое дѣло, что вы, невѣрующіе въ Бога и законъ Имъ данный, исполняете, однако, этотъ законъ, не нападаете въ лѣсу на людей съ ножомъ, какъ дѣлали ваши предки до познанія истиннаго Бога, и вообще по вашему быту, по вашимъ поступкамъ васъ не отличить отъ христіанъ.

Вотъ что́ мы считали нужнымъ сказать о содержаніи публицистической дѣятельности покойнаго И. С. Аксакова. О силѣ, блескѣ, смѣлости, правдивости и искренности выдающагося его таланта говорить нечего: это извѣстно всякому грамотному Русскому, да и всякому интересующемуся литературой иностранцу. Но вотъ что́ мы считаемъ нужнымъ прибавить. Званіе писателя и публициста,—какъ ни грустно въ этомъ признаться,—давно утратило то обаяніе, которое оно имѣло въ началѣ нынѣшняго вѣка. И это не только у насъ; у насъ это прискорбное явленіе можетъ-быть еще менѣе замѣтно, чѣмъ въ другихъ странахъ. Покойный Аксаковъ составлялъ въ этомъ отношеніи одно изъ самыхъ блистательныхъ исключеній: это была одна изъ самыхъ благороднѣйшихъ личностей, это былъ человѣкъ, котораго нельзя было не уважать, и нравственная красота его произвела въ концѣ концовъ свое благотворное дѣйствіе; власти убѣдились наконецъ, что даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда Аксаковъ горячо и рѣзко нападалъ на ту или другую правительственную мѣру, онъ все-таки былъ проникнутъ желаніемъ блага и правительству, т. е. Царю, и Россіи; онѣ естественно стали относиться къ нему снисходительнѣе; а оказанное ему снисхожденіе неизбѣжно вліяло въ освободительномъ смыслѣ и на прочихъ публицистовъ. Такимъ образомъ покойный Аксаковъ оказалъ большую услугу дѣлу свободы русской прессы.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ *).

И безъ того невелика литературная семья, но она становится все меньше и меньше; смерть безпощадно уноситъ лучшихъ, честнѣйшихъ и благороднѣйшихъ по своимъ убѣжденіямъ и стремленіямъ „оратаевъ слова живаго". Давно ли Россія потеряла Тургенева, а теперь она хоронитъ Аксакова... Невыразимо тяжело становится на сердцѣ, когда вспомнишь сколько мощныхъ, честныхъ и талантливыхъ литературныхъ силъ лишились мы въ послѣднее десятилѣтіе...

Рѣка временъ въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей,

сказалъ Державинъ, но мы свято убѣждены, что дѣла И. С. Аксакова никогда не потонутъ въ „омутѣ забвенья"—этой безпощадной, всепоглощающей рѣки!...

Миръ праху твоему честный, благородный дѣятель!... Вѣчная, вѣчная ему память!...

Нилъ А—гъ.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. **)

Извѣстіе о внезапной кончинѣ И. С. Аксакова, „пламеннаго борца за русскую честь", какъ было написано на одной изъ лентъ при многочисленныхъ вѣнкахъ, присланныхъ отовсюду къ его гробу,—и прибавимъ—за русскую пользу и правду, поразило всю Россію. Газеты и очевидцы похоронъ расказываютъ массу фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ глубоко смерть Аксакова отозвалась въ душѣ Русскаго народа. Вся русская журналистика, безъ различія партій и направленій, признала важность этой великой

*) Изъ № 6 «Екатеринбургской Недѣли».

**) Изъ «Русскаго Филологическаго Вѣстника», выходящаго въ Варшавѣ.

утраты, понесенной русской жизнью. Масса телеграммъ, писемъ, заявленій, полученныхъ супругой покойнаго со всѣхъ концовъ Русской земли и изо всѣхъ славянскихъ предѣловъ внѣ Россіи, можетъ служить доказательствомъ того великаго значенія, которое имѣлъ покойный И. С. Аксаковъ, какъ общественный дѣятель.

Государю Императору было угодно въ телеграммѣ, которую имѣла счастіе получить вдова покойнаго русскаго писателя, назвать Аксакова „честнымъ человѣкомъ, преданнымъ русскимъ интересамъ". Глубоко справедливыя и многосодержательныя слова! Аксаковъ былъ поистинѣ русскій человѣкъ по своей широкой натурѣ: онъ чувствовалъ радость и скорбь Россіи, чувствовалъ во всѣ минуты прожитой имъ жизни такъ, какъ могутъ чувствовать лишь люди громаднаго духа и необычайно любящаго сердца. Онъ чувствовалъ всѣ бѣды и радости Славянскаго міра, онъ глубоко сознавалъ, что Славяне какой бы отрасли, какого бы вѣроисповѣданія, какого бы воспитанія они ни были, братья Русскаго народа, и твердя Славянамъ о ихъ обязанности чтить истинно народное у себя дома, онъ напоминалъ Россіи о ея обязанностяхъ и пользахъ, какъ Славянской державы. Онъ радовался великою радостью при видѣ всякаго успѣха Россіи. Развитіе русской литературы, русскаго просвѣщенія, русской науки, русскаго слова, распространеніе ихъ и ихъ воздѣйствіе на Славянъ— доставляли ему истинную, искреннюю радость. Но онъ и горевалъ великимъ горемъ при видѣ того антинароднаго или—лучше сказать—космополитическаго духа, который одно время обуялъ и русскую печать, и русскую науку, и русское общество. Онъ имѣлъ утѣшеніе однако видѣть въ послѣдніе годы ростъ русской мысли, какъ будто бы освобождавшейся отъ плѣна и болѣзни...

Въ западно-славянскомъ мірѣ распространено мнѣніе, что Аксаковъ былъ нетерпимый человѣкъ въ религіозномъ отношеніи, что онъ, строго православный, отрицалъ всякое иное вѣроисповѣданіе. Да, И. С. Аксаковъ былъ глубоко вѣрующій и строго православный русскій человѣкъ, но именно потому никогда не былъ нетерпимъ, и едва ли можно поставить ему какой-нибудь упрекъ въ этомъ отношеніи, если вглядѣться хоть немного въ его жизнь и дѣятельность. Онъ, конечно, былъ убѣжденъ, что католичество среди Славянъ есть уклоненіе отъ истинныхъ началъ славянской жизни, онъ твердо зналъ, что возвращеніе Славянъ,

увлеченныхъ Западомъ и Римомъ, къ исповѣданію, данному имъ Св. Славянскими первоучителями Кирилломъ и Меѳодіемъ, было бы для нихъ спасеніемъ среди бѣдъ, ихъ постигшихъ и постигающихъ,—и какъ прямой русскій человѣкъ, говорилъ имъ смѣло эту великую правду. Не его вина, что его прямая, ничѣмъ не прикрытая правда могла казаться признакомъ нетерпимости людямъ, привыкшимъ къ хитросплетеніямъ рѣчи.

Пройдетъ немного лѣтъ, и нравственный обликъ И. С. Аксакова освѣтится такимъ ореоломъ, получитъ въ исторіи русскаго просвѣщенія такое значеніе, ему подобающее, что примѣръ дѣятельности и жизненнаго подвига Аксакова станетъ воспитывать русскихъ людей, послужитъ образцомъ, подниметъ духъ будущаго русскаго дѣятеля въ трудные дни русской жизни. Покойный И. С. Аксаковъ любилъ называть свою физическую природу богатырскою. Мы можемъ вполнѣ убѣжденно сказать, что и душа его была богатырская, что широкій богатырскій умъ его гармонично соединялся съ безконечною добротою его широкаго, любящаго по богатырски сердца.

Русское слово потеряло въ лицѣ И. С. Аксакова одного изъ величайшихъ своихъ дѣятелей. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ сверстниковъ и дѣятелей времени Аксакова умѣлъ такъ гармонично сочетать важность и торжественность историческаго начала въ русскомъ слогѣ съ живостью, разнообразіемъ и силою живаго русскаго слова? Кто умѣлъ такъ чисто, стройно, такъ возвышенно и сильно, такъ *исторически* писать, какъ писалъ Аксаковъ въ „Днѣ", „Москвѣ", „Руси"? Читая его статью, о какомъ бы предметѣ ни трактовалъ покойный И. С., вы чувствуете, что писалъ ее человѣкъ, глубоко сознающій тысячелѣтнюю исторію русскаго языка, точно пережившій ее. Послѣ Карамзина нельзя указать русскаго писателя, слогъ и языкъ котораго носилъ бы слѣды такого явнаго, глубоко проникшаго всю душу сознанія почти тысячелѣтія русской литературной рѣчи.

Обыкновенно считаютъ покойнаго И. С. Аксакова—только дѣятелемъ и публицистомъ. Но думающіе такъ забываютъ, что покойный былъ и художникомъ русскаго слова. Анна Ѳедоровна Аксакова приготовила къ печати сборникъ его стихотвореній, изъ которыхъ многія вошли уже въ христоматіи для школъ и служатъ образцами русскаго стиха. Готовится къ печати и собраніе его главнѣйшихъ статей, помѣщенныхъ покойнымъ въ его изданіяхъ.

Этотъ сборникъ будетъ служить не только монументальнымъ памятникомъ его дѣятельности, не только поученіемъ для политическаго дѣятеля и публициста, но и дастъ образцы по истинѣ художественной, исторической и живой прозы. Глубокій знатокъ русской рѣчи во всемъ ея разнообразіи и просторѣ, И. С. Аксаковъ показалъ, какъ можно пользоваться богатствами живаго русскаго слова для исторически сложившейся русской книжной рѣчи.

Мы не намѣрены въ этомъ краткомъ некрологѣ подробно опредѣлить мѣсто, занимаемое И. С. Аксаковымъ въ русской литературѣ, и дать оцѣнку той философской и литературной школы, представителемъ которой былъ покойный. Славянофильство и школа славянофиловъ вызываютъ уже изслѣдованія. Сынъ извѣстнаго писателя С. Т. Аксакова, братъ К. С. Аксакова, другъ и ученикъ А. С. Хомякова, другъ Ю. Ѳ. Самарина, покойный Иванъ Сергѣевичъ былъ доблестнымъ выразителемъ и проповѣдникомъ-публицистомъ идеаловъ славянофильскихъ ученій. И эти идеи славянофильства не умерли вмѣстѣ съ нимъ: онѣ сдѣлались народнымъ достояніемъ, онѣ въ извѣстной степени стали общими для русской литературы, поскольку она служитъ выраженіемъ настроенія, мнѣній, идей, господствующихъ въ русскомъ обществѣ, и безпочвенность литературныхъ типовъ и идеаловъ, отчасти проистекшая отъ болѣзненнаго направленія, пережитаго русскою мыслью, отчасти навязанная извнѣ, теряетъ всякій смыслъ, и русская литература все болѣе и болѣе становится и по духу народною. Русская наука, которой современники и враги славянофиловъ и Аксакова не признавали, получаетъ болѣе и болѣе національную окраску, и быть-можетъ недалеко то время, когда научное произведеніе, написанное на русскомъ языкѣ, проникнутое свойствами русскаго испытующаго духа, займетъ почетное подобающее ему мѣсто въ ряду научныхъ произведеній европейской науки.

Славянофилъ Аксаковъ глубоко вѣрилъ въ русскій талантъ и русскія дарованія, и никто больше его не скорбѣлъ, что эти дарованія, становясь на службу западно-европейскимъ новѣйшимъ доктринамъ, размѣнивались на мелочь и отчуждались отъ истинныхъ потребностей русской жизни.

Семья Аксаковыхъ тѣсно связана съ исторіей русской новѣйшей литературы. Связи Гоголя съ Аксаковыми отразились и

на Иванѣ Сергѣевичѣ, глубокомъ знатокѣ и поклонникѣ знаменитаго русскаго писателя-реалиста.

Когда умеръ Достоевскій, вотъ что̀ писалъ Аксаковъ въ „Руси“ (№ 13, 1881, 7 февр.): „Достоевскій принадлежитъ весь будущему. Кумиры настоящаго времени, учители отрицанія забудутся или займутъ приличное себѣ мѣсто въ историческихъ архивахъ, а наслѣдіе, оставленное Достоевскимъ, еще ожидаетъ достойныхъ наслѣдниковъ въ грядущихъ поколѣніяхъ. Онъ любилъ, онъ вѣрилъ въ русскую молодежь“... Съ небольшими измѣненіями можно приложить эти слова и къ И. С. Аксакову. Разница лишь въ томъ, что Аксаковъ-публицистъ, принадлежа настоящему, умѣлъ начертить Русскому народу идеалы его будущей политической жизни, Аксаковъ—художникъ слова, какъ бы оно ни казалось „пахнущимъ на ладонъ и елей“ инымъ изъ неразумныхъ поклонниковъ Запада,—ждетъ оцѣнки и всегда будетъ поучать молодыя русскія поколѣнія.

Въ одной изъ своихъ статей въ „Днѣ“ (№ 42, отъ 19 октября 1863 г.) покойный И. С. Аксаковъ писалъ: „Любовь къ Россіи, любовь къ своему народу—призываютъ насъ къ дѣлу, требуютъ отъ насъ не мужества воина, не энергіи разрушенія, не стойкости, презирающей смерть,—а мужества гражданина и упорнаго дѣятельнаго труда, творящаго и зиждущаго“. И всю жизнь онъ велъ эту борьбу „дѣятельнаго труда, творящаго и зиждущаго“ на пользу Россіи, на пользу Славянства...

П. Кулаковскій.

Варшава, 20 марта, 1886 г.

Иванъ Аксаковъ *)

Если не одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ, то безспорно одинъ изъ наиболѣе оригинальныхъ людей въ Москвѣ сошелъ въ могилу. Иванъ Аксаковъ, видимый глава славянофиловъ этой старой сто-

*) Изъ № 8 варшавской польской газеты «Еженедѣльное Обозрѣніе» («Przegląd Tygodniowy»).

лицы русской, умеръ 27 января стараго стиля. Кончина наступила неожиданно; покойный, правда, довольно давно уже былъ боленъ и прошлую зиму провелъ въ Крыму, но ничто однакоже не предвѣщало столь близкаго конца; наканунѣ смерти онъ ѣздилъ совѣтоваться съ докторомъ и скончался въ полной памяти за работой надъ послѣднимъ нумеромъ „Руси“, которую издавалъ въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ. Неожиданная эта смерть произвела глубокое впечатлѣніе на высшіе классы русскаго общества; воздѣйствіе Аксакова не простиралось, конечно, на сферы государственныя; но какъ вождь приверженцевъ славянофильской партіи, какъ предсѣдатель бывшаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета, организаторъ добровольцевъ въ Сербскую войну и типъ русскаго пропагатора идеи панславянской, наконецъ какъ редакторъ „Руси“, изданія съ независимыми и свободными убѣжденіями — онъ былъ личностью, которую знала Россія, знали народы Славянскіе и даже вся политическая Европа.

Аксаковъ родился и былъ воспитанъ въ семьѣ, съ давняго времени занимавшейся литературой, искусствомъ и политикой. Отецъ его, Сергѣй, былъ писатель, о которомъ сохраняется благодарная память въ исторіи литературы. Воспитанный на великихъ гуманистахъ XVIII вѣка, онъ былъ типъ тѣхъ людей, которыхъ такъ симпатично характеризовалъ Тургеневъ въ „Отцахъ и Дѣтяхъ“. Занимался хозяйствомъ и охотой, а въ промежуткахъ переводилъ Буало и французскихъ трагиковъ; переселившись въ городъ, былъ цензоромъ, а потомъ издавалъ очень свободный по убѣжденіямъ, но подчинявшійся французскому классицизму журналъ. Кончилъ однако же чисто-народнымъ направленіемъ, ибо только „Семейная Хроника“ прославила его какъ русскаго писателя. Въ такой семьѣ Иванъ съ раннихъ лѣтъ могъ заняться вопросами литературными, тѣмъ болѣе что старшій братъ его, Константинъ, принадлежалъ къ разряду ученыхъ съ выдающимся талантомъ и выработанными убѣжденіями *)...

Судъ объ Аксаковѣ и его трудахъ — дѣло не легкое. Собственно онъ не былъ славянофиломъ ни стараго, ни новаго покроя, и тѣ органы, которые считаютъ его дѣятелемъ чисто-народной

---

*) Слѣдуетъ часть біографическая, которую для краткости опускаемъ.
Ред.

русской идеи, наиболѣе правы. Его славизмъ былъ чисто-русскій, религію господствующую въ Россіи, eo ipso русскій языкъ и политическую идею онъ считалъ за интегральные признаки Славянства и безъ этихъ признаковъ Славянства не понималъ. Искренность, съ которою онъ выразилъ это въ извѣстномъ письмѣ къ Ригру, много содѣйствовала депопуляризаціи защищаемаго имъ тезиса. Многіе, даже Русскіе, обвиняли его за это, но, по нашему мнѣнію, Аксаковъ доказалъ этимъ лишь правоту своего характера. Мы должны однако прибавить, что такъ понимаемое Славянство съ Аксаковымъ, кажется, сходитъ въ могилу: отъ нынѣшнихъ эпигоновъ славянофильства трудно добиться въ чемъ собственно состоитъ ихъ Credo...

Что касается нашей народности, то Аксаковъ, какъ кажется, былъ рѣшительнымъ ея противниковъ, — это простая логика его посылокъ. Однако же, до извѣстной степени онъ признавалъ сбыточнымъ возрожденіе Поляковъ, хотя и не высказывалъ, какимъ путемъ это должно наступить. Особенно въ послѣднія времена, въ дѣлѣ прусскихъ высылокъ, Аксаковъ, кажется подъ воздѣйствіемъ младшей генераціи славянофиловъ, занялъ болѣе послѣдовательное положеніе. „Русь" не пресмыкалась, какъ другіе органы, предъ могуществомъ Бисмарка и умѣла подвергнуть критикѣ его дѣятельность съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, чтò для трезво мыслящихъ Поляковъ и наиболѣе желательно. Кто займетъ принадлежавшее Аксакову мѣсто, найдутся ли эпигоны его мысли— предрѣшать не наше дѣло. Мы хотѣли лишь указать на убѣжденность и искренность, съ которыми этотъ мечтатель и политическій поэтъ русскій — народникъ въ глубинѣ души — исполнялъ свою миссію въ Славянствѣ.

Латышскія газеты о кончинѣ И. С. Аксакова.

I.

Латышская газета „Rota" (Краса) помѣстила въ своемъ 10 № отъ 11 марта изображеніе Ивана Сергѣевича и посвятила его памяти статью подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ.

Въ этой статьѣ, послѣ короткаго жизнеописанія покойнаго и перечня его литературныхъ произведеній, газета говоритъ: „Смерть

славнаго писателя была сильнымъ ударомъ для всей Россіи. Какъ въ столицахъ, такъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ обширнаго русскаго отечества были по покойномъ отслужены панихиды. Отовсюду вдова Ивана Сергѣевича получила соболѣзнующія телеграммы. Мало того: даже нашъ Государь Императоръ удостоилъ ее телеграммой въ знакъ уваженія къ памяти великаго патріота.

„Во вниманіе къ великому значенію дѣятельности И. С. Аксакова вообще и къ его теплому заступничеству за Латышей въ особенности, представители латышской печати послали глубокоогорченной вдовѣ покойнаго телеграмму слѣдующаго содержанія: (Слѣдуетъ телеграмма, напечатанная въ „Руси", № 32).

„31 января былъ день похоронъ Ивана Сергѣевича. Похороны представляли небывалое зрѣлище: людей принимающихъ сердечное участіе въ этомъ скорбномъ торжествѣ было столько, сколько собралось развѣ только на похороны славнаго генерала Скобелева.

„Если бъ покойный зналъ, что онъ пользуется такимъ почетомъ, то у него явились бы новыя силы", сказала, какъ утверждаютъ, вдова покойнаго.

„И. С. Аксаковъ написалъ много. Самыя лучшія произведенія, помѣщенныя въ его періодическихъ изданіяхъ, писаны имъ самимъ. Онъ работалъ неутомимо, видя въ патріотическомъ трудѣ свой долгъ, задачу своей жизни. Обращалось ли его слово къ друзьямъ или къ противникамъ—всегда и во всемъ оно являло неподкупную честность и глубокій патріотизмъ. Вотъ почему его слову внимали съ глубокимъ уваженіемъ. Онъ былъ писатель, который строго держался своихъ убѣжденій и который умѣлъ согрѣвать сердца и убѣждать умы. Основой его мыслей и стремленій были: правдивость, любовь, вѣра и непреклонное исканіе добра".

Статья названной латышской газеты заканчивается выдержкою изъ рѣчи профессора Бестужева-Рюмина, къ которой „Rota" отъ себя прибавляетъ слѣдующія слова: „Не забудемъ этихъ словъ. И. С. Аксаковъ былъ горячимъ защитникомъ и нашихъ интересовъ. Миръ праху его!"

II.

Тотчасъ по полученіи телеграфнаго извѣстія о кончинѣ Ивана Сергѣевича, латышская газета „Baltijas Wehstnesis", отъ 29 ян-

варя, напечатала слѣдующее: „Русскій народъ понесъ весьма чувствительную потерю: одинъ изъ его самыхъ славныхъ патріотовъ и политическихъ писателей, редакторъ „Руси", Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, скончался отъ разрыва сердца. Уже въ прошломъ году было сообщено о его болѣзни, которая заставила его предпринять путешествіе въ Крымъ, такъ что газета „Русь" пріостановилась на нѣкоторое время. Нѣсколько времени спустя насъ обрадовала вѣсть, что онъ будто выздоровѣлъ. Онъ воротился въ Москву и продолжалъ издавать свою газету. Но видно, что полнаго исцѣленія не было достигнуто: старый недугъ сломилъ знаменитаго писателя. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ принадлежалъ къ такъ-называемымъ славянофиламъ, которые стремятся освободить Русскій народъ отъ иноплеменнаго и чужеземнаго умственнаго и духовнаго ига и руководства; онъ принадлежалъ къ славянофиламъ, которые держатся того мнѣнія, что всестороннее развитіе Русскаго народа должно быть самостоятельнымъ, должно быть *народнымъ*, и что не слѣдуетъ искажать свою природу изъ слабохарактерной страсти къ подражанію чужимъ. Иванъ Сергѣевичъ твердо стоялъ за подъемъ простаго русскаго человѣка и за *самоуправленіе* въ разныхъ областяхъ Россіи. Поэтому ему часто приходилось писать противъ бюрократіи, противъ лицъ высокостоящихъ, и этимъ дѣлать себѣ не мало враговъ. Но онъ не далъ себя своротить со своего пути. Во внѣшнихъ дѣлахъ онъ постоянно отстаивалъ *національную* политику и былъ рѣшительнымъ противникомъ союза Россіи съ Германіею и Австріею. Къ тому же онъ неуклонно защищалъ интересы разныхъ небольшихъ Славянскихъ племенъ, а также и интересы Латышскаго народа. Смерть И. С. Аксакова произведетъ въ русской политической литературѣ большой, невосполнимый пробѣлъ. Замѣчательная газета „Русь" по всей вѣроятности прекратиться вмѣстѣ со своимъ творцомъ—редакторомъ-издателемъ".

III.

НЕКРОЛОГЪ И ВОСПОМИНАНІЯ.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. *)

Некрологъ.

Января 27-го, въ 7 часовъ вечера, скончался въ Москвѣ И. С. Аксаковъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей настоящаго столѣтія. Смерть подкралась къ нему почти незамѣтно и застигла его на томъ же боевомъ посту, на которомъ создалось его громкое имя и завидная слава.

Самъ И. С. не собирался такъ скоро покончить земные счеты, хотя и не забывалъ о бремени лѣтъ, надъ нимъ тяготѣвшихъ и подтачивавшихъ его крѣпкое здоровье. Но не въ его правилахъ было слагать оружіе, пока оставались силы для работы, т. е. для борьбы, потому что работа была для него борьбой—неустанной, кипучей, полной одушевленія и отваги, а эта борьба—работой, призваніемъ жизни, нравственнымъ долгомъ передъ родиной. Подкрѣпившись кратковременнымъ отдыхомъ въ Крыму, втеченіе весны и лѣта прошлаго года, И. С. по возвращеніи въ Москву съ обычною бодростью принялся за свое дѣло. Всѣмъ еще па-

---

*) Изъ № 3 «Историческаго Вѣстника».

мятны его блестящія статьи о событіяхъ въ Славянскомъ мірѣ, его филиппики противъ нашихъ дипломатовъ, его исполненное достоинства объясненіе съ цензурнымъ вѣдомствомъ... Все это было недавно, и все это было живымъ свидѣтельствомъ, что И. С. остается тотъ же, какимъ былъ до болѣзни—съ своимъ неувядающимъ талантомъ, съ своею пламенною рѣчью, съ своимъ даромъ страшно увлекаться и увлекать.

Есть извѣстіе, что съ весны нынѣшняго года И. С. намѣревался поставить свое изданіе иначе, чтобы обезпечить себѣ большій досугъ для приведенія въ порядокъ своего обширнаго семейнаго архива (почти за 75 лѣтъ) и для изложенія своихъ воспоминаній. Въ письмѣ къ одному изъ старыхъ друзей, харьковскому профессору Безсонову, незадолго до смерти, И. С., сообщая объ этихъ планахъ своихъ, прибавилъ: „если не будетъ войны"—до такой степени была ему чужда мысль, что вотъ онъ можетъ преспокойно снять съ себя боевые доспѣхи и отдаться дѣлу, хотя и не чисто личному, даже очень нужному, но въ сторонѣ отъ текущихъ злобъ дня.

Судьба рѣшила иначе. Не прошло и полугода послѣ крымскаго отдыха, какъ недуги Аксакова возобновились. Надломленное здоровье настоятельно требовало устраненія отъ срочной утомительной работы, требовало душевнаго покоя, а тутъ какъ разъ подоспѣли событія, глубоко взволновавшія весь Славянскій міръ. И. С. не могъ въ такую минуту оставаться спокойнымъ зрителемъ, тѣмъ болѣе не могъ оставить дѣла, которое лежало на немъ одномъ. И этотъ яркій свѣточъ русской мысли догорѣлъ и погасъ почти внезапно, къ великой скорби всѣхъ мыслящихъ патріотовъ Русской и другихъ Славянскихъ земель...

И. С. Аксаковъ, второй сынъ извѣстнаго писателя Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова, родился въ селѣ Надежинѣ, Куроѣдовѣ тожь, Белебеевскаго уѣзда Уфимской губ., 26-го сентября 1823 г. Черезъ три года послѣ того, семья Аксаковыхъ перебралась въ Москву, гдѣ Сергѣй Тимоѳеевичъ нѣкоторое время служилъ сперва въ должности цензора, а потомъ—инспектора Межеваго училища, преобразованнаго при его ближайшемъ содѣйствіи въ Константиновскій межевой институтъ. Какъ въ эти, такъ и въ послѣдующіе годы, семья Аксаковыхъ жила по преимуществу

интересами литературы и искусства. Переводчикъ Мольера, знатокъ и любитель театра, отецъ Ивана Сергѣевича былъ въ тѣсной дружбѣ съ корифеями тогдашней московской сцены, начиная Щепкинымъ. Въ то же время сотрудничество въ тогдашнихъ московскихъ изданіяхъ („Московскій Вѣстникъ“ Погодина, „Атеней“—Павлова, „Галатея“—Раича, „Молва“—Надеждина и „Труды Общества любителей россійской словесности“) сблизило его со многими выдающимися писателями. Гоголь питалъ къ семьѣ Аксаковыхъ, можно сказать, родственныя чувства и былъ не рѣдгимъ гостемъ Сергѣя Тимоѳеевича. При чисто-русскомъ благодушіи и хлѣбосольствѣ просвѣщеннаго хозяина, домъ Аксаковыхъ сталъ въ Москвѣ оживленнымъ центромъ образованности, ума, даровитости и изящнаго вкуса.

Таковы были особенности этой русской семьи, въ атмосферѣ которой слагались первыя мысли и первыя сознательныя стремленія дѣтей Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова. Съ другой стороны, въ семьѣ Аксаковыхъ крѣпко держались патріотическія преданія Суворовскаго времени (мать И. С., Ольга Семеновна, была дочь Суворовскаго генерала Заплатина) и воспоминанія Двѣнадцатаго года. Эти счастливыя условія первоначальнаго воспитанія, безъ сомнѣнія, играли важную роль въ послѣдующемъ направленіи дѣятельности Ивана Сергѣевича, какъ и его старшаго брата Константина. Богато одаренный природою, отъ младыхъ лѣтъ вращаясь среди писателей, артистовъ и художниковъ, съ молокомъ матери всосавши возвышенныя патріотическія чувства, И. С. очень рано угадалъ свое призваніе. Уже на 21 году своей жизни, онъ, какъ бы провидя будущее, въ энергическихъ строфахъ высказалъ (стихотвореніе „Колумбъ“, 1-го ноября 1844 г.):

Пойду впередъ съ своимъ стремленьемъ,
Исторгну помыслъ изъ глуши,
Съ неколебимымъ убѣжденьемъ,
Залогомъ искреннимъ души!
И вѣрю я: наступитъ время,—
Хоть громъ греми и вѣтеръ вѣй,—
Но долетитъ святое сѣмя
До почвы избранной своей!..
Я не страшусь суда людскаго,
Я двину смѣло мысль впередъ,

И далеко отгрянетъ слово
И слухъ внимательный найдетъ!
Крикъ близорукаго участья
Меня не тронетъ, не смутитъ...
Я равнодушно жду несчастья,
Мнѣ тайный голосъ говоритъ:
Терпи, Колумбъ, терпи и вѣдай:
На зло сомнѣнью и врагамъ,
Ты увѣнчаешься побѣдой...
Но быть грозѣ, гремѣть бѣдамъ!

Образованіе Иванъ Сергѣевичъ получилъ въ Училищѣ правовѣдѣнія, которое тогда только-что было учреждено. Первоначальныя цѣли этого училища и идеи, смутно бродившія въ его преподавателяхъ и воспитателяхъ,—идеи суда справедливаго, неподкупнаго, о чемъ тогда можно было только мечтать,—тоже не остались безъ вліянія на впечатлительную душу И. С. По окончаніи курса въ Училищѣ, онъ поступилъ на службу (въ 1842 г.) въ одинъ изъ московскихъ департатентовъ Сената. Эта судебная служба была своего рода чистилищемъ для будущаго писателя: здѣсь онъ впервые лицомъ къ лицу встрѣтился съ неказистою дѣйствительностью тогдашней Руси, и уже никогда не могъ излѣчиться отъ первыхъ впечатлѣній дореформеннаго суда. Въ послѣдній годъ своей жизни, какъ и при началѣ писательской карьеры, И. С. не могъ безъ содроганія вспоминатъ видѣнное на судебной службѣ и не могъ безъ негодованія слушать или читать хвалебные диѳирамбы судебнымъ порядкамъ по образу и подобію суда дореформеннаго, предлагаемымъ въ отмѣну и замѣну суда новаго.

Изъ Сената, въ сентябрѣ 1848 года, И. С. перешелъ въ Министерство внутреннихъ дѣлъ и былъ командированъ въ Бессарабію по нѣкоторымъ раскольничьимъ дѣламъ, причемъ имѣлъ случай основательно ознакомиться какъ съ положеніемъ раскольниковъ, со складомъ ихъ отношеній между собой и ко внѣшнему міру, такъ и съ общимъ смысломъ раскола въ русской жизни. Вскорѣ затѣмъ, И. С. былъ командированъ въ Ярославскую губернію для ревизіи городскаго управленія, для обсужденія на мѣстѣ вопроса объ единовѣріи, введенію котораго противился

Ярославскій архіепископъ, а также для изученія, въ составѣ особой коммиссіи, секты бѣгуновъ или странниковъ. Эта командировка дала Аксакову случай близко ознакомиться съ условіями народной жизни въ Великороссіи. Едва ли не впервые И. С. съ поразительною ясностью увидалъ тогда жизненную антитезу, раскрытіе которой составляло потомъ одну изъ главнѣйшихъ заботъ и вмѣстѣ важнѣйшую заслугу его публицистической дѣятельности. Эта антитеза: самобытное и самородное, или земское, въ русской жизни, и казенное, или „казенщина", какъ онъ выражался. Вотъ любопытный фактъ, съ которымъ, встрѣтился И. С. при ревизіи городскихъ управленій Ярославской губерніи и который онъ любилъ вспоминать какъ въ своихъ статьяхъ, такъ и въ устныхъ бесѣдахъ: по полученіи въ городѣ Мологѣ, Ярославской губерніи, Екатерининской жалованной грамоты городамъ и по торжественномъ, какъ слѣдуетъ, открытіи Городской Думы съ городскимъ головой и гласными, жители постановили секретный общественный приговоръ такого содержанія: такъ какъ вновь учреждаемая Дума имѣетъ распоряжаться лишь доходами, указанными въ законѣ, расходовать на предметы, также указанные, вообще дѣйствовать на точномъ основаніи закона, подъ контролемъ начальства, то рядомъ и одновременно съ нею имѣть негласно прежнее общественное управленіе подъ завѣдываніемъ того же городскаго головы и тѣхъ же гласныхъ, и въ распоряженіе этого негласнаго управленія предоставить небольшой капиталъ, нарочно для сего и составленный по общей раскладкѣ. Такимъ образомъ съ 1786 по 1847 г., втеченіе 61 года, существовало два городскихъ самоуправленія: одно оффиціальное, казенное, съ 4 тысячами руб. дохода; другое тайное, но въ сущности настоящее, достигшее 20 тысячъ руб. дохода; по одному велись смѣты, отчеты представлялись Губернскому Правленію и Казенной Палатѣ, по другому велись особыя книги, въ которыхъ отчетъ отдавался самому обществу. Городъ процвѣталъ, къ удивленію всѣхъ губернаторовъ, пока, наконецъ, начальство не узнало случайно причины процвѣтанія. Узнавъ, оно предало голову суду, прекратило неказенное самоуправленіе и отдало капиталы казенному. „Городъ пришелъ въ упадокъ, и довольно скоро",— прибавлялъ обыкновенно И. С. вмѣсто всякихъ выводовъ...

Изученіе секты бѣгуновъ дало матеріалъ для солиднаго труда „О бѣгунахъ". Въ печати появилась только заключительная глава

этого сочиненія, замѣчательнаго въ особенности характеристикой причинъ, вслѣдствіе которыхъ возникла секта.

Въ 1852 году, И. С. вышелъ въ отставку и возвратился въ Москву, къ отцу и брату, которые около того времени усердно занимались литературой *). Литературная дѣятельность И. С. началась, какъ упомянуто, значительно раньше, а именно его первое напечатанное стихотвореніе („Колумбъ") появилось въ № 1 „Москвитянина" за 1845 г. Кромѣ другихъ стихотвореній, къ этому же времени относится и поэма „Бродяга", по поводу которой автору, ранѣе появленія ея въ печати, именно въ 1849 году, пришлось держать отвѣтъ передъ III Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, на письменно предложенный вопросъ: „почему онъ, Аксаковъ, безпаспортнаго человѣка выбралъ себѣ въ герои"... Эти непріятности въ связи съ литературными занятіями (напримѣръ, въ 1848 г. И. С. неизвѣстно за что былъ арестованъ на нѣкоторое время), вѣроятно, ускорили рѣшимость его оставить службу, такъ какъ выбора между службой и литературой для него не представлялось по существу его стремленій и убѣжденій.

Въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ, именно около времени возвращенія И. С. къ отцу, въ Москвѣ сплотился литературный кружокъ такъ-называемой славянофильской окраски. Кружокъ имѣлъ въ виду пропагандировать свои идеи путемъ печатнаго слова. Первымъ опытомъ изданій кружка былъ „Московскій Сборникъ", предпринятый въ 1852 году. И. С. былъ редакторомъ I тома, гдѣ, между прочимъ, появилась въ отрывкахъ и упомянутая поэма „Бродяга", но на томъ и остановилось предпріятіе кружка, впрочемъ, для „Сборника", а не для И. С. Аксакова: послѣднему, по выходѣ I тома „Московскаго Сборника", дальнѣйшее продолженіе этого изданія было запрещено, съ лишеніемъ права быть и впредь редакторомъ какого бы то ни было изданія.

Послѣ этого въ литературной дѣятельности И. С. послѣдовалъ значительный перерывъ, которымъ онъ воспользовался для ознакомленія съ народнымъ бытомъ въ различныхъ его формахъ

*) С. Т. Аксаковъ издавалъ (1847 г.) «Записки объ уженьѣ рыбы», а К. С. печаталъ диссертацію свою о Ломоносовѣ (тоже 1847 г.)

и проявленіяхъ. Такъ, въ 1853 году, И. С. принялъ предложеніе Русскаго Географическаго Общества — описать торговлю на Украинскихъ ярмаркахъ. Въ концѣ 1853 года, И. С. отправился въ Малороссію и провелъ въ разъѣздахъ по ней весь слѣдующій годъ. Результатомъ этой поѣздки явилось обширное „Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ", изданное впослѣдствіи Географическимъ Обществомъ (въ 1859 году). Автору Географическое Общество присудило за его изслѣдованіе большую Константиновскую медаль. Академія наукъ за то же изслѣдованіе удостоила И. С. половинной Демидовской премін. Изслѣдованіе это основывалось на фактахъ, собранныхъ, большею частью, самимъ авторомъ, такъ какъ статистическіе матеріалы, имѣвшіеся въ то время, были ниже всякой критики. По свойству задачи И. С. не могъ ограничиться однѣми малороссійскими ярмарками, но долженъ былъ обнять почти все торговое и промышленное движеніе въ тогдашнихъ главныхъ центрахъ его, такъ какъ малороссійскія ярмарки имѣли важное значеніе не только для юга, но и для сѣвера Россіи Изслѣдованіе это познакомило И. С. съ нашимъ торговымъ сословіемъ, съ характеромъ и нуждами русской торговли. Установленное имъ различіе Великоруса и Малоруса, по скольку тотъ и другой со своими особенностями проявляются въ торговлѣ и въ частности на ярмаркахъ, до сихъ поръ не утратило своего интереса и значенія.

Изъ Малороссіи И. С. вернулся въ Москву въ самый разгаръ Восточной войны и вызваннаго ею патріотическаго одушевленія. Онъ добровольно поступилъ въ ополченіе, именно въ Серпуховскую дружину, бывшую подъ начальствомъ князя Гагарина. Пылкая, прямая натура И. С. сказалась во всей силѣ. Начальникъ дружины очень не радъ былъ имѣть подъ своимъ начальствомъ такого человѣка. Серпуховская дружина дальше Бессарабіи не пошла и въ дѣлахъ противъ непріятеля участія не принимала. При первыхъ извѣстіяхъ о мирѣ, въ мартѣ 1856 года, И. С. вернулся въ Москву; но въ маѣ того же года онъ онова отправился на югъ, именно въ Крымъ, приглашенный княземъ Васильчиковымъ участвовать въ слѣдственной коммиссіи по дѣлу о злоупотребленіяхъ интендантства во время войны. Впрочемъ, конца слѣдствія И. С. не дождался. Въ декабрѣ 1856 года, онъ возвратился въ Москву.

Извѣстно, какое тогда наступало время, какіе вопросы были

выдвинуты на очередь. И. С. всецѣло посвятилъ этимъ вопросамъ свои недюжинныя силы и свой блестящій талантъ. Въ 1858 году, онъ принялъ на себя (неоффиціально) редакцію журнала „Русская Бесѣда“, оффиціальнымъ редакторомъ котораго считался А. И. Кошелевъ. Вокругъ этого органа сплотились всѣ лучшія силы такъ-называемаго славянофильскаго кружка. И. С. выпустилъ III и IV томы „Русской Бесѣды“ за 1858 годъ и шесть книжекъ за 1859 годъ. Въ то же время сняли съ него запрещеніе быть редакторомъ, и И. С. Аксаковъ предпринялъ съ 1859 г. изданіе еженедѣльной газеты „Парусъ“. По замыслу издателя, „Парусъ“ долженъ былъ служить центральнымъ органомъ славянской мысли. Но этому изданію не посчастливилось: по выходѣ двухъ первыхъ №№, оно было прекращено за нарушеніе цензурныхъ правилъ. Цензурѣ не понравилось обозрѣніе событій предшествовавшаго года и нѣкоторыя изъ стихотвореній, въ томъ числѣ и принадлежавшія самому И. С.

Весь 1860 годъ, отчасти вслѣдствіе болѣзни брата Константина Сергѣевича, котораго врачи послали умирать на островъ Занте, И. С. провелъ въ заграничномъ путешествіи, главнымъ образомъ по Славянскимъ землямъ, чтобы лично ознакомиться съ выдающимися политическими и литературными дѣятелями западнаго и южнаго Славянства. Между прочимъ, это путешествіе И. С. ознаменовалось извѣстнымъ эпизодомъ въ Бѣлградѣ, куда онъ привезъ „Посланіе къ Сербамъ“, подписанное многими, частью людьми его кружка, частью сочувствовавшими лишь нѣкоторымъ изъ его взглядовъ. Незадолго передъ тѣмъ закончившаяся итальянская война, неудача Австріи и торжество идеи національнаго объединенія Итальянцевъ,—все это отразилось сильнымъ броженіемъ въ Славянскихъ земляхъ. Среди Сербовъ и Хорватовъ усилились освободительныя стремленія относительно Босніи, Герцеговины и Старой Сербіи. И. С. былъ встрѣченъ здѣсь съ распростертыми объятіями, хотя „Посланіе къ Сербамъ“ въ Бѣлградѣ не понравилось.

Возвратившись въ Москву, И. С. выхлопоталъ разрѣшеніе издавать подъ своей редакціей еженедѣльную газету „День“. Газета была разрѣшена ему безъ политическаго отдѣла и съ тѣмъ, чтобы цензура имѣла особое наблюденіе за этимъ изданіемъ. „День“ сталъ выходить въ концѣ 1861 года, при участіи того же славянофильскаго кружка, и сразу занялъ выдающееся положеніе.

„День“, конечно, отводилъ видное мѣсто Славянскому міру и славянскимъ дѣламъ; тогда къ этому и внѣшній былъ поводъ, потому что въ Герцеговинѣ вспыхнуло возстаніе. Но едвали не больше славянскихъ вопросовъ занимался „День“ жгучими задачами начавшагося преобразованія Россіи, такъ какъ сразу на очередь стали вопросы о крупнѣйшихъ реформахъ, ‚какъ то: крестьянской, судебной, земской. Наконецъ, около того же времени зашевелилась Польша, и польскій вопросъ занялъ немаловажное мѣсто въ ряду живыхъ интересовъ русскаго общества, хотя на первыхъ порахъ лишь въ академической постановкѣ. Все это давало „Дню“ множество случаевъ выказать во всемъ блескѣ одушевляющія его высокія стремленія и надежды, пылкій энтузіазмъ его рукородителя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непоколебимую вѣру въ Россію, въ ея особое призваніе. Голосъ Аксакова, мужественный, бодрый, увлекательный и всегда нѣсколько дерзновенный, не могъ оставаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ оживленныхъ періодовъ дѣятельности И. С.; за нимъ окончательно упрочилась слава талатливаго, честнаго, смѣлаго вождя славянофильской партіи. Имя Аксакова стало извѣстно всей образованной Россіи и Европѣ, и, какъ нынѣ выражаются, сдѣлалось политическимъ знаменемъ. Личный, рыцарски безупречный, характеръ Ивана Сергѣевича стяжалъ ему не только горячія симпатіи друзей, но и общее уваженіе противниковъ.

Изданіе „Дня“ шло довольно благополучно, если не считать сравнительно маленькихъ цензурныхъ непріятностей, напримѣръ, запрещенія отдѣльныхъ статей, вслѣдствіе чего газета нерѣдко выходила безъ передовой статьи съ помѣткой лишь даты: „Москва, N. N. числа“. Въ 1862 году, послѣдовала, впрочемъ, крупная непріятность, именно временное отстраненіе Аксакова отъ редакторства. Случилось это, по объясненію самого И. С., единственно вслѣдствіе того, что онъ не счелъ для себя нравственно возможнымъ объявить, какъ отъ него требовалось, имя автора одной корреспонденціи. Въ виду положительнаго закона, И. С. предпочелъ принять на себя и понести за автора отвѣтственность, но это предложеніе не было принято, и И. С. на время былъ отстраненъ отъ редакторства, съ разрѣшеніемъ передать званіе редактора Ю. Ѳ. Самарину, хотя фактически оставался редакторомъ самъ же И. С. Это было въ іюнѣ 1862 года, а въ октябрѣ того же года И. С—чу послѣдовало разрѣшеніе издавать „День“

подъ собственной редакціей. „День“ просуществовалъ до конца 1865 года, когда личныя обстоятельства заставили И. С. добровольно прекратить это изданіе. Его послѣдняя передовая статья въ „Днѣ“—прощальная—заканчивалась словами:

„Прощай, читатель, и да спасетъ тебя русская правда отъ всякой иноземной лжи, которою долго еще не перестанутъ наши аристократы и демократы, доктринеры-чиновники и нигилисты и все это старое общество — мутить поверхность нашего могучаго, величаваго, глубокаго народнаго моря“.

Одновременно съ изданіемъ „Дня“ И. С. принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ учрежденнаго въ 1858 г. Московскаго Скавянскаго Комитета, — при жизни Погодина въ качествѣ ближайшаго его сотрудника, а послѣ смерти Погодина въ качествѣ его преемника, по званію предсѣдателя Комитета. Этого рода дѣятельность И. С. была очень разнообразна и порой хлопотлива, не говоря уже о постоянныхъ матеріальныхъ пожертвованіяхъ, съ которыми она связывалась для самого И. С—а. Тѣмъ не менѣе до конца дней своихъ И. С. не покидалъ ея, несмотря на всѣ послѣдующія перемѣны какъ въ собственныхъ его дѣлахъ, такъ и въ судьбѣ Славянскаго Комитета.

Перерывъ издательской дѣятельности на поприщѣ журналистики продолжался для И. С. одинъ годъ. Его пылкая натура была какъ нельзя болѣе на мѣстѣ въ политической газетѣ, и въ 1867 г. онъ вновь предпринялъ изданіе газеты — „Москва“. Это была одна изъ самыхъ замѣчательныхъ газетъ, когда-либо возникавшихъ въ Россіи. Она просуществовала съ 1-го января 1867 года по 21-е октября 1868 года, т. е. менѣе двухъ лѣтъ, и втеченіе этого короткаго времени подверглась девяти предостереженіямъ и тремъ пріостановкамъ — на три, на четыре и, наконецъ, на шесть мѣсяцевъ. Другими словами, просуществовавъ неполныхъ два года, „Москва“ болѣе года (13 мѣсяцевъ) была въ пріостановкѣ. Частью во время этихъ пріостановокъ ее замѣнялъ „Москвичъ“, отличавшійся отъ Москвы» только заголовкомъ, хотя выходившій подъ редакціей (номинальной, конечно) другаго лица. Главнымъ поводомъ административныхъ гоненій на „Москву“ были статьи ея противъ генерала Потапова, удивительно управлявшаго Сѣверо-Западнымъ краемъ, и противъ тогдашнихъ порядковъ въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ нѣмецкое меньшинство проводило политику онѣмеченія большинства, не стѣсняясь для того самыми

крутыми средствами противъ населенія. Раздраженный этими гоненіями и придирками, И. С., конечно, не всегда соблюдалъ въ своихъ статьяхъ академическій стиль, а нерѣдко и чувствительно затрогивалъ самолюбіе самого Министерства, къ чему немало представлялось поводовъ, особенно въ неискренней политикѣ бюрократіи относительно земскихъ учрежденій и печати. Но въ общемъ „Москва“ была газетой строго выдержанной въ томъ самомъ направленіи, которое всегда отличало такъ-называемый „славянофильскій“ кружокъ, и которое если чѣмъ прегрѣшало противъ взглядовъ правительственной среды, то единственно развѣ допущеніемъ критики о дѣйствіяхъ самихъ правительственныхъ лицъ, въ предположеніи, что и они могутъ ошибаться. Но этого-то и не прощали „Москвѣ“ вмѣстѣ съ ея независимымъ отношеніемъ къ различнымъ текущимъ вопросамъ политики. Незадолго до своей смерти, по случаю новаго столкновенія съ цензурой, И. С. припоминалъ въ „Руси“, безъ сомнѣнія съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія, что въ вопросахъ, за которые больше всего пострадала „Моска“, правительство въ настоящее время само стоитъ на точкѣ зрѣнія, которую тогда защищала „Москка“ и за которую это изданіе въ концѣ концовъ было запрещено.

Запрещенію „Москвы“ предшествовалъ безпримѣрный въ лѣтописяхъ нашей печати процессъ, который И. С. велъ въ Сенатѣ противъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанта Томашева. Послѣдній, пріостановивши „Москву“ на 6 мѣсяцевъ, согласно нынѣ отмѣненной статьѣ законовъ о печати 1865 года, вошелъ въ Сенатъ съ рапортомъ о необходимости, по его мнѣнію, вовсе прекратить изданіе „Москвы“. Узнавъ объ этомъ, И. С. Аксаковъ подалъ въ Сенатъ прошеніе допустить его къ представленію, въ свою защиту, объясненій противъ министерскаго рапорта, и прошеніе это было Сенатомъ уважено. Тогда И. С. по каждой статьѣ обширнаго обвинительнаго рапорта представилъ объясненія и справки въ тѣхъ видахъ, чтобы опровергнуть основную мысль обвиненія, будто „Москва“— изданіе вреднаго направленія, и въ отношеніи этого главнаго пункта обвиненія И. С. выигралъ процессъ: изъ департамента за разногласіемъ дѣло было перенесено въ общее собраніе первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи. Но и въ общемъ собраніи на сторонѣ генералъ-адъютанта Тимашева не получилось потребныхъ двухъ третей голосовъ. Разногласіе не

устранилось и послѣ согласительнаго предложенія министра юстиціи, вслѣдствіе чего дѣло перешло на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, но и тамъ единогласіе не получилось, такъ что потребовалось перенести дѣло въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. Здѣсь большинство согласилось со мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, но при окончательной редакціи мнѣнія большинства сдѣлана была оговорка въ томъ смыслѣ, что хотя газета и запрещается, однако же направленіе ея по существу нельзя признавать вреднымъ.

Съ закрытіемъ „Москвы" И. С. въ отношеніи издательской дѣятельности на поприщѣ журналистики оставался подъ запрещеніемъ цѣлыхъ 12 лѣтъ. Всѣ хлопоты его и друзей его снять это запрещеніе не имѣли успѣха до самаго 1880 г., когда во главѣ общаго управленія поставленъ былъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ. Но этотъ продолжительный перерывъ въ издательскихъ трудахъ не былъ для И. С. періодомъ успокоенія отъ патріотической и общественной дѣятельности, или періодомъ отрѣшенія отъ политическихъ и вообще высшихъ интересовъ своего времени; такого успокоенія и отрѣшенія не могло быть ни по свойствамъ натуры И. С., ни по особенностямъ его общественнаго положенія. Вотъ именно здѣсь мы и встрѣчаемся съ тѣмъ, совершенно исключительнымъ у насъ, явленіемъ, что человѣкъ частный, стоящій вдали отъ вліятельной оффиціальной среды, въ добавокъ пользующійся прямо неблагосклонностью этой среды,—человѣкъ, не имѣющій ни высокихъ чиновъ, ни какихъ-либо особыхъ отличій въ условномъ смыслѣ,—наконецъ, человѣкъ, насильственно лишенный права голоса на той единственной аренѣ, которая открыта у насъ частнымъ людямъ, въ печати,—И. С. Аксаковъ, несмотря на все это, сдѣлался не только виднымъ, но и несомнѣнно вліятельнымъ политическимъ центромъ, вокругъ котораго естественно совершался обмѣнъ симпатій и надеждъ между Востокомъ и Западомъ Славянскаго міра... И случилось это какъ-то само собою, безъ всякихъ усилій со стороны И. С. Будучи членомъ, а потомъ и предсѣдателемъ Славянскаго Комитета, И. С. дѣлалъ то, чего требовало отъ него принятое на себя званіе, но онъ дѣлалъ это съ душой и по убѣжденію, онъ находилъ опору для этой дѣятельности въ себѣ самомъ, въ своихъ славянскихъ чувствахъ, вѣрованіяхъ, идеалахъ; увлекаясь самъ, онъ увлекалъ за собой и другихъ.

Когда на Славянскомъ Юго-Востокѣ, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, появилось движеніе, перешедшее сперва въ Герцеговинское возстаніе (1875 г.), а потомъ въ Сербско-Турецкую (1876 г.) и Русско-Турецкую или вторую Восточную войну (1877—1878 гг.), И. С. Аксаковъ выступилъ естественнымъ руководителемъ русскихъ общественныхъ симпатій. Московскій Славянскій Комитетъ, имъ предсѣдательствуемый, превратился въ самое оживленное коммиссіонерское бюро, куда со всѣхъ концовъ Россіи стекались пожертвованія на славянское дѣло, распредѣлявшіяся Комитетомъ, т. е. въ сущности его предсѣдателемъ, черезъ особо довѣренныхъ людей. Наконецъ, потекли въ Славянскія земли уже не рубли только, а и люди русскіе для помощи Славянамъ личнымъ трудомъ и, если нужно, личнымъ пожертвованіемъ на полѣ брани... Объ этомъ времени И. С. вспоминалъ въ послѣдней статьѣ, вышедшей изъ-подъ его пера: „Пишущему эти строки привелось въ 1876 и 1877 годахъ быть не только свидѣтелемъ, но отчасти и практическимъ посредникомъ высокаго народнаго одушевленія, охватившаго Русскую землю; непосредственно изъ народныхъ рукъ (онъ) принималъ народныя лепты, не святѣе коихъ была лепта евангельской вдовицы; (передъ нимъ) живы до сихъ поръ образы мужиковъ заволжскихъ, новохоперскихъ и иныхъ отдаленныхъ мѣстностей Россіи, на колѣнахъ упрашивавшихъ, какъ о „Божеской милости", дарованія имъ способовъ „помереть", мученическій вѣнецъ пріять за освобожденіе братій-христіанъ, Сербовъ, Черногорцевъ, Болгаръ отъ бусурманскаго ига или нашествія". Нельзя не прибавить къ этимъ строкамъ, что тогдашнія рѣчи Ивана Сергѣевича въ Славянскомъ Комитетѣ передавались изъ устъ въ уста, облетали всю Россію, электризуя русскихъ людей своимъ энтузіазмомъ, зажигая одушевленіе высокой идеей „мученическаго вѣнца" за освобожденіе братьевъ по вѣрѣ и племени...

Отвѣтомъ народному движенію въ той же Москвѣ явились присноплмятныя слова покойнаго Императора въ Кремлѣ къ представителямъ дворянства и купечества,—слова, говорятъ, неожиданныя для нашихъ дипломатовъ и не входившія въ ихъ планы, но которыя рѣшили дальнѣйшую судьбу славяно-турецкой распри. Впрочемъ, и послѣ того Славянскому Комитету еще не была дана отставка. Преобразованный правительствомъ, въ началѣ 1876 г., въ „Московское Славянское Общество", онъ оставался у дѣлъ, и

дѣла эти были посеріознѣй обычнаго благотворенія. Между прочимъ Славянское Общество, т. е. опяти-таки главнымъ образомъ И. С. Аксаковъ, заготовило въ Германіи оружіе для Болгарскихъ дружинъ, которыя первоначально предполагалось сформировать на сербской территоріи,—что-то около 20 тысячъ ружей, съ соотвѣтственнымъ количествомъ патроновъ, и 12 крупповскихъ орудій съ необходимыми къ нимъ снарядами... Всѣ эти запасы оружія, дѣйствительно, пошли на вооруженіе Болгарскихъ дружинъ, хотя и не тѣмъ путемъ, какой предполагался въ началѣ. И донынѣ подарокъ Московскаго Славянскаго Общества не потерялъ цѣны для освобожденной Болгаріи...

Берлинскій трактатъ послѣ богатырскихъ подвиговъ русскаго солдата и въ награду за великія жертвы, понесенныя Россіей,—былъ для русскаго чувства нѣчто невмѣстимое, невозможное, и русское чувство прорвалось громовою рѣчью И. С. Аксакова въ въ томъ же Славянскомъ Обществѣ... Эта рѣчь сдѣлалась цѣлымъ политическимъ событіемъ... И она, дѣйствительно, была именно событіемъ: она показала Европѣ, что за русскими дипломатами, умѣющими такъ очаровательно улыбаться, стоятъ русскіе люди, у которыхъ въ груди—не полированная фраза, а настоящее сердце, горячее, дерзновенное, живо чувствующее обиду и позоръ... И хотя Славянское Общество было тотчасъ закрыто, даже безъ соблюденія установленныхъ на такіе случаи формальностей (капиталами, напримѣръ, распорядились даже безъ вѣдома жертвователей и т. п., словомъ: „съ отмѣннымъ упрощеніемъ формъ", какъ выразился И. С. незадолго до своей смерти...), а самъ И. С. былъ высланъ изъ Москвы въ деревню, но Берлинскій трактатъ былъ принятъ Россіей не въ той оцѣнкѣ, какую дѣлали ему наши дипломаты, а въ той, какое дало ему патріотичесное проклятіе Аксакова на собраніи Славянскаго Общества...

Въ 1880 году, благодаря графу М. Т. Лорисъ-Меликову, И. С. Аксаковъ получилъ, наконецъ, разрѣшеніе издавать въ Москвѣ еженедѣльную газету „Русь", которой и посвятилъ остатокъ своей жизни, казалось, еще крѣпкой, бодрой не однѣми надеждами, но и силами. Пишущій эти строки имѣлъ случай познакомиться съ И. С. какъ разъ передъ выпускомъ первыхъ нумеровъ „Руси". Нужно было видѣть, съ какой свѣжестью чувства трактовалъ И. С. задачи своего новаго изланія; какъ вѣрилъ онъ въ силу

твердаго, искренняго слова, съ какой отвагой смотрѣлъ впередъ. Онъ не ошибался на счетъ того, что „Русь“ встрѣтятъ въ печати недружелюбно, онъ неособенно расчитывалъ и на сочувствіе къ ней со стороны тогдашней правящей среды. Но онъ все-таки надѣялся имѣть вѣсъ въ рѣшеніи самоважнѣйшихъ вопросовъ русской жизни, которые были тогда поставлены на очередь. И. С. хорошо зналъ, что ему придется идти противъ теченія, но это не обезкураживало его,—напротивъ...

Когда черезъ три съ половиной мѣсяца по выходѣ „Руси“ случилось позорное злодѣяніе 1-го марта, И. С., потрясенный вмѣстѣ съ всѣми русскими людьми, почувствовалъ тѣсноту въ газетѣ и выступилъ съ торжественнымъ исповѣданіемъ „гражданскихъ и нравственныхъ задачъ и идеаловъ Русскаго народа“ въ собраніи С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, 22-го марта. Его блестящая рѣчь произвела огромное впечатлѣніе; то былъ страстный протестъ противъ увлеченія чужеземщиной и грозное предостереженіе, выраженное съ необычайною силою. „Не обольщайтесь тѣмъ,—говорилъ И. С., — что великій народъ нашъ бесмолвствуетъ. Онъ недоумѣваетъ. А понимаете ли, чтò значитъ недоумѣніе многомилліоннаго народа? Точно Океанъ вздымается теперь его грудь, удрученная мрачнымъ раздумьемъ.... Заныла вся душа его, изъязвлена совѣсть“.

...„Это и скорбь, и горесть, и стыдъ, и ужасъ, какой-то торжественный, вѣщій ужасъ. Это судъ Божій творится надъ нами“...

Очертивъ затѣмъ вожделѣнія, которыми жила значительная часть нашей интеллигенціи, Аксаковъ съ полною прямотою и откровенностью заявилъ: „Нѣтъ, этому не бывать! отъ духа лестча, враждебенъ нашему народу и преуспѣнію его въ доброй христіанской нравственности тотъ либерализмъ, который сулитъ намъ политическія и соціальныя блага, проповѣдуя въ то же время презрѣніе къ политическому и духовному исповѣданію Русской земли!“

Эта пламенная рѣчь заканчивалась „исповѣданіемъ“ положительной программы въ слѣдующихъ словахъ: „Нужно, необходимо, до крайности нужно припасть къ стопамъ Богомъ даннаго намъ Царя и молить его, молить неотступно... да обновится вновь въ животворной силѣ и дѣйствіи старый союзъ Царя съ народомъ,

въ началахъ любви, довѣрія, единенія духа и взаимнаго искренняго общенія"...

Мы съ подробностью остановились на этой замѣчательной рѣчи не только потому, что она обнимаетъ сущность всего, что̀ проповѣдывалъ Аксаковъ въ своей долголѣтней публицистической дѣятельности, но и потому еще, что эта рѣчь была первымъ всенароднымъ исповѣданіемъ началъ, долгое время бывшихъ, такъ сказать, подъ опалой у „общественнаго мнѣнія". Аксаковъ лицомъ къ лицу предсталъ передъ обществомъ и имѣлъ мужество рѣзко высказать ему въ глаза то самое, за что̀ общество будто бы отвернулось отъ людей Аксаковскаго направленія... И что̀ же?—петербургское избранное общество проводило Аксакова, послѣ его рѣчи, съ настоящимъ тріумфомъ!...

„Русь" начала выходить 15-го ноября 1880 года и продолжала выходить по день смерти И. С., съ полугодовымъ перерывомъ въ 1885 году, по случаю болѣзни редактора. Въ 1883 году, „Русь" была преобразована въ двухнедѣльное изданіе, и два года выходила въ этомъ преобразованномъ видѣ. Но въ 1885 И. С. вернулся къ первоначальной формѣ еженедѣльника. Газета эта, какъ и объяснялъ И. С., была его личнымъ органомъ, и значеніе ей давали главнымъ образомъ статьи самого редактора, имѣвшія несомнѣнно „громкій резонансъ", по любимому его выраженію, хотя матеріальнаго успѣха въ тѣсномъ смыслѣ „Русь" не имѣла, да Иванъ Сергѣевичъ и не искалъ такъ-называемой популярности. У него былъ совершенно особый взглядъ на задачи журналиста, къ сожалѣнію, очень рѣдкій въ наше время. Вслѣдствіе этого взгляда онъ, напримѣръ, печаталъ нѣкоторыя статьи завѣдомо „для немногихъ читателей", но для такихъ, которые сами имѣютъ около себя значительную аудиторію или которые могутъ оказать, гдѣ нужно, давленіе въ желаемомъ направленіи. Къ печатному слову И. С. относился какъ къ дѣлу самому серіозному, которое несомнѣнно даетъ человѣку въ руки могучее орудіе воздѣйствовать на общество и даже на ходъ событій, но съ которымъ связаны не одни права, а еще больше обязанностей. Иногда, подъ живымъ впечатлѣніемъ дѣйствительности, И. С. бросалъ слово сомнѣнія въ пользѣ этого особаго служенія родинѣ путемъ печатнаго слова, но то были скоропреходящія минуты дурнаго настроенія, ибо служеніе Аксакова тѣмъ основнымъ началамъ, органомъ которыхъ была его газета, столь-

ко же вытекало изъ глубокаго проникновенія этими началами съ молодыхъ лѣтъ, сколько изъ свѣтлаго взгляда на даровитость русскаго племени, изъ непоколебимой вѣры въ его высокое призваніе на міровой аренѣ.

Въ дополненіе этого бѣглаго очерка общественной дѣятельности Аксакова, нелишне упомянуть, что среди своихъ главныхъ занятій онъ находилъ досугъ и силы служить обществу и иными путями. Такъ, онъ былъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ товарищемъ предсѣдателя въ Русскомъ Миссіонерскомъ Обществѣ, предсѣдателемъ въ московскомъ Обществѣ любителей россійской словесности и гласнымъ Московской Думы.

Значеніе И. С. Аксакова во всемъ объемѣ опредѣлилось лишь по случаю его кончины, и опредѣлилось не какой-либо мѣткой формулой, обнимающей его заслуги передъ Россіей и Славянствомъ, а самымъ фактомъ общественныхъ заявленій, вызванныхъ этою кончиною и сразу показавшихъ, что смерть Аксакова не что-нибудь заурядное въ жизни стомилліоннаго народа Русскаго, а цѣлое событіе—столько же горестное, сколько важное въ политическомъ и общественномъ смыслѣ. Не только въ Россіи, но и за границей именно такъ понята и оцѣнена утрата, понесенная нами въ лицѣ И. С. Аксакова.

Государь Императоръ соизволилъ почтить память покойнаго телеграммой, на имя его вдовы Анны Өедоровны, и съ трогательною сердечностью выразилъ общую русскую скорбь передъ этой тяжкой утратой въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Императрица и Я съ душевнымъ прискорбіемъ узнали о внезапной смерти вашего мужа, котораго уважали, какъ честнаго человѣка и преданнаго русскимъ интересамъ. Дай Богъ вамъ силъ перенести эту тяжелую сердечную потерю.

„АЛЕКСАНДРЪ".

Выраженіемъ соболѣзнованія почтили память И. С. Аксакокова: князь Николай Черногорскій, Великая Княгиня Александра Петровна, Сербскій митрополитъ Михаилъ, Болгарскіе митрополиты Климентъ и Герасимъ со всѣмъ болгарскимъ духовенствомъ, общественныя учрежденія многихъ болгарскихъ городовъ, выдаю-

щіеся политическіе кружки Болгаріи, Сербскій посланникъ Груичъ, Бѣлградское ученое общество, Славянская учащаяся молодежь Вѣнскаго университета, Хорваты, Галичане, галицко-русская печать,—вотъ кто откликнулся на русско-сзавянскую утрату изъ заграничныхъ Славянъ. Что же касается Россіи, то кончина Аксакова оплакивается всюду, гдѣ есть просвѣщенные патріоты, способные цѣнить истинныя заслуги передъ отечествомъ. Достаточно сказать, что однѣхъ телеграммъ съ выраженіемъ соболѣзнованія по случаю этой кончины доставлено на имя вдовы покойнаго свыше 130, изъ того числа едва ли не бо́льшая часть коллективныя—отъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, отъ сословій, городовъ, ученыхъ корпорацій, учащейся молодежи, органовъ печати и т. д., и т. д. Здѣсь, въ Петербургѣ, высшіе чины государства—военные и гражданскіе—присутствовали на торжественныхъ паннихидахъ по скончавшемся русскомъ гражданинѣ; Петербургская Городская Дума особымъ постановленіемъ выразила уваженіе къ памяти И. С.; Московская Дума рѣшила поставить въ своей залѣ портретъ И. С., учредить стипендію его имени въ университетѣ и присутствовать въ полномъ составѣ на его похоронахъ. Почти всѣ органы печати столичной и провинціальной, независимо отъ направленій, посвятили памяти И. С. статьи, проникнутыя сознаніемъ, что смерть его—огромная потеря для Россіи. Московскія и нѣкоторыя петербургскія изданія, различныя общества и учрежденія возложили на гробъ И. С. вѣнки. Редакціи петербургскихъ изданій послали на похороны И. С. особую депутацію съ хоругвью, нарочно изготовленною для этого печальнаго торжества. Было много другихъ депутацій на похоронахъ отъ общественныхъ учрежденій и кружковъ. Похоронная процессія сама собой превратилась въ величайшую общественную манифестацію; за гробомъ Аксакова шла вся Москва, въ лицѣ представителей всѣхъ классовъ московскаго населенія, а самый гробъ отъ университетской церкви до Ярославскаго вокзала несла на рукахъ университетская молонежь.

Тѣло И. С. Аксакова погребено въ Троице - Сергіевской Лаврѣ.

А. Никольскій.

Передовая статья № 31 „Современныхъ Извѣстій“.

Москва, 31 января.

Сегодня хоронимъ И. С. Аксакова. Къ чувству общественной утраты присоединяются и личныя воспоминанія, подступающія тѣмъ настойчивѣе, что мѣстомъ вѣчнаго покоя усопшему избрана Троице-Сергіева Лавра, гдѣ 33 года назадъ впервые довелось узнать молодаго публициста и сблизиться съ нимъ, съ молодымъ, повторяемъ, но уже побывавшимъ въ Третьемъ Отдѣленіи и затѣмъ выпущеннымъ оттуда съ резолюціею покойнаго Николая Павловича, обращенною къ шефу жандармовъ: „призови, прочти, вразуми и отпусти“. Вспоминаются тогдашнія бесѣды наши о расколѣ, который только-что передъ тѣмъ былъ предметомъ служебныхъ занятій Ивана Сергѣевича. Вспоминается и отъѣздъ его на изслѣдованіе Украинскихъ ярмарокъ, и по возвратѣ оттуда вечеръ, когда для приведенія въ порядокъ собранныхъ матеріаловъ пріѣхалъ изслѣдонатель къ Троицѣ изъ Абрамцева, бѣжа отъ деревенскаго уединенія еще въ большее уединеніе, чтобы легче опознаться въ грудѣ собранныхъ свѣдѣній. Въ номерѣ монастырской гостиницы, въ часы глубокой полночи, за за большими чашками крѣпчайшаго чая (для прогнанія сна) исповѣдывался онъ о тѣхъ новыхъ впечатлѣніяхъ, которыя вынесены имъ изъ наблюденія надъ купеческимъ бытомъ, надъ разницею характера великороссійскаго и малороссійскаго. Несмотря на свои тридцать всего лѣтъ, онъ уже сравнительно со своими годами обладалъ богатою опытностью, побывавши съ самаго начала службы въ Астрахани, затѣмъ перекинувшись въ Ярославль, изъѣздивши кромѣ того Бессарабію. И ни одна поѣздка не оставалась безъ того, чтобы не возбудить его замѣчательной наблюдательности, не привести его къ мѣткимъ выводамъ, соціальнымъ и этнографическимъ.

Припоминается и еще вечеръ,—нѣтъ, это было днемъ, когда изслѣдователь, окончивъ предисловіе къ своему статистическому труду, читалъ его въ кругу близкихъ, а вѣчно памятный родитель его, Сергѣй Тимоѳеевичъ, бывшій въ числѣ слушателей, вѣчно юный, несмотря на свои семидесятые годы, всегда отзывчивый, восторженный, отозвалъ пишущаго эти строки, среди са-

III.

маго чтенія, въ другую комнату. „Вы запомните это слово, запомните, сказалъ онъ: Иванъ будетъ *великимъ* писателемъ, *великимъ!*“ Старца поразила основательность и глубина изслѣдованія; поразило въ особенности мастерство, съ какимъ *поэтъ* (а только поэтомъ числился пока его сынъ въ литературѣ) справился съ сухимъ предметомъ, съ данными, состоявшими изъ мертвыхъ цифръ, только изъ цифръ—и умѣлъ освѣтить ихъ не только точно, но и художественно.

Но вотъ и отъѣздъ въ ополченіе, и напутствіе друзей, и благословеніе А. С. Хомякова, отвѣчавшаго на возраженіе нѣкоторыхъ о безполезности Ивана Сергѣевича въ этой новой дѣятельности. „Нѣтъ, *должно*, чтобы изъ насъ, людей слова и мысли, *дѣломъ* засвидѣтельствовали свое слово и мнѣніе“. И началась ополченская служба, сопровождаемая полемикою литератора-ополченца съ командовавшимъ Московскою дружиною графомъ Строгоновымъ. Оригинальная полемика, философская и политическая, ведшаяся подъ видомъ оффиціальныхъ приказовъ и оффиціальныхъ рапортовъ, гдѣ Аксаковъ-ополченецъ былъ тотъ же непреклонный боецъ за меньшую братью, какъ Аксаковъ-редакторъ „Дня“, „Москвы“ и „Руси“. „Это Аксаковское вліяніе!“ воскликнулъ Строгоновъ, когда при роспускѣ ополченія, собравъ дружину, обратился къ рядамъ съ предложеніемъ, не хотетъ ли кто изъ ратниковъ перейти въ военную службу. „Кто хочетъ, ребята? воскликнулъ графъ, поднимайте руку, кто хочетъ!“ И услышавъ въ отвѣтъ невольный каламбуръ: „кто-жь, ваше сіятельство, на себя руку подниметъ?“

А время бѣжитъ, бѣжитъ... Вотъ ужь роковое 18 февраля 1855 года. Вотъ мягкій февральскій день—то былъ день присяги для троицкихъ жителей; Иванъ Сергѣевичъ пріѣзжаетъ изъ Абрамцева подѣлиться впечатлѣніемъ, вызваннымъ перемѣною царствованія. Послѣ обмѣненныхъ нѣсколькихъ словъ, поѣздка обоихъ въ Абрамцево обратно тройкою, гуськомъ, „при ласкающемъ полувесеннемъ солнцѣ“, съ цѣлію отвести душу въ общей бесѣдѣ и со старикомъ-отцемъ, и со всею семьею. Ополченецъ говорилъ о новомъ ощущеніи, которое охватило писателя, о непривычномъ положеніи, въ которое писатель поставленъ,—что „приходится перестраивать лиру“, какъ сказалъ онъ своимъ образнымъ языкомъ...

Что же мы распространяемся однако?

Столбцовъ, страницъ, листовъ не достанетъ, чтобы перечислить эти обмѣны мыслей, впечатлѣній, чтобы перечислить всѣ разнообразныя событія, въ которыхъ выражалась душа оплакиваемаго нынѣ дѣятеля, та его неустанная энергія, несокрушимая, упорная настойчивость, которая при полномъ единствѣ образа мыслей отличала его среди всѣхъ его ближайшихъ и близкихъ. Помимо всего, этотъ неугомонный дѣятельный нервъ былъ его характеристическою чертою, выдѣлявшею его изъ славянофильской плеяды: Хомякова, К. Аксакова, Кирѣевскихъ, Самарина, Чижова и проч. Съ этой стороны онъ изъ перечисленныхъ сейчасъ ближе подходилъ къ Чижову, который точно также былъ весь энергія.

Предсказаніе отца сбылось. „Иванъ" сдѣлался великимъ писателемъ, но не писателемъ только, а дѣятелемъ, чего не предвидѣлъ, по крайней мѣрѣ не предсказывалъ ни Сергѣй Тимоѳеевичъ, ни Хомяковъ. Но то были времена, когда тѣсная семья единомыслящихъ, заподозрѣнная и гонимая, не мечтала о практическомъ вліяніи, ограничивая свою дѣятельность теоретическими усиліями къ исправленію общественнаго сознанія. 19 февраля вызвало эти силы на поприще практической дѣятельности, и только съ Ю. Ѳ. Самарина начался благопріятный славянофиламъ поворотъ общественной оцѣнки, если и не государственной все еще. И теперь, при удручающемъ чувствѣ глубочайшей скорби, которую вызываетъ свѣжая переживаемая утрата, находишь еще утѣшеніе въ единодушіи выраженнаго сожалѣнія. Насъ трогаетъ между прочимъ отношеніе петербургской печати, столь восторженно почтившей усопшаго славянофила, какъ тронуло десять лѣтъ назадъ подобное же единодушіе почтенія, оказаннаго Ю. Ѳ. Самарину по его кончинѣ. Но какая иронія въ то же время! Когда всѣ прославляютъ его, нынѣ почившаго, какъ пламеннѣйшаго патріота, когда Высочайшій отзывъ находитъ въ немъ „честнаго человѣка, *преданнаго русскимъ интересамъ*", онъ умираетъ однако съ оффиціальнымъ аттестатомъ „недостаточнаго патріотизма". И одного мѣсяца же вѣдь не прошло еще, какъ редакторомъ „Руси" получено публично оффиціальное предостереженіе именно въ этихъ выраженіяхъ...

Воспоминаніе Ярославца объ И. С. Аксаковѣ *).

Ярославская губернія еще помнитъ И. С. Аксакова. Его живое, сильное слово раздавалось въ предѣлахъ всѣхъ городовъ губерніи въ концѣ 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія, когда онъ былъ еще очень молодымъ человѣкомъ, состоялъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскомъ и командированъ былъ въ Ярославскую губернію для обозрѣнія городовъ ея. А съ какимъ интересомъ и увлеченіемъ читались въ то время всѣ ревизіонныя записки, которыя И. С. представлялъ министру, а имъ препровождались къ губернатору или для доставленія объясненій и соображеній, или для распоряженія и исполненія!.. Читались они и тѣми, кто стоялъ въ средѣ губернской администраціи, губернскаго и уѣзднаго надзора, руководящихъ дѣлами общественнаго и хозяйственнаго устройства городовъ; читались и тѣми, кто состоялъ въ городскихъ учрежденіяхъ и даже въ городскихъ полиціяхъ, дѣйствія которыхъ подлежали ревизіи собственно по хозяйственной части, т. е. по обмундированію и содержанію полицейской и пожарной командъ, содержанію пожарныхъ инструментовъ, содѣйствію городскимъ Думамъ по взысканію недоимокъ и въ надзорѣ за торговлею, а также по наблюденію за наружнымъ благоустройствомъ; читались и тѣми, кто даже не имѣлъ служебнаго положенія, но былъ болѣе или менѣе заинтересованъ новымъ, яснымъ, безпристрастнымъ взглядомъ молодаго чиновника на дѣла управленія, читались и перечитывались особенно тѣми, кто были виновниками тѣхъ или другихъ существовавшихъ недостатковъ и неправильностей въ общественныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ городовъ, и кто долженъ былъ дать объясненія. Никто изъ ревизовавшихъ ни прежде, ни послѣ Ивана Сергѣевича не представлялъ своихъ ревизіонныхъ записокъ высшему начальству въ такомъ правдивомъ и изящномъ изложеніи всѣхъ замѣчаній и соображеній, въ какомъ получались отъ него эти записки и сообщались по порядку губернскому начальству, а чрезъ него и городскимъ управленіямъ. Быстрота и неутомимость И. С. въ работахъ ревизіонныхъ были поразительны. „Онъ не знаетъ отдыха“, говорилъ тогда чиновный міръ. А знаніе И. С—чемъ

*) Изъ № 11 «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

общихъ законовъ, частныхъ положеній и всѣхъ изданныхъ въ разное время отъ М. В. Д. циркуляровъ изумляло даже прославленныхъ въ то время дѣльцовъ—чиновниковъ, уже посѣдѣвшихъ надъ практическимъ изученіемъ законовъ и циркуляровъ и надъ примѣненіемъ ихъ къ дѣламъ. Обозрѣніе Ив. С—чемъ городовъ Ярославской губерніи сопровождалось полезными послѣдствіями. Если когда, то въ настоящее время, въ виду свѣжей могилы Ив. Сергѣевича, какъ даровитаго чиновника, необходимо сдѣлать извлеченіе изъ архивныхъ дѣлъ о тѣхъ указаніяхъ его, которыя или открыли новые источники городскихъ доходовъ, или послужили къ увеличенію существовавшихъ доходныхъ статей и проч. Можетъ-быть окажется, что нѣкоторыми указаніями и до сего дня еще не воспользовались городскія управленія. Вѣроятно, по г. Ярославлю при составленіи историческаго обозрѣнія городскаго управленія за 100-лѣтіе, предпринятаго, какъ говорятъ, нашимъ просвѣщеннымъ градскимъ головою, будутъ пересмотрѣны всѣ дѣла, возбужденныя И. С. Аксаковымъ; но въ уѣздныхъ городахъ кто и когда обратитъ вниманіе на нихъ?

Но Ив. Сергѣевичъ памятенъ для Ярославской губерніи не только какъ замѣчательный чиновникъ, но и какъ человѣкъ, который вызвалъ здѣсь общія симпатіи къ себѣ. Въ г. Ярославлѣ онъ нашелъ время и возможность отыскать людей мыслящихъ, сблизиться съ ними, оживить дѣятельность каждаго изъ нихъ по спеціальности. И этихъ людей онъ находилъ не въ однихъ высшихъ губернскихъ сферахъ; онъ бесѣдовалъ часто съ любителемъ исторіи С. А. Серебряковымъ, съ археологомъ Е. В. Трехлѣтовымъ, приласкалъ молодаго поэта Ѳ. Свѣщникова, поощрялъ писаря гор. общества Н. Гашукова, писавшаго уже стихи. И нѣкоторыхъ даровитыхъ студентовъ Лицея онъ успѣлъ своимъ зоркимъ взглядомъ отмѣтить, напр. А. А. Потѣхина и др. Ив. Серг. и самъ занимался литературной, написалъ и читалъ въ то время, въ избранномъ небольшомъ обществѣ, „Бродягу“.

При движеніи мысли въ обществѣ народился въ Ярославлѣ „Литературный Сборникъ“, издававшійся въ 1849 и 1850 гг., въ которомъ приняли участіе, кромѣ поименованныхъ выше лицъ, Н. П. Семеновъ, бывшій ярославскимъ прокуроромъ, а нынѣ—сенаторъ, И. Н. Косаткинъ, Ю. В. Жадовская и другіе. Съ угодичскимъ крестьяниномъ А. Я. Артыновымъ Иванъ Сергѣевичъ любилъ вести бесѣду.

И. С. былъ и защитникомъ угнетенныхъ. Расказывали тогда, что, находясь въ Р.-Борисоглѣбскѣ, И. С. узналъ о неправильномъ разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣла о правахъ наслѣдства одной сироты, купеческой дочери, къ недвижимому имѣнію, отъ котораго она и была противозаконно устранена. Безъ всякаго сторонняго вліянія и безъ всякихъ просьбъ, онъ обратилъ на это вопіющее дѣло вниманіе тѣхъ, кто имѣлъ власть, и дѣло было направлено къ законному порядку и рѣшенію. Молодая дѣвушка съ слезами радости пожелала благодарить И. С. и, когда онъ вновь пріѣхалъ въ Р.-Борисоглѣбскъ, пришла къ нему. Молодой человѣкъ сначала переконфузился появленіемъ въ его квартирѣ дѣвицы, но скоро справился съ своимъ смущеніемъ и сдѣлалъ ей строгое отеческое внушеніе за то, что она не должна была приходить къ нему, что дѣло рѣшено *по закону*, и проч.

А какъ отзывчивъ былъ И. С. къ общественнымъ нуждамъ! Вотъ одинъ близко намъ извѣстный фактъ его любви къ ближнему: въ 1868 г. отъ неурожая предыдущаго года въ Могилевской губерніи особенно чувствовался населеніемъ недостатокъ въ хлѣбѣ, на который цѣны съ каждымъ днемъ возвышались. Бѣдные голодали и испытывали вредныя послѣдствія скуднаго питанія. Въ то время одинъ изъ знакомыхъ Ив. С. по Ярославлю послалъ къ нему въ Москву, съ почтою, образцы хлѣба, какимъ питались крестьяне. И. С. тотчасъ по полученіи хлѣбовъ распорядился произвесть химическій анализъ ихъ, по которому оказалось въ хлѣбахъ на половину сорныхъ травъ, такъ что и голодныя собаки, которымъ давали куски этого хлѣба, не ѣли ихъ. Въ первомъ же нумерѣ издаваемой тогда И. С. газеты „Москва" появилась передовая статья о голодающихъ въ Могилевской губерніи, обратившая общее вниманіе на ихъ положеніе,—и независимо отъ сего И. С. прислалъ 1000 р. въ распоряженіе Могилевскаго православнаго братства на пособіе жителямъ губерніи, страдавшимъ отъ безхлѣбія, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ еще 400 р. для четырехъ волостей Могилевскаго уѣзда, страдавшихъ отъ неурожая.

Все это намъ припомнилось сегодня, по случаю совершенія въ храмѣ Демидовскаго Юридическаго Лицея заупокойной литургіи и панихиды по почившемъ рабѣ Божіемъ Іоаннѣ. Въ храмѣ присутствовалъ г. губернаторъ, съ семействомъ, и представители всѣхъ частей военныхъ, гражданскихъ и обществен-

ныхъ, и многія дамы. Слѣдовало бы Ярославской губерніи почтить память этого русскаго патріота и другимъ способомъ,—напримѣръ, стипендіею въ одномъ изъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеній.

2 февраля.

Памяти И. С. Аксакова *).

Скончавшійся на дняхъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, помимо своихъ разительно выдающихся достоинствъ, какъ знаменитый публицистъ, честнѣйшій человѣкъ и величайшій патріотъ земли Русской, имѣлъ замѣчательно добрую душу, чутко отзывавшуюся на страданія ближняго. Въ Правленіи Купеческаго Общества взаимнаго кредита, гдѣ онъ много лѣтъ состоялъ предсѣдателемъ, его чуть не ежедневно осаждали бѣдняки безъ различія званія и пола: тутъ былъ и гимназистъ, и бѣдная, плохо одѣтая старушка, и отставной офицеръ, и студентъ университета... Иванъ Сергѣевичъ терпѣливо выслушивалъ ихъ просьбы или прочитывалъ присланныя предварительно на его имя письма и всѣмъ рѣшительно помогалъ, при чемъ благотворительность его выражалась или въ доставленіи занятій, или въ болѣе или менѣе крупной суммѣ денегъ, могущей оказать дѣйствительную помощь бѣдному человѣку. Такова истинная евангельская любовь къ ближнему! Прямыми свидѣтелями, очевидцами его щедрой благотворительности могутъ быть всѣ служащіе въ Правленіи Купеческаго Общества взаимнаго кредита.

Вспоминаю одинъ случай, бывшій со мною и имѣвшій мѣсто въ 1876 году, когда я первый разъ увидалъ этого замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка.

Въ 1876 г., во время войны Сербовъ съ Турками, пламенныя рѣчи Ивана Сергѣевича въ засѣданіяхъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета вызвали въ русскомъ обществѣ всеобщее сочувствіе къ нашимъ единоплеменникамъ, изнемогавшимъ въ непосильной борьбѣ съ своими притѣснителями: въ Славянскій Комитетъ отовсюду полились широкой волной пожертвованія въ

---

*) Изъ № 33 „Современныхъ Извѣстій“.

пользу Сербовъ. Энтузіазмъ былъ полный. Не ограничиваясь отсылкой этихъ пожертвованій по назначенію, Иванъ Сергѣевичъ явился главнымъ руководителемъ движенія русскихъ добровольцевъ на театръ военныхъ дѣйствій.

Въ это же время, въ Москвѣ, стараніями докторовъ Головачева и Колюбакина, былъ сформированъ отрядъ добровольцевъ-санитаровъ, отправившійся въ Сербію подъ начальствомъ доктора Колюбакина. Средства отряда, въ которомъ находился и я, состояли изъ пожертвованій, поступившихъ въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей".

По возвращеніи изъ Сербіи я, какъ человѣкъ, не располагавшій средствами къ жизни, естественно долженъ былъ отыскивать ихъ путемъ какихъ-либо служебныхъ занятій. Однако, тщетно стараясь найти ихъ, я уже окончательно выбивался изъ силъ, какъ вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль сходить къ Аксакову и попросить у него занятій въ правленіи Купеческаго Общества взаимнаго кредита, котораго онъ былъ уже и тогда предсѣдателемъ. Сказано—сдѣлано. Одѣвшись въ единственный оставшійся у меня сербскій мундиръ, я отправился въ Правленіе, находившееся тогда на Варваркѣ. Войдя въ помѣщеніе Правленія и не успѣвъ, что называется, отряхнуться, я увидалъ шагахъ въ десяти отъ себя разговаривавшаго о чемъ-то съ однимъ изъ служащихъ господина лѣтъ пятидесяти, съ сильной просѣдью, средняго роста, въ золотыхъ очкахъ, съ бумагами въ лѣвой рукѣ, который, замѣтивъ вѣроятно мой оригинальный сербскій мундиръ, быстро подошелъ ко мнѣ. Высокій лобъ съ гладко зачесанными назадъ волосами ясно обличалъ въ немъ человѣка большаго ума, а глубокія складки около сдвинутыхъ бровей придавали лицу нѣсколько строгое, почти суровое выраженіе. Не знаю почему, но я, ни разу не видавши Ивана Сергѣевича, какъ-то инстинктивно угадалъ, что это былъ именно онъ—знаменитый поборникъ Славянства.

— Вы изъ Сербіи? спросилъ Иванъ Сергѣевичъ, отвѣтивъ на мой привѣтственный поклонъ. Чѣмъ могу быть полезенъ?

Я вкратцѣ расказалъ ему о тѣхъ лишеніяхъ, какія приходится выносить мнѣ теперь, по возвращеніи изъ Сербіи, и въ концѣ концовъ просилъ дать какихъ-либо занятій въ Правленіи.

Лицо Ивана Сергѣевича приняло добродушное выраженіе.

— Батюшка, сейчасъ у меня всѣ мѣста заняты, всѣ. Понавѣдайтесь, постараюсь устроить. Ко мнѣ много обращается добровольцевъ, да что̀ будешь дѣлать?... Отказываю: всѣ мѣста заняты. Вы вѣроятно нуждаетесь?

— Признаюсь, да, Иванъ Сергѣевичъ, говорю я.

— На первое время я вамъ могу... подождите немного!... я... и не досказавъ фразы, Иванъ Сергѣевичъ быстро удалился въ свой кабинетъ. Возвратившись черезъ двѣ-три минуты, онъ сунулъ мнѣ что-то въ руки, и не успѣлъ я опомниться, какъ онъ, проговоривъ «вотъ пока... понавѣдайтесь... прощайте», быстро удалился...

Въ рукахъ у меня лежали двѣ двадцатипятирублевыя бумажки.

Миръ праху твоему, истинный патріотъ, честный гражданинъ и добрый человѣкъ!

31 января 1886 г.

С. Епифановъ.

Изъ воспоминаній объ И. С. Аксаковѣ.

Знакомство мое съ И. С. Аксаковымъ началось въ августѣ мѣсяцѣ 1878 года и съ тѣхъ поръ до самой кончины его я пользовался постояннымъ расположеніемъ его, велъ съ нимъ переписку и во время пріѣздовъ въ Москву всегда бывалъ у него.

Послѣ знаменитой рѣчи, произнесенной имъ 22-го іюня 1878 года въ московскомъ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ, послѣднее было закрыто и И. С. подвергся административной высылкѣ изъ Москвы. Въ это тяжелое для него время Е. Ѳ. Т—ва, по родственной любви и дружбѣ къ И. С. и А. Ѳ. Аксаковымъ, предложила имъ для житья свой хорошо устроенный домъ съ прекрасною усадьбою въ селѣ Варваринѣ, Юрьевскаго уѣзда Владимірской губ., куда они и переселились въ послѣднихъ числахъ іюля 1878 года.

Чрезъ недѣлю по пріѣздѣ И. С. Аксакова, имѣя къ нему письмо Е. Ѳ. Т—вой, я отправился въ Варварино. Признаюсь, не безъ нѣкотораго рода смущенія и робости я переступалъ порогъ дома, чтобы познакомиться съ извѣстнымъ литераторомъ и

публицистомъ, неутомимымъ борцомъ за Русскій народъ и весь Славянскій міръ. Но съ перваго же раза самое внимательное и вмѣстѣ исполненное простоты обращеніе И. С. и А. Ѳ. Аксаковыхъ прогнало всю мою рабость, и, послѣ кратковременной бесѣды съ И. С., я почувствовалъ какъ будто давно знакомъ съ нимъ. Въ этотъ первый пріѣздъ мой въ Варварино, я встрѣтилъ здѣсь извѣстнаго художника Рѣпина, который, по желанію П. М. Третьякова, снялъ съ Аксакова очень хорошій поясной портретъ масляными красками.

И. С. Аксакова нашелъ я въ то время мужественнымъ, бодрымъ, совершенно здоровымъ и, повидимому, спокойнымъ душою; потому мнѣ кажется невѣрнымъ сообщеніе г. Безсонова, помѣщенное имъ въ „Южномъ Краѣ“: „что первое наиболѣе глубокое потрясеніе для здоровья Аксакова произошло въ послѣднюю войну за Болгаръ, когда онъ вынужденъ былъ уединяться въ подмосковныхъ деревняхъ своихъ родственниковъ, чтобы не мѣшать тогдашнимъ успѣхамъ славянскаго дѣла. Кипѣніе внутри души выразилось чѣмъ-то въ родѣ наружнаго воспаленія кожи съ краснымъ оттѣнкомъ на лицѣ (такъ и снятъ былъ въ ту пору портретъ, сколько мы знаемъ и видѣли послѣдній, красками, по заботѣ одного изъ почитателей)“.

Въ неточности сообщенія г. Безсонова можно убѣдиться изъ того, что ни въ какія подмосковныя деревни своихъ родственниковъ не уединялся И. С., въ силу послѣдовавшей ссылки прямо пріѣхалъ въ Варварино, и затѣмъ повторяю, что здоровье И. С. въ то время было въ превосходномъ состояніи, никакого воспаленія кожи на лицѣ у него не было, и если портретъ его г. Безсонову представлялся имѣющимъ красноватый оттѣнокъ въ лицѣ, то И. С. имѣлъ въ то время лицо красноватое отъ загара въ дорогѣ и вообще отъ полнокровія. Физически крѣпкимъ здоровьемъ И. С. Аксаковъ пользовался и въ послѣдующіе годы вплоть до 1885 года, когда доктора настойчиво посовѣтовали ему, оставивъ всѣ занятія, уѣхать ва Крымъ.

По душѣ, какъ говорится, пришлась И. С. мирная сельская жизнь въ „укромномъ и миломъ Варваринскомъ пріютѣ“. Послѣ тяжелаго и утомительнаго труга ему нуженъ былъ покой и физическій, и нравственный. „Здѣсь на просторѣ, говорилъ онъ, я буду имѣть возможность разобраться въ моихъ воспоминаніяхъ. Скучать ему не приходилось, да и некогда было: время все бы-

ло распредѣлено для занятій. Кромѣ составленія записокъ, относящихся къ эпохѣ борьбы Россіи съ Турціею, онъ велъ огромную переписку. Къ нему присылалась масса писемъ извнутри Россіи и изъ Славянскихъ земель, въ томъ числѣ изъ Македоніи; въ письмахъ изъ этой несчастной области яркими красками изображались мученія жителей. Такія письма болѣзненно вліяли на впечатлительную натуру Ивана Сергѣевича.

Живописное мѣстоположеніе села Варварина, расположеннаго на горѣ, внизу которой, между зелеными лугами, прихотливо извиваясь, течетъ рѣка Колокша, а вдали, за рѣкою, виднѣются поля, рощи и многочисленныя села съ ихъ церквами, вдохновило Ивана Сергѣевича, двадцать лѣтъ, по его словамъ, оставившаго музу поэзіи, написать стихотвореніе: „Варварино", посвященное Е. Ѳ. Т—вой.

Насколько стояла хорошая, ясная и теплая осень въ 1878 году—можно судить изъ того, что И. С., гуляя въ Варваринскомъ саду, въ послѣднихъ числахъ сентября, нашелъ разцвѣтшую розу, и по этому случаю написалъ свое стихотвореніе: „Среди цвѣтовъ поры осенней", напечатанное недавно въ „Новомъ Времени". Стихотвореніе это, написанное собственноручно И. С., отдано было мнѣ на память.

Лично для меня, жившаго въ глухой провинціи, бесѣды И. С. имѣли особую прелесть и оставили во мнѣ навсегда самое отрадное впечатлѣніе. Касаясь въ разговорахъ минувшей Русско-Турецкой войны, И. С. высказывалъ мнѣ и о томъ, какъ черезъ его руки прошли сотни тысячъ рублей, пожертвованныхъ московскимъ купечествомъ на святое дѣло—освобожденіе единовѣрныхъ намъ Славянъ отъ турецкаго ига. Ни разу въ печати не высказался И С. о той выдающейся роли, какая выпала на его долю во время войны Россіи съ Турціею, и Россія не ранѣе бы узнала объ этой плодотворной его дѣятельности, какъ по выходѣ въ свѣтъ его воспоминаній, еслибы редакторъ „Гражданина" такъ неделикатно не вызвалъ его на объясненія.

1-го декабря 1878 г., перечитывая русскія газеты, я въ одной изъ нихъ нашелъ извѣстіе изъ Болгаріи о томъ, что Болгаре на сходкахъ громко заявляли о желаніи своемъ предложить княжескій престолъ Ивану Сергѣевичу. Я послалъ къ нему № газеты. Въ тотъ же день И. С. прислалъ мнѣ письмо слѣдующаго содержанія: „Возвращаю вамъ газету, мнѣ присланъ подлинный

№ газеты „Болгаринъ“ и я уже знакомъ съ лепетомъ этихъ наивныхъ дѣтей эпическаго періода, изъ котораго они еще не совсѣмъ вылупились. Имъ я представляюсь издали, какъ Чичиковъ самъ себѣ представлялся почти *военнымъ человѣкомъ*, способнымъ командовать арміей, хитрѣйшимъ дипломатомъ и, вѣроятно, состоящимъ въ особой чести у русскаго правительства. Болгарскимъ княземъ можетъ *и долженъ* быть тотъ, кто угоденъ Русскому Государю, распоряжающемуся милліонами штыковъ: силѣ реальной, способной защитить Болгарію подѣйствительнѣе словъ“.

Время шло своимъ чередомъ и близилось къ зимѣ—самой скучной порѣ въ деревнѣ. Вьюги и мятели наносятъ въ деревняхъ такіе большіе сугробы снѣга, что и выдти иногда долго невозможно, и думалось мнѣ, что вдали отъ умственнаго центра, отъ друзей и близкихъ, при всѣхъ занятіяхъ, тоска обуяетъ И. С. Но, слава Богу, ему не пришлось зиму прожить въ деревнѣ: 29-го ноября 1878 г. получено было имъ Высочайшее разрѣшеніе возвратиться въ Москву. Въ этотъ же день я получилъ отъ него письмо, извѣщавшее меня объ окончаніи его опалы. „Ну, Александръ Өеодоровичъ, писалъ онъ, вотъ и конецъ Варваринскому эпизоду моей жизни. Но мы не поѣдемъ отсюда ранѣе прочнаго саннаго пути, т. е. конца декабря, и надѣемся еще увидѣть васъ въ Варваринѣ. Посылаю вамъ на память о себѣ четыре книги сочиненій моего отца съ надписями“. На 1-й страницѣ книги „Записокъ ружейнаго охотника“ рукою И. С. сдѣланъ слѣдующій эпиграфъ: Гоголь однажды, на вопросъ моего отца, когда же окончитъ онъ 2-й томъ „Мертвыхъ душъ“, отвѣчалъ въ письмѣ такой фразой: „Когда мои люди будутъ такъ же живы, какъ ваши птицы“.

Днемъ отъѣзда Аксаковыхъ изъ Варварина назначено было 13-е декабря, и наканунѣ я поѣхалъ въ Варварино проститься съ ними, поблагодарить ихъ за расположеніе ко мнѣ и пожелать имъ благополучнаго пути. При прощаніи И. С. сѣлъ къ столу и написалъ мнѣ на память стихотвореніе, сочиненное имъ 1-го декабря:

Затворы сняты у дверей
Свободно стелется дорога,—
Но я... я медлю у порога
Тюрьмы излюбленной моей, и т. д.,

какъ напечатано было оно въ Руси и затѣмъ въ № 3576 „Новаго Времени“ за нынѣшній годъ. Въ концѣ стихотворенія

И. С. написалъ въ скобкахъ: „не кончено". 13-го декабря Аксаковы уѣхали въ Москву.

По возвращеніи въ Москву И. С. нашелъ общество въ состояніи какой-то апатіи. Въ письмѣ своемъ отъ 11-го января 1879 г., поговоривъ о своемъ физическомъ и нравственномъ утомленіи, какія пришлось имъ вытерпѣть по случаю пріисканія удобной квартиры, устройства хозяйства и въ особенности приведенія въ порядокъ библіотеки, онъ письмо свое заканчиваетъ такъ: „вотъ наши внѣшнія обстоятельства. Затѣмъ, объ обстоятельствахъ не внѣшняго или матеріальнаго свойства и сказать нечего. Послѣ возбужденія послѣднихъ трехъ лѣтъ общество какъ бы спѣшитъ отдохнуть, вздремнуть и совсѣмъ задремать..."

Предъ началомъ изданія газеты „Русь", И. С., заявляя желаніе имѣть меня корреспондентомъ, въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 27-го сентября 1880 года, изложилъ программу главныхъ вопросовъ, которые должны были подлежать всесторонней разработкѣ. „Мнѣ не нужно, писалъ онъ, ни сплетенъ, ни анекдотовъ о частныхъ случаяхъ злоупотребленій, мнѣ нужны тѣ черты, какія сказываются въ существенныхъ явленіяхъ общественной жизни, какими по преимуществу слѣдуетъ назвать—всѣ виды самоуправленія. Вопросы стоящіе теперь на очереди:

„I. О земствѣ. Почему земскія учрежденія не имѣютъ авторитета для народа и земскія управы представляются ему наравнѣ съ казеннымъ управленіемъ? Какъ устранить это зло? Правительство думаетъ теперь о расширеніи правъ земства, но все-таки это дѣло будетъ мертворожденнымъ, если не пуститъ корней въ народномъ сознаніи.

„II. О крестьянскомъ самоуправленіи, а именно о волостяхъ. Какъ смотрятъ на послѣднія крестьяне? подлежатъ ли онѣ уничтоженію, какъ объ этомъ нѣкоторые прожектеры мыслятъ, или только преобразованію, сообразно потребности и воззрѣніямъ сельскаго народа?

„III. Объ уѣздныхъ мировыхъ судьяхъ, о Присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ? о полиціи?

„Вообще нейдя въ даль и высь, задайтесь мыслію объ устройствѣ *уѣзда* на началахъ самоуправленія не искусственнаго, а живаго и дѣйствительно плодотворнаго, поразузнавъ и народную мысль объ этомъ и личныхъ землевладѣльцевъ, взявъ въ соображеніе именно вашу мѣстность.

„IV. Теперь либеральная печать раздуваетъ вопросъ о недостаточности надѣловъ, видя въ этомъ главную причину обѣднѣнія крестьянъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надѣлы недостаточны, это правда, но въ общемъ едвали слѣдуетъ признать размѣръ надѣловъ причиною настоящаго положенія сельскаго населенія. Возбуждать „аграрный“ вопросъ (это слово именно и прельщаетъ легкомысленныхъ птенцовъ нашей прессы) въ Россіи нѣтъ повода, но въ частности здѣсь, тамъ можетъ встрѣчаться ихъ недостаточность. Какъ въ вашемъ уѣздѣ? Вотъ разныя темы, которыя было бы полезно разработать на мѣстѣ. Не возьметесь ли за это дѣло?“

Съ первыхъ же номеровъ „Руси“, въ ней и начали разрабатывать стоявшіе тогда на очереди вопросы, касавшіеся самоуправленія. Цѣлый рядъ статей былъ посвященъ всесторонней разработкѣ этихъ жизненныхъ вопросовъ.

Многіе считали И. С. за идеалиста, но идеалы его были „не нѣчто носящееся въ воздухѣ, чему и названія дать было нельзя“; нѣтъ—идеалы его имѣли въ сознаніи его опредѣленность и при общихъ дружныхъ усиліяхъ были достижимы. Только твердая вѣра въ идеалъ и могла дать И. С. непреклонную волю и силу всецѣло посвятить себя на служеніе благу Россіи и братьямъ Славянамъ до тѣхъ поръ, пока смерть, подкравшись неожиданно, подкосила его жизнь. Несмотря на пошатнувшееся здоровье, на просьбу родныхъ, онъ не могъ оставить изданіе „Руси“. Вечеромъ, стоя у конторки, онъ работалъ по 6 часовъ сряду, и иногда, какъ говорилъ онъ мнѣ, чувствуя себя взволнованнымъ или сильно утомленнымъ, выпивалъ стаканъ молока, которое его успокоивало, и ложился спать. Крѣпкій организмъ И. С., при ежедневномъ сильномъ напряженіи физическомъ и умственномъ не выдержалъ и жизнь порвалась. Смерть его (въ чемъ, какъ медикъ, я не сомнѣваюсь) послѣдовала отъ паралича сердца при органическомъ порокѣ онаго и общемъ анемическомъ состояніи организма.

Еще 19-го декабря прошлаго года я нашелъ И. С. бодрымъ, спокойнымъ и веселымъ, но 12-го января, по пріѣздѣ моемъ въ Москву, я замѣтилъ въ немъ большую перемѣну: онъ похудѣлъ и лицо его было очень блѣдно, я узналъ отъ него, что онъ страдалъ сильнымъ геморроидальнымъ кровотеченіемъ. Поговоривъ о разныхъ средствахъ, полезныхъ въ этой болѣзни, я посовѣтовалъ

И. С. прогулки, но онъ сказалъ, что не можетъ гулять, ему тяжело ходить въ шубѣ, и что онъ чувствуетъ одышку. Послѣдняя указывала на пораженіе сердца. Прощаясь съ И. С., я высказалъ ему, что для окончательнаго его выздоровленія нужно совершенное спокойствіе, которое возможно только съ прекращеніемъ изданія газеты, и И. С. сказалъ мнѣ, что если не будетъ войны, то онъ на все лѣто пріѣдетъ для отдыха въ Варварино. Съ тяжелымъ чувствомъ вышелъ я отъ искренно и глубоко почитаемаго мною И. С., успокоивая себя мыслію, что лѣтомъ здоровье его можетъ поправиться, будучи далекъ отъ мысли, что дни его жизни сочтены и что смерть занесла уже на него свою неумолимую руку.

Будемъ ожидать съ нетерпѣніемъ біографіи такой же полной и подробной объ умершемъ И. С., какую самъ онъ написалъ объ одномъ изъ русскихъ людей, съ которымъ былъ связанъ и узами родства и тѣсной дружбою—Ѳ. И. Тютчевѣ, тоже горячо любившемъ и *вѣрившемъ* въ Россію и въ освобожденіе братьевъ Славянъ.

А. Благонравовъ.

Памяти Ивана Сергѣевича Аксакова *).

Пишу изъ далекаго городка... Съ 1844 года, когда началась литературная дѣятельность Аксакова, онъ въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ откликался живо, сознательно и зрѣло на теченіе общественной жизни. Поэтомъ онъ началъ свою дѣятельность, вѣщимъ поэтомъ остался онъ и въ публицистикѣ.

Его серіозное и сердечное отношеніе къ жизни подмѣтилъ едва ли не ранѣе всѣхъ *Гоголь:* въ ноябрѣ 1845 года онъ пишетъ Шевыреву: „*Извѣстіе твое о талантѣ Ивана Аксакова меня порадовало, и я пожалѣлъ, что ты не прислалъ его стиховъ*", и вслѣдъ затѣмъ проситъ и старика Аксакова и Языкова прислать ему стихотворенія Ивана Сергѣевича: „*Мнѣ хвалили очень его „Зимнюю дорогу". Пришлите ее и все то, что ни было имъ написано въ послѣднее время*". Прочитавши ихъ, Гоголь писалъ Языкову

*) Изъ № 3576 «Новаго Времени», въ извлеченіи.

въ мартѣ 1846 года: „*Мнѣ особенно понравились стансы „Среди удобныхъ и лѣнивыхъ“. Въ юношѣ виденъ талантъ рѣтительный, стремленіе приспособить поэзію къ дѣлу и къ законному вліянію на текущія современныя сбытія*“. Вообще о молодыхъ людяхъ той поры Гоголь говорилъ, что у нихъ есть внутри сила, требующая дѣла, алчущая дѣйствовать, и только не знающая, гдѣ, какимъ образомъ, на какомъ мѣстѣ.

Вслѣдъ затѣмъ стало высказываться сочувствіе къ Ивану Сергѣевичу и другихъ поэтовъ. *Языковъ* въ посланіи къ нему писалъ:

Прекрасны твои пѣснопѣнья живыя,
И сильны, и чисты, и звонки они...

Графъ *А. К. Толстой*, раздѣляя любовь его къ родному быту, говорилъ ему:

И всѣ мнѣ дороги явленья
Тобой описанныя, другъ,
Твои гражданскія стремленья
И честной рѣчи трезвый звукъ.

Полонскій характеризовалъ строгую музу Аксакова слѣдующими стихами:

Когда мнѣ въ сердце бьетъ, звеня какъ мечъ тяжелый,
Твой жесткій, безпощадный стихъ,
Съ невольнымъ трепетомъ я внемлю невеселой,
Холодной правдѣ словъ твоихъ...
Не внемля шопоту соблазна, строгій геній
Ведетъ тебя инымъ путемъ—
Туда, тдѣ нѣтъ уже ни жаркихъ увлеченій,
Ни примиренія со зломъ...
Общественнаго зла ты корень изучая,
Стоялъ надъ нимъ съ ножомъ, какъ врачъ...

Плещеевъ, посвящая ему свои „Двѣ дороги“, видѣлъ его въ числѣ тѣхъ немногихъ, которые идутъ, чтобы проложить въ пустынѣ слѣдъ:

Хоть угрюма та дорога
И не къ радостямъ ведетъ,
Но по ней—за ними много
Новыхъ путниковъ пойдетъ.

Искренно сочувствовали ему *К. К. Павлова* и *Ю. В. Жадовская;* первая въ посланіи къ нему писала:

И мы, чья нива не созрѣла,
Которымъ жатвы не сбирать,
И мы свой жребій встрѣтимъ смѣло,
Да будетъ вѣра—наше дѣло,
Страданье наша благодать!

Хомяковъ напутствовалъ его изданіе „Паруса“ прекраснымъ стихотвореніемъ, гдѣ одной строчкой характеризуетъ значеніе его дѣятельности.

Поднятъ флагъ: на флагѣ виденъ
Правды судъ и миръ любви...

Среди такихъ сочувствій, такого уваженія, Иванъ Сергѣевичъ всегда добросовѣстно и смѣло дѣйствовалъ и въ службѣ и въ литературѣ, и могъ говорить о себѣ:

Сознанье бодрое не дремлетъ,
Неумолкаемо зоветъ.

И хотя не разъ ему приходилось замѣчать и ослабленіе въ себѣ, и медленность труда, и недостатокъ дѣятелей, и горько жаловаться на это:

Но время мчится, жизнь старѣетъ,
Все также свѣта не видать:
Такъ незамѣтно дѣло зрѣетъ,
Такъ мало васъ, которыхъ грѣетъ,
Любви и скорби благодать;—

но въ то же время онъ оставался строго вѣренъ себѣ и пылко восклицалъ:

Нѣтъ! темныхъ сдѣлокъ, Боже правый,
Съ неправдой намъ не допусти,
Покрой стыдомъ совѣтъ лукавый,
Блаженство сонныхъ возмути!
Да пробудясь въ восторгѣ смѣломъ,
Съ отвагой пылкою любви,
Мы жизнью всей, мы самымъ дѣломъ
Почтимъ велѣнія Твои!

Завѣту своему онъ дѣйствительно послѣдовалъ и могъ говорить о себѣ:

Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ...
. . . .
И дерзко я на сердце наложилъ
Тяжелый гнетъ упорнаго терпѣнья.

Съ этимъ терпѣньемъ онъ работалъ всю жизнь, несмотря на всѣ невзгоды. Онъ самъ говорилъ: „*наши изданія лишены были счастія пользоваться расположеніемъ высшихъ чиновъ, имѣвшихъ власть надъ литературою*“ („Руск. Архивъ“ 1873, книга II, столбецъ 2529). И всѣ знаютъ, что ему запрещали писать, осыпали десятками предостереженій, запрещали изданія. Но онъ ни разу не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, не понизилъ своего тона.

Въ своихъ изданіяхъ, особенно въ „Руси“, онъ работалъ большею частью самъ; какую бы онъ ни печаталъ статью постороннюю, какой бы ни поднимался вопросъ, онъ почти всегда откликался на него своимъ мѣткимъ и вѣскимъ словомъ.

Самые противники его литературные признавали въ немъ искренность и твердость убѣжденій. Нѣкоторыя рѣчи его были переводимы на иностранные языки, издавались въ Лондонѣ, читались на расхватъ и возбуждали серіозныя передовыя статьи въ журналахъ. Во время путешествія его по Славянскимъ землямъ въ 1860 году, его встрѣтилъ рядъ оваций. И при всѣхъ своихъ трудахъ и заслугахъ, онъ былъ необыкновенно скроменъ; хвалебный приговоръ былъ ему обиденъ.

Какъ прямъ и откровененъ былъ онъ въ печати, такимъ былъ и въ частныхъ письмахъ, даже къ незнакомымъ лицамъ, никогда имъ невидѣннымъ. Не мало молодыхъ людей, пробовавшихъ свои силы на поэтическомъ полѣ, обращалось къ нему, прося его совѣтовъ, указаній, и онъ, среди всѣхъ своихъ трудовъ и хлопотъ, находилъ время писать имъ по 3, по 4 страницы, полныя прямыхъ, глубоко справедливыхъ замѣчаній. Вотъ, напримѣръ, что̀ писалъ онъ еще въ 1862 году къ одному молодому стихотворцу (изъ трехъ страницъ мы беремъ лишь нѣсколько строкъ, которыя и теперь могутъ быть полезны многимъ).

„Не спѣшите печататься. Раннее печатаніе бываетъ (конечно, не всѣмъ) вредно: авторъ удовлетворяется малымъ, миніатюрнымъ

успѣхомъ и принимаетъ невольно складъ и сгибъ, отъ котораго нелегко потомъ избавиться. И теперь уже изъ вашей тетради, видно, что вы уже сочинили себѣ извѣстную позицію, уже рисуетесь сами себѣ или желаете рисоваться передъ другими въ излюбленномъ вами видѣ. Отъ этого въ вашихъ прекрасныхъ, молодыхъ стихахъ недостаетъ искренности. Вы говорите про *хворое* сердце, про *могилу, усталую грудь* и проч. и проч., а между тѣмъ все это не возбуждаетъ ни малѣйшаго состраданія! Мало этого, вовсе не вѣрится этой хворости и усталости! Это такъ, для прикрасы! про могилу вы говорите такъ, какъ человѣкъ о могилѣ вовсе не думающій, про горе—какъ не испытавшій дѣйствительнаго горя. Иначе сказывается истинная *боль* сердца.

„....Я бы позволилъ себѣ совѣтовать вамъ: немножко строже отнестись къ себѣ, не слишкомъ дорожить своими созданьицами, не злоупотреблять стихомъ, не тѣшиться этой забавой, а писать стихи, когда есть что̀ писать, когда на то почувствуется внутренняя, сердечная потребность. Виртуозовъ у насъ много, а композиторовъ мало!... Если у васъ есть другіе стихи и сочиненія, то мнѣ будетъ всегда интересно прочесть ихъ... Во всякомъ случаѣ скажу вамъ искренно мое мнѣніе...“

Другому лицу, извиняясь въ долгомъ молчаніи, онъ писалъ, объясняя и причины его, и характеръ своей дѣятельности (въ 1881 г.).

„...Изданіе газеты—дѣло не только тяжелое, но—что̀ всего хуже—*суетливое*. Едва-едва ночью урываю я себѣ нѣсколько часовъ спокойнаго времени для того, чтобы написать свои статьи, которыхъ всегда не менѣе двухъ въ каждомъ нумерѣ. Всею своею тяжестью газета лежитъ на мнѣ одномъ: талантливыхъ единомышленниковъ кругомъ меня совсѣмъ нѣтъ: всѣ перемерли, другіе живутъ не въ Москвѣ, нѣкоторые, наконецъ, перешли въ чужой лагерь... Я не успѣваю читать ни статей, ни писемъ, которыхъ получается множество отовсюду... Призваніе газеты—*отзываться* на вопросъ *текущей* минуты,—въ этомъ ея raison d'être, иначе—въ наше время, столь отличное отъ прошлой литературной эпохи,—газету и читать не станутъ, а не будетъ подписчиковъ—не въ состояніи она и существовать. Къ тому же и изданіе газеты предпринялъ я единственно съ цѣлью *борьбы*. Ея задача: бороться съ ложнымъ политическимъ либерализмомъ современнаго общества, съ анти-національнымъ, матеріалистическимъ направленіемъ, заполонившимъ всю такъ-называемую „интеллигенцію“. Кругомъ

насъ, въ „культурной“ средѣ общественной, кишатъ революціонно-отрицательные элементы. Поэтому газета поневолѣ становится трибуной, на которой несовсѣмъ-то мѣсто досужимъ воспоминаніямъ о прекрасномъ старомъ, мирномъ времени, гдѣ самые жгучіе интересы были интересы мысли, науки и искусства. Людямъ револьвера и динамита приходится держать рѣчи совсѣмъ иного свойства...“

Заканчиваемъ наши извлеченія народнымъ словомъ: „Твоимъ добромъ — тебѣ челомъ!“ И въ глубокомъ умиленіи кланяемся твоей могилѣ, душевно-чтимый нашъ поэтъ и пророкъ, и учитель!..

С. П.

Рѣчь произнесенная 31 января на панихидѣ по въ Бозѣ почившемъ Иванѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ ректоромъ Черниговской Духовной Семинаріи, протоіереемъ Н. Марковымъ *).

Скорбнымъ чувствомъ, великимъ горемъ отзовется въ сердцахъ истинно-русскихъ людей, т. е. мыслящихъ и чувствующихъ *по русски*, неожиданная вѣсть о кончинѣ Ивана Сергѣевича Аксакова. Ибо скончался не только славный писатель, который долгое время былъ лучшимъ, честнѣйшимъ, самымъ горячимъ и могучимъ выразителемъ *русской мысли*, — почилъ одинъ изъ доблестнѣйшихъ сыновъ *земли Русской*, великій патріотъ, писатель-гражданинъ, посвятившій всю жизнь свою отъ ея разцвѣта до послѣднихъ минутъ кончины, все великое богатство своихъ духовныхъ талантовъ на борьбу и подвигъ за правду (идею) Россіи, за истину и святость коренныхъ основъ ея самобытнаго развитія, за ея высшее духовное призваніе въ мірѣ православно-славянскомъ,—умолкъ вѣщій глашатай разума и чувства Руси!

Грозная судьба написана, кажется, вверху нашему времени... Падаютъ одинъ за другимъ наши лучшіе, благороднѣйшіе люди

---

*) Изъ № 4 «Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій». Рѣчь эту пришлось напечатать здѣсь, въ III-мъ, а не въ I-мъ отдѣлѣ Сборника, какъ бы слѣдовало: редакція получила ее слишкомъ поздно, уже по отпечатаніи I-го отдѣла. По той же причинѣ слѣдующая за нею статья не могла быть помѣщена во II-мъ отдѣлѣ «Сборника».

и дѣятели. Не успѣемъ схоронить одного,—рой могилу другому и готовься оплакивать и пѣть *вѣчную память* третьему... Аксаковъ скончался! слышишь и невѣришь. Неужели умеръ онъ, въ которомъ волновался съ такою силою избытокъ энергіи жизни, съ которымъ не соединялась даже въ воображеніи дума о чемъ-нибудь неподвижномъ. Чтò это была за натура талантливая, оригинальная, сердце горячо любящее, душа честная и прямая! Какой живой, выспренній и проницательный умъ! Какое богатство идей, самыхъ жизненныхъ, которыхъ у него въ умѣ заключался источникъ неизсякаемый. Какой необыкновенный даръ слова, вырывавшагося изъ-подъ пера его огненнымъ потокомъ, зажигавшимъ сердца людскія! Какая ничѣмъ не колебимая сила убѣжденій, самыхъ возвышенныхъ и благороднѣйшихъ! Какая пламенная и просвѣщенная любовь къ отечеству! Какая, наконецъ, свѣтлая и разумная вѣра въ высшія, нравственныя, христіанско-православныя начала жизни!

Да! Величавѣе всего представляется образъ почившаго въ Бозѣ Ивана Сергѣевича Аксакова въ отношеніи къ этимъ высшимъ просвѣтительнымъ началамъ жизни человѣческой и идеаламъ Святой Руси. Онъ былъ истинный сынъ Церкви Православной, по своей вѣрѣ и убѣжденіямъ. Мірянинъ—онъ высоко и неуклонно держалъ знамя святой православной вѣры, чакъ высшаго просвѣтительнаго начала самобытнаго развитія Россіи. Въ каждомъ своемъ вѣщемъ словѣ, въ своихъ возвышенныхъ вдохновенныхъ произведеніяхъ, исполненныхъ христіанской любви и правды, онъ какъ пророкъ будилъ наше омертвѣлое общество — „*къ жизни духа, къ духу жизни*“. Онъ любилъ пламенно Россію, питалъ искреннее, глубокое и священное чувство приверженности къ Русскому народу, въ лучшихъ проявленіяхъ его духа, весь жилъ вѣрою въ успѣхи его развитія самобытнаго, видѣлъ ясно высокую цѣль, Провидѣніемъ Россіи предопредѣленную, принималъ живо и горячо къ сердцу судьбы Славянъ — единоплеменныхъ и единовѣрныхъ братій—и призывалъ всѣми силами своей великой души ихъ возрожденіе не только политическое, но *духовное*.

Воистину онъ былъ носитель знамени объединенія всего славянскаго рода. Его святымъ убѣжденіемъ было, что міру Славянства, подъ знаменемъ православія, предназначено Богомъ великое историческое призваніе въ судьбахъ человѣчества, и что это міровое предназначеніе осуществится братскимъ духовнымъ

союзомъ, во главѣ котораго долженъ идти, какъ старшій братъ Славянъ, Русскій народъ съ своимъ Боговѣнчаннымъ Вождемъ—Царемъ. Это убѣжденіе проникало его плодотворнѣйшее для русскаго общественнаго самосознанія и для дѣла объединенія всего Славянскаго міра изданіе, которое достойно носило столь знаменательное имя: „Русь", Да, „Русь" Аксакова—это истинно-русское слово истинно-русскаго чувства и разумѣнія глубочайшихъ задачъ, интересовъ и высшаго призванія Россіи, которымъ посвящена была и вся жизнь и дѣятельность покойнаго.

И вотъ, внезапно, неожиданно, преждевременно умолкъ на вѣки этотъ вѣщій глашатай разума и сердца Руси Святой!... Но дѣло его не умретъ, и имя его останется безсмертнымъ и будетъ все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ почтеніемъ произноситься и поминаться будущими поколѣніями. Намъ же, чувствующимъ невознаградимую утрату для нашего времени одного изъ величайшихъ работниковъ на обширномъ полѣ русской общественной жизни, остается одно утѣшеніе, что полоса на этой нивѣ, указанная и отмежеванная покойному Провидѣніемъ, вполнѣ воздѣлана, что имъ прорѣзана глубокая борозда и посѣяно доброе сѣмя, да возрастетъ обильная жатва, — какъ выразилъ увѣренность въ этомъ самъ И. С. Аксаковъ въ одномъ изъ своихъ вдохновенныхъ поэтическихъ произведеній:

И вѣрю я! наступитъ время,
Хоть громъ греми и вѣтеръ вѣй,
Но долетитъ святое сѣмя
До почвы избранной своей...

Миръ почившему доброму сѣятелю на нивѣ Божіей правды и истины. Да упокоится духъ его и наслѣдитъ *благая на земли живыхъ,* въ селеніяхъ Праведныхъ, куда призываются всѣ жизненные сѣятели добра, въ царствѣ Господа Христа, Который Самъ нисходилъ на землю, какъ сѣятель сѣмени небесной истины и правды. *Вѣруемъ видѣти* ему *благая на той земли живыхъ,* радуясь, что почившій, незабвенный собратъ нашъ и рабъ Божій Іоаннъ, отходя, взялъ съ собою, какъ неотъемлемый залогъ этого, сокровище вѣры Христовой, горячей, искренней, дѣтски чистой и православной...

Передовая статья №1 газеты „Русское Дѣло“. *)

Москва, 2 апрѣля.

Похороны Ивана Сергѣевича Аксакова, единодушный порывъ горя, охватившій сердца, множество телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи съ телеграммой Государя во главѣ,—все это вмѣстѣ взятое сливается въ величавую историческую картину, полную глубокаго смысла. Надъ могилой этого человѣка обѣднѣвшая духовно Русь какъ бы захотѣла посчитаться силами, закрѣпить и выразить свою тѣсную духовную связь съ носителемъ идей, чуждыхъ въ сильной степени ея будничной, сѣренькой дѣйствительности, но инстинктивно дорогихъ каждому, въ комъ долгое и фальшивое историческое воспитаніе не вытравило еще послѣднихъ слѣдовъ русскаго чувства.

Если мы оглянемъ тотъ путь, по которому шелъ покойный, мы найдемъ, что этотъ путь тѣсно совпадаетъ съ движеніемъ у насъ національнаго самосознанія. Въ первую пору своей публицистической дѣятельности, Аксаковъ являлся младшимъ членомъ кружка, стоявшаго совершенно особнякомъ среди тогдашняго образованнаго общества и литературы. Первые славянофилы работали при условіяхъ весьма тяжкихъ. Правительство смотрѣло на нихъ какъ на опасныхъ проповѣдниковъ какого-то новаго ученія, едвали не враждебнаго государственному строю. Общество, не читая ихъ сочиненій и зная о славянофилахъ лишь по наслышкѣ, предавало ихъ посмѣянію, какъ враговъ прогресса и европейской культуры. Цензура взвѣшивала подозрительно каждую строку славянофильскихъ писаній; но даже и это не спасало иногда уже разрѣшенныя изданія отъ ареста и прекращенія.

Въ началѣ прошлаго царствованія обстоятельства перемѣнились; но среди наступившей для печатнаго слова относительно широкой свободы, славянофильство продолжало оставаться въ подозрѣніи. Да это и понятно. Для свободолюбивыхъ теченій той эпохи была понятна и, пожалуй, любезна борьба западнаго консерватизма съ западнымъ либерализмомъ. Отрицательное отношеніе славянофиловъ къ тому и другому пугало самыхъ либеральныхъ государственныхъ людей.

Въ самый разгаръ освободительнаго движенія, столпы сла-

вянофильства, Хомяковъ и Константинъ Аксаковъ, сошли въ могилу. Во главѣ кружка остались: И. С. Аксаковъ — лирическій поэтъ по темпераменту, но уже стоявшій на дорогѣ публициста и редактировавшій „Русскую Бесѣду", и Ю. Ѳ. Самаринъ—философъ и ученый богословъ въ кабинитѣ,—замѣчательный боецъ, практикъ и организаторъ въ жизни. Наступила эпоха, требовавшая полнаго напряженія русскаго чувства и русскаго ума. Поэтъ окончательно повѣсилъ лиру и всталъ на трибуну журналиста, философъ закрылъ свои фоліанты и бросился на дѣло, которое ждало и призывало его и которое онъ во главѣ небольшаго кружка русскихъ талантливыхъ людей сумѣлъ свернуть съ ложнаго пути и двинуть по національной дорогѣ.

Основанный Аксаковымъ „День" представлялъ уже явле́ніе въ тогдашней литературѣ и вѣское и серіозное. Позади Аксакова стояла самобытная русская культурная и философская школа, идеи которой онъ популяризовалъ съ замѣчательной силой и страстностью. Его голосъ не терялся въ вопіющей разноголосицѣ чужихъ, или навѣянныхъ за запада мнѣній. Русская мысль, пользуясь необычнымъ дотолѣ просторомъ, росла изъ-подъ буйно разцвѣтшихъ сорныхъ травъ, крѣпла и проникала въ общество, дѣйствуя пока только отрицательно, но безпощадно. Не успѣетъ русская интеллигенція ухватиться за какой-нибудь новый европейскій идеалъ, глядь! уже проѣденъ онъ, словно кислотой, живой критической мыслью, безпощаднымъ сарказмомъ, уже отцвѣтаетъ, не успѣвши разцвѣсть, даетъ сплошь пустоцвѣтъ за пустоцвѣтомъ!

И сколько такихъ идеаловъ покоится въ архивахъ исторіи русской литературы!..

„День" былъ первымъ торжественнымъ выходомъ русскаго направленія *изъ кружка въ общество.* Самобытность русскихъ и славянскихъ началъ была торжественно провозглашена и стала съ этихъ поръ не кабинетной, но живой, реальной силой. Таковъ былъ первый шагъ Аксакова, характеризующій цѣлый періодъ въ исторіи русскаго самосознанія.

Къ слѣдующему періоду относится „Москва". Она начинала борьбу другаго рода; она выступала съ ясной государственной программой, несла рѣшеніе цѣлаго ряда назрѣвавшихъ экономическихъ задачъ и становилась на почву практическаго творчества. За ней стояла уже не кучка адептовъ-читателей, молчаливо

раздѣлявшихъ воззрѣнія редактора, а цѣлая живая сила московскаго практическаго міра, заключавшаго въ себѣ всѣ задатки серіознаго государственнаго творчества въ русскомъ духѣ, чувствовавшаго въ себѣ достаточно сильный источникъ этого творчества. Да и сама редакція располагала крупными сисами: достаточно назвать имена Ю. Ѳ. Самарина, Чижова, Бабста, профес. Чупрова и др.

Петербургскому консерватизму, одолѣвавшему въ это время мало-по-малу петербургскій либерализмъ, объявлялась война во имя русскихъ національныхъ началъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ господствовавшими теченіями. Эти начала, живымъ ключемъ кипѣвшія тогда въ Москвѣ и имѣвшія за собой крупную общественную силу, казались уже редактору ,,Москвы" несокрушимыми...

Борьба Аксакова имѣла характеръ слишкомъ побѣдный и самоувѣренный. Онъ не допускалъ мысли, чтобы властные представители несочувственнаго ему образа мыслей, связанные притомъ новымъ закономъ о печати, рѣшились идти такъ далеко, и онъ давалъ сраженіе за сраженіимъ, продолжалъ вести борьбу и тогда, когда рѣзко былъ поставленъ вопросъ объ измѣненіи самаго закона...

Это была ошибка. Тогдашній консерватизмъ оказался рѣшительнѣе, чѣмъ думалъ Аксаковъ, и въ то время, когда самая крайняя проповѣдь разрушительныхъ началъ еще пользовалась широкой терпимостью во имя свободы печати, ,,Москва" и ,,Москвичъ" были запрещены...

Отъ этого момента отдѣляютъ насъ уже полтора десятилѣтія, и мы можемъ смотрѣть на эту борьбу съ полнымъ спокойствіемъ. Чтò несли та и другая изъ спорящихъ сторонъ? Почему смотрѣли на воинствующую ,,Москву" какъ на газету вредную для государственнаго порядка и спокойствія? Аксаковъ стоялъ за государственный порядокъ, за законность, за самодержавіе, и притомъ не какъ за одну внѣшнюю форму, но какъ за *идеалъ*, и защищалъ его со всею страстностью. Онъ отрицалъ всякія политическія и властолюбивыя притязанія, навязываемыя Русскому народу. Онъ былъ патріотомъ въ высшемъ смыслѣ слова. Правда, онъ требовалъ свободы для жизни, слова и совѣсти... но могли ли эти требованія идти въ разрѣзъ съ идеями, господствовавшими въ правительствѣ, если оно само

непринужденно давало тогда не только эти свободы, но даже возможность злоупотреблять ими... Въ чемъ же заключалась самая суть борьбы, доводившая стороны до непримиримаго озлобленія?

Да въ томъ, что это была борьба не личности, не партіи даже, а новаго культурнаго начала, только-что воплощавшагося въ жизнь, съ другимъ культурнымъ началомъ, которое оно стремилось изгнать изъ русской жизни, началомъ европеизма, властно гнувшаго русскую жизнь и не желавшаго терпѣть ея протеста.

Въ томъ, что западный либерализмъ, соціализмъ и даже самый нигилизмъ, какъ законныя дѣти этого начала, родственнѣе и понятнѣе нашему консерватизму, чѣмъ міровоззрѣніе славянофильской школы, столь дикое просвѣщенному Европейцу: подите, втолкуйте ему, почему съ точки зрѣнія славянофиловъ Іоаннъ Грозный можетъ считаться дѣятелемъ гораздо болѣе либеральнымъ, чѣмъ, напримѣръ, императоръ Александръ Благословенный, независимо отъ ихъ личныхъ характеровъ.

Но если по внѣшности западное культурное начало побѣдило и Аксаковъ умолкъ, то въ жизни русскаго общества идеи, выношенныя славянофилами и посѣянныя Аксаковымъ, становились плотію. Послѣ этой послѣдней побѣды не суждено было нашему европеизму сказать ни одного новаго слова! А въ это время назрѣвало другое, еще болѣе широкое дѣло, чѣмъ газетная борьба, подготовлялось славянское движеніе. Столпы русской школы еще давно заботливо расчистили и подготовили ему почву. Незамѣтно сосредоточивалась въ Москвѣ вся живая и творческая сила страны. Начавшееся славянское движеніе застало Петербургъ въ расплохъ и нашло свой естественный центръ въ Москвѣ съ И. С. Аксаковымъ во главѣ. Всѣ мы помнимъ эту памятную эпоху. Что̀ сдѣлалось съ нашимъ грознымъ и властнымъ всего пять-шесть лѣтъ назадъ европеизмомъ? Онъ замолкъ и стушевался съ той минуты, когда покойный Государь пріѣхалъ въ Москву и произнесъ въ Кремлѣ свои памятныя слова — скрѣпя сердце пошелъ онъ на буксирѣ событій, оставаясь въ душѣ чуждымъ славянскому движенію, едва ли не мѣшающимъ только элементомъ. Проснулся Русскій народъ, сердцемъ узналъ своихъ, увидалъ своего Государя, своихъ работниковъ. Консерваторы— хвала имъ! поняли эту минуту и честно *повиновались*. Не они вели это дѣло, которое по существу было имъ такъ же чуждо,

какъ и всѣмъ инымъ русскимъ Европейцамъ; но они не глумились надъ народнымъ порывомъ, не радовались нашимъ неудачамъ...

Но вотъ, народная страда кончилась и народъ ушелъ *въ себя.* У дѣла явились снова русскіе Европейцы... Берлинскій трактатъ... путешествіе Аксакова въ Варварино... торжество консерватизма, торжество либерализма, минутное торжество нигилизма, проблескъ русскаго направленія... опять торжество консерватизма... знакомая смѣна нерусскихъ декорацій!

Во второй разъ пришлось Аксакову увидать воочію, что для серіознаго успѣха и торжества мало однихъ великихъ жертвъ и порывовъ, мало даже богатыря-народа, выступающаго временами такъ стройно-торжественно на историческую сцену. Нужна интеллигенція единомысленная и единочувственная съ народомъ, умѣющая не въ порывѣ одушевленіи, но спокойно, *ежедневно* творить то самое дѣло, которое творитъ народъ въ часъ подвига. Но нѣтъ у насъ этой интеллигенціи при всемъ изобиліи не знающихъ что̀ съ собой дѣлать „образованныхъ" людей, или, если есть, то не составляетъ еще она той силы, того слоя, откуда могла бы питаться и самая власть...

А историческій процессъ переработки въ нашемъ общественномъ организмѣ воспринятой нами дозы „европейской культуры" идетъ неуклонно. Побѣда видна уже и въ томъ, что типъ чистаго, цѣльнаго Европейца, въ родѣ симпатичнаго, конечно, но совсѣмъ не русскаго „человѣка сороковыхъ годовъ", вылинялъ и становится рѣдкостью. Русское начало, окрѣпшее новыми силами изъ почвы, имѣвшее столько великихъ минутъ въ своей новѣйшей исторіи, разливается широкимъ потокомъ, просачивается и въ жизнь и въ литературу, незримо примѣшивается ко всѣмъ умственнымъ отправленіямъ страны и производитъ путаницу невообразимую въ смѣси съ чуждымъ ему началомъ западно-европейскимъ.

Первый результатъ этого смѣшенія — жестокій сумбуръ въ идеяхъ и воззрѣніяхъ и неразлучное съ ними измельчаніе типа, апатія, разочарованіе, усталость мысли, какъ бы разложеніе общественнаго организма. Никому ничего страстно не хочется, никто никуда не рвется, господствуетъ въ атмосферѣ такъ-себѣ что-то кисленькое, тепленькое, чему нѣтъ и названія, какая то слякоть...

Въ такія эпохи воздухъ душенъ; распложается и ликуетъ

гадъ; умственнаго творчества нѣтъ; очередныя поколѣнія молчатъ и вянутъ безъ пользы, страдаютъ сердцемъ и способны на борьбу, на страстные порывы лишь люди старшихъ поколѣній, цѣльные мыслью и сердцемъ, видавшіе лучшіе дни.

Воззваніе Аксакова передъ открытіемъ „Руси" пронеслось какъ раскатъ грома. „Въ этомъ словѣ „Русь", говорилъ Иванъ Сергѣевичъ, сосредоточенъ для насъ весь смыслъ той правды, которой такъ недостаетъ нашему изолгавшемуся общественному бытію, по которой такъ тоскуетъ, такъ истомился русскій человѣкъ. Страшно устала наша земля отъ сочинительства, мудрованія, фальши, которая такъ долго, такъ властно гнула, муштровала, переиначивала ее на разные чужіе лады и порядки. Вся нужда, вся задача наша теперь именно въ томъ, чтобы внести, наконецъ, правду въ русскую жизнь, чтобъ возвратить ей свободу органическаго самороста, чтобъ въ самомъ дѣлѣ Русь стала Русью".

Успѣхъ объявленной на газету подписки превзошелъ всякія ожиданія. Отъ Аксакова имѣли полное право требовать той правды, которую онъ призывалъ для Руси, и за этой правдой, какъ за цѣлебнымъ бальзамомъ, протянулись тысячи рукъ. Онъ и далъ ее. Но эта правда явилась не въ видѣ готовой громкой формулы или талисмана, обладающаго магическимъ свойствомъ немедленнаго врачеванія—она была скорѣй холоднымъ душемъ. Въ самый разгаръ газетныхъ разглагольствованій объ „увѣнчаніи зданія", „Русь" съ перваго же нумера заявила, что вѣнчать ровно нечего, что зданія никакого нѣтъ, а есть лишь фундаментъ съ уродливыми лѣсами и временными, кое-какъ нагроможденными постройками на немъ. Фундаментъ этотъ, правда, хорошъ, но онъ заваленъ разнымъ соромъ и заросъ бурьяномъ. Дѣло русской интеллигенціи—спуститься внизъ, очистить и строить прочно и обдуманно, начиная *снизу*. Другими словами, организовать сначала настоящее правильное самоуправленіе въ уѣздѣ, водворить *тамъ* жизнь и правду; и только тогда идти выше.

Наступило нѣкоторое недоумѣніе... Правда вышла слишкомъ прозаична. Но бóльшаго Аксаковъ не могъ сказать вслѣдствіе непоколебимой честности своей натуры. Всю жизнь велъ онъ упорную и славную борьбу, видалъ минуты упоительно-торжественныя для русскаго дѣла. И каждый разъ побѣда ускользала изъ рукъ, каждый разъ выплывало и захватывало власть надъ жизнью

чуждое начало, возносились чуждыя идеи. Правда, въ великомъ народномъ порывѣ это чужое смолкаетъ, Русь цѣльна и велика. Но наступаетъ отливъ и старый недугъ, сидящій въ отравленной крови сверхнароднаго слоя, выходитъ снова злостной сыпью наружу. Гдѣ же польза порывовъ? Въ нихъ ли цѣленіе?

И вотъ, вся дѣятельность Аксакова, какъ редактора „Руси", принимаетъ характеръ проповѣди — настойчивой, но спокойной борьбы за перевоспитаніе русской интеллигенціи, за сближеніе ея съ народомъ. Умудренный опытомъ Аксаковъ выступаетъ скорѣе мыслителемъ и критикомъ, чѣмъ трибуномъ, но мыслителемъ неподкупно строгимъ, не дѣлающимъ ни одного шага во имя успѣха у публики, болѣе того, явно презирающимъ этотъ успѣхъ.

Со втораго же года изданія „Руси" оказалось, что людей, смотрящихъ строго и трезво на русскую дѣйствительность вмѣстѣ съ Аксаковымъ, слишкомъ немного. Общество, не привыкшее къ простой и серіозной русской мысли и ждавшее отъ „Руси" эффектной борьбы съ существующимъ порядкомъ вещей, той страстной и смѣлой борьбы, которая велась въ „Москвѣ" и „Москвичѣ", разочаровалось. Аксаковъ, при всемъ невысокомъ мнѣніи о ставшемъ у дѣлъ консерватизмѣ, не объявлялъ ему открытой войны... Правильно это было или нѣтъ, пока не будемъ судить, но несомнѣнно, что это обстоятельство было одной изъ причинъ, обусловливавшихъ неуспѣхъ „Руси" даже у людей, способныхъ выслушать и прочувствовать сердцемъ русское слово.

Негего и говорить, что наша такъ-называемая либеральная печать постаралась извлечь изъ этого нежеланія борьбы все, что̀ могла, и не замедлила прокричать о союзѣ „Руси" съ органами крайняго консерватизма...

До самаго послѣдняго времени оставался Аксаковъ на избранной имъ позиціи. Его увлекло въ борьбу лишь вновь обѣщавшее возгорѣться славянское движеніе. Больнѣе всего ему было видѣть рѣзкую перемѣну фронта въ консервативномъ лагерѣ, его покорное отношеніе къ Берлину, и вотъ когда рѣшилъ онъ порвать съ нимъ, не скажемъ союзъ, такого никогда не было, но тѣ вѣжливо-дипломатическія отношенія со стороны „Руси", на которыя другая сторона отвѣчала злымъ и угрюмымъ молчаніемъ...

И — такова публика! Съ того момента, какъ въ Аксаковѣ вновь пробудился оскорбленный трибунъ, его вліяніе и успѣхъ

газеты удесятерились... это было почти наканунѣ кончины Аксакова!

Мы сказали выше, что его похороны были какъ бы счетомъ русскихъ силъ; счетъ этотъ показалъ, что силы велики. Аксакова не понимали, или не желали понимать многіе—это правда; но важно то, что его умѣли *чувствовать*, и чувствовать не только какъ крупную и свѣтлую личность, но какъ носителя могучаго *начала*, роднаго каждому *русскому* сердцу, какимъ бы хламомъ ни была набита подчасъ голова. Хомяковъ, какъ носитель начала, былъ, безспорно, глубже, чѣмъ Аксаковъ; его смерть произвела, однако, сильное впечатлѣніе только въ тѣсномъ и замкнутомъ кружкѣ его учениковъ. Тогдашняя Россія Хомякова *не чувствовала*. Смерть Аксакова явилась въ полномъ смыслѣ слова великимъ національнымъ горемъ — въ этомъ нельзя не видѣть крупнаго успѣха въ русскомъ самосознаніи. Значитъ же вошли въ общее достояніе чувства и мысли покойнаго, если на одну вѣсть о его смерти дружнымъ хоромъ откликнулись съ Царемъ во главѣ всѣ концы Русской земли! Въ этомъ горѣ, въ этомъ единодушіи русскаго чувства лежатъ залоги побѣды...

Но только залоги...

Сильно подвинулось русское самосознаніе, но его упѣхи еще не выражаются въ русскомъ *творчествѣ*, а тѣмъ временемъ, со страшной быстротой идетъ наше нравственное и экономическое паденіе, растрачиваются силы стомилліоннаго народа. Чтò изъ того, если по образу мыслей, по нравственному складу наша интеллигенція становится болѣе русскою, чѣмъ были ея старшія поколѣнія, чтó изъ того, что она доростаетъ до пониманія такихъ явленій, какъ смерть Скобелева, смерть Аксакова?

Въ чемъ выражаются успѣхи не русскаго міровоззрѣнія, а русскаго творчества, *русскаго дѣла?*

Не отрицательно ли на первый разъ рѣшается этотъ вопросъ?..

IV.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ПАННИХИДЫ И ЗАСѢДАНІЯ УЧРЕЖДЕНІЙ И ОБЩЕСТВЪ.

Передовая статья № 25 газеты „Свѣтъ“.

Въ третій день по кончинѣ Ивана Сергѣевича Аксакова, по почину С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, была совершена въ соборѣ Казанской Божіей Матери заупокойная литургія и затѣмъ отслужена торжественная паннихида по почившемъ. Литургію совершалъ высокопреосвященный митрополитъ Сербскій Михаилъ въ сослуженіи съ высшимъ духовенствомъ. Паннихиду служилъ онъ же въ сослуженіи съ епископомъ Выборгскимъ Сергіемъ, двумя архимандритами и многими столичными протоіереями. Предъ паннихидой полное мысли и чувства слово произнесъ съ соборной каѳедры настоятель Казанскаго собора, протоіерей А. А. Лебедевъ *). Казанскій соборъ былъ переполненъ молящимися. Въ числѣ богомольцевъ были: министры—военный генералъ-адъютантъ Ванновскій и народнаго просвѣщенія дѣйствительный тайный совѣтникъ И. Д. Деляновъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода дѣйствительный

---

*) Напечатано въ № 32 „Руси“.

тайный совѣтникъ К. П. Побѣдоносцевъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Влангали, члены Государственнаго Совѣта: графъ Н. П. Игнатьевъ, Н. И. Стояновскій и Г. П. Галаганъ, товарищъ государственнаго контролера Т. И. Филипповъ, командующій войсками Варшавскаго военнаго округа генералъ-адъютантъ Гурко, генералы: Ганецкій, Костанда, Семека, Мирковичъ, Нагловскій, Куропаткинъ, Пржевальскій, Боголюбовъ и многіе другіе; адмиралы: Поповъ, Веселаго и Асланбеговъ; литераторы: А. А. Краевскій, Н. С. Лѣсковъ, Д. В. Аверкіевъ, С. В. Максимовъ, кн. Мещерскій и другіе, почти всѣ члены Славянскаго Благотворительнаго Общества съ членами Совѣта во главѣ—предсѣдателемъ П. П. Дурново, его товарищами М. А. Домонтовичемъ и П. А. Васильчиковымъ, казначеемъ В. Г. Чубинскимъ, секретаремъ, почетнымъ членомъ общества В. И. Аристовымъ, В. К. Касадкеромъ, Н. П. Писаревскимъ и членами общества: И. П. Корниловымъ, И. И. Глазуновымъ, проф. М. О. Кояловичемъ, академикомъ М. О. Микѣшинымъ и др. Въ числѣ молящихся мы замѣтили дамъ изъ высшаго круга: княгиню Е. Э. Трубецкую, М. В. Дурново, княгиню Оболенскую и др. По окончаніи паннихиды высокопреосвященный митрополитъ Сербскій Михаилъ около получаса благословлялъ собравшихся богомольцевъ.

Во время паннихиды присутствовавшіе обмѣнивались дорогою вѣстью о посланной Его Императорскимъ Величествомъ телеграммѣ вдовѣ почившаго Ивана Сергѣевича—Аннѣ Ѳеодоровнѣ. Въ три часа пополудни по Николаевской желѣзной дорогѣ отправились въ Москву, для присутствованія на похоронахъ И. С. Аксакова, нѣкоторые депутаты отъ Славянскаго Общества. Княгиня Е. Э. Трубецкая послала съ однимъ изъ депутатовъ роскошный вѣнокъ, для возложенія на гробъ И. С. Аксакова.

Кромѣ того, были налицо и представители отъ всѣхъ славянскихъ колоній въ Петербургѣ—чешской, чечногорской и другихъ.

Паннихида по И. С. Аксаковѣ *).

Сегодня (31 января), въ Казанскомъ соборѣ по И. С. Аксаковѣ служила паннихиду петербургская печать. Соборъ былъ по-

*) Изъ № 3567 «Новаго Времени».

лонъ молящимися. Заупокойную литургію совершало соборнѣ мѣстное духовенство, пѣлъ хоръ Архангельскаго въ полномъ своемъ составѣ. Особенно хорошо исполнены были „Херувимская“ Бортнянскаго, запричастный „Уязвленъ“ и „Со Святыми упокой“.

Панихиду совершалъ преосвященный Сергій, епископъ Выборгскій, викарій Петербургской митрополіи, съ двумя архимандритами и многими столичными священниками. Передъ панихидой, священникъ Казанскаго собора Соколовъ произнесъ горячее слово *), въ которомъ изобразилъ заслуги покойнаго для русскаго общества, характеризовалъ его дѣятельность какъ гражданина, какъ писателя и какъ Русскаго человѣка и славянскаго дѣятеля. Проповѣдникъ указалъ на главныя черты въ дѣятельности Аксакова—проникновеніе народными интересами, пониманіе народной мысли, глубокое знаніе историческаго развитія народной жизни. Аксаковъ возмущался, напримѣръ, что наша аристократія не говоритъ по русски, что прежде всего учитъ дѣтей своихъ иностраннымъ языкамъ, и они, плохо владѣя родной рѣчью, не умѣютъ и думать по русски, не понимаютъ народной жизни, чуждаются ея,—оттого у нихъ космополитическія стремленія заслоняютъ народные русскіе идеалы, и между высшими сословіями и народной массой стоитъ какъ бы стѣна непроницаемая. Аксаковъ, призывая всѣхъ къ единенію и мирному труду, требовалъ, чтобы высшіе классы низошли до низшихъ, и эти послѣдніе черезъ это могли бы подняться въ развитіи. Аксаковъ много содѣйствовалъ разрушенію этой стѣны, распространяя русскія народныя идеи, научая любить и уважать русское. Онъ же былъ горячій поборникъ славянскій и вѣрилъ въ назначеніе Россіи для Славянъ. Для него идея русская—Церковь, царь и отечество—составляла все; онъ ее понималъ, онъ ей служилъ всю жизнь со всей энергіей и талантомъ своего пера.

Проповѣдникъ полагаетъ, что лучшимъ памятникомъ для Аксакова будетъ распространеніе его сочиненій, его русскихъ идей въ народной массѣ, ознакомленіе съ нимъ народа, который онъ такъ хорошо понималъ, второе—исполненіе его завѣтовъ любви и единенія, и наконецъ послѣдованіе его примѣрамъ: онъ горячо высказывался противъ всякаго сознательнаго зла, громилъ

---

*) Напечатано въ I отдѣлѣ Сборника, см. стр. 15—50.

умышленную ложь; но онъ умѣлъ уважать чужія мнѣнія, умѣлъ обсуждать ихъ спокойно и серіозно, безъ злобы и ехидства, чего нельзя не пожелать всѣмъ трудящимся на писательскомъ поприщѣ. Аксаковъ, человѣкъ научно-образованный, показалъ на себѣ, что и философское образованіе и знаніе естественныхъ наукъ не мѣшаютъ служить Церкви и вѣрѣ для блага родины.

На паннихидѣ присутствовали статсъ-секретарь Танѣевъ и другія чиновыя лица. Въ числѣ литераторовъ мы замѣтили Григоровича, Данилевскаго, Максимова, кн. Мещерскаго, Потѣхина, Полонскаго, Пыпина, Раппа и нѣкоторыхъ редакторовъ и сотрудниковъ петербургскихъ журналовъ и газетъ. Отъ купечества былъ единственный представитель товарищъ купеческаго старшины Абатуровъ. Въ публикѣ, по преимуществу интеллигентной, находилось много военныхъ, профессоровъ и ученыхъ.

Отъ петербургской печати сооружена, какъ извѣстно, хоругвь. Мысль объ устройствѣ хоругви на собраніи представителей редакцій подана была Г. П. Данилевскимъ, который сообщилъ, что покойный Иванъ Сергѣевичъ разъ, въ бесѣдѣ съ нимъ, высказалъ мнѣніе, что ношеніе вѣнковъ на похоронахъ придаетъ имъ характеръ языческій и затемняетъ ихъ христіанскую идею. Разговоръ этотъ зашелъ по поводу похоронъ Тургенева, причемъ Г. П. Данилевскій, пріѣхавшій къ покойному Аксакову отъ графа Л. Н. Толстаго, расказывалъ ему, что Толстому не нравятся эти процессіи съ вѣнками. Покойный вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе графа и выразилъ, что онъ тоже не желалъ бы, чтобъ на его похоронахъ неслись вѣнки. Это сообщеніе г. Данилевскаго и послужило поводомъ къ проектированію хоругви вмѣсто вѣнка,— хоругвь можетъ участвовать въ процессіи, въ которой вѣнковъ не будетъ, и послѣ останется на память въ Обществѣ любителей россійской словесности.

Засѣданіе Петербургской Городской Думы *).

Въ сегодняшнемъ (28 января) засѣданіи Городской Думы М. И. Семевскій сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

„Къ весьма тяжкимъ утратамъ, понесеннымъ русскимъ обществомъ въ послѣдніе годы, въ лицѣ нѣсколькихъ общественныхъ дѣятелей, а также дѣятелей науки и литературы, присоединяется новая и весьма прискорбная утрата: я говорю о неожиданной и столь преждевременной кончинѣ Ивана Сергѣевича Аксакова. Талантливый писатель, пламенный патріотъ, И. С. Аксаковъ былъ энергичнымъ, ревностнымъ ратоборцемъ за величіе и славу дорогаго отечества. Онъ служилъ Россіи перомъ, и его горячее слово разносилось по всему Славянскому міру, находя повсюду въ семьѣ Славянскихъ народовъ откликъ и сочувствіе. Всѣ сходятся въ признаніи высокихъ нравственныхъ качествъ этого истиннаго сына земли Русской, всѣ признаютъ въ немъ слугу идеи, одушевлявшей всю его жизнь: видѣть свое отечество на той высотѣ, какъ во внутренней его жизни, такъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ, которая вполнѣ соотвѣтствовала бы какъ духовнымъ, такъ и нравственнымъ силамъ, которыми въ избыткѣ надѣлена Россія.

„Петербургское городское общественное управленіе, обыкновенно столь отзывчивое къ радостямъ и горю русскаго общества, конечно, и въ этотъ разъ не останется безучастнымъ къ прискорбной утратѣ, понесенной нынѣ въ лицѣ И. С. Аксакова, не только Русскимъ народомъ, но и всѣмъ Славянскимъ міромъ, а посему я вношу предложеніе: 1) выразить уваженіе къ памяти покойнаго И. С. Аксакова вставаніемъ собранія Думы; 2) возложить вѣнокъ на гробъ И. С. Аксакова отъ С.-Петербургскаго городскаго общественнаго управленія, и 3) выразить вдовѣ покойнаго писателя сочувствіе къ тяжелой утратѣ, понесенной русскимъ обществомъ въ лицѣ ея супруга И. С. Аксакова“.

Всѣ эти предложенія приняты собраніемъ единогласно.

---

*) Изъ № 24 газеты «Свѣтъ».

Торжественное засѣданіе Славянскаго Благотворительнаго Общества *).

Сегодня (14 февраля) въ залѣ Городской Думы происходило торжественное собраніе С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. Громадная зала оказалась биткомъ набитою, сотни лицъ стояли въ проходахъ и позади у входа. Это имя покойнаго И. С. Аксакова собрало такую массу, ибо все засѣданіе главнымъ образомъ было посвящено чествованію его памяти. На эстрадѣ подъ сѣнію хоругви Св. Кирилла и Меѳодія помѣстились члены комитета и почетные гости. Здѣсь же слѣва стоялъ хоръ г. Архангельскаго.

Высокопреосвященный Іоанникій благословилъ собраніе, и хоръ пропѣлъ гимнъ: „Слава Кириллу, слава Меѳодію, братьямъ святымъ!“

Собраніе открыто было товарищемъ предсѣдателя г. Васильчиковымъ, заявившимъ, что ему приходится открывать засѣданіе подъ гнетомъ скорби общественной и личной по такъ безвременно погибшемъ другѣ и гражданинѣ. Затѣмъ секретаремъ Общества былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности Славянскаго Общества за 1885 г.

Послѣ отчета сообщена была телеграмма отъ сербскаго митрополита Михаила:

„Кириллица прославлена тысячелѣтнею борьбою, теперь выдерживаетъ послѣднее нападеніе враговъ. Надежда утѣшаетъ, что апостольское дѣло Кирилла восторжествуетъ. Господь спасетъ вѣрныхъ Славянъ. Поздравляю достославное общество съ праздникомъ“.

Въ собраніи присутствовали высокопреосвященный Іоанникій, митрополитъ Московскій, преосвященные епископы Серафимъ Самарскій и Германъ Казанскій, генералъ-адъютантъ гр. Игнатьевъ, членъ Государственнаго Совѣта Стояновскій, черногорскій воевода Пеко Павловичъ и др. Въ началѣ, между рѣчами и въ концѣ хоръ г. Архангельскаго прекрасно исполнилъ славянскіе гимны, духовныя стихиры и пѣсни. Особенно эффектно спѣто было „Киріе-элейсонъ“ (Господи, помилуй).

---

*) Изъ №№ 3581 и 3582 «Новаго Времени».

По прочтеніи отчета начались рѣчи. Говорили три оратора—профессора Ламанскій, Бестужевъ-Рюминъ и Ор. Миллеръ. Рѣчь г. Ламанскаго длилась съ часъ и была богата цитатами изъ сочиненій и записокъ покойнаго.

Профессоръ раздѣляетъ литературную дѣятельность Аксакова на 2 періода: съ 1843 по 1860 г. и второй—до послѣднихъ лѣтъ. „Въ первомъ Аксаковъ былъ поэтъ и художникъ, во второмъ публицистъ, общественный дѣятель. Эта вторая половина началась со времени окончательнаго поселенія его въ Москвѣ. Она болѣе извѣстна чѣмъ первая половина; здѣсь Аксаковъ-публицистъ заставилъ почти позабыть объ Аксаковѣ-поэтѣ. Между тѣмъ труды его въ этой области даютъ ему право на мѣсто въ ряду лучшихъ поэтовъ новѣйшаго времени. Вначалѣ Аксаковъ былъ на государственной службѣ. Въ собственноручной автобіографической запискѣ покойнаго, между прочимъ, говорится, что онъ никакимъ награжденіямъ знаками отличія не подвергался.

Его литературная дѣятельность, какъ видно, до самой могилы шла не безъ препятствій. Да и въ самой его жизни было не мало тернія. Въ 1848 г. (черезъ 6 лѣтъ по выпускѣ изъ Училища правовѣдѣнія) онъ былъ арестованъ неизвѣстно за что, но потомъ выпущенъ. Затѣмъ на службѣ въ провинціи по доносу одного губернатора, сообщившему, что онъ читаетъ знакомымъ какую-то поэму (это было извѣстное художественное произведеніе „Бродяга"), потребовали отъ него рукопись. Онъ переслалъ въ Петербургъ съ свойственной ему правдивостью всю рукопись. Здѣсь, конечно, ничего не нашли въ поэмѣ и возвратили ее, но сдѣлали при этомъ конфиденціальное сообщеніе, что „занятіе стихотворствомъ неприлично человѣку служащему, облеченному довѣріемъ правительства". Аксаковъ вышелъ тогда въ отставку. И въ дальнѣйшей литературной дѣятельности ему приходилось терпѣть не мало. Его русскія убѣжденія не могли быть понятны тогдашней космополитической бюрократіи. Его рукописи арестовывались, его обязывали подпискою, уже когда онъ былъ въ Москвѣ, посылать свои произведенія для цензуры не въ мѣстные комитеты, а въ Главное управленіе по дѣламъ печати. Наконецъ, его лишили права когда бы то ни было быть издателемъ или редакторомъ журнала. Полицейскій надзоръ за нимъ былъ усиленъ.

Хотѣлъ онъ ѣхать кругомъ свѣта на военномъ кораблѣ, ему III-е Отдѣленіе не позволило этого. Тогда онъ принялъ одно пору-

ченіе отъ Географическаго Общества. Крымская война побудила его вступить въ Серпуховскую дружину въ ополченіе. По окончаніи ея, когда онъ сталъ издавать журналъ „Парусъ“, тотъ былъ запрещенъ на третьемъ нумерѣ, и далѣе, какъ извѣстно, все шло въ этомъ родѣ.

Въ первомъ періодѣ дѣятельности своей это былъ поэтъ, сатирикъ, соціологъ, въ концѣ его онъ уже приготовлялся быть редакторомъ, но только во второмъ періодѣ развился вполнѣ его талантъ журналиста, публициста и трибуна.

Ёсли братъ его, Константинъ Аксаковъ, идеалистъ, энтузіастъ, сильный созерцательный умъ и ребенокъ въ практической жизни, человѣкъ святой души и жизни, любилъ болѣе тихое спокойствіе, то Иванъ, у котораго натура была страстная, искалъ исключительно движенія, борьбы. Въ немъ совмѣстилось два коренныхъ типа семьи Аксаковыхъ и вообще русскаго человѣка: крѣпость отеческихъ преданій, любовь къ старинѣ и вмѣстѣ подмывающая тоска, разрѣшающяяся удальствомъ.

Послѣ прекрасной рѣчи о Берлинскомъ трактатѣ, Аксаковъ долженъ былъ надолго замолчать, я бывшіе министры внутреннихъ дѣлъ преслѣдовали всякое проявленіе его русской мысли, выражавшей всегда истинно - русскія чувства съ неутомимой энергіей.

Въ эти 10 лѣтъ молчанія народились въ обществѣ самыя вздорныя идеи нигилизма. Удалились отъ дѣлъ Милютинъ, Черкасскій, Ю. Самаринъ. Ложныя либеральныя стремленія вмѣстѣ съ нигилистическими бреднями бродили въ обществѣ и разрѣшились катастрофой.

Дѣятелями были въ это время люди, для которыхъ русская мысль, русское чувство были непонятны; хотя нѣкоторые и носили славныя русскія фамиліи, но въ душѣ не принадлежали ни къ какой національности.

Пошлость и умственная ничтожность этихъ дѣятелей была ясна для Аксакова; онъ указывалъ на трагическія ея послѣдствія, предостерегалъ. До послѣдней минуты онъ былъ на стражѣ интересовъ Русской земли и Славянства.

Поминая Аксакова, мы поминаемъ цѣлую семью, цѣлую плеяду славныхъ именъ, мы поминаемъ его какъ правнука, внука, сына, брата, друга, товарища славныхъ русскихъ дѣятелей, составляющихъ честь и гордость Россіи.

Масса телеграммъ по его смерти, самыя похороны, паннихиды, рѣчи, журнальныя статьи въ Россіи и за границей—все это показываетъ, кого мы потеряли".

Послѣ рѣчи г. Ламанскаго предсѣдательствующій князь Васильчиковъ сдѣлалъ заявленіе, что однимъ изъ членовъ Общества по случаю кончины Аксакова предложено собрать капиталъ для изданій, знакомящихъ съ историческимъ бытомъ и положеніемъ Славянъ внѣ нашего государства. Совѣтъ Общества охотно принимаетъ пожертвованія для образованія Аксаковскаго литературнаго фонда.

Проф. Бестужевъ-Рюминъ высказалъ объ Аксаковѣ:

„Отъ насъ ушелъ послѣдній изъ той славной группы, которая первая ясно сознала основы русскаго и славянскаго духа и на нихъ построила величавое зданіе ученія, которое мы принимаемъ всей душой и которому стараемся служить по мѣрѣ силъ каждаго изъ насъ... Всѣ его сочиненія единитъ одна мысль, одно чувство—чувство любви къ родинѣ, мысль о великомъ призваніи Славянскаго племени, о томъ, чтобы суета дня не отвлекала насъ хотя бы и на время отъ поставленной намъ исторіей великой задачи. Да проникнемся же и мы этимъ чувствомъ, этой заботой, да послужитъ намъ маякомъ его дѣятельность; не каждому дано его мощное слово, его любвеобильное сердце, но каждый можетъ и долженъ служить тому дѣлу, которому онъ служилъ".

Профессоръ О. Ѳ. Миллеръ также посвятилъ очень длинную рѣчь покойному Аксакову *). Онъ началъ съ указанія на то, что событія приближаются, а мы не только не прониклись духомъ по завѣтамъ Аксакова, но даже и теперь у насъ начинаетъ слышаться: да не слишкомъ ли много мы потратили чувства, не переоцѣнили ли его?

Указавъ затѣмъ на то, что намъ для нашего гражданскаго воспитанія нужно приняться перечитывать его сочиненія, принять его за школу общественной должности, профессоръ перешелъ къ объясненію литературныхъ воззрѣній покойнаго. Онъ ясно словами Аксакова показалъ значеніе печати въ жизни и развитіи общества.

---

*) Напечатана выше, во II отдѣлѣ, на стр. 73—90.

Враги Аксакова клеветали на него или нарочно, или не понимая высоты его идеала. Всю жизнь до могилы приходилось ему проводить въ борьбѣ. Онъ отзывался на всякое явленіе въ жизни горячо и честно. Будучи Русскимъ, онъ признавалъ одну правду для всѣхъ національностей. Это выяснилось въ его полемикѣ съ „Московскими Вѣдомостями“ по польскому вопросу. Аксаковъ, возставая противъ польскихъ притязаній, доказывалъ ихъ ложность не правомъ побѣды, не правомъ сильнаго, а исторической жизнью русскаго племени; онъ требовалъ освобожденія изъ-подъ польскаго гнета одинаковою какъ русскихъ, такъ и польскихъ крестьянъ.

Но русскіе интересы онъ не приносилъ въ жертву чужимъ. Однако онъ не могъ выносить этого униженія нашего передъ Европой, униженія государственнаго достоинства нашей дипломатіей, ея трусости при храбрости и доблести народа. Онъ видѣлъ, что это происходитъ оттого, „что общество“, тотъ слой, который долженъ быть между Царемъ и Землей, что это общество какъ-то чуждо русскому духу, что оно непатріотично, что въ немъ надо развить и воспитать національное чувство.

А между тѣмъ это общество въ лицѣ властныхъ людей не разъ упрекало въ недостаткѣ патріотизма его, Аксакова! Это было еще недавно, и онъ съ достоинствомъ отвѣчалъ, что истинный патріотизмъ гражданина состоитъ въ томъ, чтобы честно служить родинѣ, умѣть высказывать правду, хотя бы и горькую, а истинный патріотизмъ правительства въ томъ, чтобы умѣть выслушивать ее.

Ошибочно думать, что патріотизмъ заключается въ подобострастномъ молчаніи, и слова Государя у гроба Аксакова показали всему міру, что Русскій Царь признавалъ въ немъ истиннаго патріота...

Русское Географическое Общество. *)

Засѣданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи 31-го января было открыто слѣдующею рѣчью предсѣдателя отдѣленія Л. Н. Майкова, посвя-

*) Изъ № 3568 «Новаго Времени».

щенною памяти И. С. Аксакова: „Мнѣ приходится начать наше настоящее засѣданіе вновь заявленіемъ о понесенной Обществомъ и всѣмъ Русскимъ народомъ горестной утратѣ въ лицѣ И. С. Аксакова. Я не стану говорить о дѣятельности Аксакова во всей ея полнотѣ. Скажу только, что онъ былъ однимъ изъ давнишнихъ членовъ Общества и былъ командированъ имъ внутрь Россіи для изученія торговли на украинскихъ ярмаркахъ. Въ свое изученіе этого предмета онъ внесъ этнографическій интересъ и съ присущею ему талантливостію выяснилъ, какъ различно проявляется на ярмаркахъ Малорусъ и Великорусъ. Взглядъ Аксакова въ этомъ отношеніи былъ признанъ всѣми вѣрнымъ. Общество за его труды увѣнчало покойнаго своею медалью. Другое его сочиненіе прямо относится къ области этнографіи. Я говорю о его трудѣ „О бѣгунахъ", секту которыхъ онъ изучилъ преимущественно въ Ярославской губерніи. Въ печати появилась только заключительная глава этого труда, замѣчательнаго въ особенности по характеристикѣ въ немъ причинъ возникновенія секты. Какъ носитель русскаго народнаго духа, Аксаковъ былъ другомъ всякаго изученія русскаго народнаго быта и поддерживалъ всякое этнографическое предпріятіе; такъ онъ помогалъ: Безсонову, Шеину, Матвѣеву и другимъ; словомъ, во второй половинѣ своей ученой и литературной дѣятельности Аксаковъ, если не работалъ самъ, то былъ другомъ этнографическаго дѣла". Собраніе почтило память И. С. вставаніемъ съ мѣстъ.

Передовая статья № 24 газеты „Свѣтъ".

Сожалѣніе во всѣхъ слояхъ общества о безвременной кончинѣ И. С. Аксакова выразилось съ силою и задушевностью. Нѣтъ кружка, нѣтъ общества въ Петербургѣ, гдѣ бы не почувствовалась утрата. Сравнить впечатлѣніе, произведенное кончиною Аксакова, можно только со смертью Скобелева. Кончина Аксакова уже по тому одному составляетъ событіе, что умеръ русскій человѣкъ, одинаково близкій всему Славянскому міру. Чехи, Сербы, Хорваты, Далматинцы, Черногорцы, Болгары, Поляки, Словинцы, Словаки, Македонцы—одинаково чувствуютъ кончину Аксакова, какъ Русскіе. Это знаменательный фактъ, впервые повторяющійся послѣ

кончины Скобелева. И такъ какъ Русская земля уже никогда не сойдетъ и не можетъ сойти съ пути народнаго всеобъемлющаго славяно-государственнаго бытія, то надо желать, чтобы число такихъ людей какъ Скобелевъ и Аксаковъ являлось во множествѣ, и чтобы Россія не чувствовала сиротства при гибели одного изъ нихъ.

Петербургская печать отнеслась съ глубокимъ сочувствіемъ къ утратѣ И. С. Аксакова. 28 января вечеромъ редакторы и ихъ уполномоченные—„Свѣта", „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", „Новаго Времени", „S.-Petersburger Zeitung" „S. - Petersburger Herold", „Правительственнаго Вѣстника", „Русской Старины", „Петербургской Газеты", „Русскаго Богатства", „Петербургскаго Листка", „Церковно - Общественнаго Вѣстника", „Паломника", „Звѣзды", „Колосьевъ", „Осколковъ", „Вѣстника Страхованій", „Вечерней Газеты", „Нови", „Нивы", „Биржевыхъ Вѣдомостей", „Романиста", Всемірной Иллюстраціи", „Историческаго Вѣстника", „Края", „Минуты" и др.—рѣшили послать супругѣ Ивана Сергѣевича Аксакова, Аннѣ Ѳедоровнѣ слѣдующую телеграмму:

„Смерть Ивана Сергѣевича Аксакова потрясла и огорчила насъ. Потеря такого человѣка и безукоризненнаго дѣятеля на поприщѣ русской литературы не замѣнима. Представители петербургской періодической печати, пораженные неожиданною смертью горячо всѣми любимаго и уважаемаго Ивана Сергѣевича, спѣшатъ выразить вамъ, Анна Ѳедоровна, ихъ глубокое огорченіе по поводу тяжкой утраты, которую понесла. Россія".

Редакторы просили В. В. Комарова, А. С. Суворина, М. И. Семевскаго, А. И. Поповицкаго, Ф. И. Гезеліуса, Н. А. Лейкина присутствовать на погребеніи И. С. Аксакова, какъ депутаты отъ столичной печати.

Отъ печати рѣшено соорудить хоругвь древне-русскаго стиля, по рисунку провессора живописи П. А. Кошелева, извѣстнаго знатока этого дѣла, и въ день похоронъ И. С. Аксакова отслужить заупокойную обѣдню и торжественную панихиду въ Казанскомъ соборѣ.

На совѣщаніи редакторовъ всѣ рѣчи были полны уваженія къ дѣятельности такого патріота, какимъ былъ И. С. Аксаковъ.

Панихида по И. С. Аксаковѣ въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ. *)

9 февраля, въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, послѣ божественной литургіи, по иниціативѣ епископа Херсонскаго и Одесскаго, преосвященнаго Никанора, отслужена была панихида по скончавшемся недавно въ Москвѣ извѣстномъ русскомъ писателѣ-патріотѣ Иванѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ. Храмъ переполненъ былъ тысячами молящихся. Панихиду совершалъ преосвященный Никаноръ въ сослуженіи соборнаго духовенства. Предъ началомъ панихиды преосвященный Никаноръ произнесъ глубоко-прочувствованное слово, посвященное памяти усопшаго публициста. Во время произнесенія рѣчи преосвященный Никаноръ нѣсколько разъ прерывалъ свою рѣчь отъ душившихъ его слезъ. Слово преосвященнаго произвело на предстоявшихъ въ храмѣ глубокое впечатлѣніе. Сколько намъ помнится, это чуть ли не первый случай, когда въ церкви, съ архіерейской каѳедры, дѣлается должная оцѣнка жизни и плодотворной дѣятельности свѣтскаго писателя!... На панихидѣ присутствовали: члены и составъ правленія одесскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, одесскаго Болгарскаго Настоятельства, представители различныхъ учрежденій города и многихъ другихъ.—Въ биржевомъ залѣ также была отслужена панихида, въ присутствіи 17 гласныхъ Думы. Замѣтно было, что ни одинъ гласный-Еврей не явился на панихиду.

Торжественное засѣданіе Одесскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. **)

9 февраля, въ часъ дня, въ актовой залѣ Новороссійскаго университета происходило торжественное засѣданіе одесскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества имени Свв. Кирилла и Меѳодія.

---

*) Изъ № 3279 «Новороссійскаго Телеграфа».

**) Изъ № 3279 «Новороссійскаго Телеграфа».

Засѣданіе это посвящено было чествованію памяти умершаго почетнаго члена названнаго Общества, извѣстнаго русскаго патріота - публициста Ивана Сергѣевича Аксакова. Въ 1 часу пополудни въ актовый залъ университета прибыли: весь составъ правленія и члены одесскаго Славянскаго Общества во главѣ со своимъ предсѣдателемъ М. В. Шимановскимъ, члены одесскаго Болгарскаго Настоятельства, прокуроръ Одесской Судебной Палаты камергеръ Аристовъ, многіе члены одесскаго Юридическаго Общества, профессора и многіе студенты университета, жительствующіе въ Одессѣ Сербы, Чехи, Болгаре, Поляки, Хорваты и другія славянскія народности, и многія другія лица.

Засѣданіе открыто было слѣдующею рѣчью предсѣдателя Славянскаго Общества М. В. Шимановскаго:

„Мм. Гг.! Какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, такъ и въ жизни обществъ и даже государствъ встрѣчаются такого рода факты, которые на извѣстное время или на одинъ мигъ, на болѣе или менѣе долгое время, какъ бы пріостанавливаютъ интересъ къ окружающему обыденному, и человѣкъ всецѣло поглощается внезапно совершившимся. Къ такимъ фактамъ безспорно принадлежитъ смерть.

„Чѣмъ выше достоинства умершаго, тѣмъ большій кругъ людей она затрогиваетъ, тѣмъ на большее количество людей эта утрата имѣетъ то потрясающее впечатлѣніе, о которомъ я сказалъ.

„Смерть Ивана Сергѣевича Аксакова не есть горе лишь его семьи, его близкихъ, его знакомыхъ. Нѣтъ, эта смерть одинаково поразила всѣхъ, кому болѣе или менѣе дороги интересы Россіи, кто слѣдилъ за развитіемъ русской жизни и русской мысли.

„Угасла на вѣки сила, которой, какъ заявляютъ многіе, нѣтъ и не было равной на Руси. Угасъ патріотъ, глубоко любившій свой народъ, родину и который свято вѣрилъ въ великое предназначеніе Руси. Уже сказаннаго достаточно было, чтобы вызвать со стороны нашего Славянскаго Общества обязанность почтить память И. С. Аксакова. Но И. С. дорогъ намъ и по тѣмъ великимъ идеаламъ, которыхъ онъ былъ славнымъ представителемъ и которые онъ со свойственной ему силою и энергіею проводилъ въ жизнь, какъ представитель славянскаго дѣла.

„Это направленіе въ дѣятельности И. С. давно уже обозначилось. Оно давно уже связывается у насъ и за границей съ фа-

миліей Аксаковыхъ. Дѣло славянофильства, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, давно шло, такъ сказать, съ той фамиліей, которую носилъ покойный.

„Этими обстоятельствами вполнѣ объясняется тотъ фактъ, что одесское Славянское Общество почти въ первый же годъ своей дѣятельности избрало И. С. своимъ почетнымъ членомъ. Этимъ избраніемъ Общество спѣшило выразить свое уваженіе, свою симпатію къ этому поистинѣ великому поборнику славянской идеи.

„Вѣсть о смерти почетнаго члена Общества И. С. не могла не вызвать въ средѣ членовъ нашего Общества сердечнаго соболѣзнованія. Прежде всего Общество поспѣшило послать телеграмму вдовѣ его, Аннѣ Ѳедоровнѣ Аксаковой. Затѣмъ Общество сочло себя обязаннымъ почтить память умершаго тѣмъ обычаемъ, который завѣщанъ намъ нашими праотцами и который въ одно и то же время и наилучше выражаетъ душевную скорбь, и служитъ душѣ успокоительнымъ средствомъ. Общество отслужило панихиду за упокой души усопшаго!...

„Сегодня же Общество собралось, чтобы въ средѣ своихъ сочленовъ и васъ, мм. гг., собравшихся на нашъ призывъ, еще воспроизвести въ своемъ воображеніи образъ того, кого уже не стало на Руси, и вспомнить то, чтò имъ было сдѣлано въ пользу родины.

„Собравшись сегодня творить поминки, Славянское Общество тѣмъ самымъ удовлетворяетъ нравственному чувству долга русскаго человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ, присоединяя свой голосъ къ хору другихъ, которые во всѣхъ концахъ Россіи съ истинно христіанскимъ чувствомъ соболѣзнованія отнеслись къ постигшей насъ утратѣ, Славянское Общество словами Церкви говоритъ:

„Вѣчная память тебѣ, Иванъ Сергѣевичъ, за все тобою содѣянное!..“

„Мы долго и долго будемъ повторять эти слова, сознавая великую утрату... Миръ праху твоему, русскій гражданинъ, такъ высоко державшій знамя патріота-публициста и сумѣвшій на этомъ скользкомъ еще у насъ пути достигнуть такого величія, славы и уваженія!“

Собраніе, выслушавъ рѣчь г. Шимановскаго, почтило память усопшаго публициста вставаніемъ.

Затѣмъ на каѳедру взошелъ профессоръ А. И. Маркевичъ, который прочелъ рѣчь „О значеніи И. С. Аксакова“. Г. лекторъ,

указавъ въ началѣ своей рѣчи на тяжелую утрату, понесенную Россіей, а съ нею вмѣстѣ и всѣмъ Славянскимъ міромъ со смертію Ивана Сергѣевича Аксакова, сдѣлалъ затѣмъ біографическій очеркъ покойнаго публициста, а послѣ того охарактеризовалъ значеніе литературной дѣятельности И. С. Коснувшись вопросовъ о славянофильствѣ и панславизмѣ, г. Маркевичъ сказалъ, что И. С. Аксаковъ въ Европѣ считался главою панславизма. Заговоривъ объ Аксаковѣ, какъ о славянофилѣ и руководителѣ славянскихъ тенденцій, г лекторъ сказалъ, что покойнаго публициста въ Россіи называли консерваторомъ, но этотъ „консерваторъ", какъ извѣстно русской интеллигенціи, смѣло, открыто всегда стоялъ за свободу нашей печати, а также за новыя судебныя учрежденія. „Смерть И. С. Аксакова, закончилъ свою рѣчь г. Маркевичъ, является тяжелою утратой для Россіи и всего Славянскаго міра. Славянофилы остались безъ главы"...

Рѣчь г. Маркекича покрыта была шумными рукоплесканіями.

Наконецъ, на каѳедру взошелъ членъ Славянскаго Общества С. В. Чаушанскій и съ большимъ чувствомъ прочелъ слѣдующее стихотвореніе, написанное Одесситкой, г-жею Думашевской-Песлякъ, и посвященное памяти И. С. Аксакова:

Борца за истину не стало,
Свѣтильникъ родины погасъ;
Намъ кару Небо ниспослало,
Вождя отнявъ въ тяжелый часъ.
Онъ знамя правды несъ высоко
И родину любить училъ,
И преданъ ей онъ былъ глубоко,
И до послѣднихъ дней служилъ.

Онъ намъ вѣщалъ: настанетъ время,—
И братская вражда пройдетъ,
И всѣхъ Славянъ могучихъ племя
Въ одну семью любовь сольетъ.
И, сбросивъ иго подчиненья,
Къ намъ братья младшіе примкнутъ,
Въ великій день освобожденья,
Какъ равные въ союзъ войдутъ.

Ты вѣрилъ: враждовать не въ силахъ
Родные братья межь собой,
Родная кровь течетъ въ ихъ жилахъ,
И всѣ родные мы душой.
И рѣчь, обычаи, преданья,—
Все родственно и близко намъ,
И въ прошломъ бѣдствія, страданья,
Вражда всемощная къ врагамъ...

Скончался ты, и смерть сурово
Сомкнула вѣщія уста,
Но не умретъ съ тобою слово,
Которымъ ты будилъ сердца!

Завѣтъ твой сохранимъ мы свято;
На почву бросилъ ты зерно,
И нива расцвѣтетъ богато:
Сторицею взойдетъ оно!

Стихотвореніе это встрѣчено всеобщимъ одобреніемъ и шумными рукоплесканіями.

Панихида по И. С. Аксаковѣ въ университетской церкви въ Кіевѣ *).

Въ воскресенье, 2 февраля, въ университетской церкви, послѣ литургіи, совершена была панихида по почившемъ Иванѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ, этомъ незабвенномъ для всего Русскаго міра труженикѣ-патріотѣ, горячо и беззавѣтно любившемъ Русь и ея народъ до послѣднихъ минутъ жизни. Панихиду совершалъ настоятель университетской церкви, профессоръ богословія протоіерей Ѳаворовъ, при участіи многочисленнаго хора, состоящаго изъ мужскихъ и женскихъ голосовъ.

На панихидѣ присутствовали: начальникъ края, ректоръ университета, представители кіевскаго Славянскаго Благотво-

*) Изъ № 28 „Кіевлянина“.

рительнаго Общества, профессора университета, представители мѣстной печати, начальники и преподаватели гимназій, студенты университета, слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ, воспитанники гимназій, лица военнаго и гражданскаго вѣдомства и много публики. Нѣкоторые почтенные отцы и матери семействъ явились вмѣстѣ со всѣми домочадцами помолиться о почившемъ дорогомъ всему Русскому народѣ человѣкѣ. Молящаяся публика состояла изъ лицъ всѣхъ возрастовъ и званій.

Панихиды по И. С. Аксаковѣ въ Кіевской 1-й гимназіи и въ Нѣжинскомъ институтѣ *).

Въ воскресенье, 2-го февраля, въ церкви Кіевской 1-й гимназіи, послѣ литургіи, была отслужена панихида по И. С. Аксаковѣ, на которой присутствовали г. попечитель учебнаго округа, директоръ, учителя и воспитанники гимназіи и много постороннихъ лицъ.

2-го февраля, въ церкви института князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, послѣ литургіи, отслужена была панихида по И. С. Аксаковѣ. На панихидѣ присутствовали профессора и студенты института, учителя гимназіи и масса постороннихъ лицъ.

Память объ И. С. Аксаковѣ въ Западной Россіи **)

27-го января, въ 7 час. и 30 мин. вечера, не стало одного изъ лучшихъ сыновъ Россіи!—Ивана Сергѣевича Аксакова не стало! Умеръ благороднѣйшій русскій человѣкъ — человѣкъ высоко державшій русское знамя, своимъ мощнымъ словомъ будившій и поддерживавшій въ насъ русскія чувства, заставлявшій въ серіозныя годины сильнѣе биться русскія сердца и постоянно призывавшій нашу дорогую Россію—оставаться Русью!

---

*) Изъ № 20 „Кіевлянина“.

**) Изъ № 5 «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей».

Съ неподдѣльнымъ глубокимъ чувствомъ откликнулось православное населеніе Вильны на горестное извѣстіе о кончинѣ И. С. Аксакова. 28-го января, въ 10 ч. утра, была совершена въ Св.-Духовомъ монастырѣ заупокойная литургія, а послѣ оной преосвященнымъ Алексѣемъ паннихида. Въ тотъ же день, въ Пречистенскомъ соборѣ, по почину частныхъ лицъ, въ 3 часа по полудни, совершена была паннихида, въ присутствіи большей части здѣшней учебной корпораціи съ г. попечителемъ Виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскимъ во главѣ, г. городскаго головы тайнаго совѣтника Н. И. Рубцова, генералъ-маіора П. М. Смыслова, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Станкевича и другихъ частныхъ лицъ. Паннихиду соворшалъ настоятель собора, протоіерей о. Іоаннъ Котовичъ, редакторъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей" и законоучитель реальнаго училища, соборнѣ съ священниками о. Григоріемъ Бывалькевичемъ и о. Іоанномъ Берманомъ, законоучителемъ Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища.

30 января совершены заупокойныя литургіи и паннихиды во всѣхъ Виленскихъ приходскихъ и монастырскихъ церквахъ: самъ же преосвященный владыка въ сослуженіи съ высшимъ городскимъ духовенствомъ совершилъ торжественную литургію и паннихиду въ Свято-Духовомъ монастырѣ, въ присутствіи г. генералъ-губернатора И. С. Каханова, г. попечителя учебнаго округа, г. губернатора дѣйств. статскаго совѣтника Н. А. Гревеница, г. вице-губернатора П. Г. Погодина, городскаго головы, начальствующихъ лицъ разныхъ вѣдомствъ и всего здѣшняго русскаго общества. Всѣ воспитанники и воспитанницы духовно-учебныхъ заведеній присутствовали при литургіи и паннихидѣ и принимали участіе въ общемъ пѣніи нѣкоторыхъ церковныхъ пѣсней. Во время причастна протоіерей Іоаннъ Котовичъ произнесъ слово *).

2-го февраля въ гимназической церкви была отслужена соборнѣ тремя законоучителями среднихъ учебныхъ заведеній г. Вильны торжественная паннихида по И. С. Аксаковѣ, въ присутствіи г. попечителя учебнаго округа, его момощника, гг. директоровъ, преподавателей и учениковъ сихъ заведеній.

---

*) Напечатано въ отдѣлѣ I, см. стр. 8—12.

Панннхиды по И. С. Аксаковѣ въ Новочеркаскѣ *).

Память И. С. Аксакова у насъ, въ Новочеркаскѣ, была почтена заупокойною паннихидою, совершенною въ каѳедральномъ соборѣ въ прошлое воскресенье, 2 февраля, въ 12 часовъ дня; по окончаніи паннихиды вдовѣ Ивана Сергѣевича, Аннѣ Ѳедоровнѣ, послана телеграмма.

Паннихиды въ городѣ Минскѣ. **)

Кромѣ паннихиды по усопшемъ Иванѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ, совершенной торжественно 4-го февраля преосвященнымъ Варлаамомъ, епископомъ Минскимъ и Туровскимъ, въ Минскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ сослуженіи всего градскаго духовенства, были еще творимы поминовенія о немъ и въ другихъ церквахъ г. Минска. 9-го февраля была совершена паннихида по усопшемъ Иванѣ Сергѣевичѣ въ минской гимназической Свято-Димитріевской церкви, при участіи двухъ пѣвческихъ хоровъ— гимназическаго и городскаго училища. Какъ на литургіи, такъ и на паннихидѣ присутствовали: гг. директора учебныхъ заведеній—классической гимназіи дѣйств. ст. сов. Стефани, реальнаго училища дѣйств. ст. сов. Самойло и народныхъ училищъ дѣйств. ст. сов. Тимоѳеевъ, — гг. преподаватели гимназіи, реальнаго и городскаго училищъ, а также учащіеся въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ, православнаго исповѣданія. Предъ началомъ паннихиды законоучителемъ гимназіи и реальнаго училища П. Г. Тарнопольскимъ была сказана съ нѣкоторыми сокращеніями выше сего напечатанная рѣчь ***), послѣ коей предъ началомъ паннихиды, старостою гимназической церкви А. П. Смородскимъ, были розданы всѣмъ присутствующимъ восковыя вожженныя свѣчи.

Особенно умилительно представилась намъ картина, когда присутствующіе во храмѣ, при пѣніи „со Святыми упокой", дви-

---

*) Изъ № 11 «Казачьяго Вѣстника».

**) Изъ № 4 «Минскихъ Епарх. Вѣдомостей».

***) См отд. I, стр. 21—24.

жимые чувствомъ глубокой скорби, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, благоговѣйно преклонили колѣна. Вызвать такое выраженіе сочувствія, такую усердную молитву о себѣ, можетъ только высоко-нравственная и могучая сила! И мы вѣруемъ и уповаемъ, что молитва сія, творимая съ такимъ воодушевленіемъ—единымъ сердцемъ и едиными усты, будетъ услышана!...

Паннихиды по И. С. Аксаковѣ въ Варшавѣ и другихъ городахъ Привислинскаго края. *)

У насъ, въ Варшавѣ, паннихида по И. С. Аксаковѣ была отслужена въ субботу, 1-го февраля, въ каѳедральномъ соборѣ высокопреосвященнымъ Леонтіемъ, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. Соборъ былъ переполненъ молящимися всякаго сословія и званія; въ особенности было много дамъ и дѣтей. На паннихидѣ присутствовала супруга г. главнаго начальника края М. А. Гурко, высшіе военные и гражданскіе чины и лица учебнаго вѣдомства. Между присутствовавшими было нѣсколько Чеховъ и Поляковъ.

Такія же паннихиды были отслужены во всѣхъ губернскихъ и многихъ уѣздныхъ городахъ здѣшняго края, въ присутствіи представителей мѣстной власти и многочисленной публики. Во многихъ городахъ были произнесены по этому поводу соотвѣтственныя случаю рѣчи, и многіе изъ присутствовавшихъ изъявили готовность почтить память покойнаго учрежденіемъ стипендіи или какимъ-либо другимъ благотворительнымъ дѣломъ. Изъ Варшавы отправился въ Москву на похороны Аксакова профессоръ здѣшняго университета А. С. Будиловичъ.

Засѣданіе Юридическаго Общества въ Москвѣ. **)

Въ среду, 29-го января, въ засѣданіи статистическаго отдѣленія Юридическаго Общества, прежде очереднаго доклада, пред

---

*) Изъ № 7 «Варшавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

**) Изъ № 30 «Русскихъ Вѣдомостей».

сѣдатель отдѣленія А. И. Чупровъ обратился къ собранію съ краткою рѣчью, въ которой охарактеризовалъ въ общихъ чертахъ заслуги умершаго И. С. Аксакова въ дѣлѣ изученія нашей страны и болѣе подробно остановился на извѣстномъ трудѣ покойнаго объ „Украинскихъ ярмаркахъ". Въ заключеніе предсѣдатель предложилъ отдѣленію выразить сожалѣніе о тяжелой утратѣ, причиненной смертью И. С. Аксакова. Все собраніе, какъ члены, такъ и посторонніе посѣтители, поднялись съ мѣстъ и выслушали стоя соотвѣтствующее постановленіе, которое рѣшено занести въ протоколы Общества.

Стипендіи въ память И. С. Аксакова.

Московское Купеческое Общество взаимнаго кредита, гдѣ Иванъ Сергѣевичъ въ теченіи многихъ лѣтъ состоялъ предсѣдателемъ Правленія, постановило: Въ память незабвеннаго служенія въ Обществѣ покойнаго Ивана Сергѣевича Аксакова, отложить изъ суммъ Общества шесть тысячъ рублей для учрежденія стипендіи, подробныя условія которой опредѣляются Совѣтомъ Общества, главныя же основанія таковы: 1) Стипендія имени Ивана Сергѣевича Аксакова учреждается въ Московской Духовной Академіи; 2) пользованіе стипендіею И. С. Аксакова предоставляется исключительно уроженцамъ Южно-Славянскихъ странъ, готовящимся къ принятію духовнаго сана. Постановленіе это шестнадцатымъ очереднымъ общимъ собраніемъ членовъ, состоявшимся 9 марта 1886 г.,—утверждено единогласно.

Въ собраніи выборныхъ Московскаго купечества 18 февраля было прочтено письмо слѣдующаго содержанія на имя старшины купечества, Н. П. Сергѣева:

„Милостивый государь, Николай Петровичъ! Съ 1874 года предсѣдателемъ Правленія Московскаго Купеческаго Общества взаимнаго кредита состоялъ покойный И. С. Аксаковъ. Въ періодъ этого времени обороты сказаннаго Общества все болѣе и болѣе расширялись, довѣріе къ нему крѣпло, и въ настоящее

время оно занимаетъ видное мѣсто въ ряду другихъ находящихся въ Москвѣ частныхъ кредитныхъ учрежденій. Съ расширеніемъ дѣятельности общества, съ развитіемъ общественнаго къ нему довѣрія, росли и увеличивались отчисляемыя имъ средства на содержаніе благотворительныхъ учрежденій Московскаго купечества (съ 1874 года сумма этихъ отчисленій достигаетъ 700 тыс. рублей).

„Такимъ упроченнымъ своимъ положеніемъ Общество взаимнаго кредита обязано главнымъ образомъ дѣятельности покойнаго Ивана Сергѣевича Аксакова и высокому общественному къ нему довѣрію. Не касаясь великихъ заслугъ и историческаго значенія его въ области политической, общественной и литературной дѣятельности,—дѣятельность и заслуги его на скромномъ поприщѣ служенія Обществу взаимнаго кредита, по тѣсной связи успѣховъ этого общества съ пользой принесенной имъ благотворительнымъ учрежденіямъ Московскаго Купеческаго Общества, обязываютъ послѣднее сохранить о немъ благодарную память.

„Проникнутые этимъ сознаніемъ, мы позволяемъ себѣ покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, предложить собранію выборныхъ Московскаго Купеческаго Общества, въ одномъ изъ ближайшихъ его засѣданій, учредить отъ имени Московскаго купечества въ память Ивана Сергѣевича Аксакова, въ Московской Практической Академіи вѣчную стипендію его имени“.

Письмо это было подписано учредителями Общества взаимнаго кредита и выборными Московскаго Купеческаго Общества.

Учредители: И. А. Ляминъ, С. Д. Ширяевъ, С. М. Третьяковъ, М. А. Горбовъ, П. М. Третьяковъ, Т. С. Морозовъ, К. Т. Солдатенковъ, В. И. Якунчиковъ, И. К. Баклановъ, В. Д. Аксеновъ, А. И. Абрикосовъ, В. С. Марецкій *).

Выборные: Сорокоумовскій П. П., Корниловъ А. Г., Залогинъ А. Е., Кольчугинъ А. Г., Баклановъ Н. К., Щаповъ П. В., Карзинкинъ А. А., Сапожниковъ В. Г., Катуаръ Л. И., Санинъ П. И., Дюшенъ П. П., Оконишниковъ С. П., Соповъ Д. С., Гучковъ И. Е., Ѳомичевъ А. В., Щенковъ В. В., Корниловъ

---

*) Изъ учредителей состоятъ выборными Купеческаго Общества: С. Д. Ширяевъ, С. М. Третьяковъ, П. М. Третьяковъ, В. И. Якунчиковъ, И. К. Баклановъ, В. Д. Аксеновъ.

Г. Г., Карцевъ С. П., Осиповъ П. В., Дьячковъ А. Н., Максимовъ Н. П., Шипачевъ И. Г., Боткинъ П. П., Бѣлкинъ С. И., Глушковъ А. А., Максимовъ К. П., Пѣщенковъ-Тряпкинъ В. И., Перловъ С. В., Калашниковъ М. П., Овчинниковъ П. А., Поповъ В. Д., Живаго В. И., Рогаткинъ-Ежиковъ М. И., Соловьевъ Т. В., Банза К. К., Колли А. А., Мухинъ Д. Ѳ., Найденовъ А. А., Маттернъ Э. Ф., Прудниковъ П. Е., Боткинъ Д. П., Воробьевъ Д. П., Расторгуевъ А. Д., Коншинъ В. Д., Ляпинъ М. И., Залогинъ И. В., Ноченковъ А. И., Владиміровъ Д. П., Расторгуевъ Д. А., Бородинъ С. Г., Казаковъ И. И., Якшинъ Г. И., Карзинкинъ С. И., Орликъ В. Я., Грачевъ Д. Е., Климушинъ В. Г., Крашенинниковъ А. И., Мещеринъ Г. И., Урусовъ С. Н., Вогау Г. М., Гучковъ П. И., Капустинъ А. М., Нѣмчиновъ П. Е., Назаровъ Т. И., Нырковъ Ф. Ф., Шапошниковъ В. К., Бромлей Э. И., Глинскій В. Б., Пирлингъ П. О., Хлѣбниковъ М. И., Емельяновъ Е. Е., Струковъ Н. И., Кисляковъ В. М., Булочкинъ П. А., Красногоровъ Г. А., Протопоповъ С. А.

По прочтеніи сего письма предсѣдателемъ собранія—предложеніе объ учрежденіи стипендіи Ивана Сергѣевича Аксакова было принято собраніемъ единогласно.

Собраніе положило: учредить на счетъ Московскаго Купеческаго Общества вѣчную стипендію въ Московской Практической Академіи коммерческихъ наукъ въ память Ивана Сергѣевича Аксакова, для чего испросить въ установленномъ порядкѣ разрѣшеніе; по утвержденіи же означенной стипендіи вносить въ Московскую Практическую Академію коммерческихъ наукъ установленную плату изъ суммъ Общества.

V.

СТИХИ.

На смерть И. С. Аксакова *).

Еще одинъ великій Славянинъ
Безвременною взятъ отъ насъ могилой..
Онъ былъ, о, Русь, твой самый вѣрный сынъ,
Онъ былъ народною твоею силой!

Въ его душѣ созрѣло убѣжденье,
И перейдетъ оно отъ рода къ роду,
Что Богъ судилъ Россіи назначенье
Быть матерью Славянскому народу.

Стоялъ на стражѣ онъ роднаго края,
И насъ училъ онъ родину любить;
Любя ее онъ умеръ, завѣщая—
За идеалами на Западъ не ходить.

И не пройдетъ безслѣдно эта сила,
И не умретъ его благой завѣтъ:

---

*) Изъ № 3277 «Новороссійскаго Телеграфа».

Славянская земля его не даромъ чтила
И голоса его боялся злой сосѣдъ.

Пусть врагъ теперь на радости ликуетъ,
Что умеръ тотъ, кто правду говорилъ...
Но будетъ день, когда восторжествуетъ
Тотъ идеалъ, что̀ онъ въ душѣ хранилъ.

Пройдутъ вѣка, и многое измѣнитъ время,
Но будетъ живъ Славянъ могущественный родъ,
И патріотами посѣянное сѣмя
Взойдетъ, какъ Божій даръ, и пышно расцвѣтетъ.

П. И.

Памяти И. С. Аксакова *).

Еще одинъ свѣтильникъ чудный
Средь мглы житейской догорѣлъ!...
Свершая жизни подвигъ трудный,
Одной онъ истины хотѣлъ...
Святыя въ сердцѣ убѣжденья
До гроба смѣло онъ носилъ,
Родныхъ Славянъ соединенью
Душой и сердцемъ онъ служилъ...
Онъ вѣрилъ въ тотъ союзъ высокій,
Онъ вѣрилъ въ свой народъ родной,
И пламень вѣры той глубокой
Горѣлъ, какъ солнца лучъ благой,
Во тьмѣ—фальшивыхъ убѣжденій,
Служенья идоламъ чужимъ,
Всего чужаго восхваленій
И смѣха надо всѣмъ своимъ...
И этотъ лучъ угасъ!... и снова

---

*) Изъ «Южнаго Края».

Пустыя фразы зазвучатъ
Жрецовъ ученія чужого...
О, нѣтъ!.. его правдивый взглядъ
На современное броженье,
Примѣръ высокій и святой
Идеѣ честнаго служенья —
Останутся странѣ родной,
Какъ дорогое достоянье,
Какъ вѣчной истины завѣтъ!...
Въ сердцахъ о немъ воспоминанье
Жить будетъ много, много лѣтъ...

Василій Ивановъ.

Памяти И. С. Аксакова *).

Не стало борца за славянское дѣло,
Что̀ такъ беззавѣтно Россію любилъ...
Внезапно печальная вѣсть прилетѣла
И смыслъ ея страшный насъ всѣхъ поразилъ.
И горькое чувство тоски и печали
Въ сердцахъ пробудилось всѣхъ русскихъ людей,
И съ радостью тайной враги ликовали,
Что звуки замолкли могучихъ рѣчей...
Любовь въ этихъ звукахъ къ родному дышала,
И рѣчи лилися кипучей волной,
И каждое слово всѣхъ насъ призывало
Работать для счастья Россіи родной...
Ты умеръ въ тяжелое время смущенья,
Въ дни смуты и скорби Славянской земли;
Не это ли горе, не эти-ль мученья
Тебя такъ внезапно въ могилу свели?..

---

*) Изъ № «Новороссійскаго Телеграфа» отъ 2 февраля.

Ты умеръ, но духъ твой, для родины милой,
По смерти твоей будетъ долго въ ней жить,
И новые люди съ могучею силой
Возстанутъ, чтобъ также отчизнѣ служить.

К.

Одесса, 30-го января
1886 года.

На смерть И. С. Аксакова. *)

Еще блестящая скатилася звѣзда,
Еще великаго не стало Славянина!
Рѣдѣетъ съ каждымъ днемъ писателей среда...
Уже не много ихъ... Послѣдняя дружина—
Когда-то полныхъ силъ борцовъ родныхъ идей
Уже не соберетъ собратьевъ подъ знамена.
Осталось мало ихъ... одни на склонѣ дней
Другіе сгинули на радость для Тевтона
. . . .
Давно ли, кажется, а были времена,
Изъ плѣна вырвавшись, сверкала мысль родная,
Славянъ разсѣянныхъ родныя племена
Подъ мощное крыло Россіи созывая.
Теперь не то совсѣмъ. Не слышно голосовъ,
Когда-то искренно и высоко цѣнимыхъ!
За то гремитъ кругомъ нескладный хохотъ совъ
Какъ приговоръ судебъ неотразимыхъ!
И вотъ теперь, когда намъ дорогъ каждый лучъ,
Какъ память прошлаго блестящаго разсвѣта,
Мерцаетъ, гаснетъ онъ, и изъ-за темныхъ тучъ,
Которыми страна родимая одѣта,
Осиротѣлыя мнѣ видятся поля,
Чернѣются кресты, чернѣются могилы,
Въ нѣмомъ отчаяньи, надъ новой сгибшей силой
Рыдаетъ Русская земля!...

Г. Хрущовъ-Сокольниковъ.

---

*) Изъ № 23 газеты «Свѣтъ».

Надъ могилой Ивана Сергѣевича Аксакова

1 февраля 1886 года.

1.

Мы къ здѣшней такъ привыкли жизни,
Имѣемъ много такъ заботъ,
Что мысль о будущей отчизнѣ
На умъ не часто къ намъ идетъ!

2.

При видѣ дорогаго праха,
Мы проливаемъ токи слезъ;
Но есть ли гробъ источникъ страха —
Ужели можетъ быть вопросъ?

3.

Не есть ли это „новоселье“
Начало радости скорѣй...
Непрестающаго веселья—
Безъ воздыханій и скорбей?

4.

Безъ всякихъ суетныхъ сомнѣній
О томъ что̀ „недоступно намъ“,
Что̀ служитъ пищей словопреній
Пытливымъ, выспреннимъ умамъ?...

5.

Намъ надо сбросить это тѣло,
Чтобы увидѣть Божество!...
Смерть—цѣлой нашей жизни дѣло
И цѣлой жизни—торжество!

6.

Иванъ Сергѣевичъ, товарищъ мой любезный,
Отъ всей души моей привѣтствую тебя!
Прошелъ твой славный вѣкъ, отечеству полезный!
Блистательно твоя закончилась судьба!

7.

А чтó ты встрѣтилъ тамъ, Аксаковъ нашъ безцѣнный?...
    То, безъ сомнѣнія, чтó волновало
Твою всю эту жизнь—въ твоей борьбѣ почтенной:
    Тамъ встрѣтилъ именно ты лишь одну любовь!...

8.

Вѣдь „Богъ и есть любовь"! *) Въ сіяющей одеждѣ—
    Прекрасный труженикъ, иди, спѣши туда,
Гдѣ мѣста нѣтъ уже ни вѣрѣ, ни надеждѣ,
    Гдѣ царствуетъ одна любовь, твоя звѣзда,

9.

Путеводившая всегда твоей душою;—
    Во славу родины, на пользу всѣхъ Славянъ;
Снискавшая тебѣ тернистою стезею
    Въ ближайшемъ будущемъ патріархальный санъ:

10.

Всѣ подвиги твои исторія Россіи
    По справедливости оцѣнитъ, милый мой!
Съ вѣнкомъ товарищей, кладу мои стихи я
    На гробъ оплаканный, на гробъ священный твой!..

Свято-Троицкая Сергіева Лавра,
под Москвой.

Леонидъ Бутовскій

(товарищъ и однокашникъ И. С. Аксакова по выпуску 1842 г. изъ Императорскаго Училища правовѣдѣнія: *Милому Ванѣ*).

---

*) «Богъ любы есть», говоритъ апостолъ Павелъ.

VI.

ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ И ДРУГИХЪ ИНОСТРАННЫХЪ ГАЗЕТЪ.

Слово сказанное на паннихидѣ по И. С. Аксаковѣ архимандритомъ Никифоромъ Дучичемъ въ Бѣлградской соборной церкви, 8 марта 1886 года. *)

Кто есть человѣкъ, иже поживетъ и не узритъ смерти? (Псал. 88, с. 49).

По вѣчнымъ и непреложнымъ Божіимъ законамъ, угасла жизнь великаго русскаго патріота, члена Сербскаго Ученаго Общества Ивана Сергѣевича Аксакова, о коемъ и мы, душевно сожалѣя, приносимъ нынѣ въ этомъ святомъ храмѣ теплыя христіанскія молитвы Богу истины, Богу правды и милости, да упокоитъ Онъ душу этого великаго Русскаго и великаго Славянина. Со смертію Ивана Сергѣевича Аксакова угасла блестящая звѣзда на русскомъ пространномъ небѣ,—звѣзда, какія и у великихъ народовъ, какъ Русскій, появляются лишь вѣками, звѣзда, десятки лѣтъ разсыпавшая отъ края и до края великой Россіи свои

*) Изъ № 29 бѣлградской газеты «Уставност». Переводъ съ сербскаго.

теплые лучи, которые согрѣвали русскія народныя сердца, освѣщали русскую историческую жизнь, поддерживали русскій народный духъ и крѣпили русскую народную мысль. Сіяніе этой блестящей звѣзды переходило за предѣлы великаго Русскаго царства и простиралось и на края и земли Южныхъ и Западныхъ Славянъ, оживляя и укрѣпляя ихъ вѣковыя надежды на свободу, историческія и народныя права, пробуждая и развивая въ нихъ сознаніе духовнаго единства всѣхъ Славянъ. Вотъ та крѣпкая духовная связь,—связь племенная, связь родства между Сѣверными, Южными и Западными Славянами,—о которой усердно заботился Аксаковъ и которую должны развивать всѣ истинные славянскіе патріоты, радѣющіе о преуспѣяніи, просвѣщеніи, свободѣ и независимости своего народа. Это вѣрное ручательство за существованіе отдѣльныхъ славянскихъ племенъ внѣ Россіи—этой могучей защитницы Славянства и православія. Это та сила, которой трепещутъ противники Славянъ, радующіеся раздору между ними и желающіе имъ вѣчнаго рабства у чужеплеменниковъ,—сила, которой и *врата адовы не одолѣютъ* (Мат. гл. 16, ст. 18), когда она разовьется и окрѣпнетъ. Богъ праведенъ и благъ, — Славяне молодой и многочисленный народъ—народъ во сто милліоновъ душъ: по общимъ законамъ историческаго и общественнаго развитія, имъ предстоитъ великая будущность, которую своимъ великимъ умомъ Аксаковъ ясно предвидѣлъ и для которой онъ расчищалъ путь. (Далѣе приводятся біографическія свѣдѣнія объ Иванѣ Сергѣевичѣ, кои для краткости здѣсь опускаются).

Этимъ хронологическимъ сухимъ перечнемъ не исчерпывается и не оцѣнивается по достоинству вся обильная литературная и блестящая политическая дѣятельность Аксакова. Предоставляемъ большему знатоку и искуснѣйшему перу пополнить некрологъ и начертать пространную его біографію. Наше перо слишкомъ слабо, чтобъ изобразить и представить въ полнотѣ все величіе ума, учености, патріотизма, дѣятельности и заслугъ Ивана Сергѣевича Аксакова предъ Россіей и Славянствомъ. Онъ жилъ, чтобы работать, и весь вѣкъ свой работалъ такъ, чтобъ и по смерти вѣчно жить. Дѣйствительно, его великій талантъ, его возвышенныя идеи и его образцовая публицистическая, литературная и патріотическая дѣятельность не могутъ никогда ни затмиться, ни погибнуть. Онъ воплотился въ своихъ дѣлахъ и будетъ жить, покуда

останется хоть одинъ Русскій; ибо онъ посѣялъ въ сердцахъ Русскаго народа добрыя сѣмена, сѣмена безъ плевелъ, которыя пали на добрую землю и должны принести желанный и обильный плодъ. Да, рѣдко, весьма рѣдко бываютъ смертные, кои бы украшались столь отличными качествами, какъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Въ домѣ родителей онъ получилъ прекрасное христіанское воспитаніе, а въ школѣ—классическое образованіе; былъ необыкновенно честенъ, имѣлъ твердый, чистый характеръ и крѣпкую волю, былъ рѣдкій отчизнолюбецъ, неподражаемый публицистъ, даровитый ораторъ и поэтъ, глубокій философъ, неистощимый писатель, образцовый гражданинъ, вѣрный Русскій по отношенію къ Царскому дому и царству, великій Славянинъ и по евангельскимъ идеаламъ весьма благочестивый христіанинъ. Все это ясно отражается въ его сочиненіяхъ, въ коихъ излиты его умъ, его сердце и его душа. А объ его христіанскомъ благочестіи, сверхъ другихъ безчисленныхъ доказательствъ, свидѣтельствуетъ и то, что онъ завѣщалъ похоронить себя въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, воспѣвая съ царемъ Давидомъ: „Возлюблю Тя, Господи, крѣпосте моя: Господь утвержденіе мое и прибѣжище мое, и избавитель мой, Богъ мой, помощникъ мой, и уповаю на Него". (Псал. 17, с. 2 и 3).

Для Аксакова Славянство и православіе были тождественны, и онъ сожалѣлъ о томъ, что всѣ Славяне не объединены по крайней мѣрѣ вѣрой и ученіемъ Св. Славянскихъ равноапостоловъ и первоучителей Кирилла и Меѳодія, въ твердомъ убѣжденіи, что только чрезъ Православную народную Церковь Славяне могутъ сохранить свою народность и свой языкъ, а также скорѣе и легче достигнуть своей народной свободы и государственной независитости. И подтвержденіе этого убѣжденія было у него передъ глазами: Сербія, Черная Гора и Болгарія.

Вся жизнь Аксакова была благородною борьбой за свои идеи, свои начала, за свободу и самостоятельность народнаго развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ за славу и величіе Русскаго царства. Онъ не забывалъ ни Славянъ Южныхъ, ни Западныхъ. Онъ имъ искренно желалъ, чтобъ они освободились и перестали служить чужимъ и противославянскимъ интересамъ, писалъ объ этомъ и работалъ для этого самымъ дѣломъ. Россіи же онъ желалъ, чтобъ она переродилась по его идеаламъ на основѣ русской народной исторіи, преданій, обычаевъ и народной жизни прежней эпохи и преобразованій Петра Великаго. Все же, что̀ взято съ Запада и противно

русской народной жизни и ея духу, что̀ навязано ей и непригодно, Россія должна отвергнуть. Аксаковъ такъ любилъ свое широкое отечество Россію, что размышлялъ даже о томъ, какъ бы могла образоваться въ ней русская народная культура на основѣ восточнаго христіанства, независимая отъ западной, дабы такимъ образомъ великій Русскій народъ развивался по своему и самостоятельно во всѣхъ отношеніяхъ. Мысль эта, какъ и всѣ его мысли, имѣетъ глубокое значеніе для Россіи и Славянства. Нѣтъ сомнѣнія, что русскіе просвѣщенные патріоты, друзья народа, единомышленники и почитатели Аксакова, въ особенности славянофилы, будутъ продолжать дѣйствовать въ его духѣ и направленіи. И это будетъ благовоннѣйшій ѳиміамъ его русскому духу, прекраснѣйшій вѣнокъ на его могилу и лучшая память его имени.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ какъ думалъ и былъ убѣжденъ, такъ говорилъ и дѣйствовалъ. Своихъ убѣжденій, своихъ началъ и своего направленія онъ не мѣнялъ никогда, ни передъ кѣмъ и ни за какія блага. Всегда, а въ особенности съ 1875 года до послѣднихъ дней жизни, онъ оказывалъ могущественное воздѣйствіе на умы всѣхъ въ Россіи. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ не только между Русскими, но и Европейцами великимъ людямъ, къ чьимъ словамъ и рѣчамъ прислушивалась въ послѣднее время вся политическая и образованная Европа. Это была сила нравственная — сила ума, сила философская, сила безъ власти и штыка. Русскій народъ въ правѣ гордиться этимъ. А русская молодежь пусть изучаетъ жизнь, свѣтлый характеръ и великія патріотическія дѣла своего Аксакова. Аксаковъ, вдохновленный идеей духовнаго единства всѣхъ Славянъ, одушевленный братскою славянскою любовію и христіанскими идеалами, энергически поднималъ свой мощный голосъ за освобожденіе Сербовъ и Болгаръ. Его голосъ въ послѣднее время былъ голосомъ Русскаго народа. Въ исторіи всѣхъ народовъ рѣдко встрѣчаются люди, которые бы пользовались въ своемъ народѣ такимъ неограниченнымъ довѣріемъ, какое имѣлъ въ Русскомъ народѣ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Голосъ его сильно отзывался въ русскомъ народномъ сердцѣ, потому что народъ понималъ его, какъ свой голосъ. Народъ Русскій, чувствуя какъ и Аксаковъ, говорилъ чрезъ его сердце и уста. Голосъ Аксакова доходилъ и до царскаго дворца, и не бывалъ пренебрегаемъ. Въ особенности Царь Александръ III обра-

щаетъ благосклонно свое царское вниманіе на Русскій народъ и на мысли народныхъ любимцевъ, какъ Аксаковъ.

Во время Герцеговинскаго и Боснійскаго возстанія въ 1875 и Сербской войны за освобожденіе и независимость въ 1876 г., Аксаковъ, подвигнутый братскою любовію и славянскою идеей, организовалъ въ Россіи нравственную и матеріальную помощь, посылая на подмогу Сербскому народу и русскія деньги, и русскихъ добровольцевъ. Это съ похвалой записано на страницахъ сербской исторіи. Развѣ могутъ быть забыты тѣ патріотическія вдохновенныя рѣчи, которыя говорилъ Аксаковъ, и тѣ энергическія статьи, которыя онъ писалъ въ пользу Сербскаго и вообще Славянскаго народа во время и послѣ Сербской войны,—особенно та громовая рѣчь, которую онъ произнесъ въ Москвѣ, по заключеніи Берлинскаго договора въ 1878 году, какъ предсѣдатель тамошняго Славянскаго Благотворительнаго Комитета, и въ которой онъ излилъ глубокую боль русскаго уязвленнаго сердца въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ? Развѣ можетъ быть забытъ его русскій гостепріимный домъ, бывшій всегда открытымъ для молодыхъ сыновъ Южныхъ и Западныхъ Славянъ, особенно сиротъ, искавшихъ науки и воспитанія въ братской Россіи? Нѣтъ, никогда! Мы вѣдь всѣ знаемъ, что не было такого, кто бы въ нуждѣ протянулъ къ нему руку и не получилъ; ибо въ его русскомъ благородномъ и христіанскомъ сердцѣ были живы евангельскія добродѣтели и слова Христа Спасителя: *Блажени милостиви, яко тіи помилованы будутъ* (Матѳ. гл. 5, ст. 7).

Аксаковъ много началъ, много и сдѣлалъ. Но, увы! много онъ и унесъ съ собою въ могилу, ибо много онъ еще могъ бы сдѣлать, если бы Богу не угодно было переселить его изъ этого привременнаго міра въ другой, вѣчный и райскій, — всего на 63-мъ году жизни. О, сколько потеряла въ немъ Россія, сколько потеряли въ немъ и остальные Славяне, по славянски мыслящіе и чувствующіе! Смерть Ивана Сергѣевича Аксакова оплакиваетъ его благородная, теперь осиротѣлая, горько опечаленная супруга, Анна Ѳедоровна, дочь русскаго славнаго поэта Тютчева,—коей да пошлетъ милосердый Богъ душевную крѣпость христіански съ терпѣніемъ перенести этотъ тяжкій ударъ! Сожалѣетъ о немъ вся Россія отъ царскаго дворца до крестьянской избы, сожалѣютъ всѣ истинные Славяне, особенно мы, Сербы. О немъ сожалѣютъ многіе и тамъ, гдѣ нѣтъ Славянъ, но гдѣ цѣнятся свѣтлые умы,

желѣзные характеры, примѣрная честность, истинный патріотизмъ, нравственныя доблести и возвышенныя идеи, коими былъ одушевленъ Аксаковъ до послѣдняго своего часа.

Сербскій благодарный народъ не легко забудетъ имя великаго Аксакова и его братскую любовь и помощь въ самые тяжелые дни своей новой исторіи. А Сербское Ученое Общество, потерявъ въ немъ своего отличнаго члена, коимъ гордилось, выражаетъ свое горе и благоговѣніе къ его памяти сегодняшнею панnихидой, по христіанскому и сербскому обычаю возносся ко Господу Богу теплыя молитвы объ упокоеніи души его.

Да будетъ миръ его праху въ Русской благословенной землѣ, которую онъ безгранично любилъ и для которой онъ жилъ! Да дастъ Всемогущій Богъ свѣтлой душѣ его на небѣ райское селеніе, а на землѣ, между Славянами, его великому имени вѣчную память! „Вѣчная память"! Аминь.

Паннихида по И. С. Аксаковѣ *).

Въ субботу, 8 марта, въ $11^1/_2$ часовъ, въ Бѣлградской соборной церкви, по почину Сербскаго Ученаго Общества, совершена была паннихида за упокой души И. С. Аксакова—великаго русскаго и славянскаго патріота и писателя-публициста. Церковь была полна молящихся, мужчинъ и женщинъ. Присутствовали представители сербской интеллигенціи и именитѣйшіе граждане, русскій посланникъ, г. Персіани, съ супругой, секретари посольства Боджіо и Кукель, г. Шведовъ и всѣ остальные члены депутаціи русскаго Краснаго Креста.

Паннихиду совершалъ ректоръ семинаріи, о. Никаноръ Ружичичъ, съ двадцатью священниками и четырьмя діаконами. По окончаніи паннихиды, архимандритъ Никифоръ Дучичъ сказалъ слово, въ коемъ очертилъ дѣятельность усопшаго и его заслуги предъ Россіей и Славянствомъ. Проповѣдникъ перечислилъ въ своемъ словѣ и все то, чтò сдѣлалъ почившій для Сербовъ. Слово произвело на слушателей весьма хорошее впечатлѣніе.

---

*) Изъ № 29 газеты „Уставност".

Погода въ день паннихиды была прекрасная—настоящая весенняя. Само солнце сербскаго неба какъ будто радовалось, взирая на то, какъ сербскіе патріоты и ученые молитвеннымъ воспоминаніемъ чествовали заслуги великаго мужа, который своимъ великимъ умомъ и сердцемъ столь искренно и столь много послужилъ великому славянскому дѣлу. Паннихида въ сербской столицѣ по И. С. Аксаковѣ, одномъ изъ отличнѣйшихъ представителей славянской мысли, показала, что и въ Сербскомъ народѣ имѣетъ широкую и плодоносную почву эта возвышенная мысль. Добрыя сѣмена посѣяны въ Сербскомъ народѣ, и никто не въ силахъ истребить ихъ. Они должны принести обильный плодъ.

Отецъ архимандритъ Дучичъ прекрасно выразился въ своемъ словѣ, что И. С. Аксаковъ былъ сіяющею звѣздой, которая разсыпала лучи свои не только въ широкомъ Русскомъ царствѣ, но и по всему Славянскому міру.... Великіе люди являются истиннымъ откровеніемъ для народовъ, ибо чрезъ этихъ людей Провидѣніе посылаетъ народамъ великія и славныя дѣла, счастіе и благословеніе. Однимъ изъ таковыхъ и былъ И. С. Аксаковъ. А эти люди не умираютъ, но живутъ вѣчно. И. С. Аксаковъ будетъ жить вѣчно во всемъ Славянскомъ мірѣ, ибо послѣдствія его трудовъ не умрутъ. Онъ будетъ жить вѣчно и въ Сербскомъ народѣ, который онъ обнималъ своимъ великимъ умомъ и сердцемъ. Слава, вѣчная слава да будетъ великому Аксакову!

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ *).

Великій русскій и славянскій патріотъ и публицистъ умеръ въ Москвѣ!

Кто былъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ и какія дѣла составляютъ высоту и великое значеніе его, нельзя высказать въ нѣсколькихъ словахъ; удрученные скорбію оставляемъ рѣчь объ этомъ до другаго раза.

Аксакова хорошо зналъ и Сербскій народъ. Всякій Сербъ, хотя бы и поверхностно слѣдившій за ходомъ народной жизни

---

*) Изъ № 13 газеты «Уставност».

Славянъ и мощнаго представителя славянскаго—Россіи, знаетъ Ивана Сергѣевича Аксакова. Потому извѣстіе о смерти его сильною жалостію потрясетъ и сердца Сербовъ, какъ и сердца всего Славянства, особенно православнаго. Но кто бы могъ вполнѣ разсмотрѣть непрозримую глубину, кто бы могъ теперь какъ слѣдуетъ, по достоинству, оцѣнить и описать жизнь и обширную дѣятельность Аксакова, который воплощалъ въ себѣ идеалъ славянскаго патріота? Умъ и сердце у Аксакова были въ дивной гармоніи, такъ что и враги славянскіе признали, что Аксаковъ былъ человѣкъ сильнаго и великаго ума, высокаго, благороднаго и пламеннаго сердца. Высота его ума и сердца видны были во всякой его дѣятельности, въ каждой строкѣ имъ написанной. Кто прочиталъ хотя нѣсколько строкъ написанныхъ перомъ его, тотъ чувствовалъ въ себѣ сладость *воды живой* этой духовной пищи, которая одинаково животворно дѣйствуетъ и на умъ, и на сердце.

Аксаковъ былъ великій славянскій патріотъ. Великій умъ и благородное сердце его обнимало Сербскій народъ и все Славянство. Припомнимъ наши войны за освобожденіе и независимость нашу, и мы найдемъ тутъ многія доказательства этого. Всѣ заслуги и обширную дѣятельность великаго Аксакова оцѣнятъ лишь наши потомки черезъ нѣсколькихъ поколѣній, оцѣнитъ исторія. А мы и теперь, и потомъ что́ напишемъ объ Аксаковѣ своими слабыми силами? Возьмемъ лишь нѣсколько общихъ чертъ, чтобъ исполнить свою обязанность—воздать должное другу нашего народа. Очень мала та свѣчка, которую зажигаемъ мы на гробѣ великаго славянскаго патріота И. С. Аксакова...

Глубоко кланяемся предъ гробомъ Ивана Сергѣевича Аксакова и всенародно возвѣщаемъ ему: вѣчная тебѣ память! Слава, слава, слава Ивану Сергѣевичу Аксакову!

Иванъ Аксаковъ *).

За одною могилой разверзается другая. Послѣ Суботича, владѣвшаго милою сербскою лирой, умираетъ Аксаковъ, обхватывавшій все Славянство. Грустно!... Грустно, мы полагаемъ,

*) Изъ «№ 5-го газеты «Српски Лист», выходящей въ Задрѣ.

каждому, у кого человѣческое сердце въ груди. Аксаковъ принадлежалъ къ тѣмъ необыкновеннымъ людямъ, которые, какъ представители великаго народа, оставляютъ глубокій слѣдъ въ исторіи. Нѣкогда изъ первыхъ, нынче онъ былъ первый въ знаменитомъ кружкѣ тѣхъ избранныхъ русскихъ патріотовъ, которые старались очистить Россію отъ чуждой примѣси, которые общественную и государственную жизнь въ Россіи хотѣли поставить на чисто-народное, русское основаніе. Онъ былъ изъ первыхъ и первый между великими людьми, которые проповѣдывали духовное единство всѣхъ Славянъ. Онъ былъ стало-быть вождь славянофильства. Онъ имѣлъ противниковъ,— но развѣ не имѣли ихъ и всѣ изъ ряда выходящіе люди? И въ Россіи славянофильство находило отпоръ... Но мысль русскихъ славянофиловъ остается непреоборимой, ибо непреоборимая истина, что Россія поражена была чужеплеменнымъ наплывомъ, что и нынѣ она не свободна еще отъ чужеплеменнаго воздѣйствія. Нигдѣ однако славянофильство не имѣетъ болѣе ожесточенныхъ враговъ, нигдѣ славянофильское ученіе злѣе не извращается, какъ у Нѣмцевъ, особенно въ Вѣнѣ. Въ Вѣнѣ выдумали и страшилище панславизма. Австрійскіе Нѣмцы, которые рукоплещутъ всякому шагу князя Бисмарка къ нѣмецкому единству, которые радуются ему даже и тогда, когда нѣмецкая идея находитъ свое выраженіе въ звѣрскомъ гоненіи на Поляковъ, — эти кровожадные Нѣмцы вопіяли противъ Аксакова, который проповѣдывалъ духовное единеніе Славянъ. Дѣла Ивана Сергѣевича Аксакова не могутъ быть изложены здѣсь во всей своей красотѣ и величіи, потому что имя его, его семьи и его друзей тѣсно связано съ исторіей Русскаго государства въ нынѣшнемъ вѣкѣ, съ лучшими дѣлами народа Русскаго. Напомнимъ лишь новѣйшіе и самые блестящіе моменты.

Въ 1867 году открылась въ Москвѣ этнографическая славянская выставка. Эту выставку задумалъ и совершилъ Аксаковъ, предсѣдатель Славянскаго Благотворительнаго Общества. Въ Москвѣ, въ „матушкѣ Москвѣ“, собрались представители всѣхъ Славянскихъ народовъ. Тогда въ первый разъ сказалось сознаніе славянскаго братства, и Аксаковъ одержалъ блистательную побѣду. Въ 1875 году поднялась несчастная сербская *рая*, вооружась коекакъ, чѣмъ кто могъ. На братскій призывъ загремѣлъ Аксаковъ, и пришла въ движеніе вся Россія. На освобожденіе балканскихъ народовъ Аксакову посыпались деньги, стали жертвовать

пушки и ружья. Оффиціальная Россія уступила народной волѣ и перешла Дунай. Оффиціальная Россія запнулась на Санъ-Стефанскомъ договорѣ, въ Берлинѣ спасовала. Тутъ опять боль изъ-за оскорбленной народной гордости проговорила устами Аксакова. Его рѣчь, сказанная въ Славянскомъ Обществѣ, какъ острая стрѣла ударила въ Берлинскій договоръ и въ русскую дипломатію. На этотъ разъ его пламенная рѣчь не прошла ему даромъ: Славянское Благотворительное Общество въ Москвѣ было распущено, а его предсѣдатель высланъ въ деревню на короткое время. Такъ поступили въ Россіи, а въ какомъ-нибудь конституціонномъ государствѣ его постигла бы тюрьма. Затѣмъ Аксаковъ снова предался своему призванію — журналистикѣ. Въ своей газетѣ „Русь" онъ продолжалъ проповѣдывать свои начала. На этомъ его захватилъ филиппопольскій бунтъ и теперь—преждевременная смерть, въ тотъ самый моментъ, когда изъ этого перваго облака на Балканѣ поднимается буря. Очевидцы расказываютъ какъ страшно онъ былъ раздраженъ этимъ событіемъ. Да какъ и не раздражаться, когда неожиданный бунтъ, подготовленный славянскими врагами, нанесъ тяжій ударъ идеалу Аксакова? Въ своей „Руси" онъ съ самаго начала и одинъ во всей русской печати защищалъ болгарское объединеніе. Сербскому народу въ Сербіи онъ послалъ призывъ: освободиться отъ нынѣшнихъ управителей ради своей чести и достоинства. Не щадилъ онъ и оффиціальной Россіи..., за что опять его постигла кара въ видѣ предостереженія.

Но его не стало. Печально погибъ Скобелевъ послѣ знаменитой рѣчи въ Парижѣ: Нѣмецъ, вотъ нашъ врагъ! Оледенѣло сердце и у Аксакова, когда онъ громче всего долженъ былъ говорить. Самое сильное перо и самая острая сабля—сломались.

Но все-таки мысль его не погибла. Самъ Императоръ Александръ III выражаетъ соболѣзнованіе вдовѣ Аксакова. Великъ народъ Русскій, и утѣшительную истину сказалъ поэтъ нашъ: „въ великомъ народѣ геній вьетъ гнѣздо себѣ".

Аксаковъ *).

Тотъ, кто изъ-за Сла̀вянъ потрясалъ свѣтъ, умеръ... и намъ такъ тяжело стало, точно мы потеряли свѣтъ.

Иванъ Аксаковъ былъ великанъ. Когда онъ говорилъ, голосъ его раздавался по всей Европѣ, и къ его голосу прислушивались на всемъ томъ широкомъ пространствѣ, покуда простирается великая Россія. До сихъ поръ не было публициста съ бо́льшимъ значеніемъ, чѣмъ Аксаковъ.

Любовь Аксакова обнимала все Славянство одинаково. Если бы мы жили при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ, Аксаковъ безъ сомнѣнія простеръ бы свою любовь на все человѣчество, но онъ видѣлъ, что Славяне всѣхъ болѣе угнетены, что они не имѣютъ ни защитника, ни друга въ широкомъ мірѣ, и онъ всталъ передъ Россіей и сказалъ: „теперь ты должна вступиться за нихъ".

Сербскій народъ за многое долженъ быть благодаренъ Аксакову. Онъ положилъ много, много труда для освобожденія Сербскаго народа отъ Турокъ. А когда Пеко Павловичъ въ 1875 г началъ кровавый хороводъ свой на Балканахъ, Аксаковъ сталъ работать неутомимо. Наступили трудныя обстоятельства для Славянъ и Россіи. Европа была противъ сербскаго дѣла, но Сербія и Черногорія все-таки начали войну, вопреки совѣтамъ русской дипломатіи...

И пока сербскіе баталіоны отбивали нападенія Турокъ, Аксаковъ со своими друзьями всколебалъ и воодушевилъ всю Россію. Когда дошло дѣло до Дьюниса, царь Александръ II крикнулъ Туркамъ: „стойте"! Знаемъ, что̀ произошло послѣ этого. Общее мнѣніе Россіи подвигнуло ее на войну, и русско-турецкая война 1877 года—это преимущественно дѣло Аксакова!

Намъ представится еще случай сказать больше о жизни Аксакова. Пока вспомнимъ о томъ, что онъ дѣйствовалъ на поприщѣ публицистики и прославился всего больше какъ редакторъ „Москвы" и „Руси". Его высокую честность признаютъ даже его противники и говорятъ: „это—онъ, человѣкъ вѣчно заботившійся о другихъ и никогда не искавшій для себя ничего".

---

*) Изъ № 16 сербской газеты «Застава», выходящей въ Новомъ Садѣ (на Дунаѣ, въ Южной Венгріи).

Аксакова нѣтъ болѣе, но если бы его пріятелями и друзьями овладѣло отчаяніе,—то это значило бы—осквернить его память, уменьшить цѣну всего его труда. Аксаковъ не былъ бы Аксаковымъ, Аксаковъ не былъ бы великаномъ, а карлой, если бы послѣ такого его громаднаго труда легла въ могилу та мысль, которой онъ былъ носителемъ.

Аксаковъ былъ великій другъ Сербовъ, онъ много сдѣлалъ для Сербовъ на Балканахъ. Да будетъ ему великая благодарность и по ту сторону могилы.

Великій Аксаковъ, миръ праху твоему!

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. *)

Телеграфъ принесъ намъ печальное извѣстіе, что вождь славянофильской партіи въ великой Россіи Аксаковъ умеръ. Извѣстіе это пришло неожиданно и какъ громомъ поразило всѣхъ друзей лучшей будущности Славянъ. Сама природа какъ будто подаетъ руку противникамъ Славянства. Скобелевъ, Аксаковъ сошли преждевременно въ могилу, оставивъ за собой слѣды своей огромной работы, но не дождавшись свѣтлыхъ дней славянскаго племени, хотя они больше всѣхъ потрудились въ этомъ направленіи.

Аксаковъ былъ симпатичнѣйшее явленіе. Онъ вѣрилъ въ способности неиспорченнаго Русскаго народа, почерпалъ въ этомъ свое одушевленіе, бодро прислушивался къ біенію русскаго сердца и являлся для русскихъ государственныхъ людей истолкователемъ его стремленій. Онъ сталъ достойнѣйшимъ и неутомимѣйшимъ апостоломъ славянской мысли. Сильный, энергическій и несокрушимый какъ въ живой рѣчи, такъ и въ писанномъ словѣ, онъ будилъ свой народъ и указывалъ ему широкія перспективы въ будущемъ. Такимъ образомъ Аксаковъ явился любимцемъ Русскаго народа и пламеннымъ другомъ остальныхъ Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ. Онъ проповѣдывалъ своему народу любовь къ самому себѣ, къ братьямъ своимъ, къ тому нравственному

---

*) Изъ № 12 сербской газеты «Браник», издаемой въ Новомъ Садѣ (Neusatz), передовая стататья, которая приводится здѣсь въ извлеченіи.

союзу, который единитъ съ Россіей остальныхъ Балканскихъ Славянъ. Онъ училъ, что эти народы на Востокѣ не имѣютъ лучшаго друга какъ Россія, онъ ободрялъ своихъ земляковъ объясняя, что Россія тогда именно является наиболѣе сильною, когда руководится славянскою мыслію.

И на холодномъ Сѣверѣ, и на тепломъ Югѣ понимали его. Нынѣ всякій добрый Сербъ въ Сербіи съ благодарностью вспоминаетъ русское имя, Черногорецъ, произнося русское имя, скидаетъ шапку. Что это такъ, это — великая заслуга Аксакова. Въ Славянскихъ Комитетахъ, которые поддерживали матеріально Славянъ ня Балканахъ, ему принадлежало рѣшающее слово; онъ заставилъ Русскій народъ возгорѣться гнѣвомъ на турецкія насилія, онъ подвигнулъ оффиціальную Россію на войну съ Турціей, и такимъ образомъ возникли свободныя государства на Балканахъ. Онъ научилъ Балканскіе народы, что за высокими горами, за широкимъ моремъ живетъ великій народъ, который не отступится отъ нихъ и не можетъ отступиться. Онъ работалъ для осуществленія великой славянской цѣли въ православіи, которое считается Славянскою Церковью, какъ протестантство Германскою; сообразно со славянскими потребностями, онъ боролся за здоровую культуру; онъ стоялъ за свободу, но полагалъ ее не въ пустыхъ формахъ Запада. Оттого противники славянства его ненавидѣли, Западные Славяне — не понимали. Въ немъ жилъ великій дѣятельный духъ, въ груди его билось великое сердце, которое обнимало горячею любовію всѣхъ Славянъ — и тѣхъ что̀ на Балканахъ, и тѣхъ что̀ въ Россіи.

И эти уста, проповѣдывавшія единство и согласіе, онѣмѣли; и это великое сердце, которое было исполнено пламенной любви и великихъ желаній, перестало биться на вѣки! Аксаковъ сдѣлалъ много и все-таки мало, потому что впереди передъ нимъ оставалась еще великая задача; Аксаковъ видѣлъ довольно и опять-таки мало, потому что слишкомъ коротка жизнь человѣческая для совершенія того, что̀ составляетъ задачу многихъ поколѣній. Но сѣмя, которое сѣялъ Аксаковъ, пало на добрую землю и должно принести плодъ. Въ послѣдній смертный часъ Аксакову нечего было бояться, что онъ даромъ жилъ въ этомъ мірѣ. Его бренные останки приметъ земля и по естественнымъ законамъ претворитъ въ прахъ и пепелъ. Но онъ все-таки будетъ жить въ тѣхъ живыхъ дѣлахъ, которыя созданы его трудомъ и страда-

ніями. Такіе трудолюбцы, какимъ былъ Аксаковъ, не забываются, но живутъ вѣчно въ благодарной памяти потомства.

Осиротѣлая великая Россія достойно оплакиваетъ своего великаго сына. Аксаковъ былъ первый сынъ Русскаго народа. На его гробъ канетъ искренняя слеза сожалѣнія и Сербскаго народа, ибо Аксаковъ былъ великій другъ Сербскаго народа на Балканскомъ полуостровѣ. Отпѣваніе его тѣла не будетъ вмѣстѣ и отпѣваніемъ его надеждъ, его желаній, его мыслей!

Слава памяти Аксакова!

Аксаковъ *).

Ивана Сергѣевича Аксакова, который неложно могъ примѣнить къ себѣ слова: „Нынѣ отпущаеши съ миромъ раба Твоего, Владыко", смерть похитила въ Москвѣ, 27 января сего года. Съ нимъ погасла въ Россіи звѣзда, величественно блиставшая на славянскомъ горизонтѣ. Вся славянская братья лишилась въ немъ брата-Русскаго—праведнаго, смѣлаго, непоколебимо стоявшаго за вѣру-правду. Онъ первый воздвигъ невидимую плотину, чтобы Греко-Славянскій міръ не потонулъ въ мірѣ Германо-Римскомъ. Первый возвысилъ голосъ, чтобы въ нашу кровь не проникла порча чужой крови,—первый отмежевалъ Востокъ отъ Запада. Служилъ народу и вѣрѣ славянской съ ревностью апостола, болѣе всѣхъ проникнутый духомъ Св. Первоучителей Славянскихъ. Былъ славенъ во всемъ свѣтѣ какъ писатель—лучшій изъ лучшихъ; былъ учитель, котораго свѣтлый примѣръ не забудется въ потомствѣ, былъ искра божественнаго зиждительнаго духа славянскаго.

Миръ праху твоему, великій подвижникъ славянской правды! Сербъ надъ твоимъ прахомъ сердечно плачетъ.

Иванъ Сергѣевичъ,—твоя память не погибнетъ!

---

*) Изъ № 57 сербскаго листка «Драшков Рабош», выходящаго въ Сплитѣ (Спалато).

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ *).

Новый ударъ поразилъ всю великую славянскую семью. Братъ выдающійся духомъ и сердцемъ, братъ благороднѣйшій и дѣятельнѣйшій, оставилъ насъ и переселился въ вѣчность. Нѣтъ возвышеннаго апостола славянской идеи, глубокаго мыслителя, добраго русскаго патріота—Ивана Сергѣевича Аксакова! Умеръ онъ третьяго дня, 8 февраля (27 января) 1886 г., въ Москвѣ на 63 году славной и дѣятельной своей жизни.

Заплачетъ не одна Бѣлокаменная Матушка-Москва, горько опечалится не только вся громадная Святая Русь, — зарыдаетъ весь пробужденный широкій Славянскій міръ отъ Урала и Кавказа до Шумавы и высотъ Дормитора.

Ибо если въ Аксаковѣ Русскій народъ оплакиваетъ своего выдающагося сына, который, будучи одаренъ духомъ глубокимъ и пламеннымъ, имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сердце смѣлое, такъ что изъ любви къ своему народу смѣлѣе и энергичнѣе чѣмъ кто-нибудь до него говорилъ правду въ глаза абсолютному правительству, то остальное Славянство теряетъ въ немъ друга преданнаго, мужа, который идеей славянскихъ комитетовъ въ Россіи въ высшей степени содѣйствовалъ практическому сближенію Русскаго народа съ остальными Славянами,—и кромѣ того, словомъ живымъ и перомъ замѣчательнаго публициста неутомимо въ теченіе двадцати лѣтъ, съ огнемъ и твердостью настоящаго апостола идеи, ширилъ въ народѣ Русскомъ сознаніе его славянскаго призванія и задачъ.

Да, конечно, въ Аксаковѣ народъ Русскій потерялъ одного изъ величайшихъ дѣятелей, а все остальное Славянство оплакиваетъ потерю защитника и преданнѣйшаго друга. Но потеряли ли мы его цѣликомъ и совершенно? Никоимъ образомъ! Люди такого духа и значенія оставляютъ по себѣ для счастія народовъ свѣтлый путь, ничѣмъ не затмѣваемый: это—лучи свѣтлыхъ идей, лучи, которые освѣщаютъ потомству путь и тогда, когда самая звѣзда уже потухла.

Это не фраза, это наше убѣжденіе, когда мы говоримъ: эта мертвая нынѣ, холодная, какъ мраморъ, голова, чело которой окру-

*) Изъ № 41 чешской газеты «Narodni Listy».

жено, по обычаю Православной Церкви, бѣлымъ вѣнцомъ — знакомъ вѣчнаго покоя—думала и жила не даромъ! Мысли, которыя въ ней родились, не похолодѣютъ и не умрутъ вмѣстѣ съ нею, но изъ нея, какъ изъ оторванной виноградной кисти, для насъ истекаетъ живительное вино, полное огня, жизни и правды....

Во время нашего съѣзда въ Москвѣ, въ 1867 г., въ первый разъ слова Аксакова отозвались въ тысячахъ славянскихъ сердецъ въ земляхъ короны чешской. Во время пріема славянскихъ гостей въ Москвѣ, 1 іюня 1867 г., Аксаковъ поднялъ чашу *за братство* между всѣми Славянами. „Отнынѣ, говорилъ онъ воодушевленно, это братство призвано стать не отвлеченною только, абстрактною, какъ говорятъ Нѣмцы, идеей, не платоническимъ только, безплоднымъ чувствомъ, а дѣйствительною, дѣятельною, животворящею, фактомъ. Братство! братья! Какъ много сказано этими словами, невольно повторишь слова Хомякова:

О, вспомнимъ ли, что это слово братья
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй?

„Я прибавлю: оно не только святѣй, но и сильнѣй.—О какомъ братствѣ говоримъ? О братствѣ полсвѣта! О братствѣ 90 милліоновъ братьевъ. Славянское братство не умѣщается въ рамки географическихъ и политическихъ отношеній. Членъ славянской семьи, который отказывается отъ братства, этимъ самымъ отказывается отъ своего существа. Но чтó такое братство? Братство значитъ любовь и равенство. „Всѣ велики, всѣ свободны“, такъ сказалъ Хомяковъ о Славянствѣ. Въ братствѣ нѣтъ ни высшихъ, ни низшихъ; братья—это значитъ всѣ равны. Кто изъ нихъ лучше и сильнѣе, на томъ лежитъ и бóльшая отвѣтственность. Отъ того, кто много имѣетъ, больше и требуется. Обязанность сильнаго—помогать слабому. На Россіи лежитъ великая обязанность: Россія обязана осуществить на землѣ славянское братство и призвать всѣхъ братьевъ къ свободѣ и жизни. Будемъ же блюсти это наше братство, какъ наше величайшее богатство, какъ наше драгоцѣнное сокровище, какъ завѣтъ исторіи! Да будетъ далекъ отъ насъ духъ сомнѣнія и гордости; да познаемъ всѣ мы духъ Славянства! Все остальное приложится намъ! Мы всѣ здѣсь—рабочіе одного общаго дѣла. Дѣло это—осуществленіе славянскаго братства. Господа! поднимаю тостъ за нашу общую славянскую работу!“...

И слова эти для Аксакова не были просто лишь словами: этотъ мужъ, истинно-русскій человѣкъ, мысли славянскаго братства посвятилъ всѣ силы своей жизни! Онъ своею мыслью былъ всюду, гдѣ славянскій братъ страждетъ и борется за свою жизнь. Онъ работалъ посредствомъ Славянскихъ Благотворительныхъ Обществъ въ пользу нравственнаго и матеріальнаго подъема разсѣянныхъ Славянскихъ племенъ; его рука и голова видны всюду, гдѣ только идетъ дѣло о помощи угнетеннымъ и преслѣдуемымъ братьямъ, на Балканѣ ли, на Тимокѣ, на Велтавѣ или Лабѣ; при этомъ онъ напоминалъ русскому обществу, что помогать остальнымъ Славянамъ не есть дѣло великодушія, но святая нравственная обязанность Русскаго народа, на которомъ, какъ на сильнѣйшемъ изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ, лежитъ великое историческое призваніе помогать Славянамъ: „освобождать угнетенныхъ, подкрѣплять слабыхъ, соединять несогласныхъ и раздробленныхъ".

Неутомимо онъ проповѣдуетъ Россіи, и притомъ не только народной, но и оффиціальной, это сознаніе „историческаго долга" по отношенію ко всѣмъ Славянамъ; Россія, по его горячему убѣжденію, не должна допускать, чтобы Славянство потеряло свою естественную почву въ срединѣ и на югѣ Европы. „Не должно болѣе погибать славянское наслѣдство". А когда 22 іюня 1868 г. австрійскій канцлеръ Бейстъ въ частной бесѣдѣ угрожалъ Палацкому и Ригру, что-де онъ знаетъ о русско-прусскомъ планѣ, по которому Россія въ случаѣ распаденія Австріи не станетъ требовать для себя Чехію, Аксаковъ отвѣчалъ на это въ своей „Москвѣ":

„Конечно, она бы не требовала для себя Чехіи, но она бы никогда не смѣла допустить и не допустила бы, чтобы Чехія когда-нибудь была отдана Пруссіи или Германіи: это значило бы создать великую опасность не только для остальныхъ Славянъ, но и для самой Россіи. Велико-нѣмецкая партія можетъ утѣшать себя фантастическимъ планомъ великаго нѣмецкаго государства— это старая пѣсня, но мысль о присоединеніи къ Пруссіи новыхъ славянскихъ странъ такъ противна интересамъ Россіи, что русская дипломатія совершила бы величайшее злое дѣло, если бы на это согласилась, и навлекла бы такой позоръ на Россію, что его не смыли бы всѣ наши побѣды въ Средней Азіи. Россія не нуждается въ томъ, чтобы увеличивать свои владѣнія чешски

ми землями, но въ вопросѣ о судьбѣ чешскихъ земель Россія никогда не можетъ быть равнодушною. Напротивъ того, въ случаѣ распаденія Австріи собственныя выгоды Россіи прямо требуютъ отъ насъ желать, чтобы между Германіей и Россіей созданы были нейтральныя государства".

Аксаковъ былъ въ Русскомъ народѣ самымъ горячимъ изъ тѣхъ дѣятелей, которымъ удалось вдохновить Царя Александра II поднять войну за освобожденіе Славянскаго Юга въ 1877—1878 годахъ. Нѣсколько разъ, говорилъ самъ Аксаковъ, Москва въ эти годы посылала сотни тысячъ рублей въ Черногорію, Боснію и Герцеговину на помощь тамошнимъ Славянамъ противъ Турокъ. Московское купечество вмѣстѣ со Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ создало тогда на собственный счетъ болгарскій легіонъ въ Бессарабіи, передало Министерству нѣсколько сотъ тысячъ ружей, двѣнадцать Крупповскихъ пушекъ со всѣми принадлежностями и т. д.

Понятно поэтому, какимъ справедливымъ гнѣвомъ долженъ былъ воспламениться благородный духъ Аксакова на тѣ правительственные круги, на тѣхъ „духовныхъ измѣнниковъ" народа, которые, по желанію чужеземной шайки, имѣющей многихъ представителей въ русской бюрократіи, старались лишить послѣднюю войну ея славянскаго характера, старались умалить значеніе по славянски мыслящихъ военачальниковъ и распространить въ народѣ нерасположеніе къ „войнѣ вынужденной". Тогда, послѣ первыхъ неудачъ русскихъ войскъ подъ Плевною и въ Арменіи, поднялся Аксаковъ, чтобы 8 октября 1877 г. въ рѣчи, которая сама была геройскимъ подвигомъ, пристыдить этихъ людей „малой вѣры" и возбудить во всемъ Русскомъ народѣ, указавъ ему на его великое призваніе и его великія обязанности въ Славянскомъ мірѣ, новое богатырское воодушевленіе: „Впередъ! Россія не можетъ уступить, мы должны побѣдить: ибо уступить значило бы отступить".

И Россія, благодаря своимъ богатырямъ, которыхъ Аксаковъ увѣнчалъ вѣнкомъ своихъ феноменальныхъ, полныхъ краснорѣчія и силы рѣчей, дѣйствительно побѣдила, а ея чудо-богатырь Скобелевъ сталъ предъ воротами Царьграда. Но тутъ зависть старыхъ враговъ Россіи составила заговоръ противъ нея; „честный маклеръ" Бисмаркъ зло отплатилъ Россіи за всѣ ея благодѣянія, а русская дипломатія, потерявъ голову, позволила разорвать Свято-

Стефанскій миръ. Кто не знаетъ и не помнитъ эту монументальную рѣчь Аксакова въ часъ Берлинскаго конгресса? Какъ ветхозавѣтный пророкъ, который презираетъ опасности и гнѣвъ властителей, и провозглашаетъ міру истину, какъ ему велитъ сердце: такъ тогда протестовалъ именемъ Русскаго народа его геройскій мыслитель и ученый противъ этого дѣленія Болгаріи, противъ этого униженія русской славы, противъ этой задержки Славянства въ его кровью добытомъ развитіи.

Исторія нашихъ дней пишетъ послѣсловіе къ тѣмъ незабвеннымъ рѣчамъ Аксакова. Предсказаніе Аксакова исполняется: миръ Берлинскій распадается, южное Славянство снова волнуется, Россія окончитъ свое дѣло, тогда уничтоженное.

Не забудь также и ты, Чешскій народъ, тѣхъ золотыхъ словъ, которыя написалъ намъ Аксаковъ въ своемъ знаменитомъ отвѣтѣ д-ру Ригру.

„Вамъ слѣдуетъ стараться о томъ, чтобы вы оказались достойными своего призванія и помнили о завѣтѣ, происходящемъ изъ вашей славной чешской страны:

Не хвально намъ въ Нѣмцѣхъ искать правду,
У насъ правда по закону своему.

„Какая польза отъ того, что народъ сохранитъ свои физіологическія особенности, если онъ не сохранитъ особенностей своего духа и потеряетъ свои нравственныя особенности? Какой смыслъ имѣетъ народность, когда лишится своего внутренняго, собственнаго, существенно отличающаго ее отъ другихъ содержанія?"

Пусть подумаютъ надъ этимъ словомъ всѣ искренніе наши патріоты, которые вмѣстѣ съ милліонами остальныхъ Славянъ въ эти минуты восклицаютъ благородному сыну великой Россіи:

„Вѣчная ему память!"

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ *).

Вся великая Россія горюетъ: она потеряла на этихъ дняхъ благороднѣйшаго изъ сыновъ своихъ, котораго въ особенности Москва съ гордостью называла *своимъ* Иваномъ Сергѣевичемъ.

*) Изъ № 3 словенской газеты «Ljubljanski Zvon».

Съ нею горюетъ и все Славянство, ибо оно знаетъ и болѣзненно чувствуетъ, что нѣтъ уже мужа, который съ такою сознательностью и безо всякихъ предубѣжденій любилъ все Славянство горячею любовію. Среди благородной борьбы за глубокія убѣжденія смерть исторгла у него изъ рукъ золотое перо,—перо, которое съ одинаковою ясностью истолковывало намъ прошлое, какъ и настоящее, и указывало намъ пути для правильнаго, благополучнаго развитія въ будущемъ. Благородство ума и сердца признавали въ немъ всѣ русскія партіи. И вотъ теперь, когда онъ такъ неожиданно закрылъ глаза, не слышно порицательныхъ голосовъ даже отъ тѣхъ, которые охотно нападаютъ на „славянофиловъ", такъ какъ, по ихъ мнѣнію, славянофилы мыслятъ или недостаточно „радикально", или недостаточно "реально".

И. С. Аксаковъ—сынъ извѣстнаго русскаго писателя Сергѣя Тимоѳеевича (1791—1859), родился 8 октября 1823 г. Родъ Аксаковыхъ весьма старинный; предокъ ихъ, Семенъ, пришелъ въ Россію съ Сѣвера—„изъ Варягъ"—и породнился съ Рюриковичами. Нынѣшніе Аксаковы добились большихъ отличій,—сначала отецъ, Сергѣй, и потомъ оба сына—Иванъ и Константинъ. Изъ сочиненій отца больше всѣхъ славятся: „Семейная хроника" и „Дѣтскіе годы Багрова внука". Тутъ онъ изображаетъ предъ нами жизнь недавняго прошлаго такъ ясно и самую природу рисуетъ такъ художественно, что сравниться съ нимъ могутъ лишь немногіе. Тою же ясностью, соединенною съ какою-то чарующею привлекательностью и теплотой, обладали и оба его сына, оба знаменитые славянофильскіе писателя.

Извѣстно, что на исходѣ 30-хъ годовъ этого столѣтія развились въ Россіи двѣ партіи: славянофильская и противоположная ей западническая, и развились онѣ именно вслѣдствіе не одинаковаго толкованія русскаго прошлаго и настоящаго, а также разнаго пониманія важности европейской культуры для Россіи и Славянъ вообще. Первые рѣшительно возставали противъ великихъ реформъ Петра, которыя оторвали интеллигенцію отъ народа. Западники, наоборотъ, прославляли эти реформы—зачастую весьма преувеличенно—и не признавали мнѣнія своихъ вротивниковъ, что европейское вліяніе вредно, и что Русскій народъ (и Славянство вообще) имѣетъ достаточно задатковъ для культурной самостоятельности.

Тѣ и другіе стали заниматься Русскимъ народомъ гораздо

болѣе чѣмъ прежде, и хотя жестоко враждовали между собою, оказали великіи услуги русскому прогрессу. Западники, сверхъ того, не признавали положеній своихъ противниковъ: что вся европейская культура основана на „сухомъ раціонализмѣ" римскаго права и Римской Церкви, что живое христіанское чувство сохранилось лишь въ православіи, что въ Россіи не было западнаго феодализма, что Западъ гніетъ, но все-таки кое-чему научились; въ особенности славянофилы научили ихъ любить весь народъ и заниматься положеніемъ самыхъ низшихъ народныхъ классовъ, а также столь важною и занимательною „русскою общиной" (міръ), въ которой земля дѣлится по числу мужскихъ душъ.

Великая заслуга въ развитіи славянофильской теоріи принадлежитъ Константину Аксакову (1817—60). Онъ усматриваетъ въ старой русской исторіи полное единство между народомъ и властью, не видитъ въ ней западнаго рыцарства „съ кровавыми преимуществами", не видитъ „западной насильственной религіозной пропаганды" и вообще „вѣчнаго драматизма страстей".

Старѣйшими защитниками этой партіи были братья Иванъ и Петръ Кирѣевскіе, Хомяковъ, Дм. Валуевъ, два брата Аксаковы (Иванъ и Константинъ), Юрій Самаринъ и другіе. Пыпинъ („Характеристики", стр. 338 — 39) порицаетъ партію за то, что она была романтична и частію остается такою доселѣ, но хвалитъ ее все-таки за любовь къ простому народу и за стараніе найти внутреннія основы народнаго характера, безъ чего не можетъ быть объяснена исторія народа и государства. Первымъ чисто-славянофильскимъ журналомъ была „Русская Бесѣда", основанная въ 1856 г.

Иванъ Сергѣевичъ занимался сначала поэзіей, и весьма успѣшно, потомъ посвятилъ себя журналистикѣ, которой остался вѣренъ до смерти. Былъ редакторомъ „Паруса", а съ 1852 г. началъ издавать „Московскій Сборникъ". Но въ томъ же году на него донесли, будто онъ принадлежалъ къ тайному политическому обществу, и его постигло наказаніе, какъ и нѣкоторыхъ другихъ выдающихся людей: онъ былъ причисленъ къ политически-неблагонадежнымъ, лишенъ возможности издавать какую бы то ни было газету въ Россіи и принужденъ даже совсѣмъ оставить свою милую „Матушку-Москву" (?). Но послѣ Крымской войны, когда вся Россія начала дышать свободно, Аксаковъ снова получилъ возможность дѣйствовать публично. Его голосъ былъ слышенъ и

имѣлъ силу по всей Россіи, и онъ много помогъ благополучному совершенію одной изъ важнѣйшихъ реформъ — освобожденію крестьянъ (въ 1861 г.). Такъ же точно и за другую важную реформу—за классическія гимназіи—онъ горячо ратовалъ сообща (?) съ своимъ единомышленникомъ М. Н. Катковымъ, и въ нынѣшнемъ году (въ „Руси", отъ 30 января) порицалъ „безплодный, мертвый классицизмъ", который не сроденъ русскому духу и задерживаетъ развитіе народа. Онъ требовалъ въ этой статьѣ, чтобы было обращено вниманіе на важный вопросъ о національной (независимой отъ классицизма) педагогіи.

Въ 1861 г. Аксаковъ сталъ издавать чисто-славянофильскій „День" (1861—67), потомъ „Москву" и за нею „Москвича". Оба послѣднія изданія были запрещены, потому что Аксаковъ съ мужественною откровенностью порицалъ въ нихъ ненародныя мысли русской интеллигенціи и ненародную, неславянскую политику. Писалъ потомъ въ другихъ изданіяхъ и горячо защищалъ свои убѣжденія—и въ нихъ, и въ публичныхъ собраніяхъ, особенно какъ предсѣдатель Московскаго (Славянскаго) Благотворительнаго Комитета. А когда началось возстаніе въ Герцеговинѣ, когда зашевелились Сербія и Болгарія, Иванъ Сергѣевичъ развилъ столь неутомимую дѣятельность, показалъ такое одушевленіе славянскимъ дѣломъ, что огонь, согрѣвавшій его благородное сердце, зажегъ тысячи и тысячи, которыя или жертвовали деньги, или какъ добровольцы проливаля кровь свою въ бояхъ противъ Турокъ. Когда же пробужденное общее мнѣніе заставило наконецъ русскую власть объявить Туркамъ войну, великій московскій отчизнолюбецъ работалъ день и ночь, ободряя Русскій народъ и стараясь удержать его на высотѣ его великой, съ такимъ одушевленіемъ подъятой задачи—освобожденія Славянъ отъ турецкаго ига.

Тутъ вступилъ Русскій народъ на тотъ путь, который Аксаковъ съ такою радостью называлъ его „историческимъ призваніемъ": онъ проникся весь яснымъ сознаніемъ своей исторической задачи, и благородная готовность на жертвы вторично (въ первый разъ—въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ) достигла въ этомъ столѣтіи той высоты и той силы, къ которой способны только великіе историческіе народы. Но злосчастный Берлинскій договоръ уничтожилъ вскорѣ всѣ пріобрѣтенія славныхъ русскихъ побѣдъ, и Аксаковъ въ Москвѣ громко осудилъ это пораженіе русской

дипломатіи. Московское Славянское Общество было закрыто, и Аксакову выразилъ порицаніе самъ Царь. Аксакову на нѣкоторое время пришлось совсѣмъ разстаться съ Москвой. Эта царская немилость должна была тѣмъ болѣзненнѣе на него подѣйствовать, что онъ по убѣжденію ревностно стоялъ за самодержавіе Русскаго Царя и только желалъ, чтобъ и народъ получилъ нѣкоторое вліяніе въ государствѣ, и чтобы такимъ образомъ было ограничено вредное преобладаніе чиновничества. Но это народное участіе онъ понималъ не по рецепту европейской конституціи: оно не ограничивало бы царской власти, а имѣло бы лишь голосъ совѣщательный. Какъ тепло и сколько разъ потомъ онъ развивалъ и защищалъ эти свои взгляды, когда съ 1880 года сталъ издавать „Русь"! Какъ горячо онъ доказывалъ, что Петербургъ не понимаетъ Россіи, и что легкоумное подражаніе Западу съ Петра Великаго не принесло добрыхъ плодовъ, что оно еще болѣе раздѣлило народъ, и что слѣдовательно народъ всѣми силами долженъ стремиться къ прежнему единству.

Онъ поддерживалъ и защищалъ православіе, гдѣ оно было въ небреженіи (напримѣръ въ западныхъ губерніяхъ), стоялъ за распространеніе его въ Балтійскихъ окраинахъ (между Латышами и т. д.), дабы ослабить преобладаніе тамъ нѣмецкихъ бароновъ и нѣмецкаго мѣщанства... Полякамъ онъ не былъ враждебенъ по принципу.

Нѣмцевъ не любилъ и неоднократно предостерегалъ, что ихъ разселеніе въ пограничныхъ губерніяхъ (въ Польшѣ) опасно въ народномъ, политическомъ и хозяйственномъ отношеніи. Хозяйственная самостоятельность Россіи составляла вообще завѣтнѣйшее его убѣжденіе, и потому онъ съ радостью привѣтствовалъ всякій правительственный шагъ, всякое вообще предпріятіе, направленное къ подъему крестьянства, торговли и промышленности. Онъ горько жаловался, когда видѣлъ, что чиновничій Петербургъ показываетъ мало настоящаго пониманія русскихъ хозяйственныхъ нуждъ, что онъ, находясь будто бы „на высотѣ современнаго пониманія хозяйственныхъ задачъ и финансовой политики", идетъ безсознательно по тому пути, на который толкаетъ его себялюбивая чужеземная спекуляція. Тяжело ему было видѣть, что въ послѣдніе года Берлинъ неоднократно устанавливалъ курсъ русскаго рубля и русскихъ кредитныхъ бумагъ вообще, или что въ Петербургѣ жгутъ бумажные рубли, выпущенные въ Русско-Турецкую войну,

единственно для улучшенія курса, о которомъ Русскій народъ, вѣрующій въ свою мощь, весьма мало думаетъ, заботясь лишь о томъ, чтобы было довольно денежныхъ знаковъ.

Его любовь ко всему Славянству была сознательная, живая, твердая. Его не смущала даже явная неблагодарность Славянскихъ племенъ къ Россіи, которая такъ много для нихъ сдѣлала и съ такими жертвами. У него любовь эта не ограничивалась, какъ у нѣкоторыхъ другихъ знаменитыхъ славянофиловъ, однимъ православнымъ Славянствомъ: гдѣ только страдало или страждетъ Славянство отъ несправедливости и себялюбія другихъ народовъ, оно всегда находило въ немъ сочувственный откликъ. Между Русскими онъ со всею горячностью будилъ славянское чувство..., боролся за Славянство противъ чужеплеменниковъ не изъ зависти, а изъ любви къ правдѣ, боролся сознательно, съ тою мужественною рѣшимостью, которую даютъ человѣку глубокія убѣжденія и — любовь.

За то любила его и чтила *вся* Россія, за то горюютъ объ немъ *весь* Руcкіе — отъ Царя до крестьянина, горюетъ объ немъ Славянство, и телеграфъ разнесъ по всему свѣту извѣстіе, что объ Аксаковѣ горюетъ *вся* Россія, которой нынѣ на новый годъ онъ такъ горячо пожелалъ „бодрости духа“ и „бодрствованія“, ибо „близятся великія испытанія“.

Замолкъ голосъ славянской любви, не бьется уже благородное сердце великаго патріота — патріота съ непоколебимымъ характеромъ, неустрашимаго, неподкупнаго, храбраго борца за славянское преуспѣяніе. Исторія воздастъ ему должное и скажетъ объ немъ: онъ много любилъ, много страдалъ за свои убѣжденія и заслужилъ себѣ славную память!

Д-ръ Ц.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ *).

Умеръ великій мужъ славянскій, искренній другъ нашего Словѣнскаго (Словацкаго) народа, хотя главное его стараніе было обращено на восточныхъ братьевъ нашихъ.

---

*) Изъ № 2 словацкаго журнала „Slovénske Pohľady“.

Великій патріотъ русскій и великій носитель славянской мысли сошелъ въ преждевременную могилу. До послѣдней минуты онъ трудился надъ великимъ дѣломъ, огорченный превратностями текущей политики, но сильный вѣрою и ни на шагъ не отступивъ отъ единственнаго прямаго пути, котораго долженъ держаться всякій истинный Славянинъ.

Да будетъ ему вѣчная память, да будетъ легка ему земля священной Лавры Троицкой!

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ *).

8-го февраля (27 января) умеръ въ Москвѣ на 63 году жизни, отъ разрыва сердца, издатель и редакторъ еженедѣльника „Русь", Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ—одинъ изъ выдающихся провозвѣстниковъ славянской мысли въ Русскомъ племени. Все Славянство оплакиваетъ кончину этого доблестнаго мужа, положившаго всѣ свои силы на осуществленіе исторической славянской идеи въ Русскомъ племени. Пламенная любовь Аксакова къ Славянству и отдѣльнымъ его племенамъ въ полной мѣрѣ сказалась въ руководящей статьѣ „Руси" (№ 30, отъ 25 января), написанной имъ за два дня до кончины. Аксаковъ привѣтствуетъ въ этой статьѣ князя Черногорскаго, пребывающаго нынѣ въ Петербургѣ, указываетъ на задачу могучаго и независимаго Русскаго племени по отношенію къ малымъ и слабымъ, большею частію не свободнымъ, родственнымъ ему Славянскимъ племенамъ, критикуетъ русскую политику на Балканскомъ полуостровѣ и въ концѣ обсуждаетъ рѣчь Бисмарка противъ Поляковъ. „Изъ нея видно",— говоритъ онъ,—„какую опасность усматриваетъ для себя Германія въ присутствіи не только польскаго, но вообще славянскаго элемента, какъ въ своихъ восточныхъ провинціяхъ, такъ даже и въ австрійской Богеміи. Русскіе получаютъ внушеніе вступиться за Славянство. Русскіе ни въ какомъ случаѣ не должны отказываться отъ Славянства; сдѣлай они это, Россія перестанетъ быть

*) Изъ № 7—8 славянской газеты «Parlamentär», издаваемой въ Вѣнѣ на нѣмецкомъ языкѣ.

не только русскимъ, но и славянскимъ государствомъ, и сойдетъ съ своего всемірно-историческаго пути"... Могучій борецъ за славянскую идею въ русскомъ племени, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ умеръ, но славянская идея, но мысль о братствѣ и взаимности Славянскихъ племенъ, о созданіи единаго Славянскаго культурнаго народа живетъ и дѣйствуетъ нынѣ между Русскими со стихійною силой. Не реальными интересами, но славянскимъ чувствомъ долженъ руководиться Русскій народъ во всѣхъ своихъ народныхъ дѣйствіяхъ—доказывалъ въ послѣднее время очень часто Аксаковъ. Ивану Сергѣевичу Аксакову, личное знакомство съ коимъ мы вмѣняемъ себѣ въ высокую честь, подобаетъ истинное-славянское прощаніе: „вѣчная память"!

Д—ръ **К. Живный.**

Иванъ Аксаковъ *).

Къ выдающимся людямъ Россіи, которые были похищены смертью въ послѣднее время, принадлежитъ безспорно Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, скончавшійся 8 февраля сего года въ Москвѣ, на 63-мъ году жизни, отъ разрыва сердца, и похороненный въ знаменитой Троице-Сергіевой Лаврѣ, въ 66-ти верстахъ отъ Москвы. Иванъ Аксаковъ происходитъ изъ дворянской семьи, весьма извѣстной въ исторіи русской литературы. Отецъ его, Сергѣй, и братъ, Константинъ, принадлежали тоже къ самымъ уважаемымъ писателямъ ихъ отечества. Иванъ учился въ Петербургѣ, въ Императорскомъ Училищѣ правовѣдѣнія, гдѣ воспитываются преимущественно дѣти русской высшей аристократіи. Свое литературное поприще онъ началъ стихотворными опытами, которые однако не произвели особеннаго впечатлѣнія. Въ 1853-мъ году онъ исполнилъ порученіе Императорскаго Географическаго Общества изслѣдовать условія торговли на Украинскихъ ярмаркахъ. Эта работа доставила ему большую Константиновскую медаль Географическаго Общества и половинную Демидовскую

---

*) Изъ № 90 мюнхенской „Allgemeine Zeitung", отъ 31 марта, Beilage.

награду Академіи наукъ. Еще прежде, въ 1848 году, по порученію Министерства внутреннихъ дѣлъ, онъ занимался изслѣдованіемъ сектантства въ Бессарабіи и исполнилъ нѣкоторыя другія порученія того же Министерства. Въ 1855 году, въ Крымскую войну, онъ поступилъ въ ополченіе, но когда заключенъ былъ миръ, находился еще только въ Одессѣ и потому въ военныхъ дѣйствіяхъ не участвовалъ. Позднѣе онъ принадлежалъ къ коммиссіи, на которую было возложено разслѣдовать злоупотребленія по продовольствію войскъ, но вышелъ изъ этой коммиссіи до окончанія ея работъ.

Публицистическая дѣятельность Аксакова начинается въ исходѣ пятидесятыхъ годовъ. Тогда сталъ появляться въ Москвѣ славянофильскій журналъ „Русская Бесѣда", гдѣ Аксаковъ помѣстилъ рядъ статей о Западныхъ и Южныхъ (Балканскихъ) Славянахъ. Въ 1858 — 1859 гг. Аксаковъ былъ не оффиціальнымъ, но фактическимъ редакторомъ этого журнала. Въ 1859 году, онъ попытался издавать еженедѣльную газету „Парусъ", но по цензурнымъ условіямъ принужденъ былъ оставить эту попытку послѣ втораго нумера. Затѣмъ литературная дѣятельность Аксакова на нѣкоторое время прекратилась; только къ концу 1861 года онъ выступилъ опять съ новою еженедѣльною газетою „День". Съ изданіемъ этой газеты открылась наконецъ плодотворнѣйшая эпоха дѣятельности Аксакова. Условія времени были благопріятны: на очереди стоялъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ и подготовлялась судебная реформа. Вскорѣ потомъ выдвинулся еще на первый планъ вопросъ польскій, притомъ не въ той острой формѣ, которую этотъ вопросъ принялъ позднѣе. Сверхъ того, Герцеговинское возстаніе подвинуло дѣла Балканскихъ Славянъ. Во всѣхъ этихъ вопросахъ газета „День" принимала самое ревностное участіе. Даже нѣкоторые Поляки, между прочимъ Грабовскій, пытались тогда въ газетѣ Аксакова разъяснять противоположности между Поляками и Русскими. Эта русско-польская полемика представляла много интереснаго. Равнымъ образомъ и другіе Славяне поднимали свой голосъ въ газетѣ Аксакова. Словомъ, „День" сталъ возбуждать столь живой интересъ, что число его подписчиковъ въ самомъ началѣ изданія дошло до 4.000 Однако, уже въ 1862 году, его поразилъ первый ударъ: онъ былъ пріостановленъ за критику положенія дѣлъ въ Балтійскомъ краѣ.

Польское возстаніе 1863 года произвело нѣкоторую перемѣну въ воззрѣніяхъ Аксакова: его сужденіе о Полякахъ стало рѣзче, насчетъ сотрудничества ихъ въ Аксаковской газетѣ не могло уже быть рѣчи. Значительная часть Русскихъ тоже отвернулась отъ Аксакова, когда онъ сталъ высказывать сочувствіе Муравьевской системѣ. Тогда главное вниманіе онъ обратилъ на подъемъ русскаго народнаго чувства въ западныхъ областяхъ Имперіи. Газета „День" выходила до конца 1865 года, причемъ неоднократно принуждена была появляться предъ читателями съ пустыми столбцами вмѣсто передовыхъ статей. Въ началѣ 1867 года, Аксаковъ сталъ издавать ежедневную газету „Москва", которая держалась того же направленія что̀ и „День", и сверхъ того была энергическою защитницей покровительственной таможенной политики. Вскорѣ однако новая газета была пріостановлена за статью о голодѣ на Сѣверѣ Россіи. Правительство отрицало существованіе этого голода. Вообще, по отношенію къ Аксакову цензура держалась странной точки зрѣнія. Его смѣлыя, откровенныя рѣчи безъ утайки фактовъ, которые не хотѣлось разоблачать, толковались какъ „колебаніе государственныхъ основъ". Впослѣдствіи убѣдились, что тутъ опять сыграло шутку пресловутое „недоразумѣніе", и что взгляды Аксакова весьма удобно можно было примирить съ консерватизмомъ, даже довольно притязательнымъ. „Потрясеніе государственныхъ основъ" смѣшали съ задѣваніемъ слишкомъ чувствительнаго бюрократическаго самолюбія. „Москву" многократно пріостанавливали, и тогда издатель замѣнялъ ее обыкновенно другою газетой, „Москвичемъ", который имѣлъ то же направленіе и основанъ былъ собственно для замѣны имъ „Москвы", когда въ этомъ окажется надобность. Однако въ 1868 году „Москва" и „Москвичъ" были окончательно запрещены.

Публичная дѣятельность Ивана Аксакова была посвящена прежде всего своему народу и затѣмъ Славянскому міру. Онъ принималъ живѣйшее участіе во всемъ, что̀ волновало русскіе общественные круги, и принадлежалъ къ числу людей занимавшихъ въ этихъ движеніяхъ выдающееся положеніе. Всѣ реформы царствованія Александра II-го, всѣ вопросы, занимавшіе Русскую Имперію въ послѣднія десятилѣтія, въ особенности же польскій, о нерусскихъ Славянахъ и ихъ освобожденіи, сопровождалъ Аксаковъ своими совѣтами и предостереженіями, причемъ какъ его

голосъ, такъ и его организаторская дѣятельность имѣли весьма важное значеніе.

Политическую точку зрѣнія Аксакова не возможно подогнать въ рамки общеизвѣстныхъ опредѣленій; вполнѣ и совершенно его нельзя причислить ни къ консерваторамъ, ни къ либераламъ, ни къ радикаламъ, или инымъ какимъ-либо политическимъ группамъ. Обыкновенно его называли славянофиломъ, но и это опредѣленіе, строго говоря, къ нему не подходитъ, потому что его убѣжденія отнюдь не всегда совпадали съ убѣжденіями прочихъ вождей славянофильской партіи. У Аксакова было свое особенное, совершенно самостоятельное міросозерцаніе; основную черту его натуры составляло чувство національности, вѣра въ русскую народную душу (Volksseele), оригинальность и высокое достоинство которой онъ всегда противопоставлялъ иначе сложившимся особенностямъ другихъ народностей. Съ этимъ чувствомъ и съ этою вѣрой были также въ согласіи его религіозность и его приверженность къ русскому православію, которое онъ считалъ неотдѣлимымъ отъ русской народности. Его симпатіи къ Славянству проистекали изъ сознанія единства всѣхъ славянскихъ племенъ; эти симпатіи онъ перенесъ также и на до-Петровскую эпоху Россіи, усматривая въ преобразованіяхъ Петра Великаго и его преемниковъ вредное преобладаніе чужихъ, нерусскихъ вліяній. Не всегда его можно признать свободнымъ отъ односторонности и нетерпимости по отношенію ко взглядамъ несогласнымъ съ его собственными; эти свойства составляли основныя черты его глубокихъ и искреннѣйшихъ убѣжденій. Но съ своими противниками онъ боролся всегда средствами благородными и чистыми, почему даже его непримиримѣйшіе враги не смѣли коснуться чистоты и честности его характера. Его страстная природа могла увлекать его иногда до непослѣдовательностей и даже пристрастія, особенно въ вопросахъ касавшихся русской и славянской народности. Хотя права чужихъ народностей онъ большею частью уважалъ, однако же его страстность, когда возгарались споры національные, увлекала его иногда за предѣлы справедливости и равноправія національностей, что̀ имѣло мѣсто и тогда, когда пришлось опредѣлить границу между сферой русскихъ и польскихъ интересовъ. Аксаковъ вовсе не былъ приверженцемъ системы насильственнаго полицейскаго подавленія польской народности. Онъ не считалъ задачей Россіи порабощать польскій элементъ, но желалъ подъема и оживленія рус-

скаго народнаго чувства, дабы этимъ путемъ доставить побѣду русскому элементу. Вотъ причина, почему онъ выступалъ преимущественно за освобожденіе польскаго крестьянина, желая снять съ него путы польскаго дворянства. Анти-русскимъ теченіямъ онъ хотѣлъ противопоставить русскую организаторскую дѣятельность, которая должна была привлечь симпатіи Польскаго народа. Въ Славянскомъ вопросѣ Аксаковъ не былъ вовсе приверженцемъ теоріи внѣшняго единства Славянъ, которое достигалось бы путемъ принудительнаго давленія на отдѣльныя племена; теоретически онъ признавалъ за каждою народностью право на самостоятельность и стремился главнымъ образомъ ко взаимному нравственному сближенію и солидарности, хотя по временамъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, и отступался отъ этой точки зрѣнія. Его политическимъ идеаломъ было: восполнить существующую правительственную форму чрезъ введеніе совѣщательнаго элемента, чрезъ организацію публичной дѣятельности, чрезъ свободу совѣсти и печати, свободу вѣры и сомнѣнія, и онъ вѣрилъ въ осуществимость подобнаго соединенія.

Большую часть своей дѣятельности посвятилъ Аксаковъ Славянскому Благотворительному Комитету, основанному 25 лѣтъ тому назадъ. Можно смѣло сказать, что онъ былъ душою этого Комитета, особенно въ 1876 году, во время возстанія въ Герцеговинѣ и Сербіи. Онъ стоялъ тогда во главѣ агитаціи за Сербовъ, Болгаръ и Герцеговинцевъ. По окончаніи Турецкой войны, Аксаковъ самымъ безпощаднымъ образомъ осудилъ уступчивость русской дипломатіи на Берлинскомъ конгрессѣ. Онъ произнесъ тогда въ Славянскомъ Обществѣ столь рѣзкую рѣчь, что Общество было распущено, а самъ Аксаковъ высланъ въ деревню.

Аксаковъ занималъ также мѣсто въ Московскомъ Купеческомъ Обществѣ взаимнаго кредита; ему нужно было это мѣсто изъ-за соединеннаго съ нимъ жалованья, такъ какъ другіе его доходы были недостаточны для обезпеченія ему средствъ къ жизни.

Къ концу 1880 года, Аксаковъ возобновилъ свою журнальную дѣятельность и сталъ издавать газету „Русь“, которая выходила до самой его смерти. „Русь“ отличалась отъ его прежнихъ газетъ въ нѣсколькихъ существенныхъ пунктахъ. Кругъ его сотрудниковъ былъ меньше, физіономія газеты нѣсколько иная; чаще попадались непослѣдовательности, нетерпимость и односторонность. Такъ какъ Аксаковъ былъ по преимуществу человѣкъ чув-

ства, то при этомъ играло роль быть-можетъ и вліяніе старости. Однако и въ „Руси“ бывали превосходныя статьи, изъ коихъ мы укажемъ здѣсь двѣ: противъ враговъ судебной реформы и объ излишествахъ (Ausschreitungen) классицизма въ среднихъ школахъ.

Искренность и прямота были преобладающими свойствами Аксакова, и эти свойства извиняли многое, что́ не нравилось въ немъ намъ и другимъ, несочувствовавшимъ направленію его дѣятельности. Аксаковъ былъ благомыслящій, одушевленный, честный и неутомимый трибунъ; даже тогда, когда рѣчь его звучала немного фразисто, когда утомляли частыя повторенія, нельзя было не признать бьющаго въ ней живаго чувства, хоть оно и не всегда съ достаточной ясностью открывалось.

Вдова Аксакова на слѣдующій день по смерти своего супруга получила отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ телеграмму съ выраженіемъ душевнаго соболѣзнованія. Московское городское управленіе рѣшило поставить портретъ Аксакова въ залѣ Думы и учредить на память объ немъ стипендію въ Московскомъ университетѣ. Въ торжественной панихидѣ въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ участвовали министры, генералъ-адъютанты Императора, профессоря и т. д. Богослуженіе совершалъ Сербскій митрополитъ Михаилъ. **Вильгельмъ Генкель.**

Топла суза [1]) поводом нагле [2]) смерти Ивана Сергијевича Аксакова.

(Преминуо [3]) у Москви дне 27. јануара 1886).

Лијем [4]) сузу, чемер [5])—сузу:
Од срца је суза ова:
Она жали [6]), људо жали
Великана Аксакова:
Мужа умом велеумна [7]):
Срцем дива [8]) и јунака [9]):
Мужа душом веледушна,
А значајем [10]) гвозденьака [11]).

[1]) Слеза; [2]) внезапной; [3]) скончался; [4]) лью; [5]) чемер-сузу—горючую слезу; [6]) оплакиваетъ; [7]) геніальнаго; [8]) гиганта; [9]) богатыря; [10]) характеромъ; [11]) желѣзнаго человѣка.

Та је суза капца [12]), коју
Јад [13]) проз [14]) очи ван [15]) ми гони,
Да се стопи [16]) с морем сузâ
Што их ц'јело Славство рони:
Уз [17]) Русију—завијену [18])
У покајне црне ризе;
Уз Русију, коју данас [19])
Преком'јерна [20]) туга гризе
За својијем р'јетким сином:
Штитиоцемъ [21]) њених правâ;
Браниоцемъ [22]) њене части;
Множиоцем [23]) њених славâ,
Правим [24]) царем над срцима,
Домољубљем [25]) загријаним;
За мисао свеславјанску,
Прегаоцем усијаним [26]).
Попут [27]) грома орила се [28])
Р'јеч његова духовита:
У борбама прекаљена [29]),
А полетом виловита [30]).
Он не знава духом клонут
Пред никаквом оштром стрêлом:
Стаја вазда на бранику [31])
Храбрим срцем, смјелим челом.
Сила га је скршит [32]) могла;
Ал' га превит [33]) могла није:
Дуб олуја [34]) свлада, здроби,
Ал' не може да га свије.
Сјетна [35]) Москва још не бјеше
Соловјева прегорила [36]),

---

[12]) Капля; [13]) горе; [14]) сквозь; [15]) вонъ; [16]) сольется; [17]) рядомъ; [18]) обвитую, облеченную; [19]) днесь; [20]) безмѣрная; [21]) покровителемъ; [22]) защитникомъ; [23]) множителемъ; [24]) истиннымъ; [25]) патріотизмомъ; [26]) подвижникомъ пламеннымъ; [27]) точно; [28]) разносилась; [29]) закаленная; [30]) волшебная; [31]) на передовомъ посту; [32]) его сокрушить; [33]) согнуть не могла; [34]) буря; [35]) сѣтующая; [36]) еще не успѣла оплакать.

Ког јој Клио узнијела
Повјесничког на врх била [37]):
Она с' лиши британке сабље [38])
Јуначине Скобельева,
Ком је Давор [39]) мишцом влада̀,
Проз очи му Давор сјева [40]);
Па [41]) и трети јад се ево
Ньезинога косну срца:
Аксакова—зв'језду ньену—
Угаси јој нагла смрца.
Сва три Руса кременяка:
Три пламене преходнице:
И поносна [42]) три првака:
И челичне [43]) три деснице;
Три сокола, и три снаге [44])
У обрани Славства свега [45]):
С леденога Океана,
До Јадранског кршна [46]) брêга:
Два науком, мачемъ трети,
Меж свјетилам доби [47]) наше,
Такмечи [48]) се о ловорѣ,
Као жарка сунца сјаше.—
Плачи Москво!... и у горким
Сузама се чисто гуши [49]);
А узате све Славјанство
Нек одушка тражи [50]) души:
У протоку сјетних чувства̀
Изнад ове—раке [51]) нове,
Гдје спокојно почивају
Свете кости Иванове;
Сјечајюч [52]) се истим жаром
И ньегових сподвижника̂:

---

[37]) Котораго Кліо воздвигла на вершину исторіи; [38]) лишила себя острой сабли; [39]) Марсъ; [40]) сіяетъ; [41]) и; [42]) гордые; [43]) стальныя; [44]) силы; [45]) всего; [46]) Адріатическаго скалистаго; [47]) эпохи; [48]) состязаясь о лаврахъ; [49]) задохнись; [50]) вмѣстѣ съ тобой пусть ищетъ облегченія; [51]) гроба; [52]) вспоминая.

Свеславјанских оних сунца̑;
Свеславјанских оних дика̑ [53])....
Сјечајуч се све троице,
Па им хранеч успомене,
И слагајуч врх могила
Лаворе им и невене [54]).—
А сузица, што сад сјаје
На мојему тмолом оку:
Нек се слије с опчом [55]) жалбом
И открије предубоку
Рану срца, откуда ми
Ка' из врела [56]) она сузи,
Док проз тешки уздас [57]) кличем:
„Вјечна памјат, Славни друзи!"
Поред клика: „Вјечна памјат!"
Из мил'јона̑ славских грла̑ [58])....
Тројна кито [59])!... слава т' оста̑
У Славјанству неумрла! [60])

На Цетинью. **J. Сундечич.**

(Изъ № 7 «Гласа Черногорца».)

Выше приведены отзывы печати всѣхъ славянскихъ племенъ за исключеніемъ Болгаръ и Лужицкихъ Сербовъ, газеты коихъ въ послѣднее время редакціей „Руси" вовсе не получались. Что касается Хорватовъ, то ихъ оппозиціонные листки, „Obzor" и „Hrwatska", по поводу кончины Ив. С. Аксакова, какъ видно изъ нѣсколькихъ полученныхъ здѣсь разрозненныхъ нумеровъ этихъ газетъ, печатали обстоятельно, съ знаніемъ дѣла и весьма сочувственно написанныя корреспонденціи изъ Москвы и Петербурга. Къ сожалѣнію, тѣхъ нумеровъ названныхъ газетъ, гдѣ безъ сомнѣнія были посвящены кончинѣ Ив. С. Аксакова редакціонныя статьи, редакція Сборника не получила ни одного. Этимъ объясняется отсутствіе въ Сборникѣ статей болгарскихъ, лужицко-сербскихъ и хорватскихъ.

---

[53]) Гордостей; [54]) возлагая лавры на ихъ могилы; [55]) общимъ сожалѣніемъ; [56]) родника; [57]) вздохъ; [58]) горло (грудь); [59]) вѣтвь, букетъ; [60]) безсмертная.

VII.

ТЕЛЕГРАММЫ, ПИСЬМА И СТАТЬИ, ПОЛУЧЕННЫЯ ВДОВОЙ И. С. АКСАКОВА. *)

Телеграмма изъ **Бугугуслана**, отъ 4 марта. Сердечно раздѣляю чувства горести постигшей васъ кончиною любезнаго супруга вашего, а нашего вождя—патріота и защитника вѣры и объевиненія Славянъ. Бугурусланское земство почтило память Ивана Сергѣевича сего числа паннимидою въ своемъ собраніи и молимъ Бога, да укрѣпитъ онъ васъ въ печали.

Предсѣдатель Бугурусланскаго земскаго собранія, уѣздный предводитель дворянства *Филиппович*.

Телеграмма изъ **Нагасаки**, отъ 22 марта. Команда и офицеры клипера „Джигитъ" шлютъ съ дальняго Востока выраженіе искренняго огорченія по поводу кончины незамѣнимаго, глубокоуважаемаго Ивана Сергѣевича, истинно-русскаго человѣка.

---

*) Заявленія эти были получены А. Ѳ. Аксаковой уже по прекращеніи издагія газеты «Русь» и помѣщаются здѣсь въ дополненіе къ телеграммамъ и письмамъ, панечатаннымъ въ №№ ея 31—33. *Ред.*

ПИСЬМА.

1.

Глубокоуважаемая Анна Өедоровна! Примите позднее, но вседушевное мое изъявленіе скорби о невозвратимой драгоцѣнной утратѣ. Все еще никакъ не хотѣлось вѣрить и слышать и читать, что скончался великій печальникъ земли Русской, перестало биться его сердце, горящее полною любовію къ Россіи, ревновавшее о благѣ, чести и славѣ ея, замолкли его уста, изрекающія то грозное слово, словно пламень огненный, то милостивое, дышащее полною любовію и соучастіемъ. Но вотъ уже и похороненъ онъ, вотъ скоро и четыредесятница его кончины: пусто стало безъ него. Онъ бывало за всѣхъ думалъ одинъ и давалъ слово твердо по каждому вопросу, касающемуся пользы, чести и славы Россіи и судьбы всѣхъ Славянскихъ народовъ. На его мнѣніи можно было опираться и мыслить по православному. Плачетъ съ вами вся честная Россія; оторвалось отъ нея самое лучшее, дорогое. Выстрадалась его душа всѣми болѣзнями мукъ отъ послѣднихъ событій въ Славянскихъ народахъ, и такъ очистилась, такъ созрѣла, что нельзя было долѣе оставаться на грѣшной землѣ: Господь преложилъ его въ міръ горній, въ царство праведныхъ духовъ, доблѣ страдавшихъ и вѣнчавшихся. Я лично обязанъ Ивану Сергѣевичу вступленіемъ (еще въ 1858 году) на литературное поприще и не переставалъ посильно трудиться въ его изданіяхъ; потому имѣю особенную скорбь и печаль о его утратѣ и особенное побужденіе молиться о упокоеніи души его. Доколѣ я живъ, не перестану при совершеніи церковныхъ службъ творить молитвенное воспоминаніе о немъ—и на память вѣчную въ моемъ родѣ вписалъ дорогое имя его въ свой фамильный синодикъ. Плачутъ съ вами честные сыны Россіи и вмѣстѣ съ вами молятся о вашемъ дражайшемъ супругѣ. Находите, милостивѣйшая государыня, въ этомъ утѣшеніе вашей скорбящей душѣ и укрѣпленіе ея въ покорности и преданности волѣ Божіей.

Съ истиннымъ уваженіемъ и проч.

Протоіерей **Александръ Свирѣлинъ**

**Марта 4 дня 1886 года,
Переславль-Залѣсскій.**

2.

Милостивая государыня, высокоуважаемая Анна Өедоровна! Любовь, уваженіе, безграничная преданность, сердечная благодарность,—вотъ тѣ чувства, которыя позвольте почтительнѣйше засвидѣтельствовать вамъ одной, вмѣстѣ съ вами скорбящей, русской душѣ. Да благословитъ васъ Богъ за тотъ новый залогъ неувядающей любви, непреходящаго духовнаго единенія, который вы хотите дать въ заключеніе изданія „Руси“ намъ, глубоко опечаленнымъ ея подписчикамъ. Повѣрьте, что именно и единственно какъ залогъ того духовнаго единенія, связывавшаго читателей „Руси“ съ свѣтлымъ одушевлявшимъ ее духомъ, единенія, которое и сама смерть не въ состояніи расторгнуть, принимаемъ мы и будемъ вѣчно хранить послѣдній даръ замолкнувшей „Руси“. Повѣрьте, что тѣсной русской семьѣ подписчиковъ „Руси“ далека и мысль о какихъ-то будто причитающихся имъ деньгахъ: не намъ должна что-нибудь „Русь“, мы всѣ неоплатные должники Ивана Сергѣевича. Мы должны благодарить Бога, что онъ насъ молодыхъ, неразумныхъ, хотя въ послѣдніе годы жизни сего великаго человѣка довелъ уразумѣть его завѣты, далъ намъ нравственное право на всю жизнь причислить себя къ его непосредственнымъ послѣдователямъ. Простите мнѣ великодушно смѣлость моего настоящаго обращенія къ вамъ, удрученной печалью, обремененной тяжелыми заботами. Но предо мной, какъ бы въ оправданіе, возстаетъ могучій, любвеобильный образъ Ивана Сергѣевича: къ нему всѣ имѣли доступъ,—всѣ, и темные и бѣдные, юные и неопытные люди. Его слово звѣздой путеводной блистало среди отовсюду облегающей тьмы, ему вѣрилось беззавѣтно, по его призыву пробуждались въ душѣ всѣ лучшія, безкорыстныя стремленія. Съ Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ никакія жертвы не казались тяжелыми, никакой подвигъ превышающимъ русскія молодыя силы. Онъ вѣрилъ въ насъ, а мы беззавѣтно на него уповали.

Куда, къ кому намъ теперь идти? Кто укажетъ намъ истинный жизненный путь, путь русскихъ людей? Кто въ трудныя минуты жизни поддержитъ падающій духъ, кто направитъ нетвердые шаги—тѣхъ кто всей душой хотѣли бы послужить родинѣ, но робѣютъ предъ испытаніями? Нѣтъ Ивана Сергѣевича!

Но въ вѣчномъ памятованіи его завѣтовъ, въ посильномъ неуклонномъ ихъ исполненіи будемъ искать хотя малаго утѣшенія. Его свѣтлый духъ, съ высоты горнихъ селеній взирающій на Русь, подкрѣпитъ насъ въ сей временной разлукѣ. „Небо и земля прейдутъ, но слова Мои не прейдутъ“. „Вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте“; въ домѣ Отца Моего обители многи суть“. Да подкрѣпитъ, да утѣшитъ васъ Господь! Еще разъ простите, отъ полноты бо сердца глаголютъ уста!

О. Р.

Москва, 3 марта 1886 г.

3.

Милостивая государыня Анна Θедоровна! Простите меня, что я рѣшаюсь безпокоить васъ. Но позвольте и мнѣ выразить вамъ мою истинно-сердечную скорбь и сочувствіе въ потерѣ вашего многомногоуважаемаго супруга, покойнаго уже Ивана Сергѣевича! Упокой, Господи, душу его тамъ, гдѣ всѣ праведные пребываютъ, такъ какъ онъ былъ праведенъ здѣсь! Я вполнѣ убѣждена, что всѣ истинно Русскіе, а также и Славяне, цѣнятъ его и глубоко скорбятъ объ этой общей нашей, ничѣмъ и никѣмъ невознаградимой потерѣ.

Увѣряю васъ, многоуважаемая Анна Θедоровна, что и я, мало видѣвшая въ жизни радостей, такъ глубоко потрясена и огорчена только во второй разъ—смертью своего роднаго отца и неожиданной кончиной, такъ сказать, моего духовнаго отца—незабвеннаго усопшаго Ивана Сергѣевича! Ибо онъ, дорогой покойный, и не зная того, былъ для меня и учителемъ, и руководителемъ, и просвѣтителемъ! И кто замѣнитъ его намъ, бѣднымъ? Бѣдная Россія моя, бѣдное все Славянство!—Дай Господи, ему Царство небесное, чего онъ вполнѣ достоинъ! Сегодня уже 40-й день его кончины, и я, помолясь отъ всей души о упокоеніи его души, рѣшилась написать вамъ, многоуважаемая Анна Θедоровна, и глубочайше поблагодарить васъ за ваше прекрасное назначеніе остающихся по разсчету подписныхъ денегъ за очень дорогую газету „Русь“, конечно не по цѣнѣ дорогую, а по содержанію. Я

полагала пользоваться всю жизнь изданіями покойнаго дорогаго Ивана Сергѣевича—радѣтеля и добродѣятеля нашего отечества, но Богу угодно было, за грѣхи наши, лишить насъ безпримѣрнаго друга своей родины, когда онъ былъ ей необходимъ какъ *единственный* руководитель и даже пророкъ! Его же, мало цѣнимаго при жизни, Господь, любя, окончилъ здѣсь страданія за другихъ, призвавъ его къ себѣ. Это лучшая ему награда; но потерявшее его отечество должно глубоко, глубоко скорбѣть объ этой страшной утратѣ...

Искренно, искренно благодарю васъ еще, многоуважаемая Анна Θедоровна, что я буду имѣть счастіе владѣть портретомъ величайшаго изъ людей моего бѣднаго отечества и его стихотвореніями, а также и сборникомъ статей по случаю кончины дорогаго покойнаго Ивана Сергѣевича. Всѣ же вышедшіе №№ „Руси“ отдамъ въ переплетъ и буду хранить, какъ лучшую драгоцѣнность. Я хотѣла, но не рѣшилась, прежде еще—умолить васъ за причитающіяся мнѣ деньги выслать мнѣ портретъ вашего покойнаго мужа, но вы такъ добры, что какъ бы угадывая желанія вѣрно многихъ изъ подписчиковъ, обѣщаете намъ еще и болѣе одного портрета. Дай Богъ вамъ, многоуважаемая Анна Θедоровна, здоровья,—подкрѣпи Богъ ваши силы душевныя и тѣлесныя!

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и проч.

Ольга Фронцевичъ.

4.

Чтò причитается за дорогую для меня газету „Русь“,—оставляю на поминокъ души Ивана Сергѣевича, смерть коего всей семьей мы оплакивали. Лично не знали, но душой жили вмѣстѣ. Онъ былъ *радость*, *солнце красное*. На вѣкъ останутся тѣ впечатлѣнія: какъ ждешь въ деревнѣ прихода „Руси“ съ почты,—домашніе спрашиваютъ: привезъ ли „Русь“? (Я много газетъ получаю). Будешь читать, точно видишь среди насъ самого Ивана Сергѣевича,—да и не забудешь его въ вѣкъ. Это я вижу на членахъ нашей многочисленной семьи: копаются въ тихомолку въ

прошедшихъ изданіяхъ „Руси", другіе въ уединеніи вырѣзываютъ отзывы изъ газетъ объ Ив. С. и что-то хотятъ сдѣлать. Лица у всѣхъ жалобныя. Скажи машинально „Аксаковъ"—братья мои и старшія дѣти бросаютъ все—спрашиваютъ: что̀ такое? Видно, что образъ Аксакова въ нихъ живетъ, и мнѣ, какъ старшему въ домѣ, пріятно это видѣть. Постараюсь пріобрѣсти всѣ сочиненія дома Аксаковыхъ.

Подписчикъ „Руси" съ самаго начала—крестьянинъ Череповскаго уѣзда

Иванъ Шариковъ.

2 марта 1886 г.
Дер. Успенская Слобода.

5.

Милостивая государыня Анна Ѳедоровна! Лишь только вчерашній день узналъ я, что отправленная мною вамъ 2-го февраля телеграмма моего соболѣзнованія о кончинѣ Ивана Сергѣевича затеряна посланнымъ, почему я позволяю себѣ повторить то, что̀ говорило тогда мое сердце и разумъ подъ первымъ впечатлѣніемъ печальной вѣсти:

Примите душевное соболѣзнованіе отъ живущаго за тысячи верстъ отъ васъ провинціала, не видѣвшаго никогда покойнаго вашего мужа, Ивана Сергѣевича Аксакова, но давно его любившаго и глубоко уважавшаго, и читавшаго все то, что̀ только выходило изъ-подъ его пера и помѣщалось въ печати. Повѣрьте, Анна Ѳедоровна, что и въ глуши отдаленныхъ отъ Москвы провинцій найдется не мало людей мыслящихъ и ясно понимающихъ, что они въ лицѣ Ивана Сергѣевича потеряли человѣка несущаго смѣло впереди всѣхъ дорогое русскому сердцу русское знамя съ девизомъ: вѣры въ Бога, единенія Россіи и безпредѣльной любви къ Царю и Отечеству.

Александръ Плещеевъ

8 марта 1886 г.
Константиновка.

6.

Милостивая государыня Анна Θедоровна! Долгомъ считаю довести до свѣдѣнія вашего, что вчера, 9-го марта, въ день шестинедѣльнаго поминовенія незабвеннаго Ивана Сергѣевича, въ здѣшней Николаевской церкви совершена по моей просьбѣ паннихида по представльшемся рабѣ Божіемъ боляринѣ Іоаннѣ.

На паннихидѣ присутствовали воспитанники подвѣдомственныхъ мнѣ всѣхъ учебныхъ заведеній города Сѣнна вмѣстѣ съ преподавателями и преподавательницами и много бѣлорусскаго народа, заботливымъ печальникомъ о которомъ былъ Иванъ Сергѣевичъ въ „Днѣ“, въ годину наиболѣе тяжелую для Бѣлоруссіи.

Стройное пѣніе ученическаго хора дѣйствовало умилительно; при пѣніи: „Со святыми упокой“ и „Вѣчная память“ всѣ присутствовавшіе опускались на колѣна.

Буду весьма радъ, если это скромное выраженіе нашего уваженія къ покойному доставить вамъ, милостивая государыня, хотя небольшое утѣшеніе въ постигшемъ васъ страшномъ горѣ...

Пользуюсь случаемъ, чтобы и отъ себя лично, какъ постояннаго подписчика „Руси“, выразить вамъ свое соболѣзнованіе. Дѣйствительно, безъ жгучей боли невозможно вспомнить о томъ, какого богатыря - сына потеряла въ лицѣ Ивана Сергѣевича наша мать-Россія, а съ нею и все Славянство.

Примите увѣреніе и проч.

Штатный смотритель **Е. Романовъ.**

10 Марта 1886 года.

Памяти И. С. Аксакова.

Пишущій эти строки не зналъ лично Ивана Сергѣевича, даже не читалъ можетъ-быть и десятой доли всѣхъ его публицистическихъ статей. Но изъ этой малой доли прочитаннаго выступаетъ въ его воображеніи очень живо великій образъ, яркій характерный типъ этого могучаго истиннаго патріота-христіанина и какъ бы стоитъ предъ глазами—въ своемъ грозномъ величіи: на

немъ слѣды глубокой, сосредоточенной мысли, глаза горятъ воодушевленіемъ и внутреннимъ огнемъ, рѣчи — рѣчи духовной силы и нравстненнаго здоровья.

Живая, мѣткая, художественная характеристика дается не всякому. Для нея нужно много особенныхъ условій кромѣ дарованія. Именно нужны—личное и короткое знакомство и психологическое, художественное дарованіе. Не обладая ни тѣмъ, ни другимъ, а только восхищаясь глубиною и силою публицистическихъ, ясновидящихъ взглядовъ покойнаго, берусь за перо безъ всякой претензіи написать какую-либо характеристику его, а только чувствуя душевную потребность подѣлиться сердечнымъ горемъ съ кѣмъ-нибудь, ибо въ сельской глуши цѣлый мѣсяцъ мнѣ не съ кѣмъ и поскорбѣть и перекинуться словомъ о покойномъ Аксаковѣ *).

Съ ученіемъ такъ - называемыхъ славянофиловъ я познакомился по журналу „Русская Бесѣда"; а съ ученіемъ Аксакова по нѣкоторымъ передовымъ статьямъ „Дня", потомъ „Москвы" и „Москвича" и наконецъ „Руси". Въ статьяхъ этихъ выдвигается искомый образъ его шагъ за шагомъ, постепенно,— и если войти мыслію въ глубь его, то можно примѣтить и живой органическій ростъ, который по законамъ развитія всякаго человѣка опредѣляется массой условій и вліяній сложныхъ, къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстныхъ. Одно только я знаю, что родители и семья Аксаковыхъ являются во главѣ этихъ условій, такъ какъ въ этой семьѣ всегда сохранялись свято христіанскія преданія и патріотическія идеи.

Среди такой-то религіозно-патріотической среды и атмосферы приходилось дышать и жить впечатлительной душѣ Аксакова. Здѣсь-то возросшій среди Московскихъ кремлевскихъ святынь съ молокомъ матери онъ могъ всосать въ свою плоть и кровь тѣ глубоко-патріотическія христіанскія чувства и преданія, которыми такъ богата Москва и въ частности его семья, и которыми потомъ такъ полно билось его сердце.

Изъ семьи духовное развитіе Аксакова было перенесено въ школу—въ Училище правовѣдѣнія, тогда лучшее училище Рос-

---

*) О неожиданной смерти его я узналъ 4-го февраля, а 5-го послѣ литургіи отслужилъ вселенскую паннихиду.

сіи, гдѣ ученіе и жизнь, полныя силы и свѣжести, заявляли о нуждѣ народнаго обновленія и требовали новыхъ началъ, которыя чувствовались тогда передовыми дѣятелями, но не имѣли еще настолько силы, чтобы стать руководящими началами жизни. Послѣдующую жизнь провелъ Аксаковъ среди ряда тяжелыхъ и горькихъ испытаній. При всей внѣшней упорядоченности, жизнь 40-хъ годовъ была полна внутренняго возбужденія и неудержимо шла къ чему-то новому и великому. Въ воздухѣ носилась масса надеждъ и упованій. Жизнь принимала болѣе и болѣе характеръ острый и страстный. Въ такое время жгучихъ вопросовъ и напряженныхъ ожиданій, русская натура должна была откликнуться,—и откликнулась въ Аксаковѣ съ особенною силою въ живомъ, могучемъ протестѣ противъ пошлостей жизни, который заставилъ содрогнуться народное сердце. И вотъ, въ душѣ Аксакова крѣпнетъ и выясняется высокая цѣль народной жизни, завѣщанная ему русскими и семейными преданіями. И вотъ, предъ нами живѣе и живѣе выступаетъ могучая личность, съ нравственной силой возрастающая въ мужа, дышащаго силой и энергіей. Но психологическій складъ природы Аксакова окончательно выработался и завершился подъ вліяніемъ культурной борьбы славянофиловъ съ Западомъ.

По своей впечатлительной природѣ и воспитанію, Иванъ Сергѣевичъ поставить себя къ современной жизни въ избитую колею не могъ, и не могъ по цѣлостности своей духовной природы преклоняться предъ западными теоріями, обѣщающими счастіе человѣчеству помимо Христа. Ибо жизнь тогдашней Руси краснорѣчиво говорила о нуждѣ внутренняго обновленія на основѣ православія и требовала указанія для себя позабытыхъ русскихъ началъ, которыхъ глашатаемъ и проводникомъ онъ наконецъ и явился.

Образъ человѣка, какъ извѣстно, слагается изъ суммы вліяній личныхъ, субъективныхъ, опредѣляемыхъ самою природою, и объективныхъ, состоящихъ изъ впечатлѣній, доставляемыхъ извнѣ жизнію и средой: та и другая счастливо образовали этого цѣльнаго поборника и провозвѣстника народнаго самосознанія. Модное подражательное поклоненіе западнымъ идоламъ не могло привлечь ни на минуту вниманія истиннаго патріота; лицемѣріемъ, сухостію и безжизненностію отзывалось ему управленіе оффиціальныхъ чиновниковъ землей Русской, и онъ рано началъ.

казнить правящій бюрократизмъ по западнымъ образцамъ. Понятно почему въ данномъ случаѣ отъ тяжелой картины настоящаго его проницательный взоръ всецѣло обратился за утѣшеніемъ къ свѣтлому прошедшему родной земли, когда она жила своею, а не чуждою жизнію, и развивалась хотя и тихо, но самостоятельно и правильно. Онъ понялъ ясно, что народная жизнь, если хочетъ быть здоровою, должна основаться и твердо стоять на завѣтахъ своей исторіи. Все это закончилось, можно сказать, рѣзкимъ финаломъ: Аксаковъ примкнулъ ко многими презираемой тогда и повидимому отсталой славянофильской партіи, во главѣ которой стояли даровитые мужи—Хомяковъ и братья Кирѣевскіе.

Судьба этой школы—печальная судьба: правительство, особенно въ началѣ, относилось къ ней большею частію неблагосклонно, съ недовѣріемъ и даже подозрѣніемъ. Ношеніе бороды Хомяковымъ и смурка, въ которой онъ ходилъ, считались признакомъ противуправительственнымъ. А общество долго не могло выроcти въ сознаніи, чтобы достойно оцѣнить основную славянофильскую идею. Вотъ почему, когда двадцать пять лѣтъ тому назадъ умеръ въ Москвѣ первый великій славянофилъ, А. С. Хомяковъ, только „пять-шесть родныхъ и друзей и два товарища молодости" шли за гробомъ покойнаго. Москва была безучастна къ смерти этого перваго борца за Славянство и поборника православія, за гробомъ его не видно было даже духовенства,—тогда какъ Чехи, Сербы и Болгаре почтили этого высокодаровитаго борца общественными паннихидою и молитвами. Прошло 10 лѣтъ со времени этой смерти, и достойный ученикъ и другъ Хомякова, Ю. Ѳ. Самаринъ, издалъ въ Берлинѣ богословскія сочиненія его, назвавши Хомякова въ предисловіи категорически „учителемъ Церкви". Это былъ первый лучъ славы для славянской православной идеи, пробивавшій сквозь западную мглу, облекшую землю Русскую. По смерти Самарина, этого незабвеннаго служителя истины и беззавѣтнаго защитника интересовъ родной земли, одинъ И. С. Аксаковъ держалъ крѣпко въ своихъ могучихъ рукахъ славянское знамя, поддерживая священный огонь на общеславянскомъ жертвенникѣ, и былъ выразителемъ въ „Руси" завѣтной славянской идеи. Со смертію его сошелъ въ могилу послѣдній представитель такъ-называемаго славянофильства, которое совершило свое дѣло, и дѣло это стало теперь достояніемъ всего Русскаго и Славянскаго народа, достояніемъ исторіи. И что

же? Со смертію Аксакова вдругъ встрепенулась—не Москва и не одна Россія, а весь Славянскій міръ; со смертію его какъ бы вдругъ взошло солнце славы для сошедшаго съ нимъ въ могилу славянофильства. Такова мощная сила слова Аксакова, создавшая эту славу.

Да, славянофильская школа сослужила громадную службу не только для общественнаго самосознанія, но и для Православной Церкви, которой истинное значеніе она какъ бы воскресила на Руси. Кто не помнитъ громоносныхъ статей Аксакова о представительствѣ Церкви, низведенной въ разрядъ государственной канцеляріи, о епископахъ, называемыхъ когда-то „духовными командерами" въ оффиціальныхъ указахъ? Кто не знаетъ его сильнаго слова за церковную грамоту въ школахъ, когда было воздвигнуто чуть не гоненіе на языкъ Церкви? И вотъ, его идеи начинаютъ торжествовать; но дорого обошлось это торжество провозвѣстнику ихъ: онъ безвременно сошелъ въ могилу. 13 декабря минувшаго года, какъ бы предчувствуя близкое горе всей семьи народной, я писалъ въ редакцію „Руси", что „мы молимъ Бога, чтобы Онъ Всеблагій еще поддержалъ силы многоуважаемаго редактора и избавилъ его отъ туги сердечной". Это было послѣ того, какъ Аксаковъ былъ оффиціально оскорбленъ въ своихъ самыхъ священнѣйшихъ чувствахъ и стремленіяхъ. Писать такъ, какъ онъ писалъ, писать „душою и кровію" долго нельзя: самые сильные нервы не могутъ долго выносить такого напряженія мысли и сердца. Огненная сила, съ какою внутри себя онъ переживалъ и высказывалъ свои откровенія, не могла горѣть и пылать долго, не разрушая тѣлеснаго организма. Можно представить, какъ мучительно отражалось въ немъ чувство полнѣйшей дисгармоніи чистой, честной, сильной души съ пошлою, подражательною дѣйствительностію, съ бездушнымъ бюрократизмомъ. Подобнаго рода коллизіи — всегда роковой шагъ въ жизни сильныхъ, но менѣе даровитыхъ личностей. Но въ Аксаковѣ жилъ могучій патріотическій духъ, и онъ воспиталъ въ себѣ задатки высшей политической мудрости. Этотъ-то вѣщій духъ, сохранивши его отъ неумѣстныхъ увлеченій, далъ ему нравственное право со всѣмъ пыломъ и огнемъ своей природы говорить всегда и всѣмъ горькую правду, громить и обличать всякую ложь, всякую гниль, учить всякому добру, любви и покаянію,—со властію человѣка, искренно убѣжденнаго въ истинѣ.

Нельзя не вспомнить здѣсь о достославномъ подвигѣ, подъятомъ Аксаковымъ для освобожденія Славянскихъ народовъ во время Восточной войны. Величіе этого подвига раскроетъ исторія. 24 іюля 1877 года онъ писалъ мнѣ: „Я совершенно раздѣляю ваше опасеніе на счетъ будущаго развитія Славянскихъ племенъ, а потому-то въ одной изъ своихъ рѣчей въ особенности настаивалъ на томъ, чтобы при возсоединеніи Болгаріи не были повторены тѣ ошибки, которыми ознаменовалось начало политическаго бытія княжества Сербіи и Греческаго королевства. Полагаю, что если Богъ дастъ освободить Болгарію, она представитъ нѣчто иное, — благодаря тому, что Славянскій Комитетъ подготовилъ не мало *здоровыхъ* интеллигентныхъ силъ изъ среды самихъ Болгаръ въ теченіе 20 лѣтъ. Впрочемъ, если Россія выйдетъ побѣдительницею (что̀ несомнѣнно) изъ настоящей борьбы, то ея обаяніе на Славянъ будетъ такъ могущественно, что языкъ русскій несомнѣнно станетъ общимъ языкомъ Славянства. Уже и въ настоящую минуту потребнось этого единенія сказалась въ сознаніи даже западныхъ католическихъ Славянъ: въ средѣ Чеховъ сильное движеніе къ православію. Во всякомъ случаѣ сюда должна быть направлена дѣятельность Славянскаго Общества, какъ вы и указываете. Но для этого нужно, чтобы въ средѣ самого русскаго общества было поменьше разъѣдающихъ элементовъ, чтобы пріѣзжающіе сюда воспитываться молодые Славяне не заразились нигилизмомъ въ самой Россіи!“... Изъ письма этого нельзя не видѣть, что Ивана Сергѣевича тогда всецѣло окрыляло чаяніе исполненія завѣтовъ всеславянской идеи; но въ послѣднихъ словахъ его звучитъ обличающая нота, которая звучала съ возрастающей силой и послѣ. И эта жгучая нота—вѣщее пророчество, на глазахъ нашихъ сбывшееся на новыхъ дѣятеляхъ Болріи, воспитавшихся въ Россіи, но забывшихъ свою вторую мать.

Природа дала Аксакову массу жизненной силы, преумноженной истинно-русскимъ воспитаніемъ. Это было живое воплощеніе энергіи и огня, которыхъ ничѣмъ нельзя сломить кромѣ смерти. Люди такихъ мощныхъ и цѣльныхъ характероровъ всегда бываютъ съ яснымъ сознаніемъ своего призванія и цѣли, т. е. съ точнымъ самоопредѣленіемъ. Нужно было имѣть большой запасъ внутренней правды и энергіи воли, чтобы такъ рѣзко всегда говорить горькую правду правительству и обшеству, и говорить въ такое

время, когда кругомъ царили мерзость и запустѣніе, когда трудно было разобраться въ событіяхъ. Всматриваясь въ этотъ великій образъ, легко замѣчаешъ, что въ немъ какъ бы воплотился типъ ветхозавѣтнаго грознаго Пророка Иліи, какъ будто въ послѣдніе дни земля Русская выдвинула совершеннѣйшаго своего выразителя, чтобы послѣ него перейти въ новый завѣтъ, въ новую эпоху жизни. Онъ весь — грозовая туча, несущаяся среди духовнаго мрака, облегающаго Русскую землю: „гроза близится"—послѣднія слова его. Да, это нашъ руссій пророкъ Илія; это его огненная ревность о славѣ православной Россіи; здѣсь та же *колесница Израиля и конница его.* Вотъ почему самые безсердечные противники покойнаго чувствовали это и преклонялись предъ нравственной силой его, предъ духовнымъ воодушевленіемъ его внутренней правды.

Миръ и покой душѣ твоей, отшедшій отъ насъ собратъ и учитель! Церковь не забудетъ тебя въ своихъ молитвахъ. Русское духовенство, безмолвное и молчаливое, запишетъ имя твое въ помянникахъ народа во всѣхъ концахъ земли Русской. Теперь чреда твоего тяжкаго земнаго служенія кончилась, и началось твое служеніе въ Іерусалимѣ Небесномъ. Молимъ Бога, да вознесетъ Онъ тебя въ этотъ горній Іерусалимъ, куда былъ вознесенъ на огненной колесницѣ другой преславный ревнитель—древняго Израиля, которому ты уподобился своею ревностію о благѣ земли и Церкви Русской. *Да будетъ же духъ, иже въ тебѣ, сугубъ въ насъ* (4 Цар. 2, 9).

Протоіерей А. И. Баратынскій.

Село Бурундуки, Буинскаго уѣзда.

Сороковой день о незабвенномъ И. С. Аксаковѣ.

Четыре года прошло, какъ Россія со слезами и скорбію схоронила представителя военной силы, народнаго любимца-богатыря М. Д. Скобелева. Теперь Россія лишилась подобнаго ему человѣка—патріота проявившаго себя на иномъ поприщѣ общественного

ной дѣятельности, представителя печатнаго слова, литературнаго Скобелева.

И. С. Аксаковъ тѣмъ былъ милъ Русскому народу, что былъ цѣльный, ничѣмъ *не разсыропленный* русскій человѣкъ: ни чиновъ, ни орденовъ, ни какихъ вліяній никогда не искалъ, былъ независимъ, говорилъ правду-матку всѣмъ и всюду, а наипаче князьямъ міра сего.

Иванъ Сергѣевичъ былъ представитель мыслей и чувствъ тоже не сбитыхъ еще съ толка разною чужеземщиной русскихъ людей. Для этого природа одарила его талантомъ, а судьба поставила въ то положеніе, гдѣ онъ и изливалъ энергично и краснорѣчиво завѣтныя чаянія Русскаго народа. Напрасно многіе говорятъ, что онъ *только* былъ главой славянофиловъ. Нѣтъ; подъ этой кличкой онъ представлялъ и воплощалъ въ себѣ могучую идею и вѣру въ блестящую будущность Русскаго царства. Вѣра въ его *ученіе* распространялась и укрѣплялась все болѣе и болѣе. Идея славянофильская переформировалась въ русскую, такъ-сказать расплылась, захватывая общество въ сферу своего вліянія.

Такое ученіе Ивана Сергѣевича не есть что-нибудь новое, особенное: его проповѣдь только разгоняла напускной туманъ, навѣянный извращеннымъ на чужой ладъ русскимъ духомъ. Аксаковъ очищалъ и разъяснялъ въ сознаніи народномъ дѣйствительно присущій Россіи духъ народнаго достоинства, въ связи съ вѣрой православной, въ которой онъ, какъ чисто-Русскій, былъ непоколебимъ. Онъ считалъ православіе не только вѣрой спасающей, но знаменемъ для объединенія Славянъ подъ протекторатомъ Русскаго Царя.

Временныя недоразумѣнія, въ родѣ сербо-болгарскихъ событій, онъ приписывалъ не самимъ Сербамъ и Болгарамъ, а сложившимся неблагопріятно обстоятельствамъ, тоже временнымъ, благодаря интригамъ недобросовѣстнымъ и вреднымъ, доведшимъ ихъ до братоубійственной войны, что̀ онъ и выражалъ въ своихъ знаменитыхъ статьяхъ.

Преданнѣйшій Россіи, горячій патріотъ, гуманнѣйшій человѣкъ, истинный сынъ народа, нисшедшій изъ его плоти, крови и духа, честно, нелицемѣрно вѣрноподданный самодержавнаго Царя (ибо Аксаковъ самодержавіе счилалъ русскимъ догматомъ), Царю Россіи, какъ помазаннику Божію, какъ средоточію русской силы, онъ желалъ всего того, что̀ можетъ желать родной сынъ родному

отцу. Онъ горячо ратовалъ своимъ честнымъ словомъ за то, чтобы Русскій народъ былъ съ своимъ Монархомъ въ близкомъ непрестанномъ единеніи, чтобы скорби и нужды народныя непосредственно и всецѣло доходили до престола въ своемъ настоящемъ видѣ, изъ устъ самого народа...

Всѣ эти высокія, исполненныя чести и добра качества Ивана Сергѣевича Аксакова Русскій народъ понялъ вполнѣ и долго будетъ носить въ своемъ сердцѣ. Творя память покойнаго патріота, онъ проситъ Всеблагаго Бога, устрояющаго царства и народы по своему святому провидѣнію, да направитъ Онъ сердце царево, которое въ руцѣ Божіи, на благое и полезное для—преуспѣянія и счастія своего вѣрнаго народа.

Смерть Аксакова показала воочію, ясно какъ Божій день, въ какую сторону направляются и куда идутъ мысли и чувства кореннаго Русскаго народа. Общая во всей Россіи горесть его знавшихъ и не знавшихъ лично, толпы народа, провожающія до мѣста вѣчнаго упокоенія останки своего приснаго публициста, отъ высокообразованнаго до простолюдина, свидѣтельствуютъ, что народъ понимаетъ и цѣнитъ своихъ вождей, ибо они суть плоть отъ плоти и кость отъ кости его.

Аксаковъ свою литературную дѣятельность посвятилъ Русской землѣ, развивая самосознаніе національное, укрѣпляя вѣру въ тѣ земскія силы, которыя въ критическое время спасали Россію. За свою обличительную патріотическую дѣятельность, рѣзкую и правдивую, постоянно приходилось ему терпѣть невзгоды и даже быть въ ссылкѣ, отъ чего онъ не „бѣжалъ въ Ѳарсисъ“, какъ нѣкоторые изъ русскихъ писателей, тоже получившіе за свои таланты и большой, но, къ сожалѣнію, *разсыропленный*, умъ погребальныя почести, но не въ Москвѣ и въ иномъ смыслѣ, гдѣ и какъ ихъ и подобаетъ имъ получать. Древняя Москва много въ своихъ стѣнахъ похоронила издателей газетъ, много сошло въ могилу публицистовъ, можетъ-быть даже ученѣе и образованнѣе его, но по многимъ изъ нихъ не выронила ни одной даже общественной слезы.

Похороны Аксакова есть народная демонстрація въ народно-нравственномъ смыслѣ. Вмѣстѣ съ горестію и молитвой о вѣчномъ ему блаженствѣ, Русскій народъ показалъ чрезъ это чѣмъ должны быть служители печатнаго слова—проповѣдниками и назидателями народа въ дѣлѣ вѣры, чести, правды и народности.

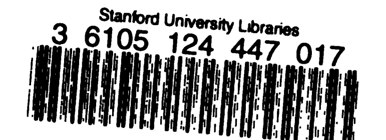
Дѣятельность въ такомъ-то духѣ и есть вся сила и вся причина популярности Аксакова. И это знамя держалъ онъ твердо до конца—покуда не палъ подъ неизбѣжной косой смерти, покрытый этимъ святымъ знаменемъ.

Единовѣріе находило въ немъ усерднаго защитника. Благодаря своему возвышенному христіанскому взгляду, онъ считалъ единовѣріе тою же Св. Апостольскою Церковью безъ ограниченія ея правъ, и въ этомъ смыслѣ въ „Руси" написаны имъ были передовыя статьи.

Вѣримъ, что духъ Аксакова не умретъ, а усугубится, ибо его идеи обитаютъ въ корнѣ народной жизни. На нихъ, какъ на гранитѣ, зиждется царство. Аксаковъ умеръ, но Аксаковскія преданія не умрутъ!

Единовѣрецъ **А. Морокинъ.**

6 февраля 1886 года.
С. Вичуга.


Stanford University Libraries
3 6105 124 447 017